

ББК 63.3
И 52

Художник Царев С.

Франсуа Гизо
История английской революции
Том 2

Ростов-на-Дону. Издательство «Феникс», 1996. - 512 с.

ISBN-85880-123-4

Л $\frac{4108110000}{4MO(03)-96}$ Без обьывл.

ББК 63.3

© Издательство «Феникс», 1996

© Оформление Царев С., 1996

1 2 3 9 5 - 5 [7 7]

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
УЧЕБНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Некрасова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КНИГА ШЕСТАЯ

(1645-1646)

Образование армии индепендентов. - Кромвель остается начальником. - Кампания 1645 г. - Опасения парламента. - Битва при Нэзби. - Парламент захватывает и обнаруживает частную переписку короля. - Падение партии роялистов на западе. - Бегство и тревоги короля. - Победы Монтроза в Шотландии. - Король старается соединиться с Монтрозом, но не успевает в этом. - Поражение Монтроза. - Пребывание короля в Ньюарке. - Возвращение его в Оксфорд и попытка возобновить переговоры с парламентом. - Отказ парламента. - Новые выборы. - Переговоры короля с ирландскими инсургентами; эти переговоры открыты. - Поражение последних роялистских отрядов. - Король бежит из Оксфорда и укрывается в лагере шотландцев.

КНИГА СЕДЬМАЯ

(1646-1647)

Опасения и интриги индепендентов. - Король в Ньюкестле. - Карл отвергает предложения парламента. - Переговоры парламента с Шотландией о выдаче короля и выступления шотландской армии из Англии. - Шотландцы соглашаются на это требование. - Короля отвозят в Гольмби. - Несогласие между парламентом и армией. - Кромвель. - Похищение короля по совету Кромвеля. - Движение армии на Лондон и обвинение одиннадцати вождей пресвитерианской партии. - Они выбывают из парламента. - Карл в Гэмптонкорте. - Переговоры армии с королем. - Волнение в Лондоне в пользу мира. - Многие члены обеих палат удаляются в армию. - Армия приводит их назад в Лондон. - Поражение пресвитериан. - Республиканцы и уравниатели. - Солдаты начинают подозревать Кромвеля. - Возмущение солдат против офицеров. - Ловкость Кромвеля. - Ужас короля. - Бегство Карла на остров Уайт.

КНИГА ВОСЬМАЯ

(1647-1649)

Собрание войск при Уэре. - Кромвель укрощает агитаторов и потом примиряется с ними. - Парламент предлагает королю четыре билля о предварительных условиях мира. - Король отвергает их и вступает в тайные переговоры с шотландцами. - Парламент решает не иметь более сношений с королем. - Общее недовольствие в королевстве и реакция в пользу короля. - Затруднительное положение индепендентов и Кромвеля. - Начало второй междуусобной войны. - Действия Ферфакса в восточных областях и в окрестностях Лондона, Кромвеля - в западных, Лэмберта - в северных областях. - Осада Кольчестера. - Шотландцы вступают в Англию. - Кромвель идет против них. - Сражения при Престоне, Уигане и Уаррингтоне. - Кромвель в Шотландии. - Пресвитериане снова усиливаются в Лондоне. - Парламент вступает в новые переговоры с королем. - Переговоры в Ньююрте. - Положение партий колеблется. - Армия повелевает взять короля с острова Уайта. - Его переводят сначала в замок Горст, потом в Уиндзор. - Последние усилия пресвитериан в его пользу. - Поход армии на Лондон. - Очищение нижней палаты. - Процесс и смерть короля. - Уничтожение королевской власти.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

I. Извлечение из протоколов совета, собранного в Оксфорде 5 декабря 1644 года

II. Песня кавалеров против Давида Лесли и шотландских войск, отозванных из Англии на помощь пресвитерианской Шотландии, побежденной Монтрозом

III. Неизданные документы и денежные, относящиеся к чрезвычайному посольству, отправленному в Лондон в январе 1649 г. генеральными штатами Соединенных Провинций, чтобы ходатайствовать перед парламентом в пользу Карла I (заимствование из голландских архивов):

1. Сокращенное изложение представления, сделанного его королевским высочеством принцем Валлийским в своем присутствии, высоким и могущественным господам генеральным штатов Соединенных Провинций, через посредство резидента короля Великобритании и проч., 23 января 1649 г.

2. Инструкции для гг. посланников их высокопочия, отправленных в Лондон в 1649 году.

3. Первая депеша гг. чрезвычайных посланников в Англии гг. генеральным штатам
4. Вторая депеша
5. Третья депеша
6. Четвертая депеша
7. Пятая депеша

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

Организация республиканского правительства. - Образование государственного совета. - Противодействие со стороны народа. - Суд и приговор над пятью роялистскими предводителями: лордами Гамильтоном, Голландом, Кэплем, Норвичем и сэром Джоном Овеном. - Казнь Гамильтона, Голланда и Кэпля. - Обнародование Eikôn Basitike. - Poleмика между роялистами и республиканцами; Мильтон и Сомез (Saumaise). - Восстание уравниателей (Niveleurs). - Лильбёрн. - Поражение их. - Суд над Лильбёрном и оправдание его. - Тирания парламента. - Возрастающее величие Кромвеля.

КНИГА ВТОРАЯ

Состояние партий в Шотландии и Ирландии. - Карл II провозглашен там королем. - Шотландские комиссары в Гаге. - Ирландская война. - Кромвель принимает в ней командование войсками. - Его жестокости и успехи. - Экспедиция Монтроза в Шотландию. - Его поражение, арест, осуждение и казнь. - Прибытие Карла II в Шотландию. - Кромвель возвращается из Ирландии и принимает команду над войсками в войне шотландской. - Опасности его положения. - Сражение при Дунбаре. - Карл II вступает в Англию. - Кромвель вступает туда же, вслед за ним. - Сражение при Уорчестере. - Бегство и заключения Карла II. - Он отплывает во Францию. - Кромвель возвращается в Лондон. - Полное торжество республики.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Впечатления, произведенные в Европе процессом и казнью Карла I. - Умерщвление Дорислауса в Гаге и Ашама в Мадриде. - Взаимное положение, принятое европейскими государствами и

Английской Республикой. - Развитие и успехи английского флота.
- Дурная внешняя политика республиканского парламента. -
Соперничество Франции и Испании в их сношениях с Англией.
- Испания признает английскую республику. - Сношения Англии
с Соединенными Провинциями (Provinces-Unies). - Английские
посланники в Гаге. - Голландские посланники в Лондоне; их
слабый успех. - Переговоры Мазарини в Лондоне. - Людовик
XIV признает английскую республику. - Война между Англией
и Соединенными Провинциями. - Блэк, Тромп и Рейтер. -
Взаимные успехи. - Внутренние последствия войны

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

- I. Де Круле. Кардиналу Мазарини
- II. Дон Алонзо де Карденья к дону Иерониму де ла Торре
- III. Людовик XIV к Кромвелю
- IV. Людовик XIV к Ферфаксу
- V. Дон Алонзо де Карденья к испанскому королю (Филиппу IV)
- VI. Дон Алонзо де Карденья к королю испанскому
- VII. Записка, представленная королю Филиппу IV лордом Контингтоном и сэром Эдуардом Гайдом, посланниками Карла II
- VIII. Первые рассуждения испанского государственного совета о требованиях посланников Карла II
- IX. Записка относительно торговли с Англией (составленная Кольбертом)
- X. Об английской республике (записка, представленная королеве Анне Австрийской и ее совету кардиналом Мазарини)
- XI. Дон Алонзо де Карденья к королю Филиппу IV
- XII. Инструкция сэру де Бордо королевскому советнику в государственном совете короля, данная при отправлении его в Англию
- XIII. Людовик XIV английскому парламенту

ИСТОРИЯ КАРЛА ПЕРВОГО С ВОСШЕСТВИЯ ЕГО НА ПРЕСТОЛ И ДО СМЕРТИ

КНИГА ШЕСТАЯ

Образование армии индепендентов. - Кромвель остается начальником. - Кампания 1645 г. - Опасения парламента. - Битва при Нэзби. - Парламент захватывает и обнародует частную переписку короля. - Падение партии роялистов на западе. - Бегство и тревоги короля. - Победы Монтроза в Шотландии. - Король старается соединиться с Монтрозом, но не успевает в этом. - Поражение Монтроза. - Пребывание короля в Ньюарке. - Возвращение его в Оксфорд и попытка возобновить переговоры с парламентом. - Отказ парламента. - Новые выборы. - Переговоры короля с ирландскими инсургентами; эти переговоры открыты. - Поражение последних роялистских отрядов. - Король бежит из Оксфорда и укрывается в лагере шотландцев.

1645-1646 гг.

Едва Эссекс и Манчестер успели подать в отставку, как Ферфакс оставил Лондон (3 апреля) и, основав в Виндзоре главную свою квартиру, немедленно приступил к соединению их армий в одно целое под своим начальством. Говорили, что эта важная операция встретит сильное противодействие. Кромвель, которого касался наравне с Манчестером и Эссексом билль о самоотречении, отвергал эти опасения, уверяя, что "его солдаты привыкли быть в походе или стоять на месте, сражаться или класть оружие - как прикажет парламент". Но обошлось, однако, без восстаний, особенно в Ридинге, где стояло пять пехотных полков Эссекса, и в графстве Гертфордском, где были расположены восемь эскадронов его же кавалерии, под начальством

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

полковника Дальбьера (Dalbier). Присутствие Скиппона, назначенного генерал-майором новой армии, его суровое, но симпатичное красноречие успокоило волнение в Ридинге (6 апреля). Но не так легко было усмирить солдат Дальбьера; в Лондоне даже прошел слух, что они хотят идти к Оксфорду; по поводу чего желчный и вспыльчивый Сент-Джон писал к вождям партий Гертфордского графства, что на мятежников следует внезапно напасть вооруженной силой. Наконец, уступив убеждениям некоторых офицеров, уже получивших отставку, и самого Эссекса, Дальбьер покорился и прибыл в главную квартиру. Но, говоря вообще, солдаты мало обнаруживали недовольство своим новым положением и без труда подчинялись новым начальникам. Парламент выдал им жалованье за две недели и назначил в продажу секвестрованные имения нескольких преступников для удовлетворения самым настоятельным требованиям. Солдаты Кромвеля также возмутились, несмотря на его обещания, и объявили, что хотят служить только под его начальством; один Кромвель мог возвратить их к своему долгу. При первом известии об этом возмущении он отправился на место, чтобы оказать, как говорил он, палатам последнюю услугу перед сложением своего звания. 20 апреля главная операция была почти окончена; все новые отряды организовались без затруднений; волнения продолжались только в Лондоне, куда стекались все уволенные офицеры частью в видах исходатайствования себе недоплаченных денег, частью в ожидании последующих событий¹.

В Оксфорде король и двор были исполнены надежд. После разрыва переговоров в Уксбридже, несмотря на блестящие известия из Шотландии, король чувствовал некоторое беспокойство. Мало заботясь о мире, он желал, однако, чтобы миролюбивая партия преобладала в Вестминстере; поражение ее заставило его на минуту призаду-

¹ Mémoires de Hollis. C.45-51, в Collection г. Гизо. - Rushworth. Ч.4. - T.I. - C.17.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

маться. Тогда он решился расстаться с сыном своим Карлом, принцем Валлийским, пятнадцатилетним юношей, и отправить его, с титулом генералиссимуса, в западные графства - для того ли, чтобы дать этим, столь преданным ему графствам, вождя, способного еще более оживить их привязанность, или чтобы разрознить опасности, угрожавшие королевской власти. Гайд и лорды Кэпль (Capel) и Кольнеппер должны были, по поручению короля, сопровождать принца и действовать его именем. Мысли короля были в это время до того печальны, что он часто разговаривал с Гайдом о том, что будет, если он сам попадет в руки мятежников, и поручил лорду Дигби вывести от него косвенным образом, решится ли он, в случае нужды, без приказаний и даже в противность явным приказаниям, увести принца из Англии и проводить его на континент. "Подобные вопросы, - отвечал Гайд, - решаются только в минуту необходимости". 4 марта принц и его советники простились с королем, с которым уже не суждено было им свидеться¹. Но через месяц, когда в Оксфорде узнали о препятствиях, встретившихся при преобразовании парламентской армии, о восстании в полках, об отставке лучших офицеров, уверенность и веселость снова появились между роялистами. Вскоре они стали отзываться не иначе как с язвительным презрением об этом сброде проповедующих поселян и ремесленников, до того одуревших, что они прогнали генералов, имя и искусство которых служили верным ручательством их силы, и остаются теперь при вождях столь же неизвестных и неопытных в войне, как и они сами. Каждое утро слышались песни, шутки, каламбуры, направленные против парламента и его защитников. Король, несмотря на свою степенность, увлекался этими легкими доводами²; сверх того, он

¹ Clarendon, Mémoires. T.I. - С.257-266, в Collection г. Гизо и проч.
- Hist. of the rebell. T.VII. - С.321-326.

² May. Hist. du Long Parl. T.II. - С.302, в Collection г. Гизо и проч.
- Mémoires de Ludlow. T.I. - С.172, там же.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

питал тайные надежды, произведенные интригами, о которых ничего не знали самые близкие к нему люди.

В конце апреля Ферфакс объявил, что через несколько дней он откроет кампанию. Кромвель прибыл в Виндзор поцеловать, как говорил он, руку генерала и подать ему свою отставку. Когда он вошел в кабинет, Ферфакс сказал ему: «Я только что получил от комитета двух королевств приказ, касающийся вас. Немедля ни минуты, возьмите несколько эскадронов и станьте на дороге из Оксфорда в Уорчестер, чтобы разорвать сообщения принца Роберта с королем»¹. В тот же вечер Кромвель отправился в путь и в течение пяти суток, прежде чем успел выступить какой-либо другой корпус новой армии, разбил роялистов в трех сражениях², занял местечко Блечингтон (24 апреля) и уведомил палаты о своих успехах³. «Кто доставит мне этого Кромвеля, живого или мертвого?» - вскричал король, между тем⁴ как в Лондоне поздравляли друг друга с тем, что Кромвель еще не подал в отставку.

Не прошло недели, как парламент уже решил не давать ему отставки. Кампания началась (30 апреля). Карл выступил из Оксфорда (7 мая), соединился с принцем Робертом и быстро подвигался к северу, с целью заставить снять осаду Честера или чтобы вступить в сражение с шотландской армией и на этой стороне возратить свои прежние выгоды. В случае удачи, он мог, по усмотрению, грозить восточным или южным областям, и Ферфакс, ушедший на запад, для освобождения важного пункта Таунтона, тесно обложенного принцем Валлийским, не мог остановить его движения вперед. Ферфакс был отозван

Springg. Anglia rediiva. C.10 (Лондон, 1647). - Rushworth. Ч.4. - Г.1. - С.23.

24 апреля при Эйслипбридже, 26 при Уитней, 27 при Бэнтон-буше.

Parl. Hist. Т. III. - 359. - Rushworth. Ч.4. - Т. I. - С.24.

Banks. A critical Rewiew, etc. С.23.

(6 мая), и в это время один Кромвель был в состоянии следить за движениями короля. Он получил повеление продолжать службу, несмотря на биль, еще в течение сорока дней (10 мая)¹. Сэр Уильям Брертон, сэр Томас Мидльтон и сэр Джон Прейс (Price), люди известные своими военными заслугами и члены нижней палаты, получили подобное же повеление², может быть, по той же причине, или чтобы показать, что исключение делается не для одного Кромвеля.

Ферфакс поспешно воротился; король продолжал свой поход к северу. В Лондоне, неизвестно почему, опасения несколько утихли. Армия роялистов не прикрывала уже Оксфорда, бывшего постоянным театром войны в центре королевства. Парламенту казалось, что у него есть надежные связи в этом городе, и Ферфаксу приказано было обложить его³. Если бы он им завладел, успех был бы громадный. В случае продолжительной осады он имел полную возможность подавать оттуда немедленную помощь всем местам, которым мог угрожать король. Кромвель соединился с ним перед Оксфордом.

Едва последовало это соединение, как в Лондоне снова начались тревоги, и гораздо с большей силой, чем прежде. Ежедневно приходили дурные вести с севера; шотландская армия, вместо того чтобы идти навстречу королю и удержать его или сразиться с ним, отступила к границам Шотландии. Одни говорили, что это сделано ею по необходимости и с целью поставить себя в возможность противодействовать быстрым успехам Монтроза в этом королевстве; другие же приписывали это недовольству, происходившему от того, что палаты не соглашаются

¹ Parl. Hist. T.III. - col. 361. - Mémoires de Hollis. C.51. - White-locke. C.140.

² Там же.

³ 17 мая; осада началась 22. Rushworth. Ч.4. - T.I. - C.33. - Parl. Hist. T.III. - 364, 369-373. - Journals of the House of Lords.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

нести на себе иго пресвитериан и иноземцев¹. Как бы то ни было, но, по милости этого отступления, королю не было надобности даже подходить к стенам Честера, чтобы освободить его от блокады. Успокоившись насчет этого места, которое обеспечивало ему сношения с Ирландией, он двинулся на восток к соединенным графствам, служившим доселе оградой и опорным пунктом для парламента. Надобно было спасти их во что бы то ни стало от этого вторжения короля. Никто не мог успеть в этом случае лучше Кромвеля, потому что влияние его там было сильно: там возникла его армия, там начались его подвиги. Он получил повеление немедленно двинуться к Кембриджу и взять на себя защиту конфедерации².

Скоро более вопиющие опасности заставили отозвать его. Через восемь дней после его выступления узнали, что король взял штурмом богатый город Лейчестер (1 июня), а на западе Таунтон, освобожденный отрядом ферфаксовой армии, снова находится в тесной осаде³. Это поразило всех; пресвитериане торжествовали. "Вот, - говорили они, - плоды этого преобразования, о котором так много кричали. С тех пор, как оно сделано, что мы видим? - одни промахи да неудачи. Король в один день отнимает у нас самые лучшие крепости, а ваш генерал стоит перед Оксфордом, вероятно, в ожидании, что придворные дамы испугаются и отворят ему ворота"⁴. Вместо ответа верхней палате было представлено прошение муниципального совета (5 июня)⁵; все зло приписывалось бездействию шотландцев, промедлению в наборе армии и притязанию палат распоряжаться издали военными действиями; в заключение, требовалось: предоставить генералу

¹ Old Parl. Hist. T.XIII. - C.474, 488.

² Rushworth. Ч.4. T.I. C.35. - May. Hist. du Long Parl. T.II. - C.305. - Mémoires de Hollis, C.51.

³ Whitelocke. C.144.

⁴ Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - C.50.

⁵ Parl. Hist. T.III. - 365.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

более свободы, шотландцам сделать более серьезные внушения, Кромвелю вручить прежнюю команду в армии. В то же время (5 июня) Ферфакс получил приказание снять осаду Оксфорда, отыскать короля и сразиться с ним во что бы то ни стало. Выступая в поход, он писал палатам, прося также, со своей стороны, чтобы ему прислали Кромвеля, необходимого, по словам его, для командования кавалерией; шестнадцать полковников подписали письмо¹. Лорды медлили с ответом; но нижняя палата не заставила ждать себя ни минуты, и данное ею согласие было сочтено достаточным. Ферфакс тотчас же уведомил Кромвеля (11 июня)². Все отряды войска шли усиленным маршем, и 12 июня несколько парламентских рейтаров, высланных для рекогносцировки, несколько на запад от Нортгэмптона, столкнулись с отрядом королевской армии.

Король был далек от мысли о близости неприятелей. Узнав об осаде Оксфорда и уступая просьбам испугавшегося двора, умолявшего его возвратиться³, он отказался от экспедиции в северные и восточные графства и пошел освобождать от осады свою главную квартиру. Уверенность его была еще крепка: новая победа, одержанная Монтрозом⁴, еще более ободрила его. "С самого начала мятежа, - писал он королеве 9 июня⁵, - дела мои никогда еще не шли так хорошо, как теперь". Поэтому он вовсе не думал торопиться, во время похода останавливался в тех местностях, которые ему нравились, проводил по целым дням на охоте и предоставлял почти такую же свободу и своим кавалерам, еще более беспечным, чем он⁶. При первом

¹ Parl. Hist. T.III. col. 368.

² Rushworth. Ч.4. - T.I. - С.39.

³ Мемуары короля Иакова II. - T.I. - С.37 в Collection г. Гизо и пр.

⁴ При Адлёрне (Audleam), в графстве Нэрн (Naim), на севере Шотландии, 4 мая 1645.

⁵ Mémoires de Ludlow. T.I. - С.410, в Collection г. Гизо и пр.

⁶ Rushworth. Ч.4. - T.I. - С.40. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - С.51.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

слухе о появлении парламентских войск он отступил к Лейчестеру, чтобы там собрать свои войска и обождать те полки, которые должны были подойти или из Валлиса, или из западных графств. На другой день (13 июня 1645), в час ужина, он был беззаботен по-прежнему и не думал о сражении¹. Вдруг доносят ему, что парламентские эскадроны тревожат его арьергард. Уже несколько часов Кромвель находился при армии². Созвали военный совет, и около полуночи, несмотря на представления многих офицеров, которые настаивали на необходимости выждать подкрепления, принц Роберт поставил на своем, и решено было тотчас же воротиться назад и идти навстречу неприятелю³.

Войска встретились на следующее утро (14 июня 1645) на равнине Нэзби (Naseby), на северо-запад от Нортэмптона. С рассветом королевская армия расположилась в боевом порядке на небольшом возвышении, представлявшем выгодную позицию. Лазутчики, посланные для собрания сведений о парламентских войсках, возвратились через два часа с известием, что неприятельской армии не видно. Нетерпеливый Роберт с несколькими эскадронами отправился на поиски. Условлено было, что королевская армия будет оставаться неподвижной до его возвращения. Не успел он сделать полмили, как показался неприятельский авангард, шедший навстречу кавалерам. В пылу горячности принцу показалось, что неприятель ретируется, и он продолжал наступать, известив короля, чтобы тот как можно скорее поспешил соединиться с ним, чтобы не дать уйти неприятелю. В десятом часу прибыли роялисты, несколько утомленные усиленным переходом, и

¹ Memoirs of sir John Elevelyn. T.II. Appendix, - C.97, в письме короля к государственному секретарю Никольсу. от 13 июня.

² Rushworth. Ч.4. - T.I. - C.41. - May. Hist. du Long Parl. T.II. - C.307.

³ Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - C.53.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

Роберт, командуя кавалерией правого фланга, стремительно напал на левое крыло парламентской армии, бывшее под предводительством Эйртона, впоследствии зятя Кромвеля (15 января 1647). Почти в то же время Кромвель, эскадрон которого стоял на правом крыле, напал на левое крыло королевской армии, составленной из кавалеров северных графств под начальством Мармадиука Лангдэля (Marmaduke Langdale). Спустя несколько минут введены были в дело обе пехоты, составлявшие центр, из которых одной предводительствовали Ферфакс и Скиппон, а другой сам король. Еще не было дела, которое бы так быстро сделалось общим и где бы сражались с таким ожесточением. Силы противников были почти равны; военным кликом кавалеров, упоенных самоуверенностью, было: "Королева Мария"; парламентские солдаты, крепкие в вере, шли возглашая: "С нами Бог!" Первый натиск принца Роберта был, по обыкновению, удачен. После жаркой свалки эскадроны Эйртона были разорваны и сам Эйртон, раненный в ногу копьем, с разбитым плечом попал было в руки кавалеров. Но между тем как Роберт, более и более увлекаясь, преследовал неприятеля до самых обозов, хорошо защищенных артиллеристами, и, подстрекаемый надеждою добычи, терял время в нападениях на эти обозы, Кромвель, владея самим собою и другими, как при Марстон-Муре, прорвал эскадроны Лангдэля и, предоставив двоим из своих офицеров препятствовать их соединению, поспешил возвратиться на поле сражения, где дрались обе пехоты. Здесь происходила самая жаркая и кровопролитная битва. Парламентские войска, атакованные лично королем, сначала не выдержали натиска и пришли в величайшее расстройство. Скиппон был опасно ранен; Ферфакс убеждал его удалиться. "Нет, - сказал он, - пока хоть один человек держится, я останусь здесь", - и отдал приказание своему резерву выступать вперед. Сабельным ударом сшибло каску с Ферфакса. Чарльз Доили (Charles Doyley), полковник его гвардии,

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

видя, что он носится по полю сражения с открытой головой, предложил ему свою каску. "Не нужно, Чарльз, я и без нее обойдусь", - сказал Ферфакс и, указывая на отряд королевской пехоты, которого никакими усилиями не могли одолеть, спросил: "Так эти молодцы неприступны? Вы пробовали их?" - "Два раза, генерал, но все безуспешно". - "Хорошо! Бейте же их в голову, я в хвост, и мы сойдемся на середине". И они действительно сошлись, разорвав неприятельские ряды. Ферфакс собственноручно убил знаменосца и передал знамя одному из своих; тот стал хвастаться этим, как подвигом своей личной храбрости. Дойли, заметив это, рассердился. "Оставьте его, - сказал Ферфакс, проходя мимо, - у меня довольно славы, и я охотно дарю ему эту честь". В свою очередь, роялисты уже отступали на всех пунктах, когда явился Кромвель со своими победоносными эскадронами. Тогда король, с отчаянием в душе, стал во главе полка гвардии, единственного резерва, который у него оставался, и готовился атаковать этого нового врага. Уже был отдан приказ и полк двинулся, как граф Кэрнварт (Carnewarth), шотландец, скакавший подле короля, схватив лошадь его под уздцы, закричал с проклятием: "Вы хотите, чтобы вас убили!" - и быстро повернул ее вправо. Ближайшие к королю кавалеры безотчетно сделали то же, за ними прочие, и в одно мгновение весь полк обратил тыл к неприятелю. Изумление сменилось ужасом; все рассеялось по равнине: одни обратились в бегство, другие бросились вслед, чтобы удержать бегущих. Напрасно Карл, находившийся в толпе офицеров, кричал им: "Стой! стой!". Смятение уменьшилось только при виде принца Роберта, возвращавшегося, наконец, на поле битвы со своими эскадронами. Тогда образовался около короля довольно значительный корпус, но это был корпус нестройный, состоявший из кавалеров измученных, смущенных, упавших духом. Со шпагой в руках, со сверкающим взором, с отчаянием, выражавшимся во всех чертах лица, Карл дважды кидался вперед,

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

крича изо всех сил: "Господа! Еще один удар - и день наш!" Никто не трогался с места: пехота, теснимая со всех сторон, была совершенно разбита и большая часть ее была в плену. Надо было спастись бегством, и король с двумя тысячами всадников бросился по направлению к Лейчестеру, оставив в руках парламента артиллерию, военные припасы, более ста знамен, свое собственное знамя, пять тысяч пленных и все свои кабинетные бумаги¹.

Победа превзошла самые смелые ожидания. Ферфакс спешил уведомить обо всем палаты, сохраняя в письме спокойный и простой тон, без всяких политических намеков и советов. Кромвель тоже писал, но к одной нижней палате, так как он от нее одной получил свое назначение. Письмо его оканчивалось такими словами: "Во всем этом виден перст Божий; ему одному нераздельно принадлежит победа. Генерал служил вам верно и честно. Все относит он к воле Божией и скорее умрет, чем припишет что-нибудь лично себе, - вот высшая похвала, которую я могу воздать ему! Но что касается до храбрости, то ему можно приписать в этом деле все, что только возможно для человека. Добрые люди (он разумел под этим энтузиастов-индепендентов) служили вам верно; они исполнены доверия. Богом умоляю вас не ронять их дух. Желаю, чтобы эта битва породила смирение и благодарность в сердце всех, кто имеет в ней какую-нибудь долю. Желаю, чтобы тот, кто жертвует своей жизнью для спасения родины, мог положиться на Бога относительно свободы своей совести и на вас относительно той свободы, во имя которой он сражается²".

Некоторые обиделись, что подчиненный генерала, слуга парламента, как они говорили, берет на себя разда-

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.1. - С.42-44. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - С.54-58. - Whitelocke. С.145. - May. Hist. du Long Parl. T.II. - С.305-309.

² Rushworth. Ч.4. - Т.1. - С.45-46.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

вать им таким тоном похвалы и советы; но их неудовольствие было заглушено всеобщим восторгом, и в день получения его письма в Лондоне сами лорды подали мнение продолжить его командование еще на три месяца (16 июня)¹.

В то же время они единогласно решили, что должно воспользоваться победою и сделать королю благоразумные предложения²; шотландские комиссары высказали то же желание³; но победители были далеко не таких мыслей. Вместо ответа, нижняя палата потребовала (30 июня) созыва всех граждан в Гильдгалле, чтобы выслушать чтение бумаг, найденных в королевском обозе, особенно его писем к королеве, и лично убедиться, насколько можно впредь иметь доверия к переговорам. Ферфакс не решался вскрыть бумаг, но Кромвель и Эйртон поспешили рассеять его сомнения, а палата и не думала разделять их. Они были прочитаны (3 июля)⁴ при огромном стечении народа и произвели на всех страшное впечатление. Очевидно было, что король никогда не хотел мира; что ни одна уступка не была в его глазах решительной, ни одно обвинение - обязательным; что, в сущности, он рассчитывал только на силу и никогда не оставлял притязаний на неограниченную власть; наконец, что, несмотря на все свои торжественные, тысячу раз повторяемые уверения, он обращался к королю французскому, к герцогу лотарингскому, ко всем государям европейским, не задумываясь ввести в королевство чужих солдат. Самое название "парламента", которое он недавно дал палатам, чтобы сделать возможными ук-эбриджские конференции, было, с его стороны, чистым обманом, потому что, давши его, он секретно протестовал против своего официального действия и приказал занести свой протест в протоколы государственного совета в

Parl. Hist. T.III. - col. 374.

20 июня. Там же, col. 375.

28 июля. Там же, col. 389.

Parl. Hist. T.III. - col. 377. - May. Hist. du Long Parl. T.II. - 2310-312.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

Оксфорде¹. Всех граждан допускали убеждаться собственными глазами, что письма были писаны рукою короля², и парламент, после собрания в Гильдгалле, велел их напечатать и издать³.

Негодование всюду было одинаковое, и поборники мира должны были замолчать. Напрасно некоторые пытались восстать против обнародования писем, которое они называли наглым нарушением семейных тайн. Они спрашивали: можно ли еще верить в добросовестность этого издания? Разве нельзя предположить, что многие письма искажены, другие исключены вовсе⁴. Они намекали, что и в палатах "иные" действовали не с большей искренностью и также не хотели мира; но никакие объяснения, никакие оправдания не принимаются народом, когда он узнает, что его хотели обмануть. Притом, хотя бы все это и было справедливо, все же вероломство короля было очевидно; а для заключения мира необходимо было иметь возможность положиться на него. С тех пор уже ни о чем не го-

¹ Письма короля к королеве, от 2 и 9 января, 15 и 19 февраля, 5, 13 и 30 марта 1645 года, приложенные к мемуарам Лудло. Т.I. - С.390, 394, 396, 397, 399, 407, в Collection г. Гизо и пр. Sir John Elevelyn's memoirs прибавления. Т.II. - С.90. - См. в конце тома раздел «Исторические документы».

² May. Hist. du Long Parl. Т.II. - С.310.

³ Под следующим заглавием: Открытый портфель короля, или некоторые письма и секретные бумаги, писанные рукою короля и захваченные на поле битвы при Нэзби, 14 июня 1645 г., победоносным сэром Томасом Ферфаксом, которыми разоблачаются многие государственные тайны, вполне оправдывающие дело, ради которого сэр Томас Ферфакс дал сражение в этот достопамятный день; с примечаниями.

⁴ Король никогда не отрицал подлинности этих писем; он даже признает ее формально в письме к сэру Эдуарду Никольсу, писанном от 4 августа 1645 г., то есть через несколько недель после выхода их в свет (Sir John Elevelyn's Memoirs, прибавление, Т.II. - С.101); текст, обнародованный парламентом в 1645 году, совершенно согласен с текстом писем, помещенных в творениях Карла I, напечатанных в Лондоне, у Ройстона, в 1660 г.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

ворили, как только о войне; спешили с набором войска, со взносом налогов, с продажей имущества осужденных; все корпуса получили жалованье, все значительные крепости снабжены были военными припасами¹. Шотландцы согласились наконец двинуться внутрь королевства², и Ферфакс, которому таким образом не оставалось даже преследовать никаких беглецов, не замедлил выступить в поход (20 июня 1645), чтобы возобновить экспедицию в западные графства, от которой его отвлекла осада Оксфорда.

Все изменилось в этих графствах, бывших доселе оплотом королевского дела, не потому, чтобы народное мнение склонилось на сторону парламента, но оно уже перестало держаться и на стороне короля. У него еще было там несколько корпусов и почти все крепости; но войну вели уже не прежние люди, рассудительные, пользовавшиеся уважением, популярностью, как, например, маркиз Гертфорд, сэр Бевиль Гринвиль (Bevil Greenville), Гоптон, Тревэннийон (Trevannion), Слэннинг (Slanning), бескорыстные приверженцы короны: одни умерли, другие бросили службу или были удалены по проискам двора и принесены в жертву малодушием короля. На их место заступили два интригана: лорд Горинг и сэр Ричард Гринвиль: один самый развратный, другой самый алчный из кавалеров. Никакое убеждение, никакое чувство не привязывало их к королевскому делу. Сражаясь за него, они имели в виду удовлетворение своим алчным страстям, уничтожение своих врагов, личную месть, удовольствия, обогащение. Горинг был храбр, любим своими солдатами; на поле битвы в нем не было недостатка в способностях и энергии, но ничто не могло сравниться с его беспечностью, с возмутительной наглостью его поведения и речей. Даже опасно было положиться на его честь: раз он уже

¹ Parl. Hist. T.III. - 377.

² 2 июля 1645. Old Parl. Hist. T.XIV. - C.6.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

изменил королю¹, потом парламенту² и казался всегда готовым на новую измену³. Сэр Ричард Гринвиль, хотя не столь безнравственный и более влиятельный на местное дворянство, был человек жестокий, жадный, и если не сомнительной храбрости, то по крайней мере, и не очень отважный. Все время проводил он в сборе контрибуций для войск, которых не формировал, или для предприятий, которых даже и не начинал. Вместе с начальниками изменилась и армия: ее уже не составляли люди, ратовавшие за свои привязанности и интересы: это не была партия - легкомысленная, но, по крайней мере, прямодушная - вольнолюбивая, но преданная; это был сброд негодяев, совершенно равнодушных даже к своему делу, которые день и ночь предавались самым вопиющим беспорядкам и своими пороками приводили в негодование страну, разоренную их грабительством. Принц Валлийский или, вернее, его совет, поставленный в необходимость употреблять подобных людей, истощался в напрасных усилиях удовлетворить или обуздать их, то защищая от них народ, то призывая его под их знамена⁴.

Но народ уже не отвечал на эти призывы; вскоре он пошел дальше. Поселяне тысячами стали соединяться между собою под именем клубменов (clubmen) и ходить с оружием по всей местности. Они не имели намерения пристать к той или другой партии и не объявляли себя сторонниками парламента; им хотелось только отклонить от своих сел и полей опустошение войны, и они нападали на всякого, кто подавал им повод бояться себя, не заботясь о том, кто он. Уже в предшествовавшем году в графствах Уорчестер и Дорсет образовалось несколько

¹ В 1641 году, во время первого заговора армии против парламента. См. Т. I этого сочинения - Кн. 3.

² В августе 1642, в начале междоусобной войны, сдав королю Портсмут, губернатором которого назначил его парламент.

³ Clarendon. Hist. of the rebell. T. VIII. - С. 129-134.

⁴ Там же. С. 60-69, 73-75, и пр.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

таких шаек, возбужденных неистовствами принца Роберта. В марте 1645 г. эти клобмены в западных графствах представляли постоянный, правильно организованный союз, поддерживаемый и даже руководимый дворянами, из которых иные служили в королевской армии. Этот союз неусыпно заботился об охране имущества, личной безопасности, о восстановлении порядка и мира. Клобмены вступали в переговоры с войсками и гарнизонами обеих партий, брали на себя доставление им съестных припасов, с условием, чтобы они ничего не отнимали вооруженной рукой; иногда даже не давали им драться и на своих деревенских знаменах написали слова:

If you offer to plunder our cattle,
Be assur'd we will give you battle¹.

Коль нашу грабить станете скотинку,
То знайте, что и мы возьмемся за дубинку.

Пока роялисты преобладали на западе, клобмены восставали против них вместе с парламентскими войсками, к которым, казалось, они не прочь были пристать. То они грозили пожаром всякому, кто откажется от союза с ними для истребления кавалеров², то приглашали Мэсси (Massey), командовавшего именем парламента в графстве Уорстер, идти с ними осаждать Гирфорд, откуда кавалеры беспокоили страну³. 2 июня в Уэльзе (Wells) шесть тысяч клобменов подали жалобу принцу Валлийскому на грабительства Горинга и, несмотря на приказание принца, не хотели разойтись⁴. В начале июля Ферфакс победителем прибыл на запад, и уstraшенные кавалеры перестали

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. C.69. - Письмо Ферфакса к комитету двух королевств (13 июля 1645). - Parl. Hist. T.III. - col. 380. Neal, Hist of the Purit. T.III. - C.90.

² Whitelocke. C.131.

³ Там же. C.133, 135.

⁴ Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - C.69.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

безнаказанно опустошать села; клобмены тотчас же обратились против Ферфакса и его солдат¹. Но у Ферфакса было хорошее войско, достаточно обеспеченное относительно жалованья и продовольствия, войско, в котором энтузиазм и дисциплина взаимно поддерживали друг друга. Он обошелся с клобменами кротко, вступил в переговоры с ними, несколько раз лично присутствовал на их сходках, обещал им мир и деятельно продолжал вести войну. В несколько дней кампания была решена. Горинг, застигнутый врасплох, был разбит (10 июля 1645) при Лэнгпорте, в графстве Сомерсет. Остатки войска его разбрелись куда попало. Сэр Ричард Гринвиль отослал принцу Валлийскому свой фельдмаршальский патент, нагло жалуясь, что его заставили вести войну за свой счет². Через три недели по прибытии Ферфакса, роялисты, которые недавно еще как властелины обходили запад, были теперь почти все заперты в крепостях, которые Ферфакс намеревался осаждать.

Между тем все спрашивали, что же делает король? Где он? Многие ничего не знали об этом. После поражения при Нэзби он перебегал из города в город, останавливаясь только на несколько часов для отдыха и направляясь то к северу, то к западу для соединения с Монтрозом или Горингом, смотря по тому, что ему подсказывали страх или надежда. Прибыв в Гирфорд, он, наконец, решился идти в Валлис, где надеялся набрать сколько-нибудь пехоты. Послал принца Роберта в Бристоль, сам же отправился в замок Раглэнд к маркизу Уорстеру, главе католической партии, одному из богатейших вельмож Англии. Тайные намерения, осуществлению которых могли содействовать одни католики, объясняли это предпочтение. В продолжение трех лет маркиз доказывал королю

¹ Parl. Hist. T.III. - 380-386. - May. Hist. du Long Parl. T.II. - C.312, 409-418; в Collection г. Гизо и пр.

² Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - C.78-83.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

постоянную преданность: он ссудил его 100 000 фунтами стерлингов, сформировал за свой счет два корпуса под предводительством сына своего, лорда Герберта, графа Глеморганского, и, невзирая на свои преклонные лета и недуги, сам командовал в своем замке сильным гарнизоном. Он принял короля с почтительной пышностью, созвал окрестное дворянство, забавлял его охотой, празднествами, почетом и удовольствиями, напоминавшими двор. Король-беглец вздохнул на минуту, как бы возвращенный в свое естественное положение, и, забыв о своих несчастьях, о своих опасностях, о своем государстве, более пятнадцати дней беспечно предавался наслаждениям, соединенным с королевским саном¹.

Наконец, слухи о неудачах на западе пробудили его из этого апатического самообольщения. В то же время он узнал, что на севере шотландцы взяли Карлейль (28 июня) и идут на юг, чтобы осаждать Гирфорд. Он оставил Раглэнд и пошел на помощь Горингу; но едва достиг берегов Северны, как уже его смутило плохое состояние новонабранного войска, раздоры между офицерами и тысячи других непредвиденных затруднений, и он снова возвратился в Валлис. Находясь в Кардиффе и не зная на что решиться, он получает письмо, писанное Робертом к графу Ричмонду, с тем, чтобы тот показал его королю. Принц считал все потерянным и советовал во что бы то ни стало заключить мир. Но когда угрожала опасность чести Карла, он находил в себе ту энергию, которой у него не доставало в других случаях. Он тотчас же отвечал своему племяннику (от 3 августа): "Если бы я вел войну не в защиту своей религии, короны и друзей своих, вы были бы вполне правы. Как государственный человек, как солдат, я согласен, что одна погибель моя вероятна; но как христианин я должен сказать вам, что Бог не попус-

¹ Walker's Discourses. C.132. - Clarendon. Hist. of the rehell. T.VIII. - C. 59, 90.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

тит торжествовать мятежникам и погубить его святое дело. Каким бы наказанием ему ни благоугодно было испытать меня, ничто не заставит меня раскаяться, а тем более отступить от этой борьбы. Без всяких обиняков предупреждаю друзей моих: кто теперь остается со мною, тот должен иметь в виду и решиться или умереть за правое дело, или, что еще хуже, жить, поддерживая его, хотя в самом жалком положении, в какое только могут поставить его дерзкие мятежники. Ради Бога, не будем обольщаться пустыми химерами. Верьте мне: одна мысль, что вы желаете вступить в переговоры, ускорит мою гибель"¹. Чтобы ободрить свою упавшую духом партию, он призвал на помощь все свое мужество и немедленно оставил Валис. Незамеченный шотландской армией, стоявшей лагерем уже под стенами Гирфорда, он быстро прошел графства Шроп, Стаффорд, Дерби, Ноттингем и, прибыв в графство Йорк, созвал в Донкэстере всех верных ему кавалеров северной части, дабы убедить их идти с ним на соединение с Монтрозом, верным, как они, и до сих пор все еще победоносным².

Кавалеры поспешно стали собираться на этот призыв. Присутствие короля, так долго гостившего у них, возбудило в графстве живой энтузиазм. Стали говорить о формировании целого корпуса инфантерии; незадолго перед тем принуждены были сдать, за недостатком провианта, две крепости, Понтефракт и Скарборо (Scarborough); солдаты гарнизонов были свободны; в течение трех дней около трех тысяч человек явилось к королю с предложением услуг, обещаясь в двадцать четыре часа быть готовыми к походу по первому приказанию. Оставалось только дожидаться письма от Монтроза, чтобы знать, отыскивать ли его в Шотландии или назначить ему сборный пункт в Англии. Вдруг получают известие, что Давид

¹ Walker's Discourses. C.90-97.

² Там же. C.114. - Walker. C.134, 135.

СТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

Лесли (Lesley) с шотландской кавалерией оставил осаду Гирфорда и находится уже в Ротергаме (Rotherham), в четырех лье от Донкэстера, повсюду отыскивая короля. Поражение при Нэзби безвозвратно расстроило воображение роялистов; их мужество уже не могло устоять против приближения опасности. Многие оставили Донкэстер; вновь туда никто не шел. По мнению людей самых отважных, попытка соединиться с Монтрозом была теперь уже невозможна, надо было думать только о спасении короля. Он удалился в сопровождении 1500 всадников, беспрепятственно проехал через центральную часть королевства, даже разбил дорогою несколько парламентских отрядов и снова вступил в Оксфорд 29 августа, не зная, что ему делать с этим малым остатком сил¹.

Он находился там два дня, когда к нему пришло известие о новых блистательных успехах Монтроза в Шотландии. Уже дело короля торжествовало не в одних северных областях и между горцами: Монтроз зашел на юг, в низменные области, и 15 августа, при Кильсите (Kilsyth), недалеко от развалин большой римской стены, одержал седьмую и блистательную из своих побед над ковенантерами, под начальством Бэлли (Baillie). Неприятельская армия была уничтожена; все собственные города: Босуэль (Bothwell), Глазго (Glasgow) и даже Эдинбург отворили ворота победителю; все роялисты, заключенные в темницы шотландским парламентом, были освобождены. Люди робкие, как маркиз Дуглас, графы Аннендэль и Линлитго (Linlithgow), лорды Ситон (Seaton), Друммонд (Drummond), Эрскайн (Erskine), Керниджи (Carnegie) проч., выжидавшие успеха, чтобы явно пристать к той или другой стороне, спешили теперь опередить друг друга, боясь опоздать. Парламентские вожди бежали со всех сторон одни в Англию, другие в Ирландию². Наконец, кавалерия шотландской армии, осаждав-

¹ Walker. С.135, 136. - Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.116.

² Там же. С.230. - Guthry, Memoirs, etc. С.189 и след.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

шая Гирфорд, была поспешно отозвана, под начальством Давида Лесли на помощь отечеству. Некоторые даже говорили, что когда Лесли показался недавно в окрестностях Донкэстера, он вовсе не думал сражаться с королем, а шел в Шотландию, и страх был совершенно напрасный¹.

Оживленный этими славными вестями, Карл тотчас же выступил из Оксфорда (31 августа) против шотландской армии с тем, чтобы, пользуясь ее ослаблением, принудить ее, по крайней мере, снять осаду с Гирфорда. Проходя мимо Раглэнда, он был извещен, что Ферфакс обложил Бристоль, самое важное из всех его владений на западе; но этот пункт был хорошо укреплен, принц Роберт защищал его с сильным гарнизоном и обещал держаться в нем четыре месяца: поэтому король не беспокоился на этот счет. Еще за день пути до Гирфорда он узнал, что шотландцы, услышав о его приближении, сняли осаду и быстро отступили к северу. Его убеждали преследовать их: усталые, испуганные, они в беспорядке проходили страну, им неприязненную; может быть, стоило только сделать на них малейшее нападение, чтобы уничтожить их совершенно. Но Карл сам был утомлен чрезвычайной деятельностью, превосходившей его силы. "Надобно, - говорил он, - идти выручать Бристоль" и, в ожидании нескольких полков, которые с этой целью вызывались из западной части, он воротился в замок Раглэнд: влекло ли его туда очарование тамошней жизни, или он считал необходимым заняться с маркизом Уорстером тем важным и таинственным делом, которое они вели сообща².

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.231. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - С.115, 116. Лесли оставил осаду Гирфорда в первых числах августа, а сражение при Кильсоте было только 15. Очевидно, что он отделился от шотландской армии, чтобы преследовать короля, и не мог еще быть отозван на помощь своей стране.

² Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - С.117, 118. - Walker. С.136. - Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.121-123.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

Лишь только он приехал туда, как получил самое неожиданное известие: принц Роберт сдал Бристоль (11 сентября 1645)¹, при первом приступе, почти без сопротивления, не имея недостатка ни в чем: ни в оружии, ни в припасах, ни в войске. Карл был потрясен: это было решительным ударом его делу на западе, самой горькой ошибкой в расчете. Он написал принцу (14 сентября 1645, из Гирфорда): "Племянник! Потеря Бристоля для меня - жестокий удар; но, сдавая эту крепость, вы сделали это так, что я не знаю, что и сказать. Что надобно делать, когда человек, столь близкий по крови и дружбе, решается на такой низкий поступок? (я употребляю самое мягкое выражение) поступок такой... Я должен бы сказать о нем так много, что я молчу. Вспомните, 12 августа вы мне писали, что если не будет в Бристоле возмущения, вы удержитесь в нем четыре месяца. Продержались ли вы хоть четыре дня? Была ли там хоть тень возмущения? Спешу кончить. Я желаю, чтобы вы отправились искать средств существования где-нибудь за морем, пока Богу не угодно будет решить мою участь. При сем препровождаю вам и паспорт. Молю Бога, чтобы он дал вам почувствовать ваше положение и внушил средства возратить то, что вы потеряли. Победа, клянусь вам, не могла бы принести мне такого удовольствия, как хорошее основание не краснеть, уверяя вас, что я остаюсь вашим любящим дядей и верным другом. Король Карл"².

В этот же день он писал в Оксфорд³, куда удалился принц, приказ лордам министрам потребовать от него назад его патент, наблюдать за его поступками, отрешить полковника Уильяма Легга, оксфордского губернатора, с которым Роберт был особенно дружен; наконец, приказал арестовать полковника и даже самого принца, если про-

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. С.65-68.

² Там же. - С.120.

³ Государственному секретарю, Эдуарду Никольсу.

изойдет какое-нибудь волнение в городе. Письмо его оканчивалось следующим *post-scriptum*: "Скажите моему сыну, что самая погибель его не причинила бы мне такого огорчения, как низкий поступок, подобный сдаче бристольских укреплений"¹.

У короля было еще одно средство, но на которое он уже пытался без успеха - соединение с Монтрозом. При этом же ему нужно было идти к северу для освобождения Честера, находившегося опять в осаде. Со времени потери Бристоля это был единственный порт, куда могли высадиться подкрепления из Ирландии, которые теперь исключительно занимали его мысли. По прошествии восьми дней, проведенных в Гирфорде в мрачном унынии, он выступил в поход через горы Валлийские, единственной дорогой, на которой он мог избежать встречи с парламентским корпусом, который под начальством генерал-майора Пойнтза (Poynitz) наблюдал за его движениями. С ним еще было около пяти тысяч человек валлийской пехоты и конницы из северных графств. Он был уже в виду Честера, когда арьергард его был настигнут парламентскими войсками², которые выступили позже, но прошли более прямой и удобной дорогой. Сэр Мармадиук Лангдэль, командовавший им, ударил на неприятелей с такой силой, что заставил их отступить в беспорядке. Но полковник Джонс, который вел осаду Честера, отделил один корпус и неожиданно появился в тылу роялистов. Пойнтз стянул своих. Король, поставленный между двух огней, видел, как вокруг него падали его лучшие офицеры, и скоро сам обратился в бегство. С отчаянием в душе выступил он опять в Валлис, еще раз отбитый, будто между ними и лагерем Монтроза, его последней надеждой, стояла какая-то неодолимая преграда.

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - C.121. - Ekevyn. Memoirs. T.II. - Appendix. C.107-109.

² При Раутенгите, 24 сентября 1645, Rushworth. Ч.4. - T.I - C.117. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - C.150-153.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

Но и эта надежда была не более как заблуждение. Уже десять дней, подобно королю, Монтроз бежал, укрываясь от неприятеля, отыскивая пристанища и набирая солдат. 13 сентября, при Филипп-Гафе (Philip-Haugh), в Эттрикском лесу, недалеко от границы обоих королевств, Лесли напал на него врасплох в то время, когда он и не думал о его приближении. Несмотря на все усилия Монтроза удержать горцев, они покинули его, спеша спрятать добычу в своих жилищах. Некоторые сильные вельможи, между прочими граф Абойн (Aboyne), завидовавшие его славе, также удалились со своими вассалами; другие же, не доверявшие его счастью, как лорды Тракуэр (Traquair), Юм (Hume), Роксборо (Roxbough), не соединились с ним, вопреки своему обещанию¹. Отважная храбрость и блестящие качества Монтроза в людях низких возбуждали зависть, робким не внушали спокойного доверия. При всей своей гениальности, он был не чужд хвастовства, которое вредило его влиянию. Друзья служили ему с горячим усердием, солдаты - с энтузиазмом; но равным себе он не внушал уважения. Власть его опиралась на одни победы. Люди осторожные, число которых возрастало с каждым днем, с удивлением смотрели на него, как на метеор, ничем неудержимый, но скоро проходящий. Одной неудачи довольно было, чтобы разрушить все его успехи, и на другой день после своего поражения завоеватель Шотландии был в глазах их не более как смелый преступник.

При этом ударе Карл с ужасом оглянулся вокруг себя, не зная, на чем остановить свои надежды. У него не было даже советников. Лучших из них, каковы были лорд Кэпль, Кольпеппер, Гайд, он поместил при сыне; оставался почти один лорд Дигби, всегда отважный и самоуверенный, имевший всегда наготове новые проекты в от-

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.231. - Guthry, Memoirs, etc. С.198 и след.

пор каждой неудаче, но, несмотря на свое непритворное усердие, заботившийся более всего о сохранении своего влияния. Король задумал удалиться в Валлис, на остров Энглизы (Anglesey), лежащий недалеко от Ирландии и удобный для защиты, и провести там зиму. Но его легко убедили не покидать своего королевства, где он обладал еще отличными крепостями, как: Уорстер, Гирфорд, Честер, Оксфорд, Ньюарк. Выбор всех падал на Уорстер, но был не по сердцу лорду Дигби. Открытый враг принца Роберта, он, как говорили, поджигал гнев короля после потери Бристоля и был виновником строгости короля к своему племяннику. Роберт был взбешен и хотел во что бы то ни стало увидеть короля, оправдаться и отомстить за себя. Это было бы легко сделать в Уорстере, где его брат, принц Мориц, был губернатором. Из всех мест, куда мог удалиться король, Ньюарк представлял более всего трудностей для свидания Роберта с королем. К великому удивлению своих приближенных, король объявил, что он избирает Ньюарк¹.

Принц скоро был извещен об этом и, несмотря на запрещение, пустился в дорогу отыскивать короля. Король объявил еще раз, что не примет его, но лорд Дигби не успокоился. Вдруг пронеслась весть, не то случайная, не то намеренная, что Монтроз поправил свои дела, разбил Лесли и приближается к границе двух королевств. Не наводя дальнейших справок, король, в сопровождении лорда Дигби и двух тысяч всадников, выступил в поход, пытаясь уже в третий раз соединиться с Монтрозом. Но его заблуждение вскоре рассеялось: после двухдневного перехода узнали несомненно, что Монтроз без войска все еще блуждает в горах севера. Королю не оставалось более ничего, как возвратиться в Ньюарк, с чем согласился и Дигби. Но, решившись не вступать туда, чтобы избежать возможной там встречи лицом к лицу с принцем Робер-

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. Т. VІІІ. - С. 153-156.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

том, он убедил короля, что Монтрозу непременно надобно послать помощь, и вызвался сам вести вспомогательное войско. Они расстались. Дигби, предводительствуя 1500 всадниками, составлявшими теперь почти все силы короля, продолжал путь к северу, а Карл вступил в Ньюарк, имея при себе всей армии не более 300 или 400 человек конницы, а из всех советников одного камердинера Ашборнэма¹.

Вступив в Ньюарк, он узнал, что Роберт с братом своим Морицом, в сопровождении ста двадцати офицеров, находится в замке Бельвуар, в трех лье от крепости. Король, оскорбленный тем, что он без его согласия подошел так близко, велел ему сказать, чтобы он оставался там и ожидал дальнейших приказаний. Но принц все подвигался вперед; многие офицеры ньюаркского гарнизона и сам губернатор сэр Ричард Уиллиз вышли ему навстречу. Без доклада, со своей свитой явился он к королю. "Государь, - сказал он, - я пришел отдать отчет в потере Бристоля и опровергнуть обвинения, взведенные на меня". Смущенный и вместе разгневанный Карл едва удостоил его ответом. Был час ужина; свита принца удалилась; сели за стол; король разговаривал только с Морицом, ни разу не обратившись к Роберту, и после ужина тотчас ушел в свою комнату. Роберт ночевал у губернатора. Однако на другой день король согласился созвать военный совет, и результатом заседания, продолжавшегося несколько часов, было объявление такого содержания, что принц не оказал недостатка ни в мужестве, ни в верности. Больше ничего не могли добиться от короля никакими просьбами.

Но для принца и его приверженцев этого было слишком мало. Они остались в Ньюарке и свободно высказывали свое неудовольствие. Со своей стороны, король решился положить конец постоянно возраставшим беспорядкам в гарнизоне. На две тысячи человек войска считалось двадцать четыре генерала, жалованье которых поглощало

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - С.157-159.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

почти все поборы с графства¹. Окрестные дворяне, даже самые преданные, горько жаловались на губернатора. Карл решился сменить его, однако с честью: он оставил его при своей особе, объявив ему, что отдает под его начальство своих конногвардейцев. Сэр Ричард отказывался, говоря, что подобное повышение сочтут немилостью, что он слишком беден для придворной службы. "Я дам средства", - сказал король, удаляясь. В тот же день, в час обеда, когда король сидел за столом, вдруг входят сэр Ричард Уиллиз, оба принца, лорд Джеррард и двадцать офицеров гарнизона. "Государь, - сказал Уиллиз, - то, что ваше величество объявили мне утром по секрету, теперь известно всему городу и бесславит меня". "Без всякой вины, - продолжал Роберт, - сэр Ричард теряет место губернатора, и потому только, что он мне друг". "Все это, - сказал лорд Джеррард, - козни лорда Дигби. Он сам изменник, и я докажу это". Карл в изумлении встал из-за стола и, сделав несколько шагов к своей комнате, приказал Уиллизу следовать за собою. "Нет, государь, - сказал Уиллиз, - мне нанесли публичную обиду и я жду публичного удовлетворения". При этом ослушании Карл вышел из себя, кинулся к нему, поблдев от гнева, и закричал с угрозою: "Подите вон и не кажитесь мне на глаза!" Смущенные, в свою очередь, они все поспешно вышли, возвратились в дом губернатора, приказали седлать коней и выехали из города в числе двухсот человек.

Весь гарнизон, все жители наперерыв спешили изъявить королю свою преданность и уважение. Вечером недовольные просили его выдать им паспорта и не считать их мятежниками. "Нынче я не стану крестить их, - сказал король, - что же касается паспортов, то пусть им дадут их сколько угодно". Еще в нем не утихло волнение, вызванное этой сценой, как пришло известие, что лорд Дигби в походе на Шотландию был настигнут и разбит² кор-

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - С.156.

² Около половины октября 1645. Там же. С.159-162. - Rushworth. Ч.4. - Т.1. - С.128-134.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

пусом парламентских войск при Шербёрне (Sherburne), что его всадники рассеялись, а о нем самом нет никакого слуха. Итак, на севере не осталось ни войска, ни надежд; даже Ньюарк перестал быть безопасным местом: войска Пойнтза приближались, постепенно занимали близлежащие крепости и с каждым днем стягивали свои квартиры; королю уже почти не было возможности проехать. 3 ноября, в одиннадцать часов вечера, собрано было на торговой площади от четырехсот до пятисот всадников - остатки нескольких полков. Явился король, принял начальство над одним эскадронном и выехал из Ньюарка по дороге в Оксфорд. Он сбрил бороду. Два небольшие королевские гарнизона, расположенные на проезде его, были предупреждены. Он ехал день и ночь, с трудом избегая то какого-нибудь неприятельского отряда, то какой-нибудь неприятельской крепости, и считал себя спасенным только тогда, когда вступил в Оксфорд (6 ноября): там он опять нашел свой совет, свой двор, прежнюю жизнь и некоторый покой¹.

Но там же скоро он нашел и горе. Между тем как он блуждал из графства в графство, из города в город, Ферфакс и Кромвель, ничего не боясь с его стороны, и уверенные, что корпус Пойнтза в состоянии держать его в тревоге, продолжали свои успехи на западе. Менее чем в пять месяцев пятнадцать значительных крепостей: Бриджуотер² (Bridgewater), Бат³ (Bath), Шербёрн⁴ (Sherburne), Дивайзис⁵ (Devizes), Уинчестер⁶, Бэзинг-гаус⁷ (Basing-hause), Тивертон⁸ (Tiverton), Монмут⁹ (Monmouth) и пр., были в их

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - С.162-170. - Walker. С.146, 147. - Elevelyn's Memoirs. Т.II. Прибавление. С.109, 110.

² 23 июля 1645.

³ 29 июля.

⁴ 15 августа.

⁵ 23 сентября.

⁶ 28 сентября.

⁷ 14 октября.

⁸ 19 октября.

⁹ 22 октября.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

власти. Гарнизонам, которые изъявляли готовность вступить с ними в переговоры, они охотно предлагали выгодные условия; в противном случае тотчас начинали атаку¹. Некоторое время их беспокоили клобмены. Кромвель уже несколько раз хотел подействовать на них силою убеждения, но, наконец, увидел себя вынужденным сделать на них решительное нападение. Он совершил это быстро и круто: он был способен, смотря по надобности, вдруг переходить от кротости к строгости, и наоборот. По его представлению, парламент заклеил именем государственной измены всякие общества подобного рода (23 августа)². Некоторые из коноводов были арестованы; строгая дисциплина в армии успокоила народ; клобмены скоро исчезли, и когда король возвратился в Оксфорд, положение его партии на западе было до того безнадежно, что он на другой же день (7 ноября) отправил к принцу Валлийскому приказание быть наготове к переезду на материк³.

Что же касается до него самого, в голове его не было ни плана, ни мысли: то он отдавался мучительному беспокойству, то пытался бездействием избавиться от чувства своего бессилия. Однако же он пригласил совет указать ему какое-нибудь средство, какую-нибудь меру, от которой можно было бы ожидать какого-нибудь результата. Нечего было выбирать; совет предложил отправить послание к палатам и требовать охранной грамоты для четырех комиссаров со стороны короля, уполномоченных вести переговоры. Карл согласился без малейших возражений⁴.

Никогда парламент не был так мало расположен к миру. Сто тридцать новых членов вступили в палату депутатов на место тех, которые оставили ее, чтобы следовать за королем. Эта мера, которую долго отсрочивали - прежде по

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.89.

² Parl. Hist. Т.III. 390. - Whitelocke. С.165.

³ Clarendon. Hist. of the rebell. Т.VIII. - С.143.

⁴ Там же, с.201-204. - Parl. Hist. Т.III. - 405. Послание было писано от 5 декабря 1645 г.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

нерешительности, потом за трудностью привести ее в исполнение, а впоследствии намеренно, - наконец была принята по желанию индипендентов, горячо желавших воспользоваться своим успехом на полях сражений, чтобы усилить свою партию в Вестминстере¹. Хитрые и дерзкие, как всякое меньшинство, одерживающее верх, они все пустили в ход, чтобы господствовать при выборах: допускали их только отдельно, один за другим; задерживали или ускоряли их, смотря по тому, обещали ли они им успех или нет. Много членов, сделавшихся вскоре знаменитыми в этой партии, вступило тогда в палату: Ферфакс, Лудло (Ludlow), Эйртон (Ireton), Блэк (Blake), Сидней, Гатчинсон (Hutchinson), Флитвуд (Fleetwood). Конечно, выборы не везде имели одинаковый результат. Многие графства присылали в Вестминстер таких людей, которые, хотя и стояли в оппозиции с двором, но чуждались всяких партий и были просто друзья законного порядка и мира. Но, при вступлении в парламент, у них не было опытности, ни единства, ни руководителей, не было в то же время и расположения примкнуть к старым пресвитерианским вождям, утратившим большей частью репутацию людей честных, энергичных и способных. Они не наделали большого шума, приобрели мало влияния, и пополнение палаты такого рода людьми имело первым следствием увеличение смелости и силы индипендентов². С тех пор парламентские акты приняли более грубый характер. Замечено

¹ 13 сентября 1644 года в нижней палате в первый раз был вопрос о замещении вакантных мест. Это предложение оставалось без результата до августа 1645 года. 21 числа этого месяца, по прошению сауторкского бурга, палата постановила, большинством трех только голосов, замещение пяти отсутствующих членов, депутатов Саутуорка, Бьюри, Сент-Эдмундса и Гайта (Hythe). Сто сорок шесть новых членов было избрано в последние пять месяцев 1645 г. Из пятидесяти восьми членов, подписавшихся под постановлением о казни Карла I, семнадцать принадлежат к выборам этого времени. В 1646 г. было еще восемьдесят девять новых избраний (Journal of the House of Commons).

² Mémoires de Hollis. C.62-67, в Collection г. Гизо и проч. - Collection de Ludlow. T.I. - C.187, 190, 195, там же. - Whitelocke. C.153, 154, 160, 165 и пр. - T.IX. - C.12; T.XIV. - C.306-309.

было, что во время пребывания своего в Лондоне королевские комиссары старались устраивать заговоры и возмущать народ; решено было (11 августа 1645)¹ не принимать более комиссаров, не вести переговоров. Палаты будут представлять свои мирные предложения в форме биллей, и король должен будет принимать или отвергать их просто, точно так, как если бы он жил в Уайтгале и все дела шли обыкновенным порядком. Принц Валлийский предложил себя² в посредники между королем и народом, и Ферфакс передал палатам его письмо: "Поставляя себе долгом, - как говорил он, - не душить благодатную надежду юного миротворца в ее зародыше". Ему даже и не отвечали. Срок начальствования Кромвеля приближался к концу; его продолжили еще на четыре месяца, не объясняя причину (12 августа)³. Строгости против роялистов удвоились: постановление, в силу которого жены и дети государственных преступников получали пятую часть дохода с секвестрованных имений, было отменено (8 сентября)⁴. Другой билль, которому долго противилась верхняя палата, предписал продажу значительной части имущества епископов и государственных преступников (13 сентября)⁵. В лагерях и в войне совершился такой же переворот. Запрещена была (24 октября) всякая пощада ирландцам, захваченным в Англии с оружием в руках⁶; их расстреливали сотнями⁷, кидали в море, связав спиной друг к другу⁸. Даже между англичанами уже не видно

¹ Parl. Hist. T.III. - 390.

² 20 сентября 1645. T.Mazres, Select tracts relating to the civre wars in England, etc., am же, col. 3Mazres, Select tracts relating to the civre wars in England, etc., 92. - ClarendMazres, Select tracts relating to the civre wars in England, etc., on. Hist. of the rebell. T.VIII. - C.109.

³ Parl. Hist. T.III. - 390.

⁴ Rushwörth. Ч.4. - T.II. - C.290.

⁵ Parl. Hist. T.III. - 391. - C.146.

⁶ Rushworth. Ч.3. - T.II. - C.783.

⁷ Baillie, Letters. T.II. - C.164. - Ч.4. - T.I. - C.231.

⁸ Clarendon. Hist. of the rebell. T.VII. - C.358.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

было кротости и вежливости, столь обыкновенных во времена прежних кампаний и обнаруживавших в обеих партиях равенство состояний, сходство воспитания, сходство нравов, и даже среди самых битв, одинаковую наклонность к миру. В рядах парламентских почти один Ферфакс сохранял эту изящную гуманность: солдаты и офицеры, окружавшие его, - выходцы храбрые и ловкие в деле, но люди с грубыми нравами и мрачные фанатики - думали только о победе и видели в кавалерах не что иное, как врагов. Последние, раздраженные обидным поражением, понесенным от подобных противников, пытались утешиться или отомстить за это насмешками, эпиграммами, песнями, с каждым днем более и более оскорбительными¹. Таким образом, война принимала характер грубой, даже иногда жестокой вражды, как между людьми, которые познакомились для того только, чтобы презирать или ненавидеть друг друга. В то же время неприязнь, до сих пор сдерживаемая, разразилась между шотландцами и палатами: первые жаловались на то, что их войску не платят жалованья; последние - что союзное войско, подобно неприятельской армии, грабит и опустошает занимаемые им графства². Наконец, повсюду это брожение усиливалось, вражда возрастала, меры делались суровее, решительнее; все это не подавало надежды на мир, который мог бы остановить, или хоть на перемирие, которое могло бы придержать уже столь быстрый ход событий.

Предложения короля были отвергнуты; в охранной грамоте его поверенным было отказано. Он повторял свое

¹ Самые замечательные из этих песен были сочинены против Давида Лесли и его шотландцев, когда он оставил осаду Гирфорда и пошел на помощь Шотландии, почти совершенно покоренной Монтрозом, которого он разбил 13 сентября 1645 г. в сражении при Филипп-Гафе. Ни одно поражение не отнимало у кавалеров таких прекрасных надежд, и их досада высказывалась необыкновенно сильно. (Самую энергичную из этих песен см. в конце тома в разделе «Исторические документы».)

² Parl. Hist. T.III. - col. 393, 394-398. 405.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

требование в двух новых посланиях - и все напрасно: ему отвечали, что интриги его придворных в Сити не позволяют впустить их туда¹. Он предложил явиться в Вестминстер, чтобы лично переговорить с парламентом²; несмотря на представления шотландцев, и это предложение не было принято³. Он возобновил свои требования⁴ не столько в надежде на успех, сколько для того, чтобы сделать палаты ненавистными в глазах народа, который желал мира; но враги его нашли более верное средство сделать его самого ненавистным народу: они торжественно объявили, что у них есть, наконец, в руках доказательство лживости его слов; что он недавно заключил с ирландцами не договор о прекращении неприязненных действий, а союз; что десять тысяч этих мятежников, под предводительством графа Глеморгана, должны скоро высадиться в Честере; что эта гнусная помощь куплена ценою совершенного уничтожения всяких наказующих законов для католиков, восстановлением свободы их богослужения, признанием их права на церкви и на земли, которыми они завладели, - словом, ценою торжества папизма в Ирландии и гибели протестантов. Копия с договора и многие письма, к нему относящиеся, были найдены в карете архиепископа Тьюамского, одного из начальников инсургентов, убитого (17 октября 1645) случайно в схватке под стенами Слейго (Sligo). Комитет обоих королевств, уже более трех месяцев хранивший их в запасе на какой-нибудь важный случай, представил их палатам; они тотчас приказали их публиковать⁵.

Сильно смутился король: факты были верны; парламент даже еще не все знал. Почти уже два года⁶ Карл

¹ 26 декабря 1645. Parl. Hist. T.III. - Col. 414.

² 26 и 30 декабря 1645. Там же. Col. 415-417.

³ 13 января 1646. Там же. Col. 418-421.

⁴ 15 января 1646. Там же. Col. 421.

⁵ Там же. Col. 428. - Rushworth. T.I. - C.238 и след.

⁶ Первое поручение от короля Глеморгану было сделано 1 апреля 1644 г.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

лично вел эти переговоры без ведома своей партии и своего совета, скрывая многое даже от маркиза Ормонда, своего наместника в Ирландии, хотя он и не сомневался в его верности и не мог обойтись без его содействия. Только один католик, лорд Герберт, старший сын маркиза Уорстера, незадолго до того сделанный графом Глеморганским, пользовался полным доверием короля в этом деле. Человек храбрый, великодушный, легкомысленный, горячо преданный своему королю и своей угнетенной религии, Глеморган беспрестанно разъезжал из Англии в Ирландию, из Дублина в Килькенни, принимая на себя дела, от исполнения которых отказывался Ормонд: он один знал, далеко ли могли простираться уступки короля. Через него шла переписка Карла с папским нунцием Ринуччини, недавно прибывшим в Ирландию (22 октября), и с самим папою. Наконец король формальною доверенностью, собственноручно им подписанною (12 марта 1645) и хранимую в тайне, уполномочил его дать ирландцам все, что найдет нужным для получения от них действительной помощи, обязываясь все одобрить, все утвердить, как бы ни были незаконны уступки, и желал только, чтобы тайна не открылась прежде того дня, когда ему можно будет все это объявить гласно. Договор заключен был 20 августа и Глеморган, постоянно находившийся в Ирландии, изо всех сил настаивал на скорейшем его исполнении — вот тайна частых поездок и продолжительного пребывания короля в замке Раглэнд, резиденции маркиза Уорстера; вот объяснение тех загадочных надежд, которые проглядывали в нем иногда среди самих неудач¹.

В Оксфорде и Дублине почти в одно время узнали, что договор известен в Лондоне. Ормонд легко понял, какой удар наносится этим делу короля в глазах его

¹ Лингард собрал и привел в ясность все факты, относящиеся к этой negotiations. имея в руках главные оригинальные документы. (Hist. of England, T.VI. - С.537-541; примеч. I. С.655-664, изд. Лондон. 1825.)

собственной партии. Точно ли он не знал, что Карл уполномочил на такие уступки, или, вероятнее, желал доставить ему возможность отречься от них, он тотчас же велел арестовать Глеморгана (4 января 1646), как виновного в том, что преступил границы своего полномочия и жестоко компрометировал короля, предоставив мятежникам то, в чем им отказывали все законы. Непоколебимый в своей преданности, Глеморган умолчал о тайных актах, подписанных Карлом, и даже сказал, что король не обязан ратифицировать того, что он считал возможным обещать от его имени. Карл, со своей стороны, поспешил отречься от Глеморгана в прокламации к палатам (от 29 января)¹ и в официальных письмах к дублинскому совету (от 31 января)². По его словам, Глеморгану не было ничего другого поручено, кроме набора солдат и содействия лорду-наместнику. Но как в той, так и в другой партии ложь сделалась уже не более как устарелой и бесполезной привычкой. Этим средством уже никого нельзя было обмануть, даже народ. Спустя несколько дней Глеморган был выпущен (1 февраля) из темницы и снова начал действовать по-прежнему, чтобы привести ирландскую армию в Англию на прежних условиях. Парламент объявил, что оправдание со стороны короля недостаточно³; Кромвель еще раз был оставлен при своей должности⁴, и Карл нашел себя вынужденным снова искать спасения в войне, как будто он мог ее выдержать. У него осталось только два корпуса: один в графстве Корнуаллийском, под начальством лорда Гоптона, другой - на границах Валлиса, под начальством лорда Астлея (Astley). Около половины января принц Валлийский, бывший еще правителем на

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 435.

² Carte, Ormondshire. T.III. - 445-447. Истоп. и губл. T.VI.

³ 31 января. Parl. Hist. T.III. - Col. 438.

⁴ 27 января. Там же. Col. 428.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

западе, но уже покинутый своими генералами Горингом и Гринвилем, призвал к себе лорда Гоптона, долго командовавшего в этих графствах, и заклинал его опять принять на себя командование остатками армии, уцелевшими около него. "Принц, - сказал ему Гоптон, - у людей, которые не хотят повиноваться приказаниям, есть обыкновение говорить, что это противно их чести, что их честь не позволяет им делать того или другого. Я же теперь действительно не могу исполнить вашей воли иначе, как решившись пожертвовать своей честью, потому что с таким войском, какое вы мне даете, каким образом я сохранию ее? Его боятся только одни друзья; враги смеются над ним; оно страшно только в день грабежа и решительно только на побег. Но если ваше высочество сочли необходимым призвать меня, я готов следовать за вами, даже с опасностью погубить в этом деле свою честь". И он принял начальство над семью или восемью тысячами человек. Но скоро сделался он им столь же ненавистен, сколько и ему была ненавистна их беспорядочность. Даже хорошие люди из числа их не могли вынести его дисциплины, его бдительности, привыкшие под начальством Горинга к войне более вольной и более прибыльной. Ферфакс, постоянно занятый мыслью покорить западные графства, не замедлил двинуться против этого войска, и 16 февраля Гоптон понес при Торрингтоне, на границе графства Корнваллийского, поражение, не столько кровопролитное, сколько несчастное. Напрасно пытался он, отступая из города в город, сформировать где-нибудь свою армию: ни офицеры, ни солдаты не слушались. "Во все это время, - говорил он, - где бы я ни назначал какому-нибудь полку сборное место, я ни разу не видал, чтобы он явился в полном комплекте или не опоздал часа на два". Ферфакс с каждым днем теснил его более и более. Со слабым отрядом, который еще оставался ему верен, Гоптон скоро увидел себя оттес-

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

ненным на самый конец Корнваллиса. В Труро (Truro) он узнал, что туземные жители, утомленные войною и желая поскорее кончить ее, намереваются схватить принца и выдать парламенту. Роковой час пробил: принц сел на корабль, в сопровождении своего совета, но отъехал только до острова Силли (Scilly), еще составляющего часть английских владений и лежащего почти в виду берегов. Освободясь от этой заботы, Гоптон хотел еще попытать счастья в битве; но войско его с громким криком требовало капитуляции. Ферфакс предлагал ему выгодные условия; Гоптон отыгрывался от них. Его офицеры объявили, что если он не хочет мира, они договорятся и без него. "Договаривайтесь, - сказал он, - только не за меня". Ни он, ни лорд Кэпл не хотели, чтобы их имя значилось в капитуляции. Как только статьи были подписаны и армия распущена, они сели на корабль, чтобы последовать за принцем в Силли, и у короля осталось на юго-западе только несколько незначительных гарнизонов¹.

Лорд Астлей подвергся такой же участи. Он стоял в Уорстере с тремя тысячами человек. Король приказал ему двинуться для соединения с ним в Оксфорд и во главе полутора тысячи всадников выступил сам к нему навстречу. Он хотел иметь вблизи достаточную массу сил, чтобы выждать подкрепления из Ирландии, на которые он не переставал рассчитывать. Но им не суждено было соединиться: сэр Уильям Брертон и полковник Морган, целый месяц наблюдавшие за движениями Астлея, настигли его с отрядом парламентских войск при Стоу (Stow), в Графстве Глостер (22 марта). Кавалеры потерпели совершенное поражение; до тысячи восьмисот человек насчитано было убитыми и пленными, остальные рассеялись. Сам Астлей, после упорного со-

¹ Clarendon. History of the rebell. T.VIII. C.172-189. - Rushworth. - Ч.4. - T.I. - C.99-115.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

противления, попался в руки неприятеля. Он был дряхл, утомлен битвой и едва передвигал ноги. Солдаты, тронутые его сединой и храбростью, принесли барабан; он сел на него и, обращаясь к офицерам Брертона, сказал: "Господа, вы кончили свое дело, теперь вы можете идти играть, если не предпочитаете начать ссору между собой"¹.

В самом деле, это была единственная надежда, которая оставалась у Карла; он горячо ухватился за нее. Осыпая некоторых вождей-пресвитериан вредившими им знаками благосклонности, он уже давно поддерживал с индипендентами, и особенно с Веном, тайные сношения. Этот Вен был деятельный интриган и страстный энтузиаст. Еще недавно (2 марта) государственный секретарь Никольс (Nicholas) писал к нему, убеждая его устроить дела таким образом, чтобы король мог приехать в Лондон для личных переговоров с палатами, и обещая ему, что если парламент пожелает сделать пресвитерианскую церковь господствующей, то роялисты пристанут к его друзьям, "чтобы искоренить в королевстве эту тираническую власть и взаимно гарантировать свою свободу"². Неизвестно, что отвечал Вен на это письмо, но после поражения Астлея сам король писал ему: "Будьте уверены, что все пойдет так, как я обещал. Заклинаю вас всем, что есть драгоценного для человека, ускорить вашими добрыми услугами; в противном случае будет поздно и я погибну, не пожав от них плода. Я не в состоянии описать вам всю крайность моего положения, но уверен, что если бы я сделал это, вы оставили бы всякие другие соображения и поспешили бы исполнить мое желание. Больше я ничего не скажу. Положитесь на меня, ваши услуги будут награждены щедро. Я все сказал. Если я через четыре дня не получу ответа, то буду поставлен в необходимость искать другое средство.

¹ Clarendon. History of the rebell. T.VIII. C.139-141. - Old Parl. Hist. T.XIV. - C.297-302.

² Evelyn's Memoirs. T.II. - Appendix, c.115.

Господь да вразумит вас! Я исполнил свой долг¹. В то же время он отправил послание к палатам, предлагая распустить свои войска, сдать все крепости и перенести свою резиденцию в Уайтгалль².

Это предложение, равно как и слухи, что король, не дожидаясь более, легко может сам появиться в Лондоне, произвели большую тревогу в Вестминстере. Политики и фанатики, индепенденты и пресвитериане - все партии были уверены в неминуемом восстании города, как только король поселится в Уайтгалле, и это восстание будет уже не против короля. Во всех была одинаковая решимость - не поддаваться Карлу. В отвращение такой опасности, они приняли самые сильные меры: запрещено было принимать короля, или представляться ему, если он прибудет в Лондон, или доставлять кому бы то ни было случай приближаться к нему. Комитет, которому вверена была милиция, получил полномочие препятствовать всякой сходке, задерживать всякого, кто придет с королем, предупреждать всякое сближение с ним и, в случае нужды, даже поставить его собственную особу вне всякой опасности. Паписты, осужденные, уволенные офицеры, выслужившиеся солдаты - словом, все, кто становился в ряды противников парламента, получили приказание оставить Лондон в течение трех суток³. Наконец учрежден был военный суд⁴; присуждена была смертная казнь всякому, кто, прямо или косвенно, будет находиться в сношениях с королем, кто придет без паспорта из какого-нибудь лагеря или крепости, находящихся во власти короля, кто будет принимать или укрывать людей, сражавшихся против

¹ Evelyn's Memoirs. C.116. - Clarendon. State-Papers. T.II. - C.227. Письмо без числа и без подписи.

² 23 марта 1646. Parl. Hist. T.III. - Col. 451.

³ 31 марта и 3 апреля 1646. Parl. Hist. T.III. - Col. 452, 453. - Rushworth. Ч.4. - T.I. - C.249.

⁴ 3 апреля 1646. Rushworth. Ч.4. - T.I. - C.252.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

парламента, или кто добровольно упустит военнопленного, и проч., и проч. Доселе еще ни один акт парламента не носил на себе отпечатка такого ужаса.

Вен, со своей стороны, оставил письмо короля без ответа или, по крайней мере, без действия.

А между тем войска Ферфакса быстро подходили к Оксфорду с целью обложить этот город. Уже корпус полковника Ренсборо и два другие полка разбили свои палатки в виду укреплений. Король послал сказать Ренсборо, что готов сдаться, если тот обяжется честным словом тотчас же проводить его к парламенту. Ренсборо отказал. Через несколько дней блокада стала повсеместной, и как бы долго она ни продолжалась, результат ее был несомненный: король должен был попасть военнопленным в руки своих неприятелей¹.

Ему оставалось одно убежище - шотландский лагерь. Французский посланник Монтрель (Mountreuil), более подвижный жалостью к несчастному положению короля, нежели инструкциями Мазарини, в продолжение двух месяцев старался устроить ему это убежище своим посредничеством. Получив отказ от шотландских комиссаров, проживавших в Лондоне, убежденный самой поездкой в Эдинбург, что от шотландского парламента ждать нечего, он обратился наконец к некоторым начальникам армии, осаждавшей Ньюарк. Настроение их показалось ему столь благоприятным, что он вздумал обещать королю (1 апреля 1646), именем и ручательством короля французского, что шотландцы примут его как своего законного государя, защитят его и его приближенных от всякой опасности и даже будут с ним заодно всеми силами стараться о восстановлении мира. Нерешительность и колебание шотландских офицеров, которым очень хотелось спасти короля, но не хотелось ссориться с парламентом, вскоре доказали Монтрелю,

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - С.257.

что он зашел слишком далеко, и он поспешил послать об этом уведомление в Оксфорд. Между тем опасность, возраставшая с каждым днем, делала короля и самого Монтрёля все менее и менее взыскательными. Королева, пребывавшая в Париже, имела также сношения и агентов в армии шотландцев; она убеждала своего мужа довериться им. На следующих конференциях офицеры сделали Монтрёлю несколько обещаний. Он уведомил об этом короля, напоминая ему, однако же, что это дело рискованное, что всякое другое убежище было бы лучше, но что если ему уже не предвидится никакого другого, то он найдет у шотландцев, по крайней мере, полную личную безопасность¹.

Как бы то ни было, Карл не мог более ждать. Уже Ферфакс подступил к Ньюбери, и через три дня блокада была полная. 27 апреля, в полдень, в сопровождении одного Ашборнэма и одного духовного лица, доктора Гудсона (Hudson), превосходно знавшего все дороги, король выехал из Оксфорда верхом, переодетый будто служителем Ашборнэма, с чемоданом позади. Для отвращения подозрений устроили так, что в то же самое время в каждые из ворот города выехало по три человека. Король пустился по дороге к Лондону. Прибыв на высоты Гарро, в виду своей столицы, он остановился в тяжелом раздумье; теперь он мог сойти с лошади, вступить в Уайтгаль и внезапно явиться среди Сити, которая примет его сторону. Но всякое необыкновенное или отважное действие было не в его натуре. Ему недоставало присутствия духа; особенно же боялся он случаев, которые могли бы уронить его достоинство, несколько часов прошло в нерешительности. Потом он повернул в сторону от Лондона и поехал к северу, но тихо, почти не управляя конем, как человек,

¹ В письмах от 15, 16 и 20 апреля. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - С.247-255. - State-Papers. T.II. - С.211-226.

ЧАСТЬ I. КНИГА ШЕСТАЯ

все еще не решившийся, что ему делать. Монтрёль обещался встретить его, не доезжая до Гарборо (Harborough), в графстве Лейстер, и не сдержал слова. Король, встревоженный этим, послал Гудсона отыскивать его, а сам пустился странствовать по восточным графствам, переезжая от города к городу, от замка к замку, преимущественно держась берегов и беспрестанно меняя свой костюм; всюду осведомлялся о Монтрозе, нетерпеливо желая соединиться с ним. Но это предприятие требовало много времени и было слишком трудно. Гудсон возвратился; все было по-прежнему. Монтрёль все еще обнадёживал короля, обещая ему убежище в шотландском лагере, хотя и не радостное, но по крайней мере безопасное. Побуждаемый не столько желанием, сколько усталостью, Карл решился наконец, и 5 мая, через девять дней со времени его выезда из Оксфорда, рано утром Монтрёль ввел его в Кельгэм, главную квартиру шотландцев¹.

При виде короля, граф Ливн (Leven) и его офицеры притворились крайне удивленными. Тотчас дано было знать о его прибытии комиссарам парламента. Курьеры поскакали с такой же вестью в Эдинбург и Лондон. Хотя офицеры и солдаты оказывали королю глубокое почтение, однако же вечером, под предлогом подходящего ему почетного караула, сильная стража была приставлена к дверям королевских покоев. Желая испытать свое положение, Карл попробовал назначить пароль. "Извините, государь, - сказал Ливн, - я здесь старший солдат, и потому ваше величество позвольте мне взять эту заботу на себя"².

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.267. - Clarendon. Hist. of the rebell. Т.VIII. - С.258. - State-Papers. Т.II. - С.228. - С.214.

² Malcolm Laing, Hist of Scotland. Т.III. - С.325. - Примеч.7.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Опасения и интриги индепендентов. - Король в Ньюкестле. - Карл отвергает предложения парламента. - Переговоры парламента с Шотландией о выдаче короля и выступления шотландской армии из Англии. - Шотландцы соглашаются на это требование. - Короля отвозят в Гольмби. - Несогласие между парламентом и армией. - Кромвель. - Похищение короля, по совету Кромвеля. - Движение армии на Лондон и обвинение одиннадцати вождей пресвитерианской партии. - Они выбывают из парламента. - Карл в Гэмитонкорте. - Переговоры армии с королем. - Волнение в Лондоне в пользу мира. - Многие члены обеих палат удаляются в армию. - Армия приводит их назад в Лондон. - Поражение пресвитериан. - Республиканцы и уравниатели. - Солдаты начинают подозревать Кромвеля. - Возмущение солдат против офицеров. - Ловкость Кромвеля. - Ужас короля. - Бегство Карла на остров Уайт.

1646-1647 гг.

В Лондоне скоро узнали (2 мая 1646 г.), что король уехал из Оксфорда, но оставалось совершенно неизвестным, где он или куда намерен отправиться. Распространился слух, что он скрывается в Сити, и снова запрещено было, под страхом нещадной смертной казни, принимать его. Ферфакс извещал, что король отправился в восточные графства, и два офицера испытанной преданности, полковники Рёссель (Russel) и Уартон (Wharton), немедленно были отправлены туда с приказанием отыскать его во что бы то ни стало¹.

¹ Rushworth, Ч.4. - Т.1. - С.267. - Whitelocke, С.209.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

Партия парламента и партия короля, обе равно мучились неизвестностью: первой не давали покоя ее опасения, второй - ее надежды.

Наконец, 6 мая, вечером, пришло известие, что король находится в шотландском лагере. На другое утро нижняя палата подала мнение, что только парламент имеет право располагать особою короля и что он без отлагательства будет отвезен в замок Уорвик. Лорды не соглашались с этим мнением; но они одобрили предложение приказать Пойнтзу, который стоял близ Ньюарка, наблюдать за малейшими движениями шотландской армии, и сам Ферфакс получил приказание быть, в случае надобности, наготове к походу¹.

Шотландцы, со своей стороны, спешившие уйти, уговорили короля в самый день его прибытия приказать лорду Белласису, губернатору Ньюарка, отворить им ворота, сдали город войскам Пойнтза и спустя несколько часов двинулись к Ньюкестлю, границе их отечества. Король находился у них в авангарде².

Партией индепендентов овладел страх и гнев. Целый год все благоприятствовало ей; армия была в ее руках; везде она одерживала верх, и победы ее сильно действовали на умы народа; под знамена ее стекались все люди предприимчивые, увлекаемые энергичным честолюбием или восторженными надеждами; все искатели счастья, все те, которые питали какие-нибудь великие замыслы. Самый гений находил убежище и мог развернуться с полной свободой только в их рядах: Мильтон (родился в Лондоне 9 декабря 1608 года), еще молодой, но уже замеченный по своим обширным и утонченным познаниям, требовал в выражениях, дотоле неслыханных по своему благородству, свободы совести, свободы книгопечатания, права

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 465-466.

² Там же. Col. 467. - May. Hist. du Long Parl. T.II. - C.329, в Collection г. Гизо. - Rushworth. Ч.4. - T.I. - C.269-271.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

развода¹. Пресвитерианское духовенство, возмущенное его смелостью, без успеха доносило на него палатам, ставя им в грех терпимость к подобным сочинениям². Другой человек, Джон Лильборн (Lilburne), уже известный восторженным сопротивлением деспотизму, начинал неутомимую войну против лордов, судей, юрисконсультов и уже пользовался громкой известностью³. Число и доверенность общин⁴ диссидентов, примкнувших к индепендентам, возрастало с каждым днем. Наконец, пресвитериане добились от палат, чтобы их церковь исключительно и официально была признана господствующей⁵; но мало было им от того пользы: при помощи юрисконсультов и вольнодумцев, равнодушных к вере, индепенденты успели сохранить за парламентом верховную власть в делах религиозных⁶, и таким образом эта мера была ослаблена и лишь медленно приводилась в исполнение⁷. В то же самое вре-

¹ В пяти памфлетах против епископальной церкви и о церковной реформе, напечатанных 1641 и 1642; в памфлете под заглавием: *The doctrine and discipline of divorce* (1644); а также в памфлете *Speech for liberty of unlicensed printing*, 1644. - *Milton's Prose Works*, T.I. - C.XX, XXII, XXIII, XXV. - С.1-213; изд. 2 тома, Лондон, 1738.

² Там же. С.XXIII.

³ *Old Parl. Hist.* T.XV. - С.19-28.

⁴ Число общин, например, анабаптистов, доходило в 1648 г. уже до пятидесяти четырех. Томас Эдвардс, пресвитерианский священник, напечатал в 1645 г., под заглавием «Гангрена», список этих сект, чтобы обратить на них строгости парламента: он насчитал их шестнадцать главных, и многие опустил. (Neal, *Hist of the Purit.* T.III - С.310-313).

⁵ Многими постановлениями 23 августа, 20 октября и 8 ноября 1645 и 20 февраля и 13 марта 1646. (Rushworth. Ч.4. - T.I. - С.205, 210, 224).

⁶ Neal, *Hist of the Purit.* T.III. - С.231-270. - 25 сентября, 10 октября 1645; 5 и 23 марта, 22 апреля 1646. Baillie, *Letters*, T.II. - С.194, 196, 198. - *Parl. Hist.* T.III. - Col. 459.

⁷ Пресвитерианская церковь нигде никогда не была совершенно установлена, кроме Лондона и графства Ланкастерского. (Malcolm Laing, *Hist of Scotland.* T.III. - С.347).

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

мя видимо росло личное значение вождей партии, особенно же Кромвеля. Приезжали ли они из армии в Вестминстер - палаты принимали их с торжественными почестями¹; отправлялись ли они в армию - парламент выражал им свою признательность денежными подарками или поместьями, а также раздачей наград и мест их клевретам, и тем самым свидетельствовал и увеличивал их влияние². Словом, в Лондоне, равно как и в графствах, в делах политических и религиозных - шла ли речь о материальных выгодах или о торжестве идей - везде общественное движение более и более высказывалось в пользу индепендентов. И среди таких-то успехов, в то время, как эта партия уже готовилась забрать в свои руки всю власть, ей начала грозить опасность потерять все, ибо, действительно, она теряла все, как скоро король и пресвитериане соединялись против нее.

Она употребила в дело все средства, чтобы отклонить этот удар. Если бы она могла действовать с полной свободой, то, может быть, немедленно послала бы войско против шотландцев и насильственно овладела бы королем; но, несмотря на успехи при новых выборах, она была вынуждена поступать осторожно: в верхней палате ей принадлежало меньшинство голосов, да и в нижней ее большинство было незначительно, и то лишь благодаря скорее неопытности нововыбранных членов, нежели их действительной преданности. Партия индепендентов прибегла к кривым путям: всеми возможными средствами, смелыми и хитрыми, тайными и явными, пыталась она оскорбить

¹ Parl. Hist., Т. III. - Col. 463, 529.

² Палаты дали: 1) Кромвелю (7 февраля 1646) 2500 фунт. стерл. по-земельного дохода с имений маркиза Уорстера (Parl. Hist. Т. III. - col. 439); 2) Ферфаксу, спустя несколько месяцев, 5000 фунт. стерл. дохода (Whitelocke. С. 228, 239); 3) Уильяму Брертону (в октябре 1646) награждение в 5000 фунт. стерл.; 4) Петеру Киллигру (в декабре 1646) награду в 2000 фунт. стерл. (Там же. С. 228, 235) и проч.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

шотландцев или раздражить против них народ, в надежде произвести разрыв, то останавливали шотландских курьеров и перехватывали их депеши у самых ворот Лондона посредством нижних чиновников - и жалобы на них оставались без всякого действия;¹ то из северных графств поступали бесчисленные жалобы на насильственные поборы шотландцев, на производимые ими беспорядки, на ущерб, наносимый государству их постоем². Альдерман Фут (Foot) представил прошение³ от имени Сити, написанное в благоприятном для шотландцев духе, и требовал, напротив, преследования новых сект, как виновниц всех смут в церкви и государстве - лорды изъявили за это благодарность муниципальному совету, но от нижней палаты он насилу добился ответа, короткого и сухого. Лишь в немногих полках, последних обломках армии Эссекса, имела перевес пресвитерианская партия - между прочим, в бригаде, которая стояла в Уильтшейре (Wiltshire), под начальством генерал-майора Масси, храброго защитника Глостера: индепенденты распорядились так, чтобы на нее поступило несколько жалоб⁴ и добились-таки, что она была распущена. В палатах, в журналах, во всех публичных местах, особенно в армии, индепенденты отзывались о шотландцах не иначе, как с презрением: то возмущались они их алчностью, то насмехались над их бережливостью и прибегали к грубой, но тем не менее действительной хитрости, обращаясь к национальным предрассудкам, к народной подозрительности, и ловко пользуясь каждым случаем возбудить против своих неприятелей ненависть и гнев народа⁵. Наконец, нижняя палата решила, что шотландская армия более не нужна: что, заплатив ей 100 000

¹ 9 мая 1646. - Parl. Hist. T.III. - col. 469. - C.209.

² Там же. C.212, 213, 221, 222, 233.

³ 26 мая 1646. Parl. Hist. T.III. - col. 474-480. - Mémoires de Ludlow. T.I. - C.202.

⁴ Whitelocke. C.214, 215, 229.

⁵ Mémoires de Hollis. C.67-71.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

фунт. стерл. и взяв от нее счеты в остальном, следует попросить ее возвратиться домой¹.

Эти проделки не произвели ожидаемого действия: шотландцы не обнаружили ни неудовольствия, ни гнева, но они стали действовать неловко и нерешительно; а это было еще выгоднее для их неприятелей. Вожди, которые были не прочь послужить королю, находились в крайнем затруднении. Карл, закоснелый в своей двуличности, убежденный, что относительно мятежных подданных он ни к чему не обязан, замышляя их погибель в то самое время, когда просил у них помощи. "Я не теряю надежды, - писал он к Дигби за несколько дней до отъезда своего из Оксфорда, - склонить на свою сторону пресвитериан или индепендентов, уничтожить одних посредством других, и тогда стану опять истинным королем"². Масса пресвитериан, шотландских и английских, руководимая по-прежнему своими священниками, восторженно преданная Ковенанту и торжеству своей церкви, со своей стороны и слышать не хотела ни о каком соглашении с королем, ни о каком всепомоществовании ему, если он не согласится на их условия; таким образом самые умеренные люди и те, которые более прочих тревожились насчет будущего, не могли ни положиться на короля, ни уменьшить своих требований. При такой запутанности дела, люди эти, осаждаемые в одно и то же время обвинениями противной партии и требованиями собственной, противоречили себе самим и на словах и на деле. Они желали мира, обещали его королю, беспрестанно говорили его друзьям об ужасе, который внушают им индепенденты, и в то же время выражали свое усердие к Ковенанту, непоколебимую преданность палатам, неразрывное единение со своими братьями-англичанами. Никогда не повторяли они так часто и так громко подобных выражений³, не были так подозрительны и суровы в отно-

¹ 11 июня 1646. - Parl. Hist. T.III. - Col. 484.

² 26 марта 1646. - Carte, Ormond's Life. T.III. - C.452.

³ Parl. Hist. T.III. - Col. 471, 473, 488. - (Old Parl. Hist. T.XV. - C.8).

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

шении к королю и кавалерам. Шестерых, самых знаменитых товарищей Монтроза, взятых в плен в битве при Филипп-Гафе, осудили и казнили - строгость, не имевшая никакого основания, исключая разве мщение, и решительно беспримерная в летописях междоусобных войн в Англии¹. До отъезда из Оксфорда Карл писал маркизу Ормонду, что он отправляется в лагерь шотландцев лишь по обещанию их в случае надобности, поддерживать его и справедливые права его²; и хотя их слова, вероятно, были не так положительно ясны, как выражения короля, однако нельзя сомневаться, что они действительно подали ему повод надеяться на их помощь. Ормонд опубликовал письмо короля (21 мая); шотландцы тотчас же отреклись, называя это письмо "греховной ложью"³. С каждым днем увеличивалась строгость относительно особы короля; запрещено было приближаться к нему тем, кто поднимал оружие на его защиту; почти все его письма были перехватываемы⁴. Наконец, чтобы представить решительное доказательство своей преданности ковенанту, шотландские вожди потребовали от короля согласия на посвящение его в истинное учение Христа; и самый знаменитый проповедник их партии, Гендерсон, прибыл в Ньюкестль, чтобы официально приступить к обращению пленного короля. (Споры их продолжались от 29 мая до 16 июля)⁵.

Карл держался ловко и с достоинством в этом прении, выказал непоколебимую преданность англиканской церкви, но без желчи возражал своему противнику, который, со своей стороны, кротко и почтительно спорил с королем. Между тем, в течение этих прений, Карл написал к гу-

¹ Malcolm Laing, Hist of Scotland. T.III. - C.334.

² 3 апреля 1646. - Carte, Ormond's Life. T.III. - C.455.

³ 8 июня Parl. Hist. T.III. - Col. 480-483.

⁴ Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - C.271. - Whitelocke. C.210, 214, 220.

⁵ Вся переписка между королем и Гендерсоном собрана в творениях короля, Works of the King Charles the martyr, Лондон, 1662. C.155-187.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

бернаторам-роялистам, которые еще держались, чтобы они сдали свои крепости¹; письменно потребовал от палат, чтобы они поспешили сообщить ему свои условия;² тайно приказал Ормонду продолжать переговоры с ирландцами, хотя официально в то же самое время приказывал ему прекратить их;³ наконец Глеморгану, единственному поверенному его тайных намерений, он написал следующее: "Я был бы чрезвычайно доволен, если бы вы могли достать мне большую сумму денег, под залог моих королевств; я с процентами заплачу этот долг, как только опять вступлю во владение ими. Скажите папскому нунцию, что я не премину, конечно, воспользоваться первым случаем отдаться в его и ваши руки; я вижу ясно, что все другие презирают меня"⁴.

Наконец палаты представили королю свои условия (23 июля 1646) через графов Пемброкского и Соффолькского и четырех членов нижней палаты. Когда один из последних, Гудвин (Goodwin) готовился начать чтение, король перебил его словами: "Извините, господа, есть у вас полномочие на заключение трактата?" - "Нет, государь". - "Я не трогаю чести посольства, но в таком случае вас мог бы заменить порядочный трубач". Когда Гудвин кончил чтение, король сказал: "Надеюсь, господа, вы не рассчитываете немедленно получить ответ". - "Дело слишком важно, государь, - отвечал лорд Пемброк, - нам запрещено оставаться здесь более десяти дней". - "Хорошо, - возразил Карл, - я отпущу вас в надлежащее время; теперь можете идти"⁵. Прошло несколько дней, а комиссары не получали никакого ответа. Король печально читал и перечитывал предложения, еще более унижительные и же-

¹ 10 июня 1646. Parl. Hist. T.III. - Col. 487.

² 10 июня. Там же. Col. 486.

³ Там же. col. 487. - Lingard, Hist. of England. T.VI. - C.361.

⁴ 20 июля 1646. Birch, Inquiry into Glamorgan's Transactions и пр. C.245.

⁵ Parl. Hist. T.III. - Col. 513.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

сткие в сравнении со всеми предыдущими, которые он постоянно отвергал. От него требовалось, чтобы он признал ковенант, совершенно уничтожил епископальную церковь, уступил парламенту на двадцать лет начальство над сухопутной и морской армией и над милицией; наконец, исключил из амнистии семьдесят одного из самых верных приверженцев своих и отрешил от общественных должностей всех, кто только поднимал за него оружие, на такой срок, какой заблагорассудится назначить парламенту¹. Со всех сторон старались убедить его принять эти условия: де Белльевр, французский посланник, приехавший в Нью-кестль в один день с поверенными парламента, советовал ему от имени своего двора, согласиться на них;² Монтрель привез ему письма, в которых королева неотступно требовала того же самого;³ по совету Белльевра, она даже отправила немедленно из Парижа одного из своих придворных, сэра Уильяма Давенанта, с приказанием передать королю, что его друзья вовсе не одобряют его упорства. "Какие друзья?" - спросил Карл с неудовольствием. "Лорд Джермин, государь". - "Джермин ничего не смыслит в делах церкви". - "Лорд Кольпеппер разделяет его мнение". - "Кольпеппер человек неверующий. Что думает Гайд?" - "Не знаем, государь. Канцлера казначейства нет в Париже, он не последовал за принцем и остался в Джерзи, вместо того, чтобы ехать с ним к королеве, чем она очень оскорблена". - "Напрасно; канцлер честный человек; он никогда не изменит ни мне, ни принцу, ни церкви. Я сожалею о том, что его нет при моем сыне". Давенант стоял на своем с увлечением поэта и легкомыслием человека, не признающего никаких правил; король вышел из себя и прогнал его очень невежливо⁴. Не менее

¹ Parl. Hist. T. III. - Col. 499-512.

² Там же. Col. 512. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - C.273-275.

³ Whitelocke. C.221.

⁴ Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - C.275.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

настойчивые требования делали пресвитериане. Многие шотландские города, между прочим Эдинбург, подали королю прошения в примирительном духе¹; городская община Лондона хотела последовать их примеру; но нижняя палата формально воспротивилась этому намерению². Наконец, к просьбам стали присоединяться угрозы: собор шотландской церкви требовал, чтобы королю ни под каким видом не позволялось въезжать в Шотландию³; если он не согласится признать кovenant; а канцлер Шотландии, лорд Лоуден, объявил ему в торжественной аудиенции, в присутствии шотландских комиссаров, что если он будет упорствовать в отказе, то действительно ему будет воспрещен въезд в Шотландию, а что Англии немудрено его свергнуть с престола и учредить другое правление⁴.

Но всему помешала гордость короля, его религиозная щекотливость и некоторые тайные надежды, которые продолжали питать в нем его слишком доверчивые или пронырливые друзья⁵. Отлагая ответ свой со дня на день, Карл, наконец, 1 августа, велел потребовать к себе комиссаров парламента и вручил им письменное послание, в котором, хотя и не отвергал решительно сделанных ему предложений, однако снова требовал, чтобы его приняли в Лондоне и дали ему лично переговорить с парламентом⁶.

Индепенденты не могли скрыть своей радости. Когда комиссары воротились в Лондон, то, по обыкновению, было предложено изъявить им благодарность. "Короля должно благодарить", - вскричал один член. "Как нам быть теперь, после того, как он отверг наши предложе-

¹ Whitelocke. C.220, 223.

² Old Parl. Hist. T.XV. - C.5-7. - Mémoires de Ludlow. T.I. - C.205.

³ Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - C.283.

⁴ Rushworth. Ч.4. - T.I. - C.319.

⁵ Mémoires de Ludlow. T.I. - C.207.

⁶ Parl. Hist. T.III. - Col. 513-516.

ния?" - спросил со страхом один пресвитерианин. "А что бы случилось с нами, если бы он их принял?" - возразил один индипендент¹. Пришло послание от шотландских комиссаров с предложением сдать все занятые ими крепости и вывести шотландские войска из Англии². Лорды подали мнение, что их братья-шотландцы оказали важные услуги Англии. Нижняя палата не присоединилась к этому мнению, но приняла решение, которым запрещалось худо отзываться о шотландцах и печатать что бы то ни было против них³. Отказ короля навел уныние на одну партию и успокоил другую, и некоторое время обе они, казалось, думали только о том, как бы согласить свои интересы и разногласия.

Но, при столкновении враждебных страстей, непродолжительно бывает согласие, отчего бы оно ни происходило. Предложение шотландцев оставить Англию влекло за собою два вопроса: во-первых, как удовлетворить их жалованьем, которое им не было заплачено и которого они давно уже требовали; во-вторых, кому предоставить права располагать особой короля? Как только были подняты эти вопросы, опять началась борьба партий.

По первому пункту, пресвитериане легко одержали верх. Правда, требования шотландцев были непомерны: за вычетом полученных денег, они просили еще около 700 000 фунт. стерл., "не говоря уже, по их словам, об огромных убытках, понесенных Шотландией вследствие союза с Англией; оценку этих убытков они предоставляли добросовестности палат"⁴. Индипенденты с горькой иронией вооружились против такого тягостного братства и, в свою очередь, представили шотландцам подробный счет сумм, ими полу-

¹ Burnet, Memoirs of the Hamiltons. C.283.

² 10 августа 1646. Parl. Hist. T.III. - Col. 516.

³ 14 августа Old Parl. Hist. T.XV. - C.61-63. Это постановление прошло в нижней палате только с большинством ста тридцати голосов против ста двух.

⁴ Там же. C.66-71.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

ченных, и насильственных их поборов в северной части королевства; по этому счету оказывалось, что Шотландия должна Англии более 400 000 фунт. стерл.¹. Но люди рассудительные не только не могли допустить таких требований, даже и рассуждать о них серьезно не хотели: ясно было, что шотландцы непременно должны выйти из Англии; северные графства громко требовали этого; а чтобы они вышли, необходимо, следовательно, заплатить шотландцам деньги, ибо война обошлась бы гораздо дороже и еще более повредила бы парламенту. В упрямстве и сварливости индипендентов увидели не более как ослепление или фальшивый маневр партии; пресвитериане же, напротив, брались убедить шотландцев согласиться на более умеренные условия. Люди, о которых неизвестно было, к какой партии они принадлежат, а также все мнительные или осторожные, которые не приставали ни к какой партии и часто доставляли большинство голосов индипендентам лишь из отвращения к деспотизму пресвитериан, приняли в этом случае сторону своих противников: было решено выдать шотландцам² 400 000 фунт. стерл., как максимум уступок, на которые они могли рассчитывать, с уплатой половины при самом их выступлении, а другой половины в двухгодичный срок. Шотландцы согласились на эту сделку и тотчас же, для выполнения этих условий, открыт был в Сити заем под залог церковных имений³.

Но когда вопрос коснулся особы короля, то пресвитериане были поставлены в затруднительное положение; хотя бы они и желали оставить его в руках шотландцев, но не могли даже высказать подобную мысль, ибо народная гордость безусловно отвергала ее. Все говорили: "Права и

¹ Old Parl. Hist. C.71-75.

² В четырех постановлениях, каждое по 100 000 ф.ст., 13, 21, 27 августа и 1 сентября. Old Parl. Hist. T.XV. - C.64, 65, 76.

³ 13 октября 1646. Rushworth. Ч.4. - Т.I. - C.376. - Mémoires de Hollis. C.91.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

честь английского народа требуют, чтобы он один располагал особой своего государя. Какое право суда могут иметь шотландцы в английской земле, где они составляют не что иное, как вспомогательное войско, да еще наемное, которое доказало на деле, что хлопочет только о своем жалованье? Так пусть они возьмут свои деньги и отправляются восвояси: никому нет в них надобности, никто их не боится". Шотландцы, со своей стороны, несмотря на свое желание отклонить разрыв, не могли без отпора слышать такие презрительные отзывы. Карл, говорили они, их король точно так же, как и английский; шотландцы, подобно англичанам, имеют право пектись о его особе и судьбе; это даже обязанность их, предписываемая им ковенантом. Спор между двумя народами чрезвычайно разгорелся; с каждым днем увеличивалось число совещаний, памфлетов, деклараций; разгорались взаимные обвинения; с каждым днем народ, без различия партий, сильнее и сильнее выражал свое негодование на притязания шотландцев, которые совершенно упали в народном мнении; опять появились на свет народные предубеждения, народные антипатии. Жадность, узкая расчетливость, богословский педантизм шотландцев с каждым днем становились противнее их союзникам, отличавшимся умом более обширным и свободным, фанатизмом более глубоким и смелым. Политические вожди пресвитерианской партии, Голлиз, Степльтон, Глинн, утомленные борьбой, которую им приходилось вести со связанными руками и в качестве подчиненных, нетерпеливо искали средств положить ей конец. Они убедились, что если шотландцы отдадут короля палатам, то легко будет распустить наконец эту "проклятую" армию, которая составляет единственную силу индипендентов, в которой заключается настоящий враг короля и парламента. И потому они присоветовали шотландцам уступить, в видах даже их собственной пользы; в то же самое время лорды, вероятно, под влиянием этих же лиц, согласились наконец (24 сентября) с мнением

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

нижней палаты, которого в продолжение пяти месяцев они не принимали: "Что право располагать особой короля принадлежит лишь палатам"¹.

Этот совет был по сердцу шотландским пресвитерианам, по крайней мере, большинству их, которое готово было верить и следовать ему: их собственное сопротивление поставило их в затруднительное положение; они не знали, ни как отказаться от него, ни как его поддержать. Но, незадолго перед тем, приверженцы короля стали несколько смелее, приобрели больше влияния в кругу этой партии. Во главе их был герцог Гамильтон. Три года содержался он в замке Горы Св. Михаила в Корнваллисе, вследствие подозрений, которые он навлек на себя в Оксфорде со стороны придворных и самого короля своим двусмысленным поведением. Когда парламент овладел крепостью, где он был заключен, он получил свободу, провел несколько дней в Лондоне, делал усердные визиты всем членам обеих палат, потом приехал в Ньюкестль, вскоре после прибытия туда Карла с шотландской армией; успел в непродолжительное время опять войти в милость короля и, по возвращении в Эдинбург, стал из всех сил хлопотать в его пользу². Почти все высшее дворянство Шотландии тотчас же присоединилось к нему; из граждан последовали их примеру умеренные пресвитериане, люди рассудительные, которым надоел слепой фанатизм толпы и нахальное самоуправство их духовенства, люди благонамеренные и боязливые, готовые жертвовать всем, чтобы хоть несколько отдохнуть от тревожений. Они добились наконец того, что отправлена была новая торжественная депутация в Ньюкестль, которая униженно умоляла короля согласиться наконец на предложения парламен-

¹ Rushworth, Ч.4. - Т.I. - С.329-372. - Mémoires de Hollis. С.92-94. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - С.284. - Baillie, Letters. T.II. - С.257. - Malcolm Laign. T.III. - С.560, 569.

² Clarendon. Hist. of the rebell. T.VII. - С.79-84; T.VIII. - С.189, 201; T.IX. - С.42. - Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.327.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

та. Депутаты же - все соотечественники Карла, почти все товарищи его юности - так настойчиво, с таким чувством упрашивали короля, что решимость его поколебалась, и он сказал: "Клянусь честью, меня не столько смущают мои личные опасности, которые вы мне изобразили, сколько грустная невозможность скоро и вполне удовлетворить желаниям моей родины, вами выраженными. Так как я не хочу, чтобы обманывались насчет моих видов, то скажу вам: я не отвергаю ваших предложений - нет; уверяю вас, я не отвергаю их. Но, рассудите, я требую одного, я требую только того, чтобы меня выслушали, выслушали бы меня жители Лондона. Ведь если бы в подобном требовании какой-нибудь король отказал последнему из своих подданных, то справедливо заслужил бы имя тирана". На другое же утро, конечно, после новых просьб, король предложил ограничить сохранение епископальной церкви пятью епархиями¹, предоставляя пресвитерианам господство в остальной части королевства, и требовал для себя и своих приверженцев единственно свободы совести и богослужения до тех пор, пока вместе с палатами он положит конец всем несогласиям. Но такая неполная уступка не могла удовлетворить массу пресвитериан; и чем больше уступал король, тем более сомневались в его искренности. Предложение его едва было выслушано. Гамильтон, упав духом, говорил, что удалится на материк; в то же самое время разнесся слух, что шотландская армия скоро уйдет в свою землю. Король тотчас же написал к герцогу (26 сентября): "Гамильтон! Мне так много надобно вам сказать, а между тем свободного времени у меня так мало, что в письме этом, подобно как в нынешних временах, не будет ни порядка, ни смысла... Жители Лондона надеются овладеть мною, уверяя наших соотечественников, что и не думают сделать из меня пленника.

¹ Именно: епархиями Оксфорда, Уинчестера, Бристоля. Бата и Уэльза (Bath and Wells) и Экзетера.

СТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

и Йорка и квитанцией в получении денег? Индепен-
ты, которым сильно хотелось бы унижить за один раз
ороля, и своих соперников, с жаром настаивали на по-
днем способе; но пресвитерианам удалось заставить
ламент отвергнуть его¹, и, вследствие того 12 января
ять комиссаров, в числе трех лордов и шести членов
кней палаты², отправились из Лондона в сопровожде-
и многочисленной свиты, чтобы почтительно принять
бу своего государя³.

Карл играл в шахматы, когда ему объявили в первый
о решении палат перевезти его в скором времени в
юк Гольмби; он спокойно окончил партию и сказал
ько, что по прибытии комиссаров, объявит им свою
ю⁴. Между тем усиливалось беспокойство окружавших
приверженцы и слуги короля изыскивали средства
ти ему помощь или убежище; обдумывали новые пла-
побега; старались возбудить где-нибудь новое восста-
в пользу короля⁵. Даже в народе стали замечать уча-
е к его судьбе. Один шотландский священник, совер-
и в его присутствии богослужение в Ньюкестле, назна-
для пения псалом 51, начинающийся словами: "Что
лишился, во злобе сильнее; беззаконие весь день". Вдруг
оль, вместо этого стиха, запел громогласно псалом 56:
омилиуй мя Боже, попраша мя врази мои весь день, яко
зи борющийся мя с высоты", и все, бывшие в церкви,
еченные одним чувством, единодушно последовали его
имеру⁶. Но поздно обнаруживается в народе сострада-

января 1647. Old Parl. Hist. T.XV. - С.264.

рафы Пемброк и Денби, лорд Монтэг, сэр Джон Кок, сэр Воль-
Эрл, сэр Джон Голланд, сэр Джеймс Гаррингтон. М.Кру и гене-
-майор Броун.

Old Parl. Hist. T.XV. - С.265. - Mémoires de Herbert, С.6. в
lection г. Гизо.

января 1647. Old Parl. Hist. T.XV. - С.278. С.307.

Old Parl. Hist. T.XV. - С.269, 307 и след. - Whitelocke. С.237.

ам же. С.234.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

ние, и много пройдет времени, пока оно не произведет своего действия.

Когда комиссары прибыли в Ньюкестль (23 января), шотландский парламент успел уже выразить официально свое согласие на выдачу короля (16 января)¹. "Я продан и куплен", - сказал Карл, узнав об этом решении². Несмотря на то, он хорошо принял комиссаров, весело разговаривал с ними, выразил лорду Пемброку свое удовольствие, что он, несмотря на свои лета и суровую погоду, без утомления совершил такой долгий путь; осведомлялся о состоянии дорог; наконец, казалось, хотел убедить комиссаров, что он очень рад сблизиться с парламентом³. Накануне отъезда, шотландские комиссары, преимущественно же дальновидный лорд Лодердаль (Lauderdale), в последний раз пытались склонить его на сторону ковенанта. "Если король признает ковенант, - говорили они, - мы не выдадим его англичанам; напротив, повезем его в Бервик и выхлопочем ему выгодные условия". Монтрёлю, который всегда служил посредником между ними и королем, они предлагали даже значительную сумму денег, если он успеет добиться от короля хоть обещания⁴. Карл не переставал отказывать в своем согласии на это предложение, но не жаловался на поведение шотландцев, обходился равно хорошо как с комиссарами Англии, так и Шотландии, и явно старался в обращении с ними удерживаться от всего, что бы могло показать с его стороны недоверчивость или неудовольствие⁵. Шотландцы, видя, что их старания ни к чему не ведут, наконец уехали; Ньюкестль был сдан английским войскам (30 января 1647), и ко-

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 541.

² Whitelocke. C.240.

³ Mémoires de Herbert. C.7. в Collection г. Гизо

⁴ Thurloe, State-Papers. T.I. - C.87. - Письмо от г. Монтрёль к г. Брионн, от 2 февраля 1647.

⁵ Thurloe, State-Papers. T.I. - C.87.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

Боже мой! Ничуть не бывало; они хотят только дать мне почетную стражу, которая, для безопасности моей особы, ни на шаг не будет оставлять меня. И потому, я должен вам сказать - вовсе не за тайну, напротив, желаю, чтобы все об этом знали - я останусь в Англии, по выходе из нее этой армии, только с таким условием, и притом выраженным ясно и с соблюдением старинных законных форм, что мне предоставится в ней полная свобода и ни под каким предлогом не станут навязывать мне слуг, которых я не желаю иметь. Прошу вас, не уезжайте". Письмо оканчивалось следующими словами: "Ваш верный, истинный, неизменный, непоколебимый друг"¹. Гамильтон остался. Шотландский парламент собрался (в ноябре 1646); первые заседания его, казалось, были благоприятны королю, в пользу которого шотландцы решились действовать энергично. Парламент объявил (16 декабря), что он будет поддерживать монархическое правление в пользу короля и его потомков, равно как и его законное право на английскую корону; что отправит в Лондон инструкции шотландским комиссарам с целью выхлопотать королю позволение возвратиться в столицу с почестями, в полной свободе и безопасности. Но на другой же день постоянная комиссия генерального собрания пресвитерианской церкви представила парламенту публичную ремонстрацию, обвиняя его в том, что он слушает коварных советников, и жалуясь на опасность, которой он подвергает союз обоих королевств - единственную надежду верных, и все лишь в угоду королю, упорно отвергающему Христов ковенант². Против такого обвинения бессильны были Гамильтон и его приверженцы. Парламент уступил, взял назад решение, принятое накануне, и умеренные получили только позволение на новую попытку к убеждению короля принять предложения. Карл, в свою

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.327-329.

² Там же. С.390. - Malcolm Laing, Hist of Scotland. Т.III. - С.364-368.

очередь, отвечал лишь новым посланием, в котором требовал личных переговоров с парламентом (20 декабря)¹.

В то же самое время, когда король уже в пятый раз изъявлял свое бесполезное желание, палаты подписали договор о выступлении шотландской армии и об условиях уплаты ей денег². Заем, открытый на этот предмет в Сити, был тотчас же покрыт. 16 декабря 200 000 фунт. стерл., которые должны были быть выданы шотландцам перед самым выступлением их в поход, были отправлены по назначению из Лондона, под прикрытием отряда пехоты, в двухстах ящиках, за печатями обеих наций, на 36 телегах³. Скиппон, начальник прикрытия, отдал приказ, в котором объявил, что каждый офицер или солдат, который делом, словом или каким бы то ни было образом оскорбит шотландского офицера или солдата, тотчас же будет подвержен строгому наказанию⁴. Конвой прибыл в Йорк 1 января 1647 года и был торжественно встречен пушечною пальбою со стен города⁵; спустя три недели, шотландцы в Норт-Алертоне получили первую уплату. В документах этого договора не упоминалось о короле, но, спустя неделю после того, как он был подписан⁶, обе палаты положили отправить короля в замок Гольмби, в графстве Нортэмптон, и личность короля была до такой степени непременно условием договора, что в нижней палате поднят был вопрос: что лучше - отправить ли комиссаров в Ньюкестль для торжественного принятия его с рук на руки от шотландцев, или требовать, чтобы Скиппону без всякой торжественности сдали его вместе с клю-

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.393.

² 23 декабря Parl. Hist. T.III. - Col. 532-536.

³ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.389. - Parl. Hist. T.III. - Col. 533.

⁴ Whitelocke. С.240.

⁵ Old Parl. Hist. T.XV. - С.217. - Drake, History of York. С.171, Лондон, 1736.

⁶ 11 ноября 1646. - Parl. Hist. T.III. - Col. 538.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

роль, под прикрытием кавалерийского полка, выехал из него 9 февраля. Медленно подвигались путешественники; около них постоянно толпился на дороге народ, сбегавшийся со всех сторон; к королю приводили больных, одержимых золотухой, ставили их вокруг его кареты или близ дверей занимаемого им дома, с тем, чтобы он, проходя мимо, мог коснуться их. Комиссары в испуге запретили было это стечение народа¹, но не имели успеха, потому что в это время народ не привык еще к притеснениям, не знал еще страха, и сами солдаты не осмеливались отгонять граждан, употребляя в дело слишком грубые меры². Недалеко от Ноттингэма, Ферфакс, главная квартира которого была расположена в этом месте, вышел навстречу королю, и как только завидел его, сошел с лошади, поцеловал руку Карлу, и сев снова верхом, проехал весь город, почтительно разговаривая с королем. Расставшись с Ферфаксом, король отозвался о нем так: "Генерал благородный человек; он сдержал свое слово"³. Спустя два дня (16 февраля), он прибыл в Гольмби; сюда стеклось из окрестностей множество дворян и граждан, которые встретили Карла с таким торжеством, что он громко выразил полное удовольствие, которое доставил ему этот прием со стороны подданных⁴.

Все это произвело некоторое беспокойство даже в пресвитерианах Вестминстера; но страх этот вскоре уступил место радости, возбужденной в них мыслью, что король теперь в их руках и что, наконец, они получили полную возможность открыто и смело нападать на своих врагов.

¹ 9 февраля 1647, посредством объявления, обнародованного в Лидсе. *Parl. Hist.* T.III. - col. 549.

² *Mémoires de Herbert.* C.10.

³ *Whitlocke.* C.242. Неизвестно, впрочем, на какое обещание Ферфакса намекал Карл этими словами: быть может, на обещание принять его и переговорить с ним, как это сделал Ферфакс.

⁴ *Mémoires de Herbert.* C.10.

Карл прибыл в Гольмби 16 февраля, а уже 19-го нижняя палата положила распустить армию, исключая только те полки, которые были необходимы для войны с Ирландией, для гарнизонов и для охранения общественного спокойствия в королевстве¹. Ферфакс чуть было не лишился звания главнокомандующего над той частью армии, которую положено было оставить²; звание это сохранили за ним, но в то же время определили, что ни один член палаты не имеет права служить с ним; что под его начальством могут быть лишь офицеры чином не выше полковника, и что все они обязаны принадлежать к пресвитерианской церкви и признавать ковенант³. Лорды, со своей стороны, потребовали, под предлогом доставить облегчение ближайшим к Лондону графствам, более прочих преданным общественному делу, чтобы армия, в ожидании своего роспуска, заняла квартиры как можно далее от столицы⁴. В Сити был открыт заем в 200 000 фунт. стерл., чтобы уплатить распускаемым войскам часть неуплаченного им жалованья⁵. Наконец, особому комитету, в котором заседали почти все вожди пресвитерианской партии, именно Голлиз, Степльтон, Глини, Мейнард, Уоллер, приказано было наблюдать за исполнением этих мер, особенно же озаботиться наискорейшим отправлением вспомогательного войска в Ирландию, которого так долго ожидали тамошние несчастные протестанты⁶.

Это нападение не застало врасплох индипендентов: они

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 558. Это предложение было принято большинством 158 голосов против 148.

² Предложение было отвергнуто большинством только двенадцати голосов: 159 против 147. Old Parl. Hist. T.XV. - C.331. - White-locke. C.243.

³ Это предложение принято было 136 голосами против 108. Parl. Hist. T.III. - Col. 558.

⁴ 24 марта 1647. Old Parl. Hist. T.XV. - C.335.

⁵ Там же. C.348. - Rushworth. Ч.4. - T.I. - C.449.

⁶ Mémoires de Hollis. C.104. - Rushworth. Ч.4. - T.I. - C. 450.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

предвидели его; уже два месяца кряду убеждались они в том, что их значение в палате падает: против них было большинство вновь избранных членов¹, хотя на первых порах они и выказывали нерасположение к пресвитерианскому дворянству. Раз Кромвель сказал Лудло: "Просто беда служить парламенту! Будь верен, сколько хочешь, но стоит только подвернуться какому-нибудь законнику и оклеветать тебя - ты пропал; во всю жизнь не оправдаешься; между тем, как в армии, служа под начальством какого-нибудь генерала, можешь не менее приносить пользы да сверх того, не боишься ни выговоров, ни зависти. Покойный отец твой, если бы был жив, много мог бы порассказать о проделках этих господ"². Лудло, истый республиканец, разделявший страсти своей партии, но непосвященный еще в ее интриги, решительно не понял смысла слов Кромвеля и ничего не отвечал ему; но других легче было ввести в обман или соблазнить. В армии уже было у Кромвеля несколько соучастников, которые искусно работали для его тайных целей и которыми он управлял как слепым орудием. Таковы были: Эйртон, который вскоре сделался его зятем; прежде он был юрисконсулт, теперь же служил генерал-комиссаром кавалерии; это был человек твердого характера, упрямый и тонкий, способный стремиться к самым отважным целям без шума, необыкновенно хитро, и в то же время прикрывать самые смелые замыслы открытым и грубым обращением; далее, Ламберт, один из самых блестящих офицеров армии, честолубивый и суетный, готовившийся, подобно Эйртону, к юрисконсульству; он вынес из своей школы искусство говорить вкрадчиво и красноречиво, и ловко пользоваться им, когда нужно бывало склонить на его сторону солдат; затем Гаррисон, Гаммонд, Прайд, Рич, Ренсборо, полковники испытанной храбрости, пользовавшиеся популярностью. Все они были преданы Кромвелю: Гаррисон, в благочестивых собраниях, вместе с ним "искал Господа", Гаммонд, благодаря

¹ Mémoires de Hollis. C.94-101.

² Mémoires de Ludlow. T.I. - C.209, в Collection г. Гизо.

Кромвелю, женился на дочери Гэмдена¹; остальные или чувствовали на себе обаяние его гения, или связывали свою карьеру с его успехами, или просто подчинялись ему как солдаты. Через этих-то людей Кромвель, хотя и занявший, по окончании войны, свое прежнее место в Вестминстере, сохранял вполне влияние над армией, на которую издали не переставал действовать неумолимо. Как только заговорили о роспуске войск, эти приверженцы Кромвеля подняли страшный ропот; они получали из Лондона вести, внушения, советы, и тотчас же распускали их между солдатами, под рукою подговаривая их требовать уплаты жалованья сполна и отказываться от похода в Ирландию, более же всего убеждая их избегать всякого разъединения. Между тем Кромвель, чтобы отклонить от себя малейшее подозрение, оставался спокойно в Лондоне, выражал в палате сожаление о недовольстве армии и рассыпался в уверениях в своей преданности².

Сначала из армии поступило в палаты прошение за подписью лишь четырнадцати офицеров (25 марта)³; написано оно было в духе покорности, выражавшей совершенную преданность палатам. Подписавшиеся давали обещание отправиться в Ирландию по первому приказу, и лишь мимоходом, смиренно, давали советы насчет уплаты следуемого армии жалованья и насчет обеспечений, на которые она имела право. Палаты выразили им благодарность, но высказали и свое неудовольствие оговоркою, что никто не имеет права давать наставления парламенту⁴. Только что этот ответ был доставлен в армию, как там было изготовлено новое прошение: оно было уже гораздо решительнее первого; войско требовало полной уплаты всего недоданного жалованья; требовало, чтобы никто не был обязан идти в ирландский поход без

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - С.5.

² Mémoires de Hollis. С.115-117. - Old Parl. Hist. T.XV. - С.341. - Memoirs of sir John Berkley. С.167, в Collection г. Гизо.

³ Parl. Hist. T.III. - Col. 560.

⁴ Там же. Col. 562.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

собственного желания; чтобы раненым солдатам, а также вдовам и детям убитых назначена была пенсия; чтобы немедленно выданы были деньги в счет жалованья армии, которая не хочет быть в тягость жителям тех мест, где она располагает свои квартиры. Это прошение было составлено уже не несколькими офицерами, а именем всех офицеров и солдат; было адресовано не к палатам, а к Ферфаксу, законному представителю армии и охранителю ее прав. Проект прошения был читан в полках; офицерам, которые отказывались подписать его, угрожали¹.

Как только дошел до палат слух об этих приготовлениях, они приказали Ферфаксу запретить их строжайшим образом, и объявили, что всякий, кто будет продолжать подобные беспорядки, будет сочтен врагом государства и нарушителем общественного спокойствия; сверх того, они вызвали несколько офицеров в Лондон для объяснений².

Ферфакс отвечал, что он исполнит приказание. Гаммонд, Прайд, Лильборн и Греймз отправились в Вестминстер (1 апреля 1647). Они дерзко отрицали факты, в которых их обвиняли. Прайд сказал: "Неправда, проект прошения не был читан перед полком". Читан он был, точно, не перед полком, а перед каждой ротой отдельно. Но палата не настаивала более на этом деле, довольствуясь тем, что проект оставлен и участники отреклись от него³.

Затем обратились снова к приготовительным мерам для роспуска армии. Заем, открытый на этот конец в Сити, тянулся медленно и не мог покрыть всех потребностей; чтобы восполнить недостававшие суммы, был назначен всеобщий налог в 60 000 фунтов стерлингов ежемесячно⁴. Но более всего палаты хлопотали о сформирова-

¹ Parl. Hist. T.III. Col. 562-567. Whitelocke. C.245.

² Этот вызов сделан от 30 марта 1647. - Parl. Hist. T.III. - Col. 567.

³ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.444. - Mémoires de Hollis. C.110.

⁴ Постановление, предложенное в начале апреля, было окончательно дано только 23 июня (Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.582). - Налог был назначен на один год.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

нии корпусов, которые должны были идти в Ирландию; обещаны были большие выгоды тем, кто обяжется участвовать в этом походе. Начальниками экспедиции назначены Скиппон и Масси¹. Пять комиссаров, все до одного пресвитериане, явились в главную квартиру, чтобы объявить об этих распоряжениях.

В день прибытия комиссаров (15 апреля 1647), двести офицеров, собравшихся у Ферфакса, вступили с ними в совещание. "Кто будет командовать нами в Ирландии?" - спросил Ламберт. "Палаты назначили генералов Скиппона и Масси". - "Армия, - возразил Гаммонд, - готова признать своим начальником генерала Скиппона; она умеет ценить его великие воинские заслуги; но, вместе с ним, мы требуем, чтобы нами командовали те генералы, в способностях которых мы не раз имели случай убедиться на деле". - "Да, давай нам всех их, всех!" - закричали офицеры. "Давайте нам Ферфакса и Кромвеля, и мы все пойдем охотно". Комиссары смешались и, выходя из залы, пригласили желающих из офицеров прийти к ним на дом. Только двенадцать, много пятнадцать человек отвечали на это приглашение².

Спустя несколько дней³, офицеры, в числе ста сорока одного, адресовали к палатам торжественное оправдание своего поведения. "Вступив на военную службу, - писали они, - мы не перестали быть гражданами; защищая права, ограждающие свободу нашего отечества, мы не можем идти сами под иго рабства; а между тем нам запрещают сочинять прошения, в которых мы выражаем наши требования; наших прошений не принимают, а жалобы на нас, поступающие от разных графств, не только принимают,

¹ Постановление, предложенное в начале апреля было окончательно дано только 23 июня (Rushworth, Ч.4. - Т.I. С.452.). - Mémoires de Hollis. С.112.

² Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.457. - Whitelocke. С.244.

³ 27 апреля. Parl. Hist. Т.III. - Col. 568. - Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.469-472.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

но даже ободряют; с нами обошлись, как с врагами отечества. Надеемся, что снимут с нас это обвинение и что до роспуска армии дадут ей нужные гарантии для нашей личной безопасности и для уплаты следуемого жалованья".

Еще в палате не было кончено чтение этого прошения (30 апреля), как встал Скиппон и представил другое письмо, поданное ему накануне тремя рядовыми солдатами: восемь кавалерийских полков решительно отказывались от похода в Ирландию; они говорили: "Нам коварно расставляют сети; ищут только предлога, чтобы удалить от солдат любимых ими офицеров; хотят только потворствовать нескольким честолюбивым людям, которые долго были рабами, а теперь вкусили власти и готовы сделаться тиранами, чтобы остаться повелителями". Вожди пресвитерианской партии, возмущенные этой явной нападкой на них лично, потребовали, чтобы палата, отложив в сторону все другие дела, велела призвать и сама допросила бы трех солдат, подавших прошение. Они явились; твердость, самоуверенность выражалась в их взгляде и осанке¹. "Где сочиняли это письмо?" - спросил их президент. "В собрании полков". - "Кто его писал?" - "Выборные от каждого полка". - "Офицеры ваши одобрили его?" - "Немногие и знают о нем". - "Знаете ли вы, что только роялисты могли сделать подобную выходку? Не принадлежали ли вы сами когда-либо к кавалерам?" - "Мы поступили на службу в парламентское войско до битвы при Эджилле и с тех пор не оставляли его". Один из солдат выступил вперед и сказал: "Раз в битве я получил пять ран; я упал; генерал Скиппон, увидя меня, подошел ко мне и дал мне пять шиллингов, чтобы я мог найти себе скорую помощь. Пусть генерал скажет, лгу ли я". - "Он говорит правду", - сказал Скиппон, с участием взглянув на солдата. "Но что же значит то место, в котором вы говорите о каких-

¹ Их звали: Эдуард Сексби, Уильям Аллен и Томас Шеппард.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

то тиранах?" - "Мы не что иное, как депутаты наших полков; если палате угодно будет дать письменные запросы, то мы доставим их в наши полки и принесем от них ответ"¹.

Страшный шум поднялся в палате при этих словах; пресвитериане разразились угрозами. Кромвель, наклонившись к уху Лудло, сидевшему подле него, сказал: "Этот народ не уймется до тех пор, пока армия не схватит их за уши и не выбросит вон из палаты"².

Но вскоре открылись весьма неприятные вещи, и гнев палат уступил место беспокойству. Дело шло уже не об усмирении недовольных войск: вся армия действовала тесным союзом, имела уже собственное свое правительство и составляла независимую силу, которая могла быть соперницей парламента. Два совета - один, составленный из офицеров, другой - из агентов или агитаторов, выбранных солдатами, управляли всеми действиями армии и готовились от ее имени вступить в переговоры. Приняты были все меры, необходимые для поддержания этого нового учреждения: каждый эскадрон, каждая рота, выбирали из среды своей по два агитатора; каждый раз, когда им необходимо было собираться вместе, все солдаты платили на издержки собрания по четыре пенса; оба совета должны были всегда действовать не иначе, как сообща³. В то же время распространился слух, и не без основания, что из армии сделаны королю предложения; говорили, что она вызывалась возвратить ему его права, если он согласится стать во главе армии и отдаться под ее защиту⁴. Видя по-

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.474. - Mémoires de Hollis. C.120. - Mémoires de Ludlow. Т.I. - С.213. - Whitelocke. C.249.

² Mémoires de Ludlow. Т.I. - С.213.

³ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.485. - Mémoires de Fairfax. C.402-404. - Mémoires de Hollis. C.118. - Mémoires de Ludlow. Т.I. - 213, в Collection г. Гизо.

⁴ В самом деле, в начале апреля королю были адресованы несколькими офицерами предложения этого рода. Карл отверг их. (Clarendon, State-Papers. Т.II. - С.365).

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

явление этой новой власти и страхась не столько торжества, сколько могущества ее, многие члены парламента, особенно люди расчетливые, оробели; некоторые удалились из Лондона, другие, как например, Уайтлок сблизились с генералами, особенно же с Кромвелем, который принял их с распростертыми объятиями¹. Парламент пытался подействовать на армию уступчивостью и выбрал в посредники ее же собственных начальников. Вместо жалования за шесть недель, какое первоначально определено было выдать тем войскам, которые будут распущены, теперь обещано выдать за два месяца²; изготовили приказ о всепрощении за беспорядки и противозаконные поступки, учиненные во время войны³; назначен был фонд на вспомоществование вдовам и детям солдат⁴. Наконец, Кромвелю, Эйртону, Скиппону, Флитвуду и всем генералам, заседавшим в нижней палате и пользовавшимся расположением армии, поручено было восстановить согласие между нею и парламентом⁵.

Прошло уже две недели с тех пор, как эти генералы находились на главной квартире, а между тем их присутствие ни на шаг не подвигало дела вперед. Они часто писали в палату, но в письмах их не содержалось ничего важного: то совет офицеров отказывался дать им ответ без содействия агитаторов; то эти последние требовали отсрочки, чтобы посоветоваться с солдатами⁶. С каждым днем на глазах комиссаров самого парламента крепла и росла сила этого враждебного ему правительства. Между

¹ Whitelocke. С.253.

² 14 мая 1647. - Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.484.

³ Там же. Постановление было окончательно принято 21 мая. Там же. С.489.

⁴ Mémoires de Hollis. С.124.

⁵ Они прибыли в главную квартиру в Сафронвальдене, в графстве Эссекс, 7 мая 1647.

⁶ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.480, 485, 487. - Mémoires de Huntington. С.310-312, в Collection г. Гизо.

тем Кромвель писал письмо за письмом в палату, уверяя, что истощил все средства для усмирения армии и не получил успеха; что от того сильно страдает его авторитет и что скоро он сам сделается в глазах солдат лицом подозрительным и ненавистным¹. Некоторые из комиссаров возвратились наконец в Лондон с теми же предложениями и с теми же отказами, какие армия делала прежде².

Вожди пресвитерианской партии ожидали именно такого ответа и, пользуясь впечатлением, которое он произвел на палату, надеявшуюся гораздо больше, в несколько часов убедили ее принять довольно решительные меры. По предложению Голлиза, решено тотчас же распустить те войска, которые не поступят в состав ирландской армии; с точностью определены все подробности этой меры: назначены день, место, средства. Положено распускать корпуса неожиданно, каждый отдельно в его собственных квартирах и почти в одно и то же время или как можно с меньшими промежутками, чтобы они не могли сговориться или соединиться. На различные пункты королевства отправлены деньги, необходимые для приведения в исполнение первых мер этого распоряжения; а для наблюдения отправились комиссары, выбранные из партии пресвитериан³.

В армии они нашли ужаснейшую неурядицу в большей части полков, до которых дошло известие о грозившей им опасности. Вспыхнул мятеж; одни, прогнав офицеров, возбудивших к себе недоверие, самовольно, с распущенными знаменами, отправлялись на соединение со своими товарищами; другие делали себе крепости из церквей и объявляли, что они неразлучно останутся вместе; иные овладели деньгами, предназначенными на роспуск войска;

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - С.298-301.

² Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.491.

³ Там же. С.493, 494, 496. - Parl. Hist. T.III. - Col. 582. - Mémoires de Hollis. С.125. Это решение было принято палатой пэров, 22 мая 1647.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

все громко требовали общего собрания, в котором все войско могло бы высказаться. Тотчас же было отправлено (29 мая) к Ферфаксу от имени солдат письмо, в котором они объявляли, что если офицеры откажутся вести их, то они и без офицеров сумеют соединиться и защищать свои права. Ферфакс смутился, растерялся; уговаривал офицеров, выслушивал солдат, писал в парламент, откровенно обращался ко всем партиям и высказывал только свое бессилие, будучи равно неспособен пожертвовать своей популярностью, как и заставить уважать свою власть. Наконец он созвал военный совет¹, на котором все офицеры, исключая шестерых, подали мнение, что решения палат неудовлетворительны, что армия не может разойтись, пока не получит более надежных обеспечений; что она стянет свои лагерь; что будет назначено общее собрание всего войска, чтобы рассеять опасения солдат, и что обо всем этом совет почтительнейше доведет до сведения парламента².

Палаты не могли более обманываться: авторитет их был подорван, и собственную силою они не могли уже держаться против врага, подобного армии; их имя было бессильно; нужна была другая сила; недостаточными оказывались законы: потребна была другая защита. Только король, с одной стороны, с другой Сити, все еще преданная пресвитерианам и уже готовая пристать к роялизму, в силах были поддерживать парламент. Уже с этой целью им приняты были некоторые меры: с согласия муниципального совета, лишили партию индепендентов начальства над милицией, которое вручено комитету, составленному исключительно из пресвитериан (4 мая 1647)³; двери палат охранялись более многочисленною против прежнего стражей; на содержание ее прибавлено 12 000 фунт. стерл. (4 мая 1647)⁴; уволенные офицеры -

¹ Также 29 мая.

² Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.496-500. - Parl. Hist. Т.III. - Col. 584-588. - Mémoires de Hollis. С.126-128.

³ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.472, 478.

⁴ Там же. С.496.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

верный остаток эссексовой армии, без всякого стеснения жили в городе и притом в большом числе. К великому прискорбию партии, самого Эссекса не было уже в живых: он почти скоропостижно умер в конце предшествовавшего года (14 сентября), возвратившись с охоты, и притом в такое время, когда он, как говорили, готовился решительно заступить за мир. Смерть его была таким ударом для пресвитериан, что ходили слухи, будто он отравлен их противниками¹. Зато Уоллер, Пойнтз, Масси были одушевлены горячим рвением и не скрывали своей готовности стать на сторону пресвитериан. Что касается короля, то палаты имели основание сомневаться в его расположении к ним: два раза (19 февраля и 8 марта 1647) они сухо, с фанатичной жесткостью отказали ему в просьбе позволить его капелланам служить для него обедню; взамен того два пресвитерианских священника, Маршалль и Керилль, служили в Гольмби по своим обрядам, хотя Карл постоянно отказывался присутствовать при этом богослужении;² самые преданные из слуг были удалены от его особы;³ у него отнята была всякая возможность переписки с женой, с детьми, с друзьями, находившимися за границей;⁴ свидания с ним добился с большим трудом даже лорд Дёмферлейн (Dumerflin), один из комиссаров шотландского парламента (13 мая);⁵ наконец, недавно (12 мая)⁶ доставил он палатам очень обстоятельный ответ на предложения, полученные им в Ньюкестле, а прошло с лишком две недели, и палаты все еще не удосужились рассмотреть его. После стольких неприятностей

¹ Old Parl. Hist. T.XV. - C.97. - Whitelocke. C.233. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - C.293.

² Parl. Hist. T.III. - C.557-559. - Mémoires de Herbert. C.11 в Collection г. Гизо.

³ Там же. C.13-16.

⁴ Rushworth. Ч.4. - T.I. - C.453-482. - C.12.

⁵ Rushworth. Ч.4. - T.I. - C.473. - T.III. - C.577-581.

⁶ Parl. Hist. т. III. Col. 577-581.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

В ту же самую минуту Джойс послал нарочного в Лондон с письмом, в котором извещал Кромвеля об успешном окончании дела. Если он не застанет Кромвеля в Лондоне, то должен был отдать письмо сэру Артуру Гэзльрингу, а в случае и его отсутствия, полковнику Флитвуду. Письмо принял Флитвуд¹. Кромвель находился на главной квартире Ферфакса, который страшно смутился, узнав о случившемся. "Это мне не нравится, - сказал он Эйртону, - кто давал такие приказания?" "Я приказывал, - отвечал Эйртон, - овладеть королем в Гольмби, но не приказывал увозить его оттуда". "Иначе нельзя было поступить, - сказал Кромвель, только что приехавший из Лондона, - парламент овладел бы королем, если бы мы его не предупредили"². Ферфакс послал на встречу королю два кавалерийских полка под начальством полковника Уаллея (Whalley), которому приказал отвезти Карла обратно в Гольмби. Карл не согласился на это; хотя он постоянно протестовал против насилия, которому его подвергали, но в сущности с удовольствием менял место своего заключения и очень был рад раздору, происшедшему между его неприятелями. На другой день сам Ферфакс, со всем своим штабом, Кромвель, Эйртон, Скиппон, Гаммонд, Ламберт, Рич, представились ему в Чайльдерслее, недалеко от Кембриджа (7 июня). Большая часть из них, прежде всех Ферфакс, почтительно целовали у него руку; только Кромвель и Эйртон держались в стороне³. Ферфакс рассыпался перед королем в уверениях, что он неповинен в его похищении. "До тех пор не поверю вам, - сказал Карл, - пока вы не прикажете повесить Джойса". Позвали Джойса. Он сказал: "Я говорил королю, что у меня нет никакой инструкции от генерала; я действовал по приказанию армии. Велите ее собрать; и

¹ Mémoires de Hollis. С.132.

² Там же. С.312-313.

³ Clarendon: Hist. of the rebell. T.VIII. - С.310.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

если три четверти голосов не будут в мою пользу, то пусть повесят меня перед полком". Ферфакс предлагал предать Джойса военному суду, но не имел успеха. "Милостивый государь, - сказал король Ферфаксу, расставаясь с ним, - вы имеете в армии столько же власти, сколько и я". После этого он опять потребовал, чтобы его везли в Ньюмаркет. Полковнику Уаллею поручено было охранение короля в этом городе. Ферфакс возвратился в главную квартиру, а Кромвель - в Вестминстер, где четырехдневное отсутствие его производило всеобщее недоумение¹.

В странном положении нашел он палаты: то предавались они гневу, то чувствовали страх, то выказывали твердость, то слабость. При первом известии о похищении короля ими овладел всеобщий ужас. Скиппон, которого пресвитериане все еще причисляли к своей партии, плачевным голосом требовал, чтобы назначен был всеобщий пост, дабы вымолить у Господа восстановление согласия между парламентом и армией, а в ожидании этого, предложено было, с одной стороны, выплатить значительную сумму в зачет недоданного жалованья, с другой стороны, взять назад и вычеркнуть из протоколов решение, в силу которого первый проект прощения офицеров объявлен возмутительным². Новые известия возбудили всеобщее негодование и отчасти ободрили палаты: комиссары прислали подробный отчет о сценах, происходивших в Гольмби. Палаты узнали о письме Джойса к Кромвелю; некоторые даже называли день, в который, по наущению Кромвеля, несколько офицеров и главнейших агитаторов задумали и положили привести в исполнение этот дерзкий замысел³. Когда Кромвель занял опять свое место в нижней палате, то многие члены стали громко высказывать

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.545, 549. - Mémoires de Herbert. С.24-25. - Mémoires de Warwick. С.252. - Mémoires de Fairfax. С.408-410.

² 5 июня 1647. Parl. Hist. Т.III. - Col. 592, 597. - С.139.

³ 30 мая, по Голлизу. С.129.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

мудрено было надеяться на сближение. Но нужда неумолима. Если король и имел причины быть недовольным пресвитерианами, то он знал, однако, что они не желают его гибели. Даже в Гольмби, несмотря на этот строгий надзор, доходивший до мелочности, Карлу воздавали обычные почести; блистательно содержался его дом, строго соблюдался придворный церемониал; комиссары-пресвитериане, которые состояли при нем, никогда не нарушали приличий, всегда оказывали королю подобающее уважение. Они жили с ним в полном согласии: король то приглашал их сопровождать его в прогулках, то играл с кем-нибудь из них в шахматы или в мяч - словом, всегда оказывал им внимание, искал их беседы¹. "Быть не может, - думали пресвитериане, - чтобы король ясно не видел, что враги палат в то же время и его враги, и не может же он отказаться от единственного средства к спасению, которое у него остается". Лорды предложили (20 мая)² пригласить короля поселиться в своем замке Отлендсе (Oatlands), ближе к Лондону; нижняя палата не выразила явно своего согласия на это предложение, но намеками дала понять, что и она разделяет желание лордов, и завязала деятельную тайную переписку с комиссарами, охранявшими особу короля, особенно же с комендантом гарнизона, полковником Гривзом (Greaves). В Вестминстере и Сити уже поговаривали, что есть надежда, что в скором времени король соединится со своим парламентом, как вдруг, 4 июня, пришло совершенно неожиданное известие, что накануне отряд из 700 человек похитил из Гольмби Карла и что теперь он находится во власти армий. Так действительно и было.

После обеда, 2 июня, король играл в мяч на Альторпском луку, в двух милях от Гольмби; вдруг комиссары, бывшие с ним, заметили в числе зрителей неизвестного

¹ Mémoires de Herbert. C.10-13.

² Parl. Hist. T.III. - Col. 581.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

человека, в мундире гвардейского полка Ферфакса. Полковник Гривз спросил его, кто он такой, откуда и что говорят в армии. Незвестный отвечал несколько грубо, гордо, как бы с сознанием собственного достоинства, впрочем, без хвастливой заносчивости. Вслед затем, окружавшие короля начали говорить, что значительный отряд кавалерии приближается к Гольмби. "Вы об этом слышали?" - спросил Гривз неизвестного. "Мало того, что слышал, я сам их видел вчера недалеко отсюда". Все встревожились; тотчас же воротились в Гольмби, сделали распоряжение на случай атаки; гарнизон дал обет не изменять парламенту. И точно, около полуночи под стенами замка показался отряд кавалерии и требовал, чтобы его впустили. "Кто тут главный?" - велели спросить комиссары прибывших. "Все главные", - отвечали им. Между тем кто-то отделился от отряда и вышел вперед: это был тот самый человек, которого за несколько часов перед тем видели на Альторпском лугу. "Меня зовут Джойсом", - сказал он, - я корнет гвардии генерала; мне нужно перечь с королем". - "От кого?" - "От себя". Комиссары захохотали. "Нечего смеяться: не за тем я пришел, чтобы с вами разговаривать; мне сейчас же нужно видеться с королем". Гривз и генерал Броун, один из комиссаров, скомандовали гарнизону стрелять; но солдаты уже успели переговорить с прибывшими; мосты были опущены, ворота отворены, кавалеристы Джойса въехали во двор замка, соскочили с коней и начали здороваться со своими товарищами, солдатами гарнизона, говоря им, что армия прислала их затем, чтобы спасти короля, потому что есть заговор, имеющий целью похитить его, увезти в Лондон, набрать новую войско и опять затеять междуусобную войну; а полковник Гривз, комендант этой крепости (прибавляли они) уже приготовился приводить в исполнение этот предательский замысел. Гарнизон, услышав эти слова, громко и гласно объявил, что он не отстанет от армии. Гривз по-

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

спешил скрыться. Несколько часов сряду продолжались переговоры, и комиссары убедились, что нет более надежды на успех сопротивления. В полдень Джойс вступил во владение замком, везде расставил часовых и удалился, чтобы дать своему отряду отдохнуть до вечера.

Вечером в десять часов он потребовал, чтобы наконец допустили его к королю. "Король спит", - отвечали ему. "Мне что за дело? - сказал он. - Я ждал довольно долго; мне непременно нужно видеть его" и, с пистолетом в руке, он заставил вести себя во внутренние покои короля. "Очень жаль, - сказал он дежурным, - что я нарушаю сон его величества. Но что же делать! Я должен говорить с ним, и притом сейчас же". Его спросили, есть ли у него разрешение комиссаров. "Нет, я приставил часовых к дверям их квартир; инструкции свои я получил от людей, которые их не боятся". Его попросили снять оружие; он решительно отказался это сделать. Так как медлили отворить ему дверь, он начал горячиться. Сделался шум. Карл проснулся, позвонил и велел впустить его. Джойс вошел, с открытой головой, с пистолетом в руке, с видом решительным, но довольно прилично. Король долго разговаривал с ним в присутствии комиссаров, которых велел призвать, и отпустил его, сказав: "До завтра, мистер Джойс; я охотно поеду с вами, если ваши солдаты подтвердят все то, что вы мне обещали".

На следующее утро, в шесть часов, отряд Джойса был во дворе замка на лошадях, в боевом порядке. Король, в сопровождении комиссаров и своих служителей, показался на лестнице; Джойс подъехал к крыльцу. "Мистер Джойс, - сказал король, - скажите, кто вам дал полномочие овладеть мною и увезти меня отсюда?" - "Государь! Меня уполномочила армия, которая хочет предупредить своих врагов и помешать им произвести новое кровопролитие в нашем отечестве". - "Но армия не есть законная власть; я признаю законною лишь свою власть, а после моей, власть парламента. По крайней мере, есть ли у вас письменный приказ сэра Томаса Ферфакса?" - "Я имею приказания от армии, а ге-

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

нерал входит в состав армии". - "Это не ответ; генерал - начальник армии. Есть ли у вас письменное приказание?" - "Государь, прошу вас, избавьте меня от вопросов; я уже достаточно отвечал вам". - "Послушайте, мистер Джойс, будьте со мной откровенны, скажите, какое у вас есть полномочие?" - "Вот оно, государь!" - "Где?" - "Там". - "Да где же?" - "Там, позади меня", - и он указал на своих солдат. "Ну, признаться, - сказал король улыбаясь, - никогда еще не случилось видеть такого полномочия. Правда, я должен согласиться, оно написано четкими буквами и очень красиво: господа эти вооружены на диво и все с виду молодцы. Но знайте, что лишь силою удастся вам увезти меня, если вы не дадите обещания обходиться со мной почтительно и не требовать от меня ничего такого, что может быть противно моей совести или чести". - "Никогда, никогда!" - громко закричали солдаты. "Не в нашем духе, - сказал Джойс, - стесняться бы то ни было совесть, тем менее совесть нашего короля". - "Куда же, господа, повезете вы меня теперь?" - "В Оксфорд, если позволите, ваше величество". - "Нет, там воздух нехорош". - "Так в Кембридж". - "Нет, по-моему, лучше Ньюмаркет: мне всегда нравился тамошний воздух". - "Как вам годно, государь". Король воротился в свои покои; комиссары приблизились на несколько шагов к солдатам. "Господа, - сказал им лорд Монтэг, - мы здесь доверенные палат; нам желательно было бы знать, одобряете ли вы то, что сказал мистер Джойс?" - "Все одобряем, все!" - "Пусть те, - сказал генерал Броун, - кто желает, чтобы король остался здесь с нами, комиссарами парламента, громко выразит свое мнение". - "Никто! никто!" Убедившись после этого в своем бессилии, комиссары покорились своей участи: трое из них взошли в карету вместе с королем; остальные сели на лошадей; Джойс скомандовал, и все отправились в путь¹.

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.1. - С.502, 513-517. - Parl. Hist. Т.III. - Col. 588-601. - Mémoires de Herbert. С.17-24. - Mémoires de Ludlow. Т.I. - С.217. - Clarendon. Hist. of the rebell. Т.VIII. - С.301.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

В ту же самую минуту Джойс послал нарочного в Лондон с письмом, в котором извещал Кромвеля об успешном окончании дела. Если он не застанет Кромвеля в Лондоне, то должен был отдать письмо сэр-у Артуру Гэзльрингу, а в случае и его отсутствия, полковнику Флитвуду. Письмо принял Флитвуд¹. Кромвель находился на главной квартире Ферфакса, который страшно смутился, узнав о случившемся. "Это мне не нравится, - сказал он Эйртону, - кто давал такие приказания?" "Я приказывал, - отвечал Эйртон, - овладеть королем в Гольмби, но не приказывал увозить его оттуда". "Иначе нельзя было поступить, - сказал Кромвель, только что приехавший из Лондона, - парламент овладел бы королем, если бы мы его не предупредили"². Ферфакс послал на встречу королю два кавалерийских полка под начальством полковника Уаллея (Whalley), которому приказал отвезти Карла обратно в Гольмби. Карл не согласился на это; хотя он постоянно протестовал против насилия, которому его подвергали, но в сущности с удовольствием менял место своего заключения и очень был рад раздору, происшедшему между его неприятелями. На другой день сам Ферфакс, со всем своим штабом, Кромвель, Эйртон, Скиппон, Гаммонд, Ламберт, Рич, представились ему в Чайльдерслее, недалеко от Кембриджа (7 июня). Большая часть из них, прежде всех Ферфакс, почтительно целовали у него руку; только Кромвель и Эйртон держались в стороне³. Ферфакс рассыпался перед королем в уверениях, что он неповинен в его похищении. "До тех пор не поверю вам, - сказал Карл, - пока вы не прикажете повесить Джойса". Позвали Джойса. Он сказал: "Я говорил королю, что у меня нет никакой инструкции от генерала; я действовал по приказанию армии. Велите ее собрать; и

¹ Mémoires de Hollis. С.132.

² Там же. С.312-313.

³ Clarendon: Hist. of the rebell. T.VIII. - С.310.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

если три четверти голосов не будут в мою пользу, то пусть повесят меня перед полком". Ферфакс предлагал предать Джойса военному суду, но не имел успеха. "Милостивый государь, - сказал король Ферфаксу, расставаясь с ним, - вы имеете в армии столько же власти, сколько и я". После этого он опять потребовал, чтобы его везли в Ньюмаркет. Полковнику Уаллею поручено было охранение короля в этом городе. Ферфакс возвратился в главную квартиру, а Кромвель - в Вестминстер, где четырехдневное отсутствие его производило всеобщее недоумение¹.

В странном положении нашел он палаты: то предавались они гневу, то чувствовали страх, то выказывали твердость, то слабость. При первом известии о похищении короля ими овладел всеобщий ужас. Скиппон, которого пресвитериане все еще причисляли к своей партии, плачевным голосом требовал, чтобы назначен был всеобщий пост, дабы вымолить у Господа восстановление согласия между парламентом и армией, а в ожидании этого, предложено было, с одной стороны, выплатить значительную сумму в зачет недоданного жалованья, с другой стороны, взять назад и вычеркнуть из протоколов решение, в силу которого первый проект прощения офицеров объявлен возмутительным². Новые известия возбудили всеобщее негодование и отчасти ободрили палаты: комиссары прислали подробный отчет о сценах, происходивших в Гольмби. Палаты узнали о письме Джойса к Кромвелю; некоторые даже называли день, в который, по наущению Кромвеля, несколько офицеров и главнейших агитаторов задумали и положили привести в исполнение этот дерзкий замысел³. Когда Кромвель занял опять свое место в нижней палате, то многие члены стали громко высказывать

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.545, 549. - Mémoires de Herbert. С.24-25. - Mémoires de Warwick. С.252. - Mémoires de Fairfax. С.408-410.

² 5 июня 1647. Parl. Hist. Т.III. - Col. 592, 597. - С.139.

³ 30 мая, по Голлизу. С.129.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

свои подозрения относительно его. Он с жаром защищался, призывал в свидетели Бога, ангелов и людей, утверждая, что до того дня он также мало знал о существовании Джойса, как младенец в утробе матери о солнечном свете¹. Между тем Голлиз, Глинн, Гримстон, будучи твердо убеждены в виновности Кромвеля, неутомимо отыскивали против него улики и решились воспользоваться первым удобным случаем, чтобы потребовать его ареста. Однажды утром, незадолго до открытия заседаний, два офицера пришли к Гримстону и сказали: "Недавно было собрание офицеров, в котором рассуждали о том, не полезно ли было бы очистить армию и оставить в ней только людей благонадежных. Генерал-лейтенант Кромвель сказал: "За армию я отвечаю; а вот есть другое общество, так то действительно необходимо очистить: это - нижняя палата; и может произвести такое очищение только армия". - "Согласны ли вы повторить эти слова перед палатой?" - спросил их Гримстон. "Мы готовы", - отвечали они и отправились вслед за ним в Вестминстер. Заседание было открыто и прения начались. "Господин президент, - сказал Гримстон, вошедши, - я прошу палату приказать остановить прения; я имею предложить ей вопрос чрезвычайно важный, не терпящий отлагательства, от которого зависит ее свобода, ее существование", и, вслед за тем, он обвинил Кромвеля, который тут был налицо, в замысле употребить против палаты военную силу. "Свидетели мои здесь, - сказал он, - я требую, чтобы их впустили". Ввели двух офицеров; они повторили свои прежние показания. Как только они вышли, Кромвель встал с места, упал на колени, залился слезами и в страстной речи, прерываемой рыданиями и отчаянными жестами, которая поразила всех присутствующих, тронула одних, озадачила других, призывал Бога в свидетели и пламенными молитвами обрекал себя проклятию, если во

¹ Harris, Life of Cromwell, с.97, в примечании.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

всем королевстве найдется человек, более его преданный палате. Потом он встал и с лишком два часа говорил о парламенте, о короле, об армии, о своих врагах, о своих друзьях, о себе самом; касался всевозможных предметов, впутывал в свою речь все, что только можно было, выказывал смирение и дерзость; то пускался в многословие, то являлся страстно-увлеченным; а главное: повторял, что палату беспокоят без всякой нужды и вредят ей в глазах общества без малейшей побудительной причины; что, исключая немногих людей, обративших свои взоры к египетским мясам, все, и офицеры и солдаты, душою преданны палате и охотно подчинятся законам. Речь Кромвеля имела такой успех, что, по окончании ее, друзья его могли поздравить себя с победой. "Если бы захотели, - говорил Гримстон спустя тридцать лет после этого, - палата отправила бы в Тауэр и меня, и моих офицеров, как клеветников"¹.

Но Кромвель был слишком умен и не погнался за местью; он был слишком дальновиден и одержанный им успех не ослеплял его. Он тотчас же понял, что подобным сценам не дано повторяться, и вечером того же дня, который ознаменовался для него таким блистательным торжеством, тайком оставил Лондон, отправился в армию, которая была собрана на Трипло-Гите (Triploe-Heath)², недалеко от Кембриджа, и, отложив всякую осторожность в отношении к пресвитерианам и палатам, с которыми теперь уже невозможно было ему ладить при всем его лицемерии, открыто стал во главе индепендентов и солдат.

Через несколько дней после его прибытия, армия пошла на Лондон. Все полки подписали торжественное обязательство: до конца отстаивать свои права. Под именем нижайшего представления, предложили они палатам (14 июня) уже не только перечень своих собственных неудо-

¹ Burnet, Hist de mon Temps. T.I. - С.93-95, в Collection г. Гизо.

² 10 июня 1647. - Mémoires de Hollis. С.133.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

льствий, но надменное выражение своих требований насчет ведения общественных дел, состава парламента, выборов, права подавать прошения, всеобщей реформы государства¹. Довершению всего, к этим неслыханным дотоле требованиям присоединено было обвинение в государственной измене одиннадцати членов нижней палаты. То были: Дензил Аллианс, Филипп Стэпльтон, Джон Мейнард, Уильям Льюис (Lewes), Джон Клотуэрти (Clotworthy), Уильям Уоллер, Роберт Гринн, Антони Никольс, генерал-майор Масси и полковники Роберт Ланг и Гарлей². "Это главные враги армии, - говорили они, - единственные виновники всех гибельных неразумений, в какие введен был парламент на ее счет".

Пресвитериане предвидели этот удар и заранее старались отразить его. Целые две недели они употребляли всевозможные средства, чтобы расположить в свою пользу народонаселение Сити. Народ роптал по поводу налогов на соль и говядину - нижняя палата отменила этот налог (11 и 25 июня)³; мастеровые выражали свое недовольство на отмену праздников, в особенности же Рождества, которое было дотоле в Англии днем всеобщего веселья - и в замену праздников палата назначила дни отхновения для всего народа (8 июня)⁴. Не умолкал всеобщий вопль против алчности многих членов парламента, которые в одно и то же время занимали по несколько должностей, пользовались разными льготами, доходами с конфискованных имений - нижняя палата приняла решение, что впредь ни один из ее членов не будет принимать никакой доходной должности, ни наград, ни доли с имущества конфискованных за преступление; что они даже возвратят все полученные ими деньги и на поместья их будет рас-

Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.564.

Гам же. С.570.

Whitelocke. С.255. - Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.592.

Parl. Hist. Т.III. - Col. 594. - Whitelocke. С.243, 253. - Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.460, 548.

пространен, наравне с другими владельцами, закон относительно взыскания долгов (10 июня)¹. Наконец, восстановлен в прежней силе комитет для принятия жалоб граждан на членов палат, который потерял было свое значение (3 июня)².

Но все было напрасно: настало время, когда уступки доказывают лишь бессилие, когда партиям приходится не только сознаваться в своих ошибках, но и платиться за них. Правда, Сити ненавидела индипендентов, но зато боялась их, тогда как вождям пресвитерианской партии она хотя и была предана, однако не питала к ним ни уважения, ни доверенности, видя в них покровителей опозоренных и побежденных. На некоторое время меры, ими принятые, казалось, произвели в народе благоприятное впечатление: общинный совет выразил твердое намерение поддерживать парламент³; сформировано несколько эскадронов милицейской кавалерии; вербовали в милицию; уволенные офицеры толпами записывались у Масси, Уоллера, Голлиза; вокруг Лондона делались приготовления к обороне⁴. После всего этого палаты решили (11 июня) требовать от армии, чтобы она отступила от столицы, передала короля комиссарам парламента, а его величество пригласить в Ричмонд, чтобы он там имел свою резиденцию, под охраной одного парламента⁵. Но между тем, армия все подвигалась вперед. От ее имени Ферфакс письменно жаловался общинному совету⁶ на то, что он допустил набирать войска против армии. Совет дал ему пошлый ответ: просил извинения за свои опасения; уверял,

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.500.

² 10 июня. Parl. Hist. Т.III. - Col. 601. - Whitelocke. С.254.

³ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.552 и след. - Parl. Hist. Т.III. - Col. 614.

⁴ 15 июня. Там же.

⁵ 11 и 14 июня. Там же. Col. 608, 628.

⁶ 12 и 15 июня. Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.557. - Parl. Hist. Т.III. - Col. 630.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

что если армия отступит и согласится стоять лагерем в сорока милях от Лондона, то все уладится и прекратятся все несогласия¹. Ферфакс отвечал, что письмо это запоздало, что главная квартира его уже недалеко от Сент-Альбанса, и что ему непременно нужно месячное жалованье солдатам². Жалованье палаты утвердили, но настаивали в то же время на отступлении армии³. Армия со своей стороны требовала, чтобы прежде всего были исключены из парламента одиннадцать неприязненных ей членов⁴. Нижняя палата не могла решиться нанести самой себе такой роковой удар собственными руками. Не раз обсуждалось это дело, и всегда большинство находило, что такое неясное, бездоказательное обвинение, неподкрепленное никакими фактами, слишком недостаточно для того, чтобы отнять права у членов парламента⁵. На это армия отвечала: "Первое обвинение лорда Страффорда было так же неясно, выражалось так же в общих чертах; доказательства свои, как это было сделано и тогда, мы представим после⁶. И между тем, она все подвигалась вперед. 26 июня ее главная квартира была в Уксбридже. Комиссары, посланные в армию от Сити, возвратились ни с чем. Ужас жителей Лондона возрастал с каждым днем; купцы начали закрывать свои лавки; все с ожесточением порицали одиннадцать членов, которые своим упрямством вредили парламенту и Сити. Они поняли смысл этих речей и добровольно вызвались выбыть из парламента. С живой благодарностью было принято их самопожертвование (26 июня)⁷, и в самый день их увольнения нижняя палата ре-

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 603. - Whitelocke, C.255.

² Rushworth. Ч.4. - T.I. - C.560. - Parl. Hist., T.III. - Col. 613.

³ 15 и 21 июня. Parl. Hist. T.III. - Col. 631, 639.

⁴ 23 июня. Там же. Col. 649-650.

⁵ Mémoires de Hollis. C.152 и след. - Parl. Hist. T.III. - Col. 653.

⁶ Rushworth. Ч.4. - T.I. - C.594.

⁷ Parl. Hist. T.III. - Col. 654. - Mémoires de Hollis. C.162-164. - Clarendon, State-papers, T.II. Прибавление, C.XXXVIII.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

шила, что она во всем соглашается с армией; что она будет пектись о ее содержании; что она назначит комиссаров для приведения в порядок государственных дел при содействии комиссаров от армии; наконец, она отменила свое прежнее решение, в силу которого положено было пригласить короля на житье в Ричмонд, и постановила, что он ни в каком случае не будет жить в ближайшем расстоянии от Лондона, нежели главная квартира армии¹. На этих условиях Ферфакс отступил от Лондона на несколько миль и назначил десять комиссаров для переговоров с комиссарами парламента².

Король узнал об этих решениях в то самое время, когда он готовился, согласно желанию палат, отправиться в Ричмонд, или, вернее сказать, пытался привести в исполнение это намерение, потому что с тех пор, как это желание парламента сделалось известным, армия усилила свой надзор за особою короля, брала его с собою при переходах из города в город и, по прибытии на место, окружала сильной стражей его квартиру. Король громко выражал свое неудовольствие. "Палаты мои, - говорил он, - приглашают меня в Ричмонд; удержать от этой поездки можно меня лишь насильственно, взяв под уздцы мою лошадь; и если найдется такой смельчак, то я уверяю, что это будет последним подвигом в его жизни"³. Когда король узнал, что даже палаты противятся его отъезду, что они сделали все возможные уступки армии, с которой переговаривались, как побежденный со своим победителем, он презрительно улыбнулся унижению своих прежних противников и поторопился изменить тактику своих интриг. На армию имел он причины жаловаться только за

¹ Parl. Hist. T.III. - col. 656.

² 30 июня и 1 июля. Rushworth. Ч.4. - T.I. - С.596. - Parl. Hist. T.III. - Col. 661. Комиссарами от армии были: Кромвель, Эйртон, Флитвуд, Ренсборо, Гаррисон, сэр Гардресс, Уоллер, Рич, Гаммонд, Ламберт и Десборо (Desborough).

³ Mém. de Hamilton. С.314, в Collection г. Гизо.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

меры, принятые ею для предупреждения побега; офицеры оказывали ему такое же почтение, как и комиссары парламента, и даже превосходили их в любезности. Армия позволяла двум из его капелланов, докторам Шельдону и Гаммонду, находиться при особе короля и свободно служить обедню по обрядам епископальной церкви; оставляла при нем его старинных слуг; даже кавалеров, которые еще так недавно сражались с армией, и не удаляла их от него без разбора; герцогу Ричмонду, графу Саутэнтону, маркизу Гертфорду позволено было видаться с королем; вожди армии охотно показывали великодушие в отношении к вельможам-роялистам, в доказательство своего могущества, и даже в низших чинах армии военный дух не допускал тех мелочных предосторожностей, той придирчивой строгости, от которых королю не раз приходилось терпеть в Ньюкестле и Гольмби¹. Со времени сдачи Оксфорда, младшие дети его: герцог Йоркский, принцесса Елизавета и герцог Глостерский жили то в Сент-Джемсе, то в Сион-Гоуз, близ Лондона, под надзором графа Нортумберленда, которому вверил их парламент. Карл изъявил желание видаться с ними, и Ферфакс не преминул официально ходатайствовать у палат о соглашении на эту просьбу. "Кто не пожалел бы, - сказал он, - если из-за такого маловажного обстоятельства отказали бы его величеству в удовлетворении столь естественного чувства - любви к детям?"² Свидание состоялось (15 июля) в Мэ-дэнгиде (Maidenhead), при стечении огромной толпы народа; вся дорога, по которой должна была проезжать королевская фамилия, была усыпана зеленью и цветами; офицеры и солдаты смотрели на это изъяснение сочувствия без подозрения, без досады; напротив, они, подобно народу, были тронуты при виде отцовской радости Карла,

¹ Mém de Herbert. C.14 и след., в Collection г. Гизо. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - C.306.

² Письмо писано от 8 июля. Parl. Hist. T.III. - Col. 679.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

и охотно позволили ему взять с собой детей в Кэвершам (Caversham), тогдашнюю его резиденцию, и оставить их при себе в продолжение двух дней¹. Впрочем, некоторые из индипендентов, в особенности же Кромвель и Эйртон, которые были слишком дальновидны и потому далеко не обольщали себя надеждою, что борьба их с пресвитерианами кончена и победа над ними упрочена, беспокоились насчет будущего, соображали все случайности и, изыскивая всевозможные средства к окончательному решению борьбы, приходили к следующему вопросу: так как их стараниям король обязан своим восстановлением, то не будет ли его благоволение самым лучшим обеспечением для их партии и самым надежным средством для них самих к составлению карьеры и достижению власти?²

В скором времени разнесся по всему королевству слух об угодливости, которую армия оказывает королю, о попытках сблизиться с ним, которые делаются некоторыми вождями ее. Иные доходили до того, что называли даже условия, которые будто бы были предложены королю индипендентами, и по этому поводу явились памфлеты, из которых одни были наполнены похвалами этой партии, другие же порицали ее. Индипенденты были вынуждены официально опровергнуть эти слухи и гневно требовали наказания их виновников (1 июля 1647)³. Но тем не менее переговоры с королем не прекращались; множество офицеров окружало его, заискивая его благосклонности; между ними и кавалерами установились близкие, почти дружеские отношения, как между людьми, которые благо-родно бились на поле битвы, а теперь желают жить в мире и согласии. Даже король изъявил надежду на сбыточность этого желания в письме к королеве. Прошло немно-

¹ Rushworth, Ч.4. - Т.I. - С.625. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - С.317.

² Mém de Huntington. С.317, в Collection г. Гизо.

³ Old Parl. Hist. T.XVI. - С.60-62.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

го времени, как об этой новой надежде уже заговорили и те эмигранты, которые не в большом числе последовали за королевой в Париж или бежали в Нормандию, в Руан, Кан (Саен), Дьэпп. В особенности два человека старались распространять эту новость, давая понять слушателям, что известно им более, нежели сколько они сообщают, и что никто не в состоянии в этом случае оказать королю таких важных услуг, как они. То были сэр Джон Берклей (Berkley), храбрый защитник Экзетера, сдавший этот город лишь через три недели после бегства короля в шотландский лагерь, и Ашборнэм, который оставил Карла лишь в Ньюкестле, вследствие крайней необходимости, спасаясь от ненависти парламента; оба они были интриганы, люди тщеславные и хвастливые, с тою только разницей, что Берклей отличался храбростью, тогда как Ашборнэм был хитрее и пользовался большей доверенностью короля. Оба они находились в сношениях с некоторыми из главнейших офицеров армии: Берклей случайно, Ашборнэм по приказанию самого Карла, и на этом основании они считали себя вправе поважничать и извлекать пользу из своих сношений. Королева беспрекословно поверила всему, что они рассказывали, и около начала июля, по ее приказанию оба отправились один за другим, в Англию, чтобы в качестве посредников предложить свои услуги королю и армии¹.

Едва Берклей высадился на берег, как его встретил один из кавалеров, приятель его, сэр Аллен Апслей (Apsley)². Он был послан Кромвелем, Ламбертом и некоторыми другими с поручением уверить Берклея, что они не забыли ни разговора с ним после взятия Экзетера, ни его превосходных советов, которыми они непременно воспользуются; в заключение, они просили его не отлагать

¹ Mém. de Berkley. C.161-163, в Collection г. Гизо. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - C.310-314.

² Брат г-жи Гатчинсон.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

своего прибытия в главную квартиру армии. Берклей с гордостью убедился из этого предложения, что его особе придают даже большую важность, нежели он сам осмеливался мечтать; остановился лишь на минуту в Лондоне и поспешил в Ридинг, где тогда расположена была главная квартира. Не прошло трех часов после его приезда, как Кромвель уже извинялся перед ним, что не может тотчас же сделать ему визита, и в тот же день, в десять часов вечера, явился к нему с Ренсборо и сэром Гардрес Уоллером. Все трое уверяли его в готовности служить королю, Ренсборо - сухо, Кромвель - с умилением. "Недавно, - сказал он, - был я свидетелем трогательного зрелища - свидания короля со своими детьми. Нет, я больше всех ошибался насчет короля; теперь я убежден, что нет человека лучше его во всех трех королевствах. Мы бесконечно обязаны ему. Прими он в Ньюкестле предложения шотландцев - мы погибли бы, погибли бы безвозвратно. Да не оставит Господь меня своими милостями в той мере, в какой сердце мое искренно предано его величеству!" Мало этого, если верить Кромвелю, так все офицеры разделяли убеждение, что если королю не будут возвращены его законные права, то не найдется ни одного человека во всей Англии, который мог бы быть уверен в безопасности своей жизни и имущества; что в скором времени они поступят так решительно, что его величеству нельзя будет более сомневаться в их преданности. Берклей, в восторге от этих объяснений, на другое же утро представился королю, которому и дал отчет в этом свидании. Карл принял его холодно, как человек, для которого подобные предложения не новость и который мало давал им веры; а может быть, он нарочно притворился равнодушным, чтобы дороже продать изъявление своего удовольствия. Берклей ушел от короля в недоумении и досадовал при мысли, что король, не зная его коротко, может быть, предубежден против него, и что Ашборнэму, который скоро должен приехать, удастся лучше убедить Карла. Между тем, он

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

не оставлял своих интриг в армии: толпами стекались к нему офицеры, даже простые агитаторы, частью друзья и орудия Кромвеля, частью люди, недоверявшие ему и советовавшие Берклею быть осторожными. "Кромвель, - говорили они, - человек, на которого никому нельзя полагаться: каждый день он, смотря по тому, с кем имеет дело, изменяет свой образ действия, свой язык, и думает единственно о том, чтобы, во всяком случае, стать во главе победителей". Впрочем, Эйртона, самого близкого друга Кромвеля, Берклею нашел искренним в их взаимных переговорах! Эйртон сообщил ему, какие предложения готовились в общем собрании офицеров, и согласился даже на некоторые изменения в них, предложенные Берклеем. Таких умеренных предложений еще ни разу не представляли королю: от него требовали, чтобы он на десять лет отказался от права начальства над милицией и назначения в высшие государственные должности; чтобы семеро из его главных советников были изгнаны из королевства; чтобы духовенство - будут ли то епископы или пресвитерианские проповедники - было лишено всякой гражданской и запретительной власти; чтобы ни один человек, возведенный в звание пэра со времени начала войны, не имел права заседать в парламенте; чтобы при будущих выборах не было допущено в парламент ни одного кавалера. "Что же делать? - сказал Эйртон Берклею. - Нужно же показать, что есть разница между победителями и побежденными". Эти условия уже сами по себе были легче условий, предложенных палатами, да сверх того, не было в них речи ни об обязательстве уничтожить епископальную церковь и разорить большую часть роялистов огромными денежными пенями, ни о законном запрещении - если можно так выразиться - партии короля и самого короля на все время, на какое парламенту заблагорассудится признать это нужным. Правда, армия, в возмездие, требовала новых реформ и, в сущности, требования ее были важнее парламентских: она требовала более равенст-

ва в распределении избирательных прав и государственных податей, изменения в гражданском судопроизводстве, уничтожения множества политических, судебных, торговых привилегий, наконец, введения в общественный порядок и в законы некоторых начал равенства, дотоле неизвестных¹. Но даже тем, которые делали эти предложения, и в голову не приходило, чтобы эти требования были направлены против короля, или против его сана, или против его власти, и никто не думал, чтобы для короны было выгодно поддерживать гнилые местечки, незаконные доходы юрисконсультов или обманы некоторых должников. Поэтому и Берклей находил, что эти условия превосходят своей умеренностью всякие ожидания; по его мнению, никогда еще ни один король не покупал так дешево короны, которая уже ускользала у него из рук. Ему удалось хлопотать позволение секретно сообщить их королю (около 25 июля) прежде, нежели армия предложит их ему официально. Но изумление его было еще сильнее, нежели при первом свидании с королем: Карл нашел условия слишком тяжелыми и отозвался о них с великим неудовольствием. "Если бы армия не шутя хотела заключить со мной договор, то она предложила бы мне такие условия, на которые была бы возможность согласиться". Берклей решился сделать несколько возражений и указал даже на опасность, которую вызовет отказ короля. "Нет, - сказал король, резко прерывая разговор, - без меня эти люди не могут обойтись. Вы увидите; скоро они сами рады будут принять условия, более выгодные для меня"².

Напрасно Берклей старался объяснить себе, на чем основывалась такая уверенность короля, как вдруг недоумения его разрешились. В главную квартиру пришло известие, что в столице обнаружилось сильнейшее восста-

¹ См. *Eclaircissements et piéces historiques*, присоединенные к Мемуарам Голлиза. С. 265-276, в Collection г. Гизо.

² *Mém de Berkley*. С. 183-193.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

ние, что толпы граждан и ремесленников беспрестанно осаждают Вестминстер, что с часу на час парламент может быть вынужден подать голос в пользу возвращения короля, принятия одиннадцати исключенных членов, словом - в пользу мер, в высшей степени гибельных для армии и ее партии. В последние две недели, особенно же с тех пор, как одиннадцати членам был дан шестимесячный отпуск (20 июля)¹, разрушавший все надежды их приверженцев на скорую перемену, грозные симптомы восстания умножились и народные сборища, прошения, подаваемые в палаты, мятежные крики - все предвещало бурю; наконец она разразилась вследствие принятия меры, которую обе враждовавшие партии считали решительною. Комитет, составленный из пресвитериан, уже два месяца управлял лондонской милицией; вдруг он был распущен, и этой важной властью овладели снова индипенденты (23 июля). Сити не могла оставаться равнодушною при мысли, что ее враги сделались ее представителями и повелителями. В несколько часов волнение сделалось всеобщим. В Скиннерсгалле (Skinners' hall) была прибита бумага, заключающая в себе обязательно употребить всевозможные усилия в пользу почетного и свободного возвращения короля в Лондон. Тотчас же на этой бумаге явилось неслучайное число подписей. В одно время с отправлением курьера в главную квартиру, копии с этой бумаги были разосланы по всему королевству; готовилось прошение в парламент с целью получить одобрение этой бумаги; повсюду уволенные офицеры присоединялись к народу: все предвещало бурный и широкий разлив народного движения².

Армия тотчас же пошла на Лондон (23 июля). Ферфакс от имени ее писал грозные письма; опираясь на него, индипенденты в палатах заставили объявить изменником

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 712. - Rushworth. Ч.4. - T.I. - С.628.

² Parl. Hist. T.III. - Col. 712 и след. - Rushworth. Ч.4. - T.I. - С.635 и след. - Whitelocke. С.231 и след. - Mémoires de Hollis. С.187.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

всякого, кто подпишет обязательство, данное Сити (24 июля). Но угроза эта слишком опоздала и не в силах была подавить всеобщего энтузиазма. На третий день после этого объявления, рано утром, многочисленные толпы ремесленников, уволенных офицеров, матросов, с шумными угрозами теснились вокруг Вестминстера: очевидно было, что они пришли с каким-нибудь дерзким умыслом. Испуганная палата велела перед открытием заседания (26 июля) запереть двери и запретила членам своим выходить без позволения. От общинного совета доставлено прошение: в умеренных и почтительных выражениях совет просил возвратить начальство над милицией недавно удаленным вождям и, не раздражая палат, извещал их о нетерпении, с каким народ ожидает этой меры. Во время прений по поводу этого прошения, президента известили, что толпа, собравшаяся вокруг Вестминстера, желает подать, со своей стороны, также прошение. Палата отправила двух членов для принятия его и тотчас же приступила к чтению этого прошения. В нем выражены были те же желания, какие высказал и общинный совет, и притом с такой умеренностью, которая превзошла ожидания палаты. Но прения затянулись: ответа на прошение не получалось; начинало уже смеркаться; скука ожидания не утомила толпы, но раздражила ее. Толпа хлынула в коридоры, и гул шагов и голосов раздавался уже в зале присутствия. Понеслись крики: "Войдем, войдем!" и от страшных ударов потряслись двери палаты. Несколько членов схватились за шпаги и на минуту отразили осаждавших. Верхняя палата подверглась таким же угрозам: несколько мастеровых взобрались на окна и бросали оттуда камни в палату, готовясь употребить более действенные средства в случае, если их не захотят выслушать. Парламент продолжал сопротивляться; наконец толпа силою вломилась в нижнюю палату; самые отчаянные, в числе сорока или пятидесяти человек, вошли в залу в шляпах и, опираясь на толпу народа, который бушевал позади их, грозно кричали, обращаясь к членам: "Подавайте, подавайте голоса!" Палаты уступили:

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

взяли назад решение, принятое два дня назад, и снова отдали пресвитерианскому комитету начальство над милицией. Этим, казалось, должны бы кончиться беспорядки. Члены поднялись уже со своих мест; президент оставил свое кресло, как вдруг толпа испуганных бросилась на него и силою возвратила его назад. "Чего же вы хотите?" - спросил он. "Возвращения короля. Подавайте мнение о возвращении короля!" Предложение это тотчас же было объявлено и принято всеми членами, исключая одного Лудло, который громко произнес: "Не согласен!"¹.

Узнав о происшедшем, армия почти так же сильно взволновалась, особенно низшие чины, солдаты и агитаторы; все обвиняли короля в соумышленности и в вероломстве. Лорд Лодердаль, приехавший из Лондона, чтобы переговорить с Карлом, по поручению шотландских комиссаров, возбудил против себя такие подозрения, что однажды утром, когда он еще был в постели, неожиданно вошли в его комнату солдаты и принудили его отправиться в обратный путь, не позволив ему даже увидеться еще раз с королем². Ашборнэм в три дня своего пребывания в армии своим презрительным и наглым обращением усилил негодование и подозрения армии; он отказывался от всяких сношений с агитаторами. "Я до этих пор жил только в хорошем обществе, - сказал он Берклею, - между мною и этими животными не может быть ничего общего; другое дело офицеры, их непременно нужно склонить на нашу сторону, тогда и вся армия будет в наших руках". И точно, он сходилась почти только с генералами³. Но и между офицерами, сблизившимися с королем, некоторые понем-

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 717 и след. - Rushworth. Ч.4. - T.I. - C.640-644. - Whitelocke. C.263. - Mémoires de Hollis. C.188. - Mémoires de Ludlow. T.I. - C.232.

² Rushworth. Ч.4. - T.II. - C.737.

³ Méin. de Berkley. C.184.

ногу стали удаляться от Карла, а Эйртон прямо сказал ему: "Государь, вы берете на себя роль судьи между парламентом и нами; но вы ошибаетесь: напротив, мы намерены быть судьями между вами и парламентом"¹. Между тем, лондонские происшествия тревожили генералов, и они решились официально представить королю свои условия (1 августа). На этой конференции присутствовали Ашборнэм и Берклей. Карл сухо и надменно, с иронической улыбкой, слушал чтение предложений, отвергал почти все пункты отрывисто и в обидных выражениях, как бы уверенный в своей силе, и с торжеством высказывал свое неудовольствие. Эйртон грубо защищал эти условия и говорил, что армия не намерена более делать ни малейших уступок. В нетерпении, Карл перебил его словами: "Вы не можете обойтись без меня: без моей помощи вы погибли". В недоумении взглянули офицеры на Ашборнэма и Берклея, как бы спрашивая у них причины такого приема; в свою очередь Берклей старался взглядами дать почувствовать королю его неосторожность, но напрасно. Наконец он подошел к нему и сказал на ухо: "Ваше величество говорите таким тоном, как будто у вас есть какие-нибудь средства. Я о них ничего не знаю; так как вы скрыли их от меня, то я желал бы, чтобы вы скрыли их также и от присутствующих здесь". Карл спохватился и переменял тон; но офицеры, по крайней мере большинство, уже твердо решились. Сам Ренсборо, более всех прочих противившийся мирному соглашению, без шума вышел и распространил по армии, что нет возможности полагаться на короля. Сопевание кончилось сухо и вяло, как это бывает между людьми, которые не могут уже ни согласиться между собою, ни обоюдно обмануть друг друга².

Едва только офицеры успели вернуться в главную квартиру, как туда прибыло из Лондона несколько карет;

¹ Méin. de Berkley. С. 170.

² Там же. С. 185-186.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

из них, к великому удивлению толпы, вышло с лишком шестьдесят членов обеих палат¹, под предводительством своих президентов, лорда Манчестера и Лентгаля (Lenthall); они говорили, что им удалось спастись от ярости черни и что они прибыли в главную квартиру искать защиты у армии. Радость заступила место изумления, которое овладело было армией при виде вновь прибывших: она боялась насильственного разрыва с парламентом, а теперь сам парламент, в лице своих законных вождей, своих верных членов, просит ее покровительства. Офицеры и солдаты окружили беглецов и, с негодованием слушая рассказ об опасностях и оскорблениях, каким они подверглись, осыпая их похвалами и изъявлениями признательности, славили Бога за их патриотический поступок. Что касается Кромвеля и его друзей, то они только притворялись изумленными: уже пять дней, как они работали в Лондоне при посредстве своих связей, особенно же через Сент-Джона, Вена, Гэзльринга и Лудло, чтобы произвести в палатах этот раскол².

Берклей поспешно отправился к королю с этим печальным известием, заклинал его немедленно написать к вождям армии послание, с обещанием сделать лучший прием их предложениям или, по крайней мере, рассеять их подозрения и изгладить неприятное впечатление, оставленное в офицерах последней аудиенцией. Это, говорил он, советуют Кромвель и Эйртон, которые на этом усло-

¹ Это число очень сомнительно. Голлиз считает положительно восемь лордов и пятьдесят восемь членов нижней палаты (С.190); Рушворт (Ч.4. - Т.II. - С.750) говорит о четырнадцати лордах и около ста членов нижней палаты; то же утверждает и Уайтлок (С.265). Поименная переписка, сделанная в верхней палате, 30 июля, удостоверяет об отсутствии двадцати лордов (Parl. Hist. T.III. - Col. 727). Не все беглецы сразу и не в один день оставили Лондон.

² Parl. Hist. T.III. - Col. 723, 731. - Rushworth, Ч.4. - T.I. - С.646 и след. - Mémoires de Hollis. С.190 и след. - Mémoires de Ludlow, T.I. - С.234 и след.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

вии еще отвечают за расположение армии. Но Карл, со своей стороны, также получил вести из Лондона: мятеж произведен был с его согласия; ему дали знать, что в самый день отъезда членов оставшиеся члены, далеко превосходившие беглецов своим числом, выбрали себе новых президентов; нижняя палата Пельгэма, верхняя - лорда Уиллоби Паргэма; что одиннадцать изгнанных членов вновь заняли свои места; что палаты, восстановленные таким образом в законной силе, тотчас же отдали приказание армии остановиться, Лондону - приготовить все средства к защите, Броуну, Масси, Уоллеру и Нойнтзу - поспешно формировать полки. Говорили, что народный энтузиазм достиг крайней степени. На заседание общинного совета явилось несколько тысяч мастеровых, которые клялись защищать его дело до последней капли крови, несмотря ни на какие опасности, ни на каких врагов. Только жители предместья Саутуорк (Southwark) выразили противоположные мнения; но на пути в Гильдгаль, куда они шли со своим прошением, Пойнтз, в сопровождении нескольких офицеров, напал на них и разогнал их так жестоко, что, по всему вероятно, отбил у них охоту возобновлять свою попытку. Между тем деньги собираются и пушки расставляются на укреплениях. Наконец, положено формально пригласить короля в Лондон, и решение это, возвещенное при звуке труб по всем улицам Лондона, должно быть доставлено к Карлу через несколько часов, никак не позже следующего утра¹.

"Я подожду, - сказал король Берклею, - написать это письмо я всегда успею". Между тем прибыл вестник из главной квартиры; из Вестминстера новые беглецы присоединились к своим товарищам; другие писали, что они удаляются в свои графства, и не признавали законности мнимого парламента. В самом Лондоне партия индепен-

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.I. - С.652-656. - Parl. Hist. Т.III. - Col. 728. - Mémoires de Hollis. С.197-204. - Whitelocke. С.265.

дентов, малочисленная, но упрямая, не теряла ни времени, ни присутствия духа; она находила средства ослаблять, замедлять, парализовать все меры, которых не в силах была отворить. Собранные деньги медленно употреблялись в дело; у новобранцев Масси не было оружия; некоторые пресвитерианские проповедники, подкупленные армией, между прочим, Маршалл (Marshall), своими речами разносили повсюду робость и готовность к мировой сделке; их уже слушали благосклонно честные члены палат и общинного совета, которым льстила честь восстановить мир. Наконец Кромвель велел сказать Ашборнэму, что через два дня Сити будет у них в руках¹.

Карл все еще медлил; он созвал на совет самых верных из своих служителей. Сочиняли письмо, спорили о нем, находили его неудовлетворительным, потом одобрили и наконец (4 августа)² король подписал письмо. Ашборнэм и Берклей отправились с ним в главную квартиру; на дороге они встретились с новым гонцом, отправленным к ним двумя преданными им офицерами, торопившими их с доставкой письма. Они приезжают. Но сдача Лондона предупредила их. Бежавшие члены парламента сделали смотр войскам на Гонсло-Гите (Hounslow-Heath), среди самых шумных восклицаний радости (3 августа) и вместе с ними шли уже на Лондон, уверенные, что беспрепятственно войдут в город. Письмо короля и союз с ним не имели уже цены в глазах победителей³.

Спустя два дня, 6-го августа, блистательная и грозная процессия тянулась из Консингтона в Вестминстер; три полка составляли авангард, четвертый арьергард; в середине ехал верхом Ферфакс со своим главным штабом и беглые члены парламента в каретах, а за ними шли толпы

¹ Mém. de Hollis. C.204-207. - Mém. de Berkley. C.188. - Mém. de Ludlow. T.I. - C.235. - Whitelocke. C.267.

² Rushworth. Ч.4. - T.II. - C.753.

³ Mém. de Berkley. C.188. - Rushworth. Ч.4. - T.II. - C.750.

их приверженцев, которые поспешили присоединиться к торжеству своей партии. По обеим сторонам дороги были выстроены солдаты: у каждого на шляпе была лавровая ветвь. Они кричали: "Да здравствует парламент! Свободный парламент!" В Гайд-Парке шествие было встречено лордом-марком и альдерменами; они поздравляли генерала с миром, восстановленным, наконец, между армией и городом. Ферфакс отвечал им нехотя и не останавливаясь. Далее, при Черинг-Кроссе (Charing Cross), представился муниципальный совет в полном составе и удостоился не более внимательного приема. Процессия достигла Вестминстера; вожди пресвитерианской партии частью разбежались, частью спрятались. Ферфакс возвратил места покровителям армии, со скромным видом выслушал высокопарное выражение их благодарности, и после того, как парламент назначил месячное жалованье его войскам, он вышел и вступил во владение Тауэром, губернатором которого он тотчас же был назначен¹.

Через два дня вся армия - Скиппон составлял центр, Кромвель - арьергард, проходила по Лондону с важным видом, тихо, в самом строгом порядке, который ни разу не был нарушен; ни малейшего оскорбления не было нанесено ни одному гражданину²; вожди хотели успокоить Сити и в то же время внушить ей уважение к армии. Цель их была достигнута: при виде этих стройных и гордых в то же время рядов, послушных и грозных, пресвитериане заперлись в домах, индепенденты овладели повсюду властью, трусы доверчиво толпились около победителей. Общинный совет предложил Ферфаксу и его офицерам публичный обед. Ферфакс отказался. Велено было как можно скорее вырезать, для поднесения ему, золотую кружку³. Нашлось даже несколько

¹ Mém. de Berkley. C.756. - Parl. Hist. T.III. - Col. 756 и след. - Mémoires de Hollis. C.210.

² Mémoires de Ludlow. T.I. - C.258. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - C.335. - Whitelocke. C.267.

³ Rushworth. Ч.4. - T.II. - C.761-764. - Mémoires de Hollis. C.220.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

подмастерьев, которые явились с поздравлениями к Ферфаксу и он принял их в торжественной аудиенции, радуясь случаю убедить своих врагов в мысли, что и эта страшная молодежь принадлежит к партии армии¹. Палаты, со своей стороны, особенно же лорды, рассыпались в раболепных выражениях признательности; они подали мнение, что все сделанное в отсутствие членов, бежавших в главную квартиру, должно считаться незаконным, не требующим даже отмены². Это мнение беспокоило нижнюю палату; она согласилась взять назад все последние предложения преследовать всех зачинщиков мятежа, который окончился расколом в парламенте; но большая часть из ее членов, оставшихся в Вестминстере, подала голос в пользу трех распоряжений, от которых у них требовали теперь безусловного отречения; три раза сряду отказывались они от такого унижения³. На другой день (20 августа), рано утром, часть кавалерии расположилась в Гайд-Парке; у всех выходов нижней палаты были расставлены часовые, а в самой палате Кромвель и Эйртон с угрозами поддерживали мнение лордов⁴; наконец оно было принято; торжество армии было полное, потому что законность его была признана самой побежденной партией.

После этого великого успеха, доставшегося так легко, революционное движение, дотоле обуздываемое, или, вследствие потребностей борьбы, сохранявшее известный порядок даже между индипендентами, приняло совершенно свободный ход: все страсти, все надежды, все мечты смело начали обнаруживаться и развиваться. В высших слоях этой партии, на скамьях нижней палаты, в генеральном совете офицеров ясно и положительно высказывались республиканские планы:

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.778.

² 6 августа. Parl. Hist. Т.III. - Col. 745.

³ 10 и 19 августа предложение было отвергнуто 96-ю голосами против 93-х и 87-ю против 84-х (Parl. Hist. Т.III. - Col. 756, 773).

⁴ Mémoires de Hollis. С.215-219. - Parl. Hist. Т.III. - Col. 758-773. - Whitelocke. С.268.

уже с давнего времени Вен, Лудло, Гэзльринг, Мартин, Скотт, Гатчинсон едва достаивали ответом тех, кто обвинял их в намерении ниспровергнуть монархию, о которой они отзывались не иначе, как с презрением. По поступкам, по речам их можно было заключать, что они признают принцип верховности народной власти и единой, народом избранной палаты, представляющей собою эту власть; в беседах между собою они называли изменою всякую мысль о соглашении с королем, на каких бы то ни было условиях. В нижних слоях, в народе и армии обнаруживалось кипучее волнение умов; по всем предметам стали требовать неслыханных дотоле реформ; со всех сторон поднялись реформаторы; в своем страстном увлечении они не останавливались ни перед каким законом, ни перед каким фактом; их самоуверенный и повелительный язык равнялся их невежеству и незначительности. Каждый день подавали они прошения, печатали памфлеты, наполненные угрозами против всех и всего. Потребованные к ответу перед судьей, они говорили, что не верят в законность самих судей, и требовали от них, чтобы они оставили несправедливо занимаемые ими места. Когда в церквях пресвитерианские проповедники нападали на их поведение, они бросались к кафедре, прогоняли с нее проповедника и вместо него сами говорили проповеди, искренние в своем исступлении и в то же время умевшие ловко употреблять его в пользу своих страстей. Это народное движение не опиралось ни на какое твердое, систематическое учение, не имело никакой положительной и общей цели: все эти республиканцы, поборники народа, не ограничивались реформою образа правления; они стремились к преобразованию самого общества, к преобразованию отношений, нравов, взаимных чувств между гражданами. Но взгляды их были близоруки и сбивчивы; одни из них истощали свою отвагу, с шумом преследуя какое-нибудь нововведение, хотя важное, но одностороннее, как, например, уничтожение привилегий лордов или юрисконсультов; другие ограничивались какой-нибудь благочестивой мечтой, вроде ожидания близкого пришествия Господа

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

и водворения его царства; иные же, называя себя рационалистами, требовали абсолютного господства личного разума¹; еще другие толковали о введении строгого равенства прав и имущества между людьми; этим воспользовались противники их, чтобы заклеить всех их именем уравнилелей (Nivellers). Но ни этого ненавистного имени, против которого они постоянно вооружались, ни какого-либо другого прозвища нельзя было им дать, потому что они не составляли ни секты, которая признавала бы какое-нибудь систематическое учение, ни партии, которая бы стремилась к достижению определенной цели. Все реформаторы - граждане и солдаты, мечтатели и демагоги - отличались более страстной, нежели широкою, потребностью нового порядка вещей, смутным влечением к равенству и в особенности самым грубым духом независимости - вот в чем состоял их общий характер. Увлекаемые слепым, но чистым честолюбием, беспощадные ко всем, в ком они замечали слабость или своекорыстие, они попеременно составляли силу и ужас различных партий, из которых всякая в свою очередь принуждена была употреблять их в свою пользу и обманывать их.

В том и другом никто не успевал так хорошо, как Кромвель; с этими темными, но тем не менее могущественными энтузиастами он умел жить в самых близких и откровенных отношениях. Сначала все им нравилось в нем: необузданные порывы его воображения, его старания сблизиться и стать на одну доску с самыми грубыми людьми из их партии; мистицизм и фамильярность его речей, его обращение, то грубое, то восторженное, вследствие которого он являлся то вдохновенным, то добродушным, даже его свободный и гибкий гений, который, казалось, умел пустить в ход все пружины светской ловкости, чтобы доставить торжество святому делу. Поэтому не удивительно, что между ними он искал и находил самых

¹ Clarendon, State-Papers. Т. II. Прибавление. - С. X. L.

полезных агентов: Эйреса (Ayres), Ивенсона (Evanson), Берри (Berry), Сексби (Sexby), Шеппарда (Sheppard), Уайльдмана (Wildman) - все это были главные члены совета агитаторов, во всякое время готовые по первому слову генерал-лейтенанта возмутить армию против короля или парламента, смотря по надобности, даже Лильборн, один из самых неукротимых людей этого разряда и в то же время менее своих товарищей легковерный, который вышел из своего полка, потому что неспособен был повиноваться, даже этот питал глубочайшую доверенность к Кромвелю. "Вы в моих глазах, - писал он к Кромwelю, - из числа самых сильных людей Англии. Вы отличались больше всех чистотою сердца, больше всех пренебрегали личными выгодами"¹, и Кромвель не раз пользовался храбростью Лильборна, когда ему доводилось иметь дело с пресвитерианами². Но когда пресвитериане были, по-видимому, поражены окончательно, когда в руках независиментов были палаты, король и Сити, когда, наконец, выступили наружу все ненасытные, слепые, беспорядочные страсти и притязания революционеров, то едва не пошатнулись вожди этой партии, особенно же Кромвель, на которого уже начинали обращать взоры всех. И они, в свою очередь, узнали, что значит недоверие, испытали страх. Многие из вышеназванных людей неблагоприятно смотрели на переговоры, веденные вождями армии с королем; одна необходимость, одно опасение понасть во власть пресвитериан пересилило их ненависть и подозрения. Всякая опасность миновала. Господь предал в руки своих служителей всех сопротивных ему. Между тем, вместо того, чтобы упрочить за собою победу и уничтожить своих противников, их враги продолжали жить с ними в мире и согласии. Первый тот, на главу которого

¹ Письмо писано 25 марта 1647.

² См. *Éclaircissements ou pièces historiques*, приложенные к мемуарам Голливиза. С. 277-303. Collection r. Гизо.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

уже два года несколько голосов верных призывали общественное мщение¹, и который, в гордости, отверг недавно предложения, каких, может быть, не следовало бы ему делать, - словом, король, не только не терял ничего от последних событий, напротив, сила и блеск его еще выигрывали от них. С согласия генералов, Карл возвратился в свой замок Гэмптон-Корт (24 августа) и жил там с пышностью полубога, окруженный двором, более надменным, чем когда-либо. Старинные советники его, Ричмонд, Гертфорд, Кэплъ, Саутэнтон, поторопились приехать к нему, точно как будто ему предстояло снова взять в свои руки верховную власть². Даже Ормонд, опаснейший из вождей ирландских роялистов, тот самый Ормонд, который еще недавно боролся в Ирландии против парламента и лишь с трудом решился сдать Дублин, этот Ормонд, возвратившись в Англию, был принят генералом, генерал-лейтенантом, почти всеми высшими чинами армии, чрезвычайно вежливо³, и мог свободно видаться с королем, который, без сомнения, замышлял с ним новое восстание в Ирландии. В то же время самые деятельные друзья короля, Берклей и Ашборнэм, Форд, Апслей, беспрестанно ездили с поручениями от Карла в главную квартиру, из главной квартиры к Карлу; двери Кромвеля и Эйртона, в которые трудно было проникнуть многим благонамеренным людям⁴, постоянно были открыты для этих приверженцев короля. В свою очередь, Эйртон и Кромвель находились в постоянных сношениях с королем, частью лично, частью через посредников; они прогуливались с ним с глазу на глаз по парку или же запирались с

¹ С мая 1646 некоторые индипенденты начинают требовать суда над королем, как над величайшим преступником (Baillie, *Lettres*. T.II. - C.209, 213, 225).

² *Mém. de Herbert*. C.33. - *Mém. de mistress Hutchingson*. T.II. - C.136.

³ Whitelocke. C.269.

⁴ *Mém. de Berkley*. C.190.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

ним в его кабинете. Даже жены Кромвеля, Эйртон и Уаллея представлялись в Гэмптон-Корте, и король принял их с большим почетом¹. Эти дружественные связи наделали шуму, и во всех этих переговорах стали подозревать приготовления к какой-нибудь измене. Такие мнения повторялись каждый день в собраниях республиканцев и энтузиастов, особенно же в сходбищах солдат. Даже Лильборн, которого верхняя палата приказала заключить в Тауэр, надеясь помешать распространению его речей и памфлетов, отправил из своей темницы к Кромвелю письмо, исполненное самых сильных упреков. Оно оканчивалось словами: "Если вы и теперь оставите без внимания слова мои, как это делали доселе, то знайте: я пушу в ход против вас все мое влияние, все средства и произведу в вашем положении такую перемену, которая вряд ли вам будет по сердцу" (13 августа 1647).

Обыкновенно Кромвель оставлял без внимания советы и угрозы Лильборна; но теперь было не то: теперь этим угрозам придавали страшный вес столько людей раздраженных, которые некогда были так преданны Кромвелю. Кромвель, который так часто пускался, даже с отчаянной отвагой, в неверные интриги, всегда, однако, чутьем угадывал безошибочно, где скрываются истинная опасность или препятствия; и к какой бы цели он ни стремился, какою бы страстью ни увлекался, он всегда умел соображать все обстоятельства, прислушиваться ко всем слухам и поступать так, как этого требовало положение дел. Берклея и Ашборнэма он попросил навещать его пореже, короля - извинить его, если он сделается осторожнее в своих с ним сношениях. "Если я точно благомыслящий человек, - говорил Кромвель, - то я достаточно доказал его величеству искренность мою; если же я лукавил, то все мои дальнейшие доказательства будут казаться недостаточными"². В то же самое время он навестил Лильбор-

¹ Clarendon, State-Papers. Т. II. Прибавление. - С. X.

² Mém. de Berkley. С. 191.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

на в Тауэре, долго пробыл у него, с жаром говорил ему о своем усердии к их общему делу, с увлечением распространялся о вреде, который нанесет их партии малейшее несогласие; спрашивал его, что он намерен делать, когда выйдет из темницы, и наконец, при расставании, обещался изо всех сил хлопотать о его освобождении в комитете, которому было поручено разобрать его жалобу¹.

Лильборн не был освобожден, напротив, комитет, в котором председателем был Генри Мартин, отсрочил даже слушание его дела², а между тем Кромвель по-прежнему продолжал сношения с королем, соблюдая только большую осторожность. Он далеко не был ослеплен самонадеянностью своей партии; но, мучимый честолюбием и неизвестностью, самыми противоположными планами и расчетами, он ни от одного из них не хотел отказаться, ни одним из них безвозвратно себя связать. В успехе республиканцев он сомневался; желания энтузиастов находил несбыточными; своеволие солдат, этих необузданных резонеров, грозило подорвать его власть; беспорядки он ненавидел даже тогда, когда сам поддерживал их; еще имя короля имело силу: союз с ним мог доставить выгоды; восстановление его на престол было вероятно. Поэтому Кромвель не пренебрегал союзом с королем, равно как и другими связями, готовый во всяком случае променять их на более выгодные, приставал то к той, то к другой стороне, смотря по тому, на которой вернее был успех. Король, со своей стороны, зная очень хорошо расположение умов в палатах и в армии, переменил тактику: он стал меньше обращаться к самой партии, нежели к ее вождям; не столько говорил об общественных уступках, сколько о милостях, предназначенных отдельным лицам. Эйртону предложено было место правителя Ирландии, Кромвелю - начальство над войском и над ко-

¹ Biographia Britannica, в статье (Lilburne), T.V. - С.2950.

² Там же.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

ролевской гвардией, титул графа Эссекского, орден Подвязки. Подобные же выгоды обещаны для их главнейших друзей. Между тем два роялиста, судья Дженкинс и кавалер сэр Льюиз Дайвз (Lewis Dives), заключенные в Тауэре вместе с Лильборном, беспрестанно толковали ему о договоре, который, по их словам, уже окончательно заключен между генералами и двором, рассказывали ему об условиях, возбуждали в нем подозрения и подстрекали его распространять их. Если это одни слухи, то они должны были взволновать партию; если же этот договор действительно принять, то он обеспечивал королю поддержку вождей или же оставлял самих вождей без поддержки¹.

Кромвель и Эйртон разгадали эти интриги очень легко, тем более что они приставили к королю своих шпионов; полковник Уаллей, охранявший со своим полком особу короля, доводился племянником Кромвелю, который вывел его в люди. Малейшие случаи из жизни короля, его прогулки, лица, с которыми он разговаривал, все посетители, каждый шаг его советников, неосторожные речи его служителей - обо всем этом со всеми подробностями доносили обоим генералам², которые не раз жаловались на то, что из Гэмптон-Корта как бы намеренно распространяются слухи, лишающие их возможности отстаивать перед армией интересы короля и вредящие их собственному авторитету в ней. Эйртон, человек твердого характера, неспособный к притворству, как Кромвель, не оставался равнодушным к этим интригам и готов был прервать переговоры; а между тем, они не прерывались, и открытые поступки генералов, по-видимому, должны были подтвердить подозрения солдат. Палаты, по настоящему требованию Шотландии, а также с целью удовлетворить хоть

¹ Mem. de Berkley. С.169. - Whitelocke. С.271.

² См. у Рушворта (Ч.4. - Т.II. - С.795) письмо, в котором Уаллей отдает отчет о том, как проводит время король, и обо всем, что делается в Гэмптон-Корте.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

несколько мирную партию, решили (27 августа)¹ опять представить на благоусмотрение короля ньюкэстльские предложения. Графы Лодердаль и Ланерк (Lanerk), незадолго перед тем прибывшие в Гэмптон-Корт, снова заклинали его принять их и соединиться наконец с пресвитерианами, которые одни искренно желают спасти короля². Это навело страх на Кромвеля и Эйртона; они снова начали рассыпаться перед королем в уверениях и обещаниях, советовали ему отвергнуть предложения парламента, требовать, чтобы в основание нового договора были приняты предложения армии, отличающиеся гораздо большей умеренностью, и брались из всех сил поддерживать его требования. Эйртон велел сказать королю: "Мы решились очищать и очищать, без усталы очищать палату, пока она будет расположена в пользу вашего величества. Что касается меня, я не изменю обещаниям, которые я дал королю, и скорее предамся французам, испанцам, кавалерам, кому бы то ни было, кто захочет мне помочь сдержать их"³. Карл послушался генералов и, вследствие его ответа (от 9 сентября)⁴, сильные прения возникли в нижней палате; раздраженные пресвитериане не хотели отказаться от своих предложений; энтузиасты требовали, чтобы палаты не принимали от короля и сами не делали ему более никаких предложений. Кромвель и Эйртон сдержали свое обещание: они настаивали на том, чтобы желание короля было принято и чтобы парламент открыл с ним переговоры на условиях, предложенных армией. Эта попытка наделала много шума, но осталась без результата, потому что пресвитериане и энтузиасты разрушили ее общими силами⁵.

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 774, 775.

² Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - C.343. - Mémoires de Ludlow. T.I. - C.240.

³ Mém. de Huntington. C.323.

⁴ Parl. Hist. T.III. - Col. 777-779.

⁵ 22 сентября 1647. - Mém. de Berkley C.191-193. - Mémoires de Ludlow T.I. - C.240. - Mém. de Hollis C.331. - Mém. de Huntington. C.321-323. Journal of the House of Commons.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

С этих пор солдаты, выразившие дотоле только свое подозрение и неудовольствие, стали прибегать к угрозам; во всех местах, где только стояла армия, начали образовываться сходки, отчасти открытые и шумные, отчасти тайные, и как только заходила речь о Кромвеле, всегда раздавались слова: честолюбец, изменник, обманщик. Неосторожные выражения Кромвеля, которые срывались у него с языка в минуты увлечения, теперь припоминались и с ожесточением толковались в дурную сторону. Он говорил о необходимости ограничить строгости против кавалеров; он сказал когда-то: "С тех пор, как король в моих руках, парламент у меня в кармане"¹, а в другой раз: "Была же у Голлиза и Стэпльтона такая сильная власть; так почему бы и мне не править королевством, подобно им?"². Наконец, в комитете, которому было поручено рассмотрение дела Лильборна, опять-таки не кто иной, как Кромвель, поднял множество мелочных затруднений, чтобы продержать его долее в тюрьме³. Лильборн отправил на него формальный донос агитаторам и исчислял все должности, которыми овладел Кромвель со своими друзьями⁴. Агитаторы, со своей стороны, потребовали у палат освобождения Лильборна⁵, у Ферфакса - освобождения четырех солдат, арестованных единственно, как они выражались, за то, что позволили себе несколько оскорбительных фраз в отношении к особе короля⁶. Лильборн, Уайльдмэн и некоторые другие толковали даже об умерщвлении Кромвеля⁷. Попытки никакой не последовало; и по этому ли поводу или по другой причине, только даже совет агитаторов сделался подозрительным в глазах солдат,

¹ Banks. A critical Review, etc., С.83.

² Mém. de Huntington. С.326.

³ Biographia Britannica в статье (Lilburne). - С.2950, прим. II.

⁴ Там же, с.2949, прим. ЕЕ.

⁵ Rushworth. Ч.4. - Т. II. - С.790.

⁶ Там же. С.808, 811.

⁷ Mém. de Hollis. С.232. - Mém. de Berkley. С.193.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

которые заговорили, что в совете у генерал-лейтенанта есть шпионы, которые обо всем доносят ему. Чтобы избегнуть этой опасности, несколько полков выбрало, под именем новых агентов, более надежных агитаторов и поручило им наблюдать за изменниками и защищать правое дело во что бы то ни стало. Во главе восстания стало несколько генералов, несколько членов нижней палаты, именно: Ренсборо, Эверс (Ewers), Гаррисон, Роберт Лильборн (брат Джона Лильборна и инфантерии полковник), Скотт. Таким образом, самая неукротимая партия, отделившись от генерального совета офицеров и палат, начала громко провозглашать свое учение, свои планы¹.

Кромвелем овладело беспокойство: в армии царствовал раздор; роялисты и пресвитериане выжидали случая воспользоваться этим раздором; люди с сильной волей напали на самого Кромвеля, те самые люди, которые некогда были так непоколебимо преданны ему и служили полезнейшим орудием для его целей. К тому же день ото дня намерения короля становились подозрительнее. Эйртон настоятельно требовал от короля, чтобы он открыто пристал к их партии. Карл отвечал ему: "У меня свои виды"². Лорд Лодердэль и лорд Ланерк не переставали предлагать Карлу свои услуги и обещать ему помощь шотландской армии, если он заключит, наконец, союз с ними. Обе стороны, как говорили, согласились уже насчет оснований договора, и войска Шотландии, в которой Гамильтон восторжествовал над Арджайлем, направлялись к границе³; английские кавалеры Кэпл, Лангдэль, Мосгрэв (Musgrave), со своей стороны, также под рукой готовили восстание. "Поверьте мне, - сказал Карл Кэплю, - прой-

¹ В начале октября 1647. - *Mém. de Ludlow*, T.I. - С.241. - *Journal of the House of Lords*, 16 и 17 ноября 1649.

² *Mém. de mistress Hutchinson*. T.II. - С.135.

³ *Clarendon. Hist. of the rebell.* T.VIII. - С.343. - *Rushworth* Ч.4. - T.II. - С.786, 810.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

дет немного времени и обе нации объявят одна другой войну. Шотландцы надеются на содействие всех пресвитериан в Англии. Пусть же наши приверженцы будут готовы взяться за оружие; в противном случае, мы ничего не выиграем, какая бы партия ни восторжествовала¹. В то же время сомнительным становилось положение армии, стоявшей в окрестностях Лондона: Сити решительно ничего не делала, чтобы удовлетворить ее требованиям насчет уплаты жалованья; офицеры, за неимением денег, не знали, как справиться с войсками². Всюду ходили по рукам памфлеты, содержание которых составляли умыслы солдат против короля или переговоры короля с генералами. Ферфакс требовал учреждения самой строгой цензуры и без труда получил согласие палат³, но это ни к чему не привело; ни к чему не привело и то, что Кромвель вызвался быть ходатаем нуждавшейся армии перед Сити; ни к чему не привела его изворотливость и хитрость, с какой он пытался убедить фанатиков, что они должны умерить свои порывы для того, чтобы заставить умеренных платить деньги, умеренных, что они должны платить деньги фанатикам для того, чтобы обуздать их⁴; ни к чему не привело даже и то, что удалось ему заставить выбрать в число "новых агентов" таких людей, которые вполне были ему преданны⁵. Все его усилия оказались бесполезными, даже расчетливость его обратилась ему же во вред: во всех партиях у него, на всякий случай, были заготовлены преданные люди и средства, которые он при случае мог бы пустить в ход, - и беспорядочное, неукротимое брожение грозило повсюду разрушить его расчеты, повсюду по-

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - С.341.

² Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.804, 815, 829, 837-840. - Whitelocke. С.274.

³ Постановлением 30 сентября 1647. - Parl. Hist. T.III. - Col. 779-781. - Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.799.

⁴ Там же. С.883-884.

⁵ Mém. de Huntington. С. 326.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

дорвать его влияние. Результатом всей его изворотливости было то, что положение его запуталось еще более и сделалось крайне опасным.

В то время, как Кромвель находился в таком критическом положении, один из шпионов, которых он держал в Гэмптон-Корте, известил его, что Карл отправляет сегодня к королеве письмо, в котором излагает ей свои истинные намерения относительно армии и ее предводителей. Письмо это, извещал Кромвеля его шпион, зашито в седле, которое понесет на голове человек, не посвященный в тайну; он должен прибыть к десяти часам вечера в гостиницу «Синий вепрь» в Гольборне, где для него приготовлена лошадь; на ней человек этот поедет в Дувр, откуда отправят пакет в Лондон. Кромвель и Эйртон тотчас решились действовать: переоделись простыми всадниками и, в сопровождении лишь одного солдата, отправились из Виндзора в указанное место. Прибыв туда, они велели солдату караулить у дверей; вошли в гостиницу и, в ожидании известия, стали пить пиво в особенной комнате. В самом деле, к десяти часам подошел к гостинице человек с седлом на голове. Солдат, стоявший на страже, тотчас же дал знать Кромвелю и Эйртону; они, со шпагами в руках, выходят, говорят, что им поручено осматривать все вещи, берут седло, уносят его в свою комнату, распарывают швы, вынимают письмо, тщательно зашивают седло, отдают его перепутавшемуся слуге и говорят ему с веселым видом, что он честный малый и может продолжать свой путь.

Шпион донес Кромвелю правду. Точно, Карл писал королеве, что обе партии домогаются его союза; что он предпочтет ту, которая представит ему более выгодные условия, и что вероятнее вступит в договор с шотландскими пресвитерианами, нежели с армией. "Впрочем, - прибавлял он, - один я понимаю свое положение. Не беспокойся об уступках, которые я сделаю: в свое время я сумею сделаться с этими чудаками и вместо шелковой повязки укрошу их пеньковой веревкой". Оба генерала посмотрели друг на друга и, убе-

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

дившись окончательно в справедливости всех своих подозрений, тотчас же отправились в Виндзор. С этих пор у них не оставалось ни малейшего сомнения насчет того, что им делать с королем и его приверженцами¹.

Настало время, когда генералам необходимо было действовать решительно и смело: энтузиасты не скрывали более своего гнева и страшно волновали армию. 9 октября, новые агитаторы, от имени пяти кавалерийских полков, в числе их и полка самого Кромвеля, составили под заглавием: Положение армии (Case of the army) длинное письменное объяснение, в котором изложили свои подозрения, свои убеждения, свои требования. 18 числа они официально представили эту бумагу генералу, а 1 ноября от имени шестнадцати полков был адресован ко всей нации другой памфлет, под заглавием: Договор народный². В обоих памфлетах солдаты обвиняли офицеров в измене, парламент - в нерешительности, приглашали своих товарищей пристать к ним и требовали скорого роспуска парламента; требовали, чтобы впредь нижняя палата не разделяла верховной власти ни с каким лицом, ни с какой корпорацией; чтобы выборы в нижнюю палату возобновлялись через каждые два года; чтобы право выбора было распространено на все королевство сообразно с народонаселением и податями; чтобы ни один из бывших членов не мог быть избираем тотчас же снова; чтобы никого из граждан не смели заключать в темницу за долги, принуждать к военной службе, отрешать от должности только на основании его вероисповедания; чтобы в графствах сам народ выбирал всех своих начальников; чтобы гражданские законы были равны для всех и с этой целью пересмотрены и слиты в один кодекс; наконец, чтобы некоторые права, особенно же свобода совести,

¹ Дело происходило в течение октября. См. *Éclaircissements et pièces historiques*, присоединенные к мемуарам Джона Берклея. С.231-240. - Clarendon, *State-Papers*. Т.I. Прибавление. - С.XXXVIII.

² : "Договор народа для скорого и прочного мира на основании человеческих прав".

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

были объявлены неприкосновенными и превышающими всякую человеческую власть¹.

Выражение этих идей и надежд народа в высшей степени смутило вождей. Многие из них, и притом самые рассудительные, несмотря на свою вражду с двором и пресвитериями, знали, однако, всю силу королевской власти и верхней палаты, понимали, что они пустили глубокие корни во всю народную жизнь, в законы, в нравы, и республика, которую теперь они увидали вблизи, казалась им не более как опасной химерой. Даже большая часть республиканцев, несмотря на смелость, далеко не разделяла всех желаний солдат. Одни из них, имея вес на выборах своего города или графства, боялись, что новая система лишит их прежнего значения; другие, купившие церковные поместья, с ужасом видели, как народ ропщет на то, что эти покупки сделаны были по такой дешевой цене, и требует, чтобы они были признаны недействительными; юрисконсультам не хотелось пожертвовать своим влиянием, своими доходами; наконец все с негодованием отвергали требование немедленного роспуска парламента, который, таким образом, должен был предоставить свое дело случайностям новых выборов. Кроме того, здравый смысл всех этих недовольных возмущался незначительностью общественного положения солдат-реформаторов, их мистическими бреднями и заносчивостью, которая не хотела знать дисциплины. Как на глазах у роялистов и пресвитериян основать правление с этой необузданной партией, до того безрассудной, что она каждый день грозила подорвать согласие армии, единственную свою опору? Как, во имя мечтаний неизвестных сектаторов, вооружиться против всего существующего, против стольких старинных, уважаемых прав? А между тем, от этих мечтаний неслыханное дотоле брожение овладело умами простого народа во всем королевстве; со всех сторон

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.845, 859. - Whitelocke, С.276, 277. - Godwin, Hist. of the commonwealth. Т.II. - С.445-450. - Eclaircissements et pièces historiques, присоединенная к мемуарам Голлиза. С.296.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

со слепой верой повторяли эти звучные и смутные мысли о безусловной справедливости, о равенстве благосостояния, мысли, часто подавляемые в сердцах людей, но которых совершенно заглушить нет возможности. Даже вожди партий, которые не хотели слушать этих требований, не знали, что отвечать на них, ибо сами разделяли те начала, на которых основывались эти желания.

Не удивительно после этого, что вожди партий действовали сначала нерешительно и вяло. Палаты подали мнение, что оба памфлета, нападая на правительство, преступны по содержанию, и потому авторы их будут преследуемы судом; но в то же самое время, чтобы угодить республиканцам, они объявили, что король обязуется принять все предложения парламента (6 ноября)¹. Генеральный совет офицеров, собравшийся (22 октября) в Потни², пригласил главнейших агитаторов на совещания; многие из них были выбраны для заседания в комитете, которому поручено было представить немедленно рапорт об их требованиях. Вскоре действительно комитет этот представил парламенту проект предложений; в проект вошла большая часть требований агитаторов, но и имя и существенные права короля равно нашли в нем место (2 ноября)³. Агитаторы восстали против последнего обстоятельства: им было обещано, что в следующее заседание вопрос о том, быть ли впредь королевской власти или нет, будет сделан предметом свободных прений. Но когда настал этот день, Эйртон неожиданно вышел из совета с угрозой, что ноги его не будет там, где может быть поднят даже вопрос о подобном предмете. Прения были отложены до следующего понедельника, который приходился на 6 ноября; и потому ли, что хотели еще раз уклониться от этого прения, или же потому, что надеялись на большую сговорчивость солдат, если они будут тут все вместе, как бы

¹ Journals etc., 5,6 ноябрь. - Parl. Hist. T.III. - С.785.

² Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.849.

³ Там же. С.861 и след.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

то ни было, принято решение созвать общее собрание армии и дать ей возможность вполне высказаться¹.

Но Кромвель, сделавший это предложение, сам же угадал, сколько опасности связано с этим средством. С каждым новым прением возрастало разъединение в армии; чем более вожди совещались с ней, тем более она отделялась от них, тем более в ней распространялась анархия². Для того, чтобы Кромвелю можно было пользоваться армией для своих целей, и даже для ее собственного спасения, он непременно должен был, и притом не медля, восстановить в ней дисциплину и взять снова власть в свои руки. Но успех этого зависел от некоторых условий, которых никак нельзя было обойти, именно: не оставалось никакого сомнения, что солдаты, по крайней мере, самые решительные из них, агитаторы и фанатики, и слышать не хотели о короле; что они покинут, даже будут преследовать, всякого, в ком заметят расположение к королю; что лишь тому готовы они повиноваться и служить, кто в этом деле безусловно будет разделять их мнение и решится привести его в исполнение. Кромвель решился. Когда настал день, назначенный для совета, всякие прения о спорном вопросе были воспрещены; высшие офицеры объявили, что для восстановления согласия в армии, все офицеры и агитаторы должны возвратиться к своим полкам; что, вместо общей сходки, назначаются три частные в местах, где стоят главные корпуса; что до тех пор совет прекратит свои заседания и предоставит полную волю действовать генералу и парламенту³. Между тем в Гэмптон-Корте произошла быстрая перемена в положении короля. Советникам его, Ричмонду, Саутэмптону, Ормонду, приказано удалиться; преданнейшие слуги его, Берклея и Ашборнэма, были удалены; удвоен караул, приставленный к нему, и на про-

¹ Clarendon, State-Papers. Т. II. Прибавление. - С. XLI. - Godwin, Hist. of the commonwealth. Т. II. - С. 451-452.

² Clarendon, State-Papers. Т. II. Прибавление. - С. XL.

³ Rushworth. Ч. 4. - Т. II. - С. 866.

гулах он перестал пользоваться прежней свободой. Со всех сторон доходили до него тревожные слухи: говорили, что солдаты решились овладеть его особой, похитить его у офицеров, точно так, как офицеры похитили его у парламента. Сам Кромвель выразил на этот счет беспокойство в письме к полковнику Уаллею; может быть, он в самом деле боялся какой-нибудь попытки в этом роде, может быть, хотел только испугать короля, а может быть, желал обмануть его насчет своих истинных намерений и прикинуться его верным слугою¹, так как он всегда старался удержать за собой всевозможные шансы.

Эти перемены, эти вести, эти новые неприятности, слухи об измене, о неслыханных умыслах, даже об убийстве - все это с каждым днем увеличивало беспокойство и страх несчастного Карла и сильно действовало на его впечатлительное воображение. Несмотря на свой серьезный характер, Карл начал видеть дурные приметы в самых обыкновенных вещах: охота ли не удастся, увидит ли он тяжелый сон, погаснет ли его ночная лампа² - все его тревожило; врагов своих он считал способными на все, хотя гордость его не позволяла ему верить, чтобы действительно они осмелились решиться на крайние меры в отношении него. Ему советовали бежать: он и не прочь был это сделать; но вопрос: куда? Как? Кто будет ему помощником в этом деле? Шотландские комиссары вызвались помочь ему, даже раз, на охоте, Лодердаль велел ему сказать, что эти комиссары готовы и при них находится пятьдесят лошадей, что если он намерен последовать за ними, то они быстро уедут на север³. Но внезапные меры пугали короля; притом же, что за убежище ожидало его в Шотландии, которая раз уже выдала его и где у него уже не

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.842 - Mém. de Hollis. C.234. - Mém. de Huntington. C.224. - Mém. de Berkley. C.194. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.VIII. - С.348; T.IX. - С.1,2. - Mém. de mistress Hatchinson. T.II. - С.138.

² Mém. de Herbert. C.88.

³ Burnet, Mem. of the Hamiltons. C.324.

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

будет более средства избавиться от ига пресвитериан и ковенанта! Карл отказался. С другой стороны, ему советовали сесть на корабль и удалиться на остров Джерсей, откуда ему легко будет, когда угодно, уехать на материк и тогда все партии сделаются сговорчивее. Но Карл, помня тайные обещания офицеров, все еще рассчитывал на их расположение. Он льстил себя мыслью, что холодное обращение их с ним было притворно и только вынуждено необходимостью; что на первой же сходке армии генералы укротят агитаторов, восстановят дисциплину в прежней силе и возобновят с ним переговоры. Он не намерен был выезжать из Англии, — не сделав этого последнего опыта¹. Несмотря на то, король все более и более свыкался с мыслью о необходимости бегства, особенно с тех пор, как ему рассказали, что какой-то пророк, прибывший из Германии, явился в совет агитаторов, выдавая себя за провозвестника воли небес; что как только этот пророк запнулся о примирении с королем, то агитаторы решительно отказались слушать его далее. Кромвель всеми путями внушал королю, что ему непременно нужно бежать. Кто-то (неизвестно, кто именно) сказал королю, что самое приличное и безопасное убежище найдет он на острове Уайте: остров этот лежит поблизости от материка; все жители его роялисты, а губернатором его недавно был назначен полковник Гаммонд, племянник преданного королю капеллана. Это предложение понравилось королю; он собрал сведения, сделал даже кое-какие приготовления к бегству². А между

¹ *Mém. de Berkley, C.197. - Mém. de Warwick, C.260-262. - Mém. of the Hamiltons, C.326. - Mémoires de Ludlow, T.I. - C.243-244.*

² Это ясно видно из донесения о пребывании короля на острове Уайте, писанного после реставрации Карлу II сэром Джоном Боурином, человеком мало известным, но в эту эпоху игравшим некоторую роль в тайных интригах Карла I. Удивляюсь, как от внимания историков ускользнуло это маленькое сочинение! Конечно, в нем встречается много ошибок и написано оно, очевидно, человеком, которому хотелось только придать себе значение; однако ж и в нем есть характеристические и любопытные подробности. Один г. Годуин, сколько мне известно, упомянул об этом донесении; оно было извлечено из бумаг лорда Галифакса и находится в книге: *Misceltanies Historical and philol-*

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

тем он все не переставал медлить, все изыскивал поводы, которые заставили бы его действовать решительно. Был в то время астролог, который пользовался громкой славой в Лондоне, по имени Уильям Лилли; принадлежал он к народной партии, но не отказывался гадать и давал советы всем и каждому. Король поручил мистрис Уорвуд (Whorewood) посоветоваться от его имени с астрологом насчет того, куда ему лучше бежать; из тысячи фунтов стерлингов, которые прислал королю преданный роялист, альдермен Адамс, Карл велел выдать мистрис Уорвуд пятьсот в награду. Лилли, посоветовавшись торжественно со звездами, сказал, что король должен удалиться на восток, в графство Эссекс, на двадцать миль от Лондона. Мистрис Уорвуд поспешила с этим ответом в Гэмптон-Корт¹. Но Карл не дождался ее: 9 ноября он получил безымянное письмо, вероятно, от какого-нибудь преданного человека, который извещал короля о грозившей ему опасности: накануне, в ночном заседании агитаторов, решено избавиться от короля, и потому писавший советовал Карлу как можно скорее скрыться². Получил он и другое предостережение, а именно: не доверять караулу, который послезавтра будет приставлен к нему в замке³. Сильно встревоженный этими вестями, Карл немедленно решился: 11-го ноября, в девять часов вечера, он, оставив на своем столе множество писем, в сопровождении одного своего камердинера Уильяма Легга, вышел потаенной лестницей к калитке, которая вела из парка в лес; здесь Ашборнэм и Берклей, предуведомленные о намерении короля, ждали его с лошадьми. Беглецы пустились на юго-запад. Ночь была

ogical (С.78-162), напечатанной в Лондоне, в 1703 г., в 12 д.л. - См. также - Rushworth. Ч.3. - Т.II. - С.951. - Mémoires de Hollis, С.234. - Mémoires de Berkley, С.194 и след. - de Ludlow. Т.I. - С.244.

¹ William Lilly. History of his life and times, (изд. 2, Лондон, 1715). - С.60. - Biographia Britannica в статье (Лилли) (Уильям). - Т.V. - С.2966.

² Old Parl. Hist. Т.XVI. - Clarendon. State-Papers. С.328. - Т.II. Прибавление. - С.XLI.

³ Mémoires de Berkley. С.201

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

темная и бурная; король один знал дороги в этом лесу и служил проводником для своих спутников; долго блуждали они и лишь на рассвете прибыли в городок Саттон (Sutton), в графстве Гэмпшейр, где, по печениями Ашборнэма, были для них приготовлены свежие лошади. В гостинице, где он их дожидался, заседал уже комитет от парламента, совещающийся о делах графства. Беглецы немедленно отправились далее, по дороге в Соутэмптон, к берегу, напротив которого лежит остров Уайт, хотя, впрочем, Карл не объявлял прямо и положительно, куда именно он хочет ехать. Когда они достигли склона одного холма, недалеко от города, Карл сказал: "Остановимся здесь, сойдем с лошадей и посоветуемся о том, на что нам решиться". Говорят, у них речь шла сначала о корабле, который должен был заготовить Ашборнэм и о котором не было никаких известий; потом Берклею советовал отправиться в западные графства, обещая там содействие многочисленных друзей; наконец, совещавшиеся остановили свое внимание на острове Уайте, представлявшем более удобств, нежели всякое другое место: здесь они могли, наконец, не быть в затруднительном положении; притом же, судя по дороге, которую избрал король, когда беглецы оставили Саттон, ясно было, что он с самого начала имел в виду именно этот остров. Но вот вопрос: так как губернатор еще не был предупрежден, то можно ли положиться на него безусловно? Решили: Ашборнэму и Берклею отправиться на остров, вывести образ мыслей Гаммонда, сказать ему, какой знак доверенности ожидает его со стороны короля; а Карлу, между тем, ждать их возвращения в нескольких милях отсюда, в замке близ Тичфильда, у матери лорда Соутэмптона. Они расстались. На следующее утро Ашборнэм и Берклею пристали к берегу Уайта и явились в замок Кэрисбрук (Cairisbrooke) к губернатору острова. Они не застали Гаммонда; в настоящую минуту он находился в Ньюпорте, главном городе Уайта, но его ждали назад в тот же день. Ашборнэм и Берклею тотчас же отправились навстречу Гаммонду; и в самом деле, проехав немного, они встретились с ним,

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

и без дальних околичностей, объявили ему, с чем они к нему приехали. Гаммонд побледнел, выронил поводья и, дрожа всем телом, сказал: "Господа! Господа! Вы погубили меня, привезши короля на этот остров. Если его еще нет здесь, то умоляю вас, не везите его сюда. Как мне помирить мои обязанности к королю, который оказывает мне столько доверия, и обязанности к армии, от которой я назначен на это место?" Они старались успокоить Гаммонда, то выставляя ему на вид важность услуги, которую он окажет королю, а равно и обязательства, принятые самой армией в отношении к его величеству; то уверяя его, что если он смотрит на это дело иначе, то король вовсе не намерен принуждать его. Гаммонд не переставал беспокоиться. Но когда оба кавалера, со своей стороны, высказывали недоверие и готовность отказаться от своего предложения, Гаммонд делался решительнее, спрашивал: где король? Не грозит ли ему какая опасность? Отчасти даже сожалел о том, что король не вверился ему прямо, без всяких предупреждений. Долго разговаривали обе стороны в таком духе, пуская в ход хитрость и беспокоясь насчет исхода переговоров, равно боясь и согласия и отказа. Наконец Гаммонд уступил. Он сказал: "Я не подам королю повода жаловаться на меня; никто не скажет обо мне, что я обманул его ожидания; я поступаю как благородный человек. Едемте вместе к королю, чтобы объявить ему об этом". Берклея испугался и хотел было отклонить это предложение Гаммонда, но Ашборнэм принял его, и все они отправились к королю. Гаммонд взял с собою только одного из своих капитанов, по имени Баскет. Через несколько часов они приехали на барке в Тичфильд; Ашборнэм тотчас же пошел один к королю, оставив Берклея, Гаммонда и Баскета дожидаться во дворе замка. Выслушав его, Карл вскричал: "Ах! Джон! Джон! Ты погубил меня, привезши сюда этого губернатора, разве ты не видишь, что я теперь связан по рукам и по ногам?" Напрасно Ашборнэм ссыался на обещания Гаммонда, на его привязанность к королю, даже на его нерешительность, доказательство его искренности. Карл скорыми шагами ходил

ЧАСТЬ I. КНИГА СЕДЬМАЯ

по комнате, то скрешивая руки на груди, то подымая их к небесам с выражением отчаянного страха. Ашборнэм, смутившись, в свою очередь, сказал: "Государь! Полковник Гаммонд один; при нем всего один человек; нет ничего легче, как заставить его молчать". "Как! - возразил король. - Вы хотите убить его? Вы хотите, чтобы про меня сказали, что полковник рисковал для меня жизнью, а я подлым образом лишил его жизни? Нет, нет! Теперь слишком поздно придумывать что-нибудь новое. Покоримся воле Божией". Тем временем Гаммонд и Баскет соскучились ждать; Берклей доложил о них королю; их выпустили. Карл принял их с видом радушным и доверчивым. Гаммонд повторил свои обещания, обещал даже более прежнего, хотя выражался неопределенно и неловко. Начинало смеркаться; король со своими спутниками поехал на остров, где уже распространился слух, что он туда скоро будет. Жители толпами вышли навстречу Карлу. В Ньюпорте, на улице, какая-то молодая женщина подошла к нему, поднесла ему красную розу, распутившуюся несмотря на суровое время года, и громко молила небо за короля. Карла уверяли в совершенной преданности всех жителей острова; говорили, что в самом замке Кэрисбрук весь гарнизон состоит из двенадцати старых солдат, которые расположены в его пользу; что возможность уйти открыта для короля во всякое время. Опасения Карла мало-помалу рассеялись; а на другое утро, после того, как он, вставши, полюбовался из окон замка восхитительным видом на окрестности и море, после того, как он подышал утренним воздухом, и Гаммонд стал рассыпаться в уверениях своего уважения к его особе и обещал ему полную свободу прогуливаться верхом по острову, держать при себе своих служителей, принимать, кого заблагорассудится, - после всего этого Карл успокоился окончательно и сказал Ашборнэму: "Как бы то ни было, а этот губернатор хороший человек; здесь мне нечего бояться агитаторов, и я, кажется, не буду иметь причин раскаиваться в том, что приехал сюда"

¹ Mém. de Berkley. C.195-210. - Mém. de Herbert. C.38. - Mém. de Ludlow. T.I. - C.244 и след. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - C.3-17.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Собрание войск при Уэре. - Кромвель укрощает агитаторов и потом примиряется с ними. - Парламент предлагает королю четыре билля о предварительных условиях мира. - Король отвергает их и вступает в тайные переговоры с шотландцами. - Парламент решает не иметь более сношений с королем. - Общее неудовольствие в королевстве и реакция в пользу короля. - Затруднительное положение индепендентов и Кромвеля. - Начало второй междоусобной войны. - Действия Ферфакса в восточных областях и в окрестностях Лондона, Кромвеля - в западных, Ламберта - в северных областях. - Осада Кольчестера. - Шотландцы вступают в Англию. - Кромвель идет против них. - Сражения при Престоне, Уигане и Уаррингтоне. - Кромвель в Шотландии. - Пресвитериане снова усиливаются в Лондоне. - Парламент вступает в новые переговоры с королем. - Переговоры в Ньюпорте. - Положение партий колеблется. - Армия повелевает взять короля с острова Уайта. - Его переводят сначала в замок Горст, потом в Уайндзор. - Последние усилия пресвитериан в его пользу. - Поход армии на Лондон. - Очищение нижней палаты. - Процесс и смерть короля. - Уничтожение королевской власти.

1647-1649 гг.

Комиссары парламента и офицеры гэмптонкортского гарнизона в обыкновенное время ожидали появления короля за ужином; после долгого ожидания, возбудившего их удивление, они вошли наконец в его комнату и увидели в ней три письма, писанные его рукой, из которых одно было адресовано к лорду Монтегу, президенту комитета, другое к полковнику Уаллею, третье к президенту верхней палаты. В последнем король писал, что побужден к бегству загово-

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

рами агитаторов и правом жить на свободе и в безопасности, предоставленным всякому гражданину. В последних двух он выражал Монтегу и Уаллею свое удовольствие за оказанное ему внимание и делал некоторые распоряжения насчет своих лошадей, собак и картин, оставшихся в его покоех. Однако же они не нашли ни малейшего указания ни на дорогу, избранную королем, ни на убежище, которое он имел в виду¹.

Известие, полученное из Гэмптон-Корта, тем более смутило всех в Вестминстере, что в одно время с ним было получено из главной квартиры в Уайндзоре письмо, написанное в полночь Кромвелем, который спешил сообщить то же известие²; следовательно, он знал об этом событии прежде палат; может быть, оно было ему известно даже до отъезда короля. Распространился слух, что действительно 11-го ноября бдительность гэмптонкортского гарнизона была ослаблена против обыкновенного; что даже многие караулы были сняты с мест, на которых обыкновенно были располагаемы³. Скоро были получены письма от Гаммонда (от 13 ноября⁴, который, извещая палаты о прибытии короля, уверял их в своей преданности к ним и просил от них предписаний, как ему действовать. Однако же не все опасения были рассеяны. Кромвель тоже получил письмо от Гаммонда; все слуги парламентские считали как бы за обязанность извещать его обо всяком событии или испрашивать его мнения. Кромвель сообщил об этом парламенту с такой веселостью, что даже люди, менее всех склонные к подозрительности, должны были удивиться⁵; можно было в такой радости видеть опасный признак какого-то успеха или какой-то надежды, которых никто не мог разгадать.

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 786 и след.

² Rushworth. Ч.4. - T.II. - С.781.

³ Mém. de Ludlow. T.I. - С.250.

⁴ Parl. Hist. T.III. - Col. 789.

⁵ Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - С.18.

По прошествии двух дней, он дал своим врагам повод к новым и гораздо сильнеешим опасениям. 15-го ноября должно было произойти в Уэре, в Гертфордском графстве, первое из трех собраний армии, назначенных с целью положить конец раздорам. Кромвель отправился туда с Ферфаксом и самыми верными офицерами. В этот день получили приказание собраться только семь полков, которые обнаружили менее других фанатизма и в которых, поэтому, легче можно было восстановить дисциплину. Рассчитывали на их послушание или на их пример, чтобы запугать или смирить беспокойных. Но, приехав на уэрскую равнину, генералы нашли девять полков вместо семи: два полка, конный Гаррисона и пехотный Роберта Лильборна, пришли без приказа; в рядах их было заметно сильнейшее волнение. Последний прогнал даже всех офицеров, имевших чины выше поручика, за исключением капитана Брея (Gray), который им начальствовал. Все солдаты прикрепили к шапкам по экземпляру народного договора с надписью: "Свобода Англии, права солдат". От времени до времени раздавались по равнине крики их, вызванные как бы единодушным энтузиазмом. Ренсборо, Эверс, Скотт, сам Джон Лильборн, получивший от палаты позволение выходить, для здоровья, каждое утро из Тауэра, ездили верхом от отряда к отряду, поощряли наиболее воодушевленных, называли умеренных трусами, повторяли везде, что, имея шпагу в руках, они по совести обязаны употребить ее на то, чтобы вполне и навсегда обеспечить свободу своего отечества. Среди этого шумного беспорядка, Кромвель, Ферфакс и главный штаб их подъехали к полкам, которые были мирны, и тут, от имени генерального совета офицеров, было прочитано спокойное, но твердое увещание, в котором порицали новых агитаторов за их возмутительные поступки, упрекали их в опасностях, которым они подвергали этим армию, напоминали им верность и преданность войску, оказанные их начальниками, победы, одержанные ими под их предводи-

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

тельством; обещали поддерживать в парламенте справедливые требования солдат как для них самих, так и для их отечества, если они подпишут обязательство подчиняться впредь правилам дисциплины и повиноваться приказаниям своих начальников. Семь полков приняли это увещание с радостными криками. Ферфакс приблизился к полку Гаррисона. Едва всадники услышали его голос и его обещания, они сорвали с шапок "народный договор", закричали, что их обманули, что они хотят жить и умереть со своим генералом. Оставался один полк Лильборна, все еще упорствовавший и сильно волновавшийся; он уже начинал отвечать Ферфаксу возмутительными криками. Кромвель приблизился: "Сорвать с шапок эту бумагу!" - закричал он солдатам. Они не слушались; вдруг он бросился в ряды их, указав на четырнадцать самых упрямых солдат и велел арестовать их; тут же был составлен военный совет: трое из солдат были приговорены к смертной казни. Совет приказал бросить жребий и тотчас же расстрелять того, на кого он падет. Жребий пал на Ричарда Арнелля, одного из самых пылких бунтовщиков. Казнь совершилась тут же, перед фронтом; остальные двое осужденных и одиннадцать товарищей их были отведены в тюрьму. Майор Скотт и капитан Брей были также арестованы. Глубокое молчание распространилось по всему полку, и полки разошлись по квартирам. Оба следующие собрания прошли без малейшего ропота и, по-видимому, все войско снова покорилося своим вождям¹.

Но Кромвель не мог не понимать, что такое торжество не только ненадежно, но даже опасно. Когда он объявил о нем нижней палате², то, несмотря на благодарность, ко-

¹ Rushworth, Ч.4. - Т.II. - С.875. - Parl. Hist. T.III. - Col. 791. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - С.19. - Mazères, Select tracts relating to the civil wars in England, etc. Ч.1 - Предисловие. - С.XXXIII-LXXIII. - Godwin, Hist. of the commonwealth. T.II. - С.462-468.

² 19 ноября 1647. - Whitelocke. С.280.

тору ему выразило большинство, обрадованное поражением бунтовщиков, пресвитериане не скрыли своей холодности, республиканцы - своего неудовольствия. Первые считали всякий успех Кромвеля подозрительным, каковы бы ни были видимые последствия его; последние находили новое доказательство его измены в поведении его при уэрских переговорах. Лудло воспротивился в палате¹, чтобы Кромвелю объявлена была признательность. Проповедник Сальтмарш поспешно приехал из своего графства: по особому повелению Божию, как он говорил, чтобы возвестить генералам, что Господь оставляет их за то, что они заключили его святых в темницу². Наконец, после нескольких минут всеобщего изумления, толпа офицеров, унтер-офицеров и солдат и почти все главные революционеры в полках объявили Кромвелю и Эйртону, что ни строгость, ни неудача не отклонят их от их намерения; что они решились отделиться от короля и учредить республику; что, несмотря на возможность потерять все, они разведиат армию, увлекут за собою по крайней мере две трети ее и будут продолжать начатое, но не покорятся. Кромвель вовсе не хотел доводить их до этой крайности; он желал только одного: уничтожить разом возраставшее неповиновение в войске; кроме того, он слишком хорошо знал силу фанатиков и думал уже единственно о том, как бы помириться с ними. Не становясь явно на сторону республики, он всем, посещавшим его, говорил о короле очень дурно; соглашался, что от него нечего ожидать; сознавался, что сам увлекся на минуту славою мира сего и не мог понять, что все это есть дело Господа, и довериться одним святым его. Он раскаивался перед ними и просил их молиться вместе с ним, чтобы получить прощение от Бога. Проповедники, более других любимые народом, в том числе Гуг Петерс (Hugh), жаркий ревнитель,

¹ Mém. de Ludlow. T.I. - C.253.

² Whitelocke. C.286.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

но интриган и болтун, везде распространяли эти признания Кромвеля и его отречение от прежнего образа действий. Кромвель успокаивал даже солдат, заключенных в темницу, своими обещаниями. С величайшей твердостью настаивал он только на том, что необходимо поддерживать в войске согласие и дисциплину, единственные средства для успеха и даже для спасения¹. Многие поверили его страстным и всегда сильно действовавшим словам; другие, не столь ослепленные, чувствовали, что его гений им необходим, и хотя не верили его раскаянию, однако же не хотели явно обнаруживать и недоверия. Большинство соглашалось в одном: что агитаторы увлеклись слишком быстро и зашли слишком далеко; что солдаты обязаны больше повиноваться своим вождям и больше уважать их. Ренсборо, Скотт, Эверс сами сознались в своих ошибках и обещались быть впредь благоразумны. Наконец, было назначено общее собрание в главной квартире (22 декабря). Начальники, агитаторы и проповедники провели девять часов в разговорах и молитвах. Хотя старая вражда и взаимная недоверчивость не могли быть уничтожены, однако же общие выгоды заглушили их, решили дать заключенным свободу, капитана Брея возвратить в полк, просить палаты, чтобы Ренсборо снова получил отнятую у него должность вице-адмирала², и торжественный обед (9 января 1648)³ ознаменовал это примирение, купленное ценою гибели короля.

Пока все это происходило, прибыл (в конце ноября 1647) в главную квартиру сэр Джон Берклей. Узнав об исходе уэрских переговоров, Карл поспешил отправить его, чтобы поздравить генералов с победой и напомнить их обещание. Везя не только от короля, но и от Каммон-

¹ Mém. de Berkley. C.215-217.

² Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.943. - Clarendon, State-Papers. Т.II. Прибавление. - С.XLIV. - Whitelocke. C.286. - Mém. de Huntington. C.328.

³ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.959.

да, письма к Ферфаксу, Эйртону и Кромвелю, Берклей не был спокоен: он встретил на дороге корнета Джойса, который удивлен был его уверенностью и сообщил ему, что агитаторы не только ничего не боятся, но даже успели увлечь генералов и готовятся судить короля. Когда он прибыл в Уайндзор, генералы уже были в совете; он явился туда и передал Ферфаксу письмо. Ему было тотчас велено оставить зал; через полчаса его позвали, и Ферфакс сказал ему сурово: "Мы войско парламента; нам нечего отвечать на предложения его величества; один парламент может обсуждать их". Берклей поглядел на Кромвеля, потом на Эйртон; они едва поклонились ему с презрительной улыбкой. Берклей удалился в величайшем недоумении; целый день он не мог получить ни объяснений, ни известий; наконец, к вечеру, комендант Уатсон, с которым он имел прежде самые близкие сношения, дал ему знать, чтобы он пришел в полночь в такое-то место, находящееся за гостиницей под вывеской "Подвязки", и что он сам будет там же. Тут Берклей узнал о последних событиях и о духе, распространившемся в армии. "Ее раздражение так велико, - сказал Уатсон, - что я рискую жизнью, пришедши сюда, потому что еще сегодня после обеда Эйртон сделал два предложения: одно - отправить вас под арестом в Лондон, другое - запретить кому бы то ни было сношения с вами под опасением смертной казни. Если королю не надоело жить, пусть он немедленно спасается бегством, когда имеет на то средства". "Присоветуете ли вы мне, - спросил Берклей, - передать Эйртону и Кромwelю письма, данные мне королем для них?" - "Непременно; а то подумают, что я открыл вам их планы"¹.

Уатсон предвидел, что Берклей не добьется ни свидания, ни ответа от генералов. "Я постараюсь послужить еще королю по возможности, - велел сказать ему Кром-

¹ Mém. de Berkley. C.212-217.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

вель, - но он не должен ожидать, чтобы я стал себя губить из любви к нему". Сэр Джон поспешно сообщил королю эти печальные вести и молил его, ни минуты не медля, искать спасения в бегстве. Это и удалось бы, может быть, Карлу: корабль, посланный королевой, плавал, как говорили, уже несколько дней около острова¹. Но надежды короля оживились новой интригой: после жаркого прения в нижней палате большинством голосов принято было², что ему будет объявлено, в виде биллей, четыре предложения и что если он их примет, то можно будет ему приступить к прямым переговорам с парламентом, как он уже несколько раз того желал. Содержание их было следующее:

1) главное начальство над морскими и сухопутными войсками будет передано палатам на двадцать лет, с условием, что они могут и после этого присвоить его, коль скоро безопасность государства того потребует;

2) король уничтожит все объявления, прокламации прочие акты, обнародованные против палат и обвиняющие их в противозаконных действиях и возмущении;

3) он уничтожит все грамоты на царство, пожалованные после его отъезда из Лондона;

4) наконец, король предоставит палатам право собираться когда и где им заблагорассудится.

Несмотря на бедственное положение свое, Карл не мог решиться принять эти билли и таким образом признать законность войны, доведшей его до этого; но он знал, что шотландские комиссары сильно оспаривали эти предложения и что они обнаружили даже сильное негодование за презрение, с которым палаты встретили их замечания³. В одно время с письмами Берклея он получил от них тайное

¹ *Mém. de Berkley. C.217-218.*

² 14 сентября 1647. Предложение было сделано в верхней палате 26 ноября, а нижняя приняла его 27 ноября, большинством 115 голосов против 106 (*Parl. Hist. T.III. - Col. 803, 804, 823, 824*).

³ Там же. *T.III. - Col. 825, 826.*

приглашение отвергнуть столь обидные предложения; они обещались прибыть лично на остров Уайт, чтобы именем Шотландии предложить ему более выгодные условия. "Нужно подождать их, - сказал он возвратившемуся Берклею, - я хочу кончить с шотландцами прежде, нежели оставлю королевство. Если бы они видели меня не во власти армии, они были бы гораздо требовательнее¹.

Действительно, лорды Лодердэль, Лоуден и Ланерк прибыли в Керисбрукский замок почти одновременно с лордом Денби и его пятью товарищами, комиссарами вестминстерскими (23 декабря 1647)². Переговоры, начавшиеся еще в Гэмптон-Корте, возобновились тотчас между ними и королем, но с великой тайной. Они говорили, что прибыли единственно для того, чтобы протестовать перед королем против предложений парламента. В два дня договор был заключен, сочинен, подписан (26 декабря) и зарыт в одном саду, на острове, до тех пор, пока можно будет вынуть его без опасности. Договором этим обещалось королю, что шотландская армия вступит в Англию, чтобы возвратить ему его законные права, с условием, что он на три года утвердит пресвитерианское церковное правление в Англии, причем будет волен не подчиняться ему сам со своим семейством; что, по прошествии этого срока, он вместе с обеими палатами окончательно устроит церковь, посоветовавшись с собранием богословов. За этой главной статьей следовали многочисленные уступки в пользу Шотландии, которые могли оскорбить национальную гордость англичан. Сверх того было условлено, что для подкрепления шотландской армии поднимут оружие все кавалеры во всем королевстве; что Ормонд примет начальство над королевской партией в Ирландии; что король, отвергнув четыре предложения парламента, убежит с острова, отправится на границу

¹ Mém. de Berkley. C.18-223.

² Parl. Hist. T.III. - Col. 824, 827. - C.87.

Шотландии, в Бервик или какое-либо другое место, и будет на свободе выжидать, когда можно будет действовать¹.

Как скоро эти условия были заключены, король велел сказать комиссарам парламента, что он готов отвечать им (27 декабря). Он решился на то же, что сделал три года назад, во время оксфордских переговоров: хотел передать им запечатанный ответ, чтобы они, узнав о его отказе или даже о его планах, не приняли против него каких-нибудь мер, которые могли бы разрушить все его надежды. Но лорд Денби решительно отказался принять в таком виде ответ короля. "Парламент поручил нам принести ему не то, что вздумается его величеству вручить нам, а положительный ответ: принимает он четыре предложения или нет", - сказал он. Надо было уступить и прочитать вслух ответ. Король решительно отвергал билии и требовал, чтобы ему предоставлено было вести лично переговоры с парламентом, не обязываясь предварительно соглашаться на какие бы то ни было условия. Комиссары удалились и, после короткого совещания с Гаммондом, отправились назад в Вестминстер. Через несколько часов после их отъезда, в то самое время, когда король говорил с Берклеем и Ашборнэмом о средствах к побегу, назначенному на следующую ночь, ворота замка были заперты, всем чужим запрещен вход в него, везде удвоены караулы и почти все служители короля, а прежде всех Ашборнэм и Берклеей, получили приказание немедленно оставить остров².

Карл был сильно огорчен и разгневан; он велел позвать Гаммонда. "Зачем обращаетесь вы так со мною? Где ваши приказания? Или это внушено вам святым духом?" - Гаммонд, не имевший формальных приказаний, молчал, запинаясь; наконец он упомянул о последнем от-

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - С.43-56. - Burnet, Memoirs of the Hamiltons, С.325-334.

² Mém. de Berkley. С.224-230. - Parl. Hist. T.III. - Col. 828-830. - 92-94. - Clarendon. Hist. of the rebell T.IX. - С.22-27.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

вете его величества на предложения парламента. "Разве вы не дали честного слова, - продолжал король, - что ни в каком случае не воспользуетесь выгодами своего положения против меня?"

Гаммонд сказал:

- Я не давал никакого слова.

Король возразил:

- Вы постоянно или молчите, или даете двусмысленные ответы. Оставьте ли вы мне кого-нибудь из моих капелланов? Вы стоите, говорите вы, за свободу совести: уже ли один я буду лишен ее?

Гаммонд. - Я не могу оставить вам капеллана.

Король. - Вы обращаетесь со мною не как дворянин и не как христианин.

Гаммонд. - Я поговорю с вами, когда вы будете в лучшем расположении духа.

Король. - Я хорошо спал прошлую ночь.

Гаммонд. - Я обращался очень вежливо с вами.

Король. - Зачем же вы теперь перестали обращаться так же?

Гаммонд. - Государь, вы слишком высоки.

Король. - В этом мог бы быть виноват мой башмачник, но я не вижу, чтобы он сделал каблуки башмаков моих выше.

Он повторил последние слова два раза, прохаживаясь по комнате; потом подошел к Гаммонду и спросил:

- Можно ли мне гулять?

Гаммонд. - Нет, я не могу позволить этого.

Король. - Вы не можете позволить? Стало быть, я в тюрьме? Где же верность, которую вы мне обещали? Где же ваши клятвы? Отвечайте!

Гаммонд был сильно тронут; слезы выступили у него на глазах и он вышел; но ничего не изменил в своих распоряжениях¹.

¹ Clarendon, State-Papers. Т. II. Прибавление. - С. XLIV. - Rushworth. Ч. 4. - Т. II. - С. 956-960. - Whitelocke. С. 228.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

Между тем комиссары парламента возвратились в Вестминстер. Едва успели они отдать отчет в своем путешествии и о его результатах, как вдруг один член парламента, дотоле неизвестный, сэр Томас Рот (Wroth), встал в нижней палате (3 января 1648) и сказал: "Господин оратор, для сумасшедших уготован Бедлам, а для королей Тофет¹. Наш король в последнее время вел себя так, как бы Бедлам был единственным местом, приличным для него. Я прошу покорнейше палаты не обращаться более к нему и распоряжаться общественными делами без его содействия. Мне все равно, какой образ правления они введут, только бы не было ни чертей, ни королей". Эйртон тотчас же поддержал это предложение. "Король, - сказал он, - отказал народу своему в защите и покровительстве, отвергнув эти четыре билля: мы обязаны повиноваться ему за оказываемое нам покровительство. Он отказывает нам в покровительстве, следовательно, и мы не обязаны повиноваться ему и должны управлять го-

¹ То есть ад. Тофет - еврейское слово, означающее вообще предмет, достойный омерзения (корень его значит: харкать с отвращением), а в смысле собственного имени: место в долине Бен-Хинном (юдоля сынов плача), где долгое время приносили жертвы Молоху, куда бросали статуи ложных богов, когда разрушены были их алтари на высотах Иерусалима, куда впоследствии сваливали всякие нечистоты и где сжигали тела казненных преступников. В этом смысле пророк Исая, грозя конечной гибелью Сеннахерибу и его войску, говорит (гл. XXX, ст. 33): "Давно тофет готов для царя". Между тем, некоторые древние учителя, например, бл. Иероним и халдейский парафраст, понимали под словом *тофет* просто ад, *геенну*; по их примеру, не придавали этому слову никакого другого значения и Кальвин с богословами его школы. В этом смысле принимает его английский перевод Библии; в этом же смысле употребляет его Мильтон (*Parad lost*, песнь I, стих 392. 393-495) и современные ему писатели, а также и Томас Рот, в своем намеке на пророка Исая, которого знала наизусть большая часть его слушателей, как и вообще весь текст священного писания.

Этими сведениями обязаны мы одному из просвещенных протестантских богословов нашего времени г. Штапферу.

сударством без него". Пресвитериане, удивленные такими резкими нападками, - хотя они и сами досадовали на отказ короля - смутились и испугались; некоторые члены восстали против этой меры. "Принять ее, - говорил Мейнард, - значит уничтожить парламент, насколько это от нас зависит. Когда короли отказывались принимать его прошения, выслушивать его адреса, то такие действия всегда считались за самое сильное нарушение его прав, потому что одним этим он распускал парламент де-факто, хотя бы роспуск его и не был объявлен; а мы, решаясь теперь не принимать никаких посланий от короля, не сноситься более с ним, не объявляем ли этим сами, что мы более не парламент?" Спор затягивался и становился жарче. Пресвитериане успокоились; палата, худо расположенная к ним сначала, колебалась. Кромвель встал: "Господин президент, - сказал он, - король обладает большим умом, большими способностями, но он так лицемерен, так неправдив, что нет средств доверять ему. Уверяя нас в своей любви к миру, он тайно ведет переговоры с шотландскими комиссарами, чтобы подвергнуть народ опасностям новой войны. Настал час, когда парламенту приходится одному управлять государством и спасти его. Те же люди, которые защищали вас ценою своей крови от стольких опасностей, снова защитят вас с тем же мужеством, с тою же верностью. Не пренебрегайте же вашей безопасностью и безопасностью государства, которая составляет единственную цель их желаний; не давайте им повода думать, что вы изменили им и предали их злобе врага, которого они для вас победили; иначе отчаяние может побудить их оставить вас, так как вы сами хотите оставить себя. Я содрогаюсь при одной мысли об этом и предоставляю вас самим судить, сколь губительно будет для вас такое решение". И он сел, ухватясь за шпагу. Никто не говорил после него. Предложение было принято без дальнейших споров¹ и на следующий же день (4 января

¹ Большинство 141 голоса против 92.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

1648) передано верхней палате. Лорды колебались; прения продолжались; были получены два адреса от армии¹: один к нижней палате, содержащий выражение благодарности и угрозы против ее врагов; другой к лордам, скромный, ласковый, опровергающий слухи, будто пэры в опасности, и обещающий поддерживать все их права. Робкие могли сколько им угодно пугаться или успокаиваться; прения шли быстро, и при окончательной подаче голосов (15 января 1648) только лорды Уорвик и Манчестер протестовали против принятия билля².

Зато во всем королевстве обнаружались сильные и опасные протесты. "Оправдались, - кричали кавалеры, - те обвинения и предсказания, которые так часто называли мечтами и клеветой!" Множество голосов, еще недавно нерешительных, присоединилось к ним, проклиная эту гнусную измену. Король не успел еще ответить на билль палате, как явилось множество ответов, вызванных добровольным усердием простых граждан³. Никогда еще не распространялось столько слухов о заговорах в пользу короля, никогда Вестминстер не был осаждаем таким множеством самых сильных памфлетов⁴. На самом острове Уайте отставной морской капитан Бурлей ударил тревогу на улицах Ньюпорта, собрал толпу работников, женщин и детей, принял начальство над ними и хотел идти освобождать короля из темницы. Попытка эта была тотчас же подавлена, и Бурлей повешен. Его обвиняли в

¹ 11 января; адреса от 9 числа.

² Parl. Hist. T.III. - Col. 830-837. - Clement Walker, Hist of independency. C.69-71 (изд. в малую четверку, 1648). - Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - C.27-33.

³ Там же. C.33.

⁴ Rushworth. Ч.4. - C.929, 974, 1002; в особенности два памфлета под заглавием: Десять заповедей парламента (The parliament's ten commandments) и Новый завет наших спасителей нижней палаты, заседающих в Вестминстере (The new Testament of our Lords and saviours the house of Commons sitting at Westminster) наделали много шума.

том, что он хотел вести войну против короля в лице его парламента¹. Такие же чувства и желания обнаружились и в тех графствах, которые до сих пор оказывали больше всех вражды к королю. У самых дверей нижней палаты толпились в беспорядке уволенные солдаты эссексовской армии с криком: "Да здравствует король!" и останавливали проезжих, заставляя их пить с ними за его здоровье². Республиканцы негодовали, видя, что подобные явления нарушают торжество их победы. Напрасно получали они поздравительные адреса от некоторых графств³; напрасно нижняя палата объявляла о своем намерении преобразовать законы гражданские и уменьшить издержки судопроизводства; напрасно отказывалась она на время даже от собственных своих привилегий в отношении к долгам и судебным преследованиям⁴; только сама партия да немногие просвещенные люди желали этих важных улучшений и ценили их; иные из них затрагивали предрассудки народа, другие были непонятны из-за его невежества; а корыстное намерение, по-видимому, вызвавшее их, уничтожало все хорошее впечатление, которое бы могло быть ими произведено. Не успев в своем желании приобрести любовь народа, палата прибегла к жестокости. Преследования, уже начатые против тех членов парламента и чиновников лондонской Сити, которых подозревали как зачинщиков или виновников пресвитерианских или роялистских возмущений, были усилены⁵; все, поднимавшие когда-либо оружие против парламента, получили приказание оставить Лондон и не смели жить от него менее как в двадцати милях⁶. Велено было исследовать поведение всех мировых судей в

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - C.25. - Mém. de Berkley. - C.229.

² Parl. Hist. T.III. - Col. 804.

³ Rushworth. Ч.3. - T.II. - C.973.

⁴ 4 января 1648. - Parl. Hist., T.III. - Col. 830. - Rushworth, Ч.4. - T.II. - C.985.

⁵ Там же. C.922. - Parl. Hist. T.III. - Col. 828-842.

⁶ 17 декабря 1647. - Rushworth. Ч.4. - T.II. - C.933.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

королевстве, чтобы удалить подозрительных;¹ постановлено было, что никто из обвиненных, принимавших участие в каком-либо заговоре против парламента, или подозреваемых в этом, не мог быть избран ни в звание лорда-мэра, ни альдермена, не мог быть членом общинного совета, ни даже участвовать при выборах этих лиц;² скоро было им запрещено быть присяжными и даже членами нижнего парламента³. Комитет, обязанный следить за книгопечатанием и останавливать в выражении мыслей излишнюю вольность, был обязан собираться ежедневно и получил в распоряжение свое денежную сумму, чтобы награждать доносчиков, открывавших печатные станки злоумышленников (6 января 1648)⁴. Наконец, армия прошла еще раз через Лондон в полном вооружении, и три тысячи человек заняли квартиры в самом городе, близ Уайтгалля и Тауэра⁵.

Все фанатики, все недалёковидные и жестокие - словом, чернь партии, радовались этим мерам, свидетельствовавшим об их силе и увеличивавшим их ревность. Содействуя им, Кромвель тем не менее беспокоился - не потому, чтобы совесть укоряла его или чтобы он когда-нибудь задумался сделать все возможное для достижения своей цели; он уже решился действовать против короля, но надежды и притязания республиканцев и фанатиков казались ему безрассудными. Он видел, что главные земледельцы, богатые граждане, почти все именитые люди в графствах удалялись от общественных дел, не участвовали более в административных комитетах, в местных судах; что власть переходила в руки людей низшего сословия, жадно хватавшихся за нее, способных действовать энергично, но не умеющих удерживать ее в

¹ 17 декабря 1647 г. Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.920.

² Там же. С.934.

³ Там же. С.1252.

⁴ Там же. - Ч.4. - Т.II. - С.957.

⁵ Journal of the House of Commons, 27 января 1648. - Clement Walker, Hist of independency. С.79.

руках¹. Он не мог думать, чтобы Англия согласилась долго терпеть такой образ правления; чтобы легальное угнетение такого множества значительных граждан могло положить основание чему-нибудь прочному. Он должен был опасаться, что постоянно увеличивающиеся раздоры и безначалие делаются, наконец, гибельными для самих победителей. Неудовольствие воображение его искало средств прекратить такой порядок дел или, по крайней мере, отыскать в этом мрачном хаосе быстрейший и вернейший путь к собственному возвышению. Он собрал у себя однажды на обед главных индипендентов и пресвитериан, как духовных, так и светских, и жарко говорил о необходимости примириться, позабыть хоть на время свои ссоры, чтобы общими силами восстать против новых опасностей, которые легко было предвидеть. Гордость пресвитериан и их богословские притязания были так велики, что на них не могли подействовать подобные соображения. Разговор не имел никаких последствий. Кромвель устроил еще раз конференцию между некоторыми главными политическими агитаторами (из которых большая часть были генералы, как и он сам) и республиканцами. Им необходимо было, как он говорил, вместе исследовать, какой образ правления более всего приличен для Англии? Потому что от них зависело учредить его. Но, в сущности, он собрал их для того, чтобы узнать, кто из них сговорчив и кто нет, и чего должно ему ожидать или опасаться от них. Лудло, Вен, Гатчинсон, Сидней, Гэзльринг прямо отвергли всякую мысль о монархии, осуждаемую, как они говорили, разумом и опытом. Генералы выразились не так резко; по их мнению, должно было желать республики, но продолжительность ее существования была сомнительна; лучше было не произносить окончательного приговора, наблюдать за ходом дел, за требованиями времени и повиноваться ежедневно внушениям провидения. Республиканцы требовали объяснения ясного,

¹ Clarendon. Hist. of the rebell, T.IX. - С.35. - Мém. de Hollis. - С.5. - Мém. de mistress Hutchinsen. - Т.II., passim.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

а не уверток. Заспорили сильнее. Лудло и другие приставали к Кромвелю, чтобы он сказал свое мнение, потому что они хотели знать, кто на их стороне. Кромвель уклонялся, отшучивался, но более и более теснимый ими, вздумал, наконец, отделаться фарсом: бросился к дверям комнаты и швырнул подушку в Лудло, который с сердцем бросил ее назад в него¹.

Между тем опасность приближалась; число и смелость недовольных увеличивались с каждым днем; не только на западе и на севере, но и в самих окрестностях Лондона, в графствах Миддлсекс, Эссекс, Соррей, Кент, составлялись возмущения, заговоры и прошения в пользу короля; везде говорили о них открыто: за обедами у богатых дворян, в акцизных судах, на торговых площадях - везде, где кавалеры могли говорить между собою или сходитьсь с народом. Когда в день Рождества Христова кентербёрийский мэр хотел привести в исполнение предписание, запрещавшее праздновать этот день, народ начал волноваться при криках: "Бог, король Карл и Кент!" Ворота городского арсенала были сломаны, несколько домов, принадлежащих приверженцам парламента, разрушено, городские чиновники сильно избиты. Если бы вскорости не подоспели войска, то окрестные крестьяне присоединились бы к восстанию и усилили бы его². В Лондоне, в воскресенье (9 апреля 1648), во время обедни, несколько подмастерьев играли в кегли в Мур-Фильдсе; караул хотел прогнать их; они не послушались и разогнали милиционеров; когда же они были рассеяны сами отрядом конницы, то разбежались по городу и начали звать на помощь своих товарищей и судовщиков с Темзы; образовались многочисленные толпы во всех частях города; ночью они собрались, овладели двумя из городских ворот, загородили улицы цепями, напали с барабанным боем и с криками: "Бог и

¹ Mém. de Ludlow. T.I. - C.270-275.

² Rushworth. Ч.4. - T.II. - C.948. - Whitelocke. C.286. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - C.77.

король Карл!" на дом лорда-мэра, овладели одной пушкой, потом оружейным магазином, и к рассвету оказалось, что Сити в их руках. Всю ночь не прекращался военный совет. Напасть на них не решались, сомневаясь, будет ли достаточно двух полков лондонского гарнизона и не нужно ли дожидаться подкрепления. Ферфакс и Кромвель подали мнение, что следует напасть как можно быстрее, и это было исполнено с успехом. Через два часа на улицах раздавались только мирные шаги войска, возвращавшегося в свои квартиры¹. Однако же, хотя народ и разбежался, но он не был еще побежден; ежедневно какое-нибудь неожиданное событие усиливало его раздражение или подкрепляло его смелость. Члены-пресвитериане и альдермены города, отданные нижней палатой на суд верхней палаты, упорно отказывались признать за нею право судить их; не хотели становиться на колени перед решеткой, снимать шляпы и выслушивать чтение обвинительных пунктов. Всякий раз, когда их приводили в Вестминстер, толпа приветствовала их громкими криками². Запрещены были всякие сходбища; административным комитетом всех графств разрешено хватать и сажать в тюрьму всякого злонамеренного или даже просто подозрительного человека³. Несмотря на это, брожение умов возрастало быстрее, нежели самое притеснение. В Норвиче, в Бёри-Сент-Эдмондсе (Bure-Saint-Edmunds), в Тетфорде (Thetford), в Стоумэркете (Stoumarket) и во многих других местах народ бил тревогу при малейшем предлоге, жители вооружались, и войска не всегда могли ограничиться одними угрозами⁴. Скоро пришлось опасаться уже не волнений непокорных граждан, но гораздо важнейших врагов. В южной части Валлиса,

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1051. - Whitelocke. С.298. - Parl. Hist. Т.III. - Col. 875.

² Там же. Col. 844, 874, 877, 880, 881.

³ 18 апреля 1648. - Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1062. - Whitelocke. С.300.

⁴ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1071, 1119. - Whitelocke. С.302, 305. - Journals of the House of Lords 19 мая. - Journals of the House of Commons 12 июня.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

в Пемброкском графстве, полковники Поейр и Поуэль, генерал-майор Ланггорн, отличные офицеры, выслужившиеся в парламентской армии, отделились от парламента¹, водрузили королевское знамя и, поддерживаемые восстанием окрестных кавалеров, в несколько дней овладели всей страной. Почти в то же время собрался шотландский парламент (2 марта). Гамильтон и приверженцы короля, присоединившись к умеренным пресвитерианам и замаскировавшись ими, одержали верх на выборах. Напрасно Арджайль и наиболее ревностная часть духовенства старались препятствовать их успехам; напрасно комиссары, прибывшие из Лондона, расточали угрозы и сыпали деньгами в Эдинбурге. Парламент, осторожный, даже смиренный в своих выражениях относительно фанатиков, в сущности же решительно расположенный в пользу короля, немедленно постановил (3 мая) образовать "комитет опасности", облеченный исполнительной властью, и собрать войско из сорока тысяч человек, долженствовавшее защищать ковенант и королевство против республиканцев и сектаторов². Кавалеры северной Англии только и ждали этого сигнала, чтобы восстать; более месяца главные вожди их, Лангдэль, Гленгам, Мострэв (Musgrave), жили то открыто, то тайно в Эдинбурге, устраивая с Гамильтоном план восстания³. Лорд Инчиквин, президент Мунстерской области в Ирландии, бывший дотоле самой крепкой опорой парламента против инсургентов, тоже перешел под знамена Карла⁴. Когда все эти известия дошли

¹ К концу февраля 1648. - Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1016, 1017, 1033, 1034, 1036. - Whitlocke. С.294. - Clarendon. Hist. of the rebell. Т.IX. - С.112. - Mém. de Ludlow. Т.I. - С.279, 291.

² Clarendon. Hist. of the rebell. Т.II. - С.78-83. - Baillie, Letters. Т.II. - С.281, 285, 286. - Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1040, 1047. - Malcolm Laing, Hist of Scotland. Т.III. - С.394-400.

³ Clarendon. Hist. of the rebell. Т.IX. - С.83-89.

⁴ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1060, 1063. - Mém. de Ludlow. Т.I. - С.296. - Carte, Ormond's Life. Т.II. - С.23. - Clarendon. Hist. of the rebell. Т.IX. - С.36-40, 211 и след.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

до Лондона, пресвитерианская партия подняла голову, как в палатах, так и в Сити, и начала преувеличивать свои опасения, чтобы скрыть свои надежды. Некто Джон Эверард под присягою объявил в муниципальном совете (23 апреля), что третьего дня, находясь уже в постели, в гостинице под вывескою "Подвязки", в Виндзоре, он слышал, как в соседней комнате многие офицеры, в том числе генеральный квартирмейстер Гросвенор и полковник Эверс, давали друг другу обещание, что как скоро шотландцы перейдут границу Англии, войско вступить в Лондон, обезоружит граждан, потребует с города, под страхом разграбления его, выкуп в миллион фунтов и сверх того будет вооружать на его счет всех желающих. По словам Эверарда, Эйртон тоже знал об этом намерении¹. Немедленно было написано и подано прошение парламенту (27 апреля): муниципальный совет просил, чтобы городу были возвращены уличные цепи, отнятые у него после бывшего возмущения; чтобы главная квартира армии была удалена от Лондона и чтобы начальство над всеми силами, находящимися в Лондоне и предместьях его, было поручено Скиппону. Палаты немедленно согласились на все эти просьбы, и на следующий день, 28 апреля, после прения, от которого не сохранилось никаких документов, палаты приняли большинством голосов:

- 1) что они не намерены изменять основной формы правления королевства королем, лордами и нижней палатой;
- 2) что предложения, сделанные в Гэмптон-Корте королю, будут служить основанием тех мер, какие необходимо принять для восстановления общественного спокойствия;
- 3) что, несмотря на билль 3 января, запрещавший всякое сношение с королем, всякий член парламента свободно может предлагать все, чего, по его мнению, требует польза государства².

Три недели назад Кромвель предвидел эти невзгоды и старался предупредить их. От лица вождей войска и пар-

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 881.

² Там же. Col. 882-883.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

тии, он предложил общинному совету (8 апреля) возвратить муниципальным властям начальство над милицией, передать им Тауэр, освободить обвиненных альдерменов, с тем чтобы город обязался не предпринимать ничего в пользу шотландцев при вторжении их в Англию; но его предложения были отвергнуты¹. Видя, что нет надежды на мирный исход и что пресвитериане становятся все смелее в Сити и приобретают все большее влияние в парламенте, он почувствовал непреодолимое желание сделать решительный удар. Отправившись в главную квартиру, он созвал совет офицеров и предложил, чтобы армия двинулась на Лондон, выгнала из палаты всех своих противников и, во имя всех честных людей и общего блага, захватила в свои руки полную власть. Совет сначала одобрил это предложение; но такое наглое посягательство на право парламента, бывшего столько веков кумиром и законодателем Англии, заставило призадуматься даже и самых смелых: они поколебались. Ферфакс, начавший уже тревожиться тем, что делал, воспользовался этой нерешительностью, чтобы воспротивиться настоятельным требованиям генерал-лейтенанта, который хотел в ту же минуту отдать необходимые приказания; предложение Кромвеля было отвергнуто². Наскучив этим неудачами, подозреваемый одними за попытки мирной сделки, другими - за крайность своих намерений, неспособный более переносить бездействие и оставаться в таком затруднительном положении, Кромвель решился вдруг оставить Лондон, отправиться против инсургентов на запад и посредством войны возвратить себе то влияние, которое ускользало у него из рук. Палаты легко согласились дать ему это поручение. Пока войска, назначенные для военных действий, готовились к походу, он жаловался однажды Лудло на неприятности своего положения, напоминал о том, что он

¹ Clement Walker, Hist of independency. C.82-83.

² Mém. de Fairfax. C.405-406.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

сделал для общей пользы, рассказывал, какой ненависти, каким опасностям он подвергался, и обвинял свою партию в неблагодарности. Лудло выслушал его жалобы и, в свою очередь, напомнил ему те причины, мнимые и истинные, которые возбудили к нему общую недоверчивость; убеждал его отказаться от всяких интриг, от всяких честолюбивых видов, обещал ему, под этим условием, искреннее содействие республиканцев и оставил его, обрадованный внимательностью, с какой Кромвель принял эти советы¹. Через несколько дней Кромвель отправился с пятью полками в Валлис; почти у самых ворот Лондона он имел условленное свидание с пресвитерианскими священнослужителями, которые также остались довольны этим свиданием².

Тотчас после его отъезда война, которой он отправился искать вдали, со всех сторон вспыхнула вокруг парламента: кавалеры дали себе слово не предпринимать ничего, пока шотландцы не вступят в Англию; но народное одушевление вызывало всякий день где-нибудь восстание, пользуясь благоприятным случаем или каким-нибудь неожиданным обстоятельством. Некоторые жители графства Эссекского потребовали, чтобы с королем были возобновлены переговоры, а войско, по уплате следовавшего ему жалованья, было распущено (4 мая)³. Следуя их примеру, от семисот до восьмисот дворян, владельцев свободных земель, фермеров Соррейского графства, явились в Лондон (16 мая) с таким же прошением, но гораздо более высокомерным: они требовали, чтобы король был призван в Уайтгаль и восстановлен на своем престоле со всей пышностью своих предков. Когда они пришли в парламент и проходили через дворы и залы, некоторые из них обратились к солдатам и сказали: "Как можете вы слу-

¹ Mém. de Ludlow. T.I. - C.288.

² Mém. de mistress Hutchinson. T.II. - C.157, 158.

³ Rushworth. Ч.4. - T.II. - C.1101.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

жить охранной стражей этой шайке мошенников?" Солдаты с живостью отвечали на эту обиду; завязалась драка; караул был обезоружен; один солдат убит. Вскоре пришло подкрепление, и податели прошения, преследуемые, в свою очередь, из коридора в коридор, из залы в залу, из улицы в улицу, обратились в бегство, однако же не без упорного сопротивления, и оставили пять или шесть трупов у дверей парламента¹. Узнав об этом, роялисты Кентского графства, готовившие также прошение, образовали конные и пешие отряды, выбрали офицеров, назначили сборные места, взяли в начальники лорда Горинга, графа Норвичского, овладели Сандвичем, Дувром, множеством крепостей и, собравшись в числе более семи тысяч в Рочестере (29 мая), дали взаимное обещание идти всем и в полном вооружении, чтобы подать свое прошение парламенту². Как скоро знамя восстания было поднято под этим предлогом, другие, не излагая письменно ни жалоб своих, ни желаний, последовали тому же примеру. Сэр Чарльз Лукас в Эссексе, лорд Кэпл в Гертфорде, сэр Джильберт Байрон в окрестностях Ноттингэма открыто набирали людей для короля. На севере Лангдэль и Мосгрэв напали внезапно на Бервик и Карлейль и заняли их, чтобы облегчить шотландцам вступление в королевство³. Многие признаки брожения умов были заметны и между матросами, стоявшими в дюнах; вице-адмирал Ренсборо отправился усмирять их; но матросы не приняли его (27 мая), посадили всех офицеров своих в шлюпку, отвезли их на берег и, объявив себя за короля, без всяких начальников, кроме своих боцманов, поплыли в Голландию. Здесь начальство над ними было принято сперва герцогом Йоркским, которому удалось убежать из Сент-Джемса, а потом самим

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1116. - Parl. Hist. Т.III. - Col. 886. - Whitelocke. С.305. - Мém. de Ludlow. Т.I. - С.283.

² Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1130. - Whitelocke. С.303. - Clarendon. Hist. of the rebell. Т.IX. - С.95 и след.

³ 2 и 8 мая. - Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1099, 1104. - Clarendon. Hist. of the rebell. Т.IX. - С.119-126.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

принцем Валлийским¹. Тайные вербовки начались даже в Лондоне; раздаваемы были присяжные листы; вооруженные толпы ходили по городу, чтобы присоединиться к какому-нибудь отряду роялистов;² дома графа Голланда и молодого герцога Буккингэмского ежеминутно наполнялись недовольными, спрашивавшими: когда и где нужно начать восстание?³ Дело восстания, подобно неудержимому пожару, везде кипело, распространялось, развивалось и все больше и больше стягивалось к Вестминстеру. Все старания дербигоузского комитета, в котором господствовали индепенденты, все искусство Вена и Сент-Джона, так ловко умевших поощрять доносчиков и открывать заговоры⁴, не могли остановить криков: "За Бога и короля Карла!" - криков, бесстрашно гремевших в ушах парламента.

Сами пресвитериане встревожились. Шотландцы, на которых они больше всего рассчитывали, не являлись; им угрожала опасность, что они попадутся во власть кавалерам, которые одни держали в руках народное движение, которые так же мало уважали доктрины и стремления пресвитериан, как и всякие другие доктрины и стремления, ненавидели палаты, громко требовали восстановления законов и короля старой Англии, глумились над строгостями новой церкви, играли в запрещенные игры, соблюдали уничтоженные праздники и снова сажали срубленные майские деревья⁵. От Гаммонда получено было известие, что королю едва не удалось убежать (31 мая);⁶ самые умеренные дрожали от страха при

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - C.89-91, 94-95, 101-104. - Parl. Hist. T.III. - Col. 896, 899, 906. - Journal of the House of Lords. Mém. de Ludlow. T.I. - C.269. - Godwin, Hist. of the commonwealth. T.II. - C.531-533, 551-556.

² Rushworth. Ч.4. - T.II. - C.1147, 1174. - Parl. Hist. T.III. - Col. 892-893.

³ Whitelocke. C.313. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - C.166.

⁴ Parl. Hist. T.III. - Col. 887, 892.

⁵ Whitelocke, C.305.

⁶ Parl. Hist. T.III. - Col. 899, 909-921, 928. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - C.262-267.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

мысли, что он всякую минуту может явиться с этими толпами инсургентов у самых ворот Лондона. Ненависть партий, желание мира, опасения, внушаемые будущностью - все было забыто перед такой опасностью. Чтобы лишить возмутителей самых благовидных предлогов, палаты решили большинством голосов снова вступить в переговоры с королем (6 и 24 мая)¹. Лондонские альдермены были совершенно оправданы (23 мая)². Скиппон получил начальство над милицией; полковник Уэст снова назначен комендантом Тауэра, от которого удалил его Ферфакс³. Новое постановление, изданное против еретичества и богохульства, назначавшее для некоторых случаев даже смертную казнь, ясно говорило, что пресвитериане снова одерживают верх⁴. В то же время, однако же, отвергали всякую мысль о каких-либо уступках и снисхождении к кавалерам; выгнали из Лондона, под опасением строжайших наказаний, папистов и злонамеренных (23 мая)⁵; имения обвиненных были назначены для уплаты сумм, занятых у друзей правого дела (11 мая)⁶, ускорена продажа церковных имений⁷; керисбрукскому гарнизону дано подкрепление⁸. Муниципальный совет, получив об этом уведомление, бывшее для него "светлым лучом, прорезывающим тучи", объявил торжественно, что он решился жить и умереть с парла-

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 885, 892.

² Там же. Col. 891.

³ 18 мая, - Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1118.

⁴ 2 мая. - Journal of the House of Lords.

⁵ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1124.

⁶ Там же. С.1110.

⁷ В течение 1647, 1648, 1649, 1650 и 1651 годов было продано имений: Йоркской епархии на сумму 65 786 фунт. стерл. 7 шил. 1,54 д., Доргэмской на 68 121 фунт. стерл. 15 шил. 9 д., Карлейльской на 6449 фунт. стерл. 11 шил. 2 д., Честерской на 1129 фунт. стерл. 18 шил. 4 д.; итого на 139 437 фунт. стерл. 12 шил. 4,54 д., что составляет около 3 487 090 франков (Harris. Life of Cromwell, С.306, в примечании).

⁸ В конце мая. - Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1130.

ментом (20 мая)¹. Ферфакс получил приказание немедленно выступить против шаек, беспокоивших окрестности Лондона. Ламберт отправился на север, чтобы подавить восстание, начатое там, в ожидании шотландцев, Лангдэлем и Мосгрэвом, и нижняя палата, с неслыханной дотоле жестокостью, вероятно, чтобы доказать искренность своих строгостей, решила², что впредь мятежникам не будет никакого помилования, потому что они не могли уже извинять свои восстания присутствием короля.

Через три дня после отъезда своего из Виндзора (1 июня) Ферфакс настиг и разбил главный отряд роялистов при Медстоне (Maidstone), тщетно старались они избежать такой неожиданной встречи, тщетно оказывали долгое и упорное сопротивление, вынужденные сражаться на улицах города³. Солдаты Ферфакса, поседевшие в боях и все еще одержимые самым горячим фанатизмом, ненавидевшие кавалеров, презиравшие новобранцев, спешили кончить войну, которую они почти стыдились считать опасною; усиленными переходами обошли они все Кентское графство, рассеивая ежедневно какое-нибудь скопище, занимая вооруженною рукою города и села; они обращались жестоко с жителями, но строго соблюдали военную дисциплину, не оставляли роялистам никакого убежища и не давали им покоя. Между тем Горинг собрал еще до трех или четырех тысяч человек и явился с ними (3 июня) под Блэкгитом (Blackheath), почти у самых ворот Лондона. Он питал себя надеждой, что при его приближении вспыхнет восстание в городе или что он под рукою получит какое-нибудь подкрепление; он даже писал к муниципальному совету, просил позволения пройти через город по дороге в Эссекское ирафство, обещаясь не причинять никаких беспорядков. Но совет, вместо того

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 890.

² 11 мая. - Journal of the House of Commons.

³ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1137. - Parl. Hist. T.III. - Col. 902. - Mém. de Ludlow. T.I. - С.293.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

чтобы отвечать ему, послал нераспечатанное письмо в нижнюю палату, желая, как говорил он, во всем следовать ее воле¹. Получив известие об этом, кавалеры оробели, и между ними начались беспорядки; они уходили целыми толпами, и Горинг с большим трудом собрал несколько лодок, чтобы переехать через Темзу близ Гринича с семьей или восьмью сотнями человек, последовавших за ним в Эссекс. Там восстание еще держалось под начальством сэра Чарльза Лукаса (Lucas). Лорд Капль присоединился к ним с отрядом кавалеров из Гертфордского графства; они вместе пошли на Кольчестер (12 июня), немного успокоившись от своих неудач; здесь намеревались они отдохнуть день или два, пройти потом через Соффолькское и Норфолькское графства, возмутить по дороге всех приверженцев короля и возвратиться с многочисленным войском к Лондону через Кембриджское графство. Но едва вступили они в Кольчестер, как Ферфакс явился под стенами города (13 июня) и тесно обложил его со всех сторон. Таким образом он успел, после двухнедельного похода, запереть почти в беззащитном городе все остатки этих инсургентов, еще недавно окружавших Лондон со всех сторон. Восстание обнаружилось еще в разных местах, в графствах Рутлэндском, Нортэмптонском, Линкольнском, Суссекском². Даже в Лондоне, в виду парламента, лорды Голланд, Петерборо и Буккингэм взяли за оружие и почти с тысячею рейтаров выехали из города (5 июля), объявляя, что не намерены жертвовать народными льготами в пользу короля, а хотят единственно того, чтобы ему были возвращены его законные права. Но пока они еще бродили около Лондона, сэр Митчел Ливессей, отправленный против них из главной квартиры, напал на них внезапно (7 июля), убил многих офицеров, в том числе молодого Фрэнсиза Вилльерса, брата герцога Буккингэмского.

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1130. - Whitelocke. С.305. - Мém. de Ludlow. Т.I. - С.294.

² Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1135, 1145, 1149, 1150, 1169. - Мém. de Ludlow. Т.I. - С.300.

Подкрепленный на следующий день полком Скрупа (Scroop), он безостановочно гнал их до Гантингтонского графства, в котором они рассеялись во все стороны, оставив раненого лорда Голланда в руках неприятеля (10 июля)¹. На востоке и на юге все попытки к восстанию имели такую же участь. Парламент получил письмо от Кромвеля (от 16 июня), обещавшего, что через две недели Гемброкский замок, главный оплот восстания на западе, будет в его руках². Хотя Ламберт, отправившийся на север, имел только незначительные силы, однако же он храбро поддерживал честь и значение парламента против кавалеров Лангдэля³. Наконец, Кольчестер, несмотря на отчаянное сопротивление осажденных, которых нельзя было склонить к сдаче ни выгодными предложениями, ни многократными приступами, страдал уже от голода и не мог долго держаться против Ферфакса, которого не отвлекало никакое другое дело⁴.

Пресвитериане, оправившись от первого испуга и уверившись, что они не достанутся в добычу кавалерам, тем не менее опасались еще республиканцев и армии и начали помышлять о мире. Все еще многочисленные, хотя и не столь уже гордые, прошения о нем были принимаемы лучше⁵. Билль об исключении одиннадцати членов парламента был взят назад, и их пригласили снова занять свои места (8 июня)⁶. Заговорили о новых предложениях королю, не столь резких, как прежние. Парламент вызвался вступить с ним в переговоры, если он предварительно согласится:

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1178, 1180, 1182, 1187. - Parl. Hist. Т.III. - Col. 925-927. - Mem. de Ludlow. Т.I. - С.301. - Clarendon. Hist. of the rebell. Т.XI. - С.166-169.

² Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1159.

³ Там же. С.1157. - Clarendon. Hist. of the rebell. Т.XI. - С.126.

⁴ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1204. - Whitelocke. С.312, 313, 314, 316, 317.

⁵ Parl. Hist. Т.III. - Col. 921.

⁶ Там же. Col.907.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

1) уничтожить все свои прокламации против парламента;
2) отдать палатам на десять лет главкое начальство над сухопутными и морскими силами;

3) на три года дать церкви пресвитерианское управление¹.

Особый комитет (26 июня)² должен был исследовать, что надобно делать для достижения этой цели, и решить, где, когда и с какими формальностями следует вести переговоры. Кто-то спросил даже: не будет ли полезно, чтобы король немедленно возвратился в Виндзор?³ и, вследствие прощения от Сити (27 июня), лорды решили, что конференции откроются в Лондоне⁴. Наконец, 30 июня билль, за-прещавший всякое сношение с королем, официально был взят назад⁵, а через три дня после этого в нижнюю палату было внесено положительное предложение - представить королю новые условия.

Но индипенденты, со своей стороны, тоже стали самоувереннее: гордясь успехами своих солдат, они упорно воспротивились принятию этого предложения. "Нигде и никогда, - говорил Скотт, - нельзя вступать в сношения с таким вероломным и неумолимым королем; это всегда будет или слишком рано, или слишком поздно. Кто вынимает меч против короля, тот должен бросить ножны в огонь. Всякое примирение с ним погубит всех честных людей". Пресвитериане не сказали ни слова в защиту короля, но они напали сильно на этих мнимых "честных людей", которых мир, конечно, должен разорить, потому что война обогащает их. "Народ, - говорили они, - разоренный войной, не хочет более служить пищей этому огню, в котором могут жить одни эти саламандры; он не хочет более кормить мозгом костей своих и поить своей кровью этих пиявок, которые называются войском и

¹ 6 июня. Там же. Col. 904.

² Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.164.

³ Там же. С.1162.

⁴ Journal of the House of Lords.

⁵ Parl. Hist. T.III. - Col. 921.

которых он взял единственно для того, чтобы они ему служили". Спрашивалось: где открыть переговоры? Пресвитериане желали, чтобы это произошло в Лондоне или в каком-либо из ближайших замков; индипенденты, напротив, требовали, чтобы они были введены на острове Уайте, где король был в их руках. "Если вы будете вести переговоры в Лондоне, - говорил Скотт, - то кто может поручиться вам, что Сити не заключит сама мира с этим сумасшедшим королем, отдав ему ваши головы в жертву, как самаритяне выдали головы семидесяти сынов Ахава? Если король будет помещен в одном из близких замков, обеспечит ли вас его обещание не покидать этого места во все продолжение переговоров? Король двадцать раз преступал свои клятвы: вы не должны более иметь доверия к нему". Несколько членов, в том числе Вен, подкрепили это мнение. "Я со своей стороны, - сказал сэр Саймондс Юс (Ewes), - полагаю совершенно противное: по моему мнению, палата не только должна иметь доверие к королю, но даже не может обойтись без этого. Господин оратор, если вы не знаете, в каком положении вы находитесь, то позвольте мне объяснить вам его в немногих словах: ваши финансы истощены, золото ваше исчезло, флот бунтует, вы сами сделали предметом насмешек; друзья ваши, шотландцы, взбешены против вас; расположение Сити и королевства отвернулось от вас совершенно; предоставляю вам самим обсудить, можно ли назвать такое положение безопасным и не настала ли уже давно пора сделать все возможное, чтобы выпутаться из него?"¹ Индипенденты закричали против этого, но множество членов - чуждых всякой партии и пристававших, смотря по обстоятельствам то к той, то к другой стороне - одобрили своим молчанием слова Саймондса. Большинство голосов решило, что должно вступить в переговоры; только нижняя палата, против желания лордов, настояла², чтобы король предварительно принял три билля, и

¹ Clement Walker, Hist of independency. С.108-110. - Parl. Hist. Т.III. - Col. 922-924.

² Большинством 80 голосов против 72. - Parl. Hist., Т.III. - Col.924.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

ничего не постановила насчет места, где должны были открыться переговоры.

Совещания с муниципальным советом о мерах, какие следовало принять, чтобы переговоры эти могли иметь место в Лондоне без опасности для короля и для парламента¹, еще не кончились, когда было получено известие, что шотландцы вошли в пределы Англии (8 июля)² и что Ламберт отступает перед ними. Несмотря на происки Арджайля и сильные проповеди некоторой части духовенства, Гамильтон успел наконец собрать войско и выступить в поход. Правда, силы его не соответствовали первым решениям парламента: он едва собрал четырнадцать тысяч вместо сорока; французский двор обещал прислать военных припасов и оружия, но еще ничего не было получено; принц Валлийский должен был перейти в Шотландию и принять главное начальство, а он оставался в Голландии; даже кавалеры Лангдэля и Мосгрэва не присоединились к своим союзникам, потому что не хотели признавать ковенанта, а Гамильтон не мог поставить рядом со своими солдатами таких еретиков, если не хотел погубить себя в глазах своих приверженцев. Поэтому они составили отдельный отряд, действовавший, по-видимому, совершенно независимо и всегда в отдалении от шотландцев. Наконец сами приготовления Гамильтона к войне, встретив столько препятствий, не успели еще окончиться, полки были не в полном сборе, артиллерия не приведена в должное положение, когда преждевременный взрыв роялистских восстаний в Англии понудил его поспешить своим выступлением, и он вышел из Шотландии, плохо приготовленный, без надежды на успех, преследуемый оскорблениями фанатиков, пророчивших гибель войску, которое шло, как они говорили, восстанавливать права короля прежде, нежели были восстановлены права Христа³.

¹ Rushworth. Ч.4. - Т. II. - С.1185, 1187.

² Parl. Hist. Т. III. - Col. 931. - Rushworth. Ч.4. - Т. II. - С.1188.

³ Там же. С.1196-1198. - Clarendon. Hist. of the rebell. Т. IX. - С.112, 114, 142. - Mém. de Ludlow. Т. I. - С.297. - С.98. - Mém. de Herbert. С.57. - Malcolm Laing. Hist of Scotland. Т. III. - С.394-402.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

Известие о вторжении тем не менее взволновало всю Англию: казалось, что ему нечего было противопоставить. Кольчестер все еще удерживал Ферфакса под своими стенами, Пемброк - Кромвеля; восстание, только что подавленное, каждую минуту могло снова подняться повсюду. Пресвитериане были в отчаянном положении; даже народ, расположенный к ним, вспомнил свою старую ненависть к шотландцам; он говорил о них не иначе, как с ругательствами, напоминал, что они не так давно продали короля, которого теперь хотят освободить, и желал, чтобы прежде всего выгнали из королевства этих жадных и лживых чужеземцев. В нижнюю палату было внесено предложение (14 июля)¹ объявить их врагами отечества, а того, кто призывал их, - изменниками. Девяносто голосов отвергли это предложение, но несмело и нерешительно; окончательно было оно отвергнуто только в верхней палате (18 июля)². Кроме того, лорды определили, что должно поспешить с переговорами с королем³, и на этот раз пресвитериане одержали верх в нижней палате, которая согласилась (28 июля)⁴ не настаивать более на принятии трех биллей, долженствовавших, по прежним решениям, служить неизбежным предварительным условием всякого договора. Не тревожась, однако же, этой переменчивостью в ежедневной судьбе партий, дерби-гоузский комитет, все еще бывший в руках индипендентов, не переставал снабжать Ламберта деньгами и войсками, приказал Кромвелю направить на север все свободные войска и лично прибыть туда же, как скоро он сам освободится. Вожди республиканской партии, заглушая свою недоверчивость перед его гениальностью, писали ему под руку, чтобы он не опасался ничего, действовал энергично и рас-

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 934.

² Там же. Col. 936.

³ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1183.

⁴ Большинством 71 голоса против 64. - Parl. Hist. T.III. - Col. 956.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

считывал бы на них, несмотря на всю оппозицию, какую он прежде испытал с их стороны¹.

Кромвель не дожидался ни приказаний, ни обещаний, чтобы действовать: уведомленный, уже с месяц назад, вероятно Арджайлем, о состоянии и движениях шотландской армии, он велел Ламберту отступать при ее появлении, избегать всякого сражения, пока он сам не будет в состоянии поддержать его. Пемброкский замок сдался действительно через три дня после вторжения (11 июля)², а через день после этого Кромвель выступил с отрядом от пяти до шести тысяч человек, необутых, неодетых, но гордившихся своей славою, раздраженных опасностями, уверенных в своем вожде, презиравших врага своего, имевших твердую надежду на победу. "Присылайте башмаки для моих бедных, утомленных солдат, - писал он в дерби-гоузский комитет, - им предстоит далекий поход"³. Он прошел с неслыханною дотоле быстротою, сперва от запада к востоку, потом от юга к северу⁴, почти всю Англию; по всей дороге старался убеждать всех в своей благонамеренности, в своем благочестии; думал единственно о том, чтобы рассеять все подозрения, привлечь сердца наиболее ослепленных фанатиков, приобрести сочувствие между своими солдатами⁵. Через тринадцать дней после выступления конница его, посланная вперед, уже соединилась с Ламбертом (27 июля), сам же Кромвель сошелся с Ламбертом в графстве Йоркском, в Кэнсборо, 7 августа; их соединенные корпуса составляли от восьми до десяти тысяч человек. Между тем шотландцы подвигались

¹ Mém. de Ludlow. T.I. - C.304. - Godwin, Hist. of the Commonwealth. T.II. - C.591.

² Rushworth. Ч.4. - T.II. - C.1190.

³ Rushworth. Ч.4. - T.II. - C.1206.

⁴ Он шел от графства Пемброкского до графства Йоркского через Глостер, Уорвик, Ноттингэм и Донкэстер.

⁵ Записки мистрис Гатчинсон. - T.II. - C.158-161.

вперед по западной дороге, через Кумберлендское, Уэст-морлендское и Ланкастерское графства, но они действовали нерешительно, часто и долго останавливались, растянувшись на семь или на восемь миль; войско их терпело от несогласия вождей в религиозных, политических и военных делах и оставалось в совершенной неизвестности о намерениях и движениях неприятеля. Вдруг Лангдэль, который с английскими инсургентами шел левее и несколько впереди армии, сообщил Гамильтону, что Кромвель приближается, что он уверен в этом и что все показывает намерение Кромвеля вступить в сражение. "Это невозможно, - отвечал герцог, - ему нельзя было подоспеть; если же он так близко от нас, то не может иметь всего войска с собою и не решится напасть на нас". В то же время он перевел квартиру свою в Престон (17 августа). Скоро он получил новые известия: конница Лангдэля завязала уже дело с кавалерией Кромвеля. Лангдэль говорил, что он будет держаться крепко; что позиция, на которой он остановился, выгодна и солдаты очень воодушевлены; что ему нужно только какое-нибудь подкрепление, по крайней мере из тысячи человек, чтобы дать всему войску время соединиться и уничтожить врага. Гамильтон обещал подкрепление. Лангдэль сражался четыре часа. Кромвель сам сознавался впоследствии, что никогда не встречал столь отчаянного сопротивления. Но подкрепление не было получено Лангдэлем, и он должен был отступить. Кромвель не стал преследовать бежавших англичан и пошел прямо на шотландцев, которые поспешно переходили реку Риббл, чтобы удержать его этой преградой. Большая часть полков достигла уже левого берега; с Гамильтоном на правом берегу оставалось не более двух бригад пехоты и несколько эскадронов конницы, чтобы прикрывать отступление. Кромвель опрокинул их, перешел реку вместе с ними и, едва дав войскам отдохнуть несколько минут, на следующий день (18 августа) с рассветом возобновил преследование шотландцев, которые, под-

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

вигаясь дальше к югу и отступая перед ним, продолжали свое вторжение. Он догнал их в этот же день при Вигане, в пяти лье от Престона, и изрубил их арьергард. Гордость, увеличившаяся от двух одержанных побед, ожидание решительного торжества, нетерпение увидеть конец этих трудов поддерживали дух солдат; преследование возобновилось на следующий день (19 августа) и было еще быстрее и упорнее. Шотландцы, раздраженные со своей стороны, что их теснит неприятель, гораздо слабейший числом, достигли, наконец, вблизи Уаррингтона одного ущелья, которое представило им выгодную позицию, и обратились лицом к неприятелю; завязалось третье сражение, более кровопролитное, но имевшее тот же исход, как и два первых. Англичане овладели ущельем, а потом, в самом Уаррингтоне, мостом через реку Мерсей, который шотландцы хотели сломать, чтобы несколько оправиться. Шотландское войско пришло в беспорядок. Военный совет нашел, что пехота, не имея военных припасов, не может более защищаться; она вся сдалась. Гамильтон с конницей старался достичь Валлиса, чтобы тут поджечь снова восстание в пользу короля, но неожиданно изменил свой план и обратился на северо-восток, надеясь уйти опять в Шотландию. Но везде, где он проходил, земледельцы вооружались; власти требовали, чтобы он сдался на капитуляцию; в Утокзетере, в графстве Стаффордском, собственная конница его взбунтовалась при слухе, что он хочет бежать с некоторыми из своих офицеров. Ламберт и лорд Грей Груби (Grey of Grooby), отправленные Кромвелем в погоню за ним, уже настигали его: не имея довольно смелости, чтобы бороться с таким несчастьем, Гамильтон предоставил (26 августа) своим людям сдаваться или разбегаться - как кто хотел; а сам принял условия, какие предписал ему Ламберт, и был послан пленником в Ноттингэмский замок. После двухнедельного похода Кромвель, видя, что в Англии не осталось следа шотландской армии, решился вторгнуться в Шотландию и

таким образом лишить пресвитериан, державших сторону короля, всякого средства действовать и спасать себя¹.

Но когда наступает крайняя опасность, тогда партии, вместо того, чтобы терять мужество, напротив, разгораются еще сильнее и наносят самые тяжкие удары. Еще прежде, нежели эти важные известия были получены в Вестминстере, с той самой минуты, как только Кромвель двинулся против шотландцев, пресвитериане поняли, что торжество Кромвеля погубит их, что они могут спастись только его гибелью или поспешным заключением мира. Они решились употребить все свои силы для достижения которой-нибудь из этих двух целей. Голлиз продолжал до сих пор жить во Франции, на берегу Нормандии, несмотря на то, что исключенные одиннадцать членов парламента получили разрешение снова присутствовать в его заседаниях; теперь он возвратился и занял свое место в нижней палате (14 августа)². Гантингтон, бывший недавно майором в собственном полку Кромвеля, донес (3 августа) в особой записке верхней палате об интригах генерал-лейтенанта, об обещаниях, данных им королю, о его коварстве, о смелости его честолюбия, о презрении его к палатам, к законам, к обязанностям и правам человечества, о вредных правилах и опасных планах, которые то проглядывали сквозь его притворство, то высказывались прямо в дружеских разговорах. Лорды велели прочитать эту записку, а Гантингтон присягнул (18 августа), что все его обвинения справедливы. Он намеревался представить эту записку и нижней палате, но одно имя Кромвеля наводило уже на всех такой страх, что никто из членов не

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1237, 1239, 1241. - Clarendon. Hist. of the rebell. Т.IX. - С.143-147. - Мém. de mistress Hutchinson. Т.II. - С.173. - Мém. de Ludlow. Т.I. - С.308. - Parl. Hist. Т.III. - Col. 997-1000. - Malcolm Laing, Hist of Scotland. Т.III. - С.400-403. - Godwin, Hist. of the commonwealth. Т.II. - С.563-572. - Baker, a Chronicle of the Kings of England, etc. С.606 (Лондон, 1665.).

² Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1226.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

согласился взять этого на себя. Он послал записку в запечатанном конверте к президенту: Лентгаль (Lenthall) не доложил о ней. Он хотел передать ее сардженту, но и тот отказался принять ее. Лорды переслали ее официально в нижнюю палату; лорд Уартон, один из самых близких и преданных друзей Кромвеля, последовал за посланными от лордов уведомить президента о цели их послания, и они не были допущены¹. Индепенденты громко высказывали свое негодование; они говорили, что одна преступная низость могла нападать таким образом за глаза на человека, который, может быть, в это самое время освобождает отечество от вторжения иноземцев. Этот аргумент испугал даже многих из пресвитериан. Надо было отказаться от надежды погубить таким прямым путем генерал-лейтенанта, и Гантингтону осталось одно удовольствие: напечатать свою записку. Старания, клонившиеся к миру, имели больше успеха. Тщетно предводители индепендентов, преимущественно же Вен и Сент-Джон, употребляли все уловки, чтобы затянуть прения; тщетно другие, не столько хитрые, Скотт, Вэнн, Гарвей, Уинер (Weaver), нападали на своих противников в самых сильных выражениях: эти нападки, соединенные с постоянно увеличивавшейся анархией, буйство солдат, повелительный тон памфлетов и петиций, даже тех, в которых просители говорили в пользу мира, - все это предвещало нижней палате ее падение, все побуждало людей, не отдавших безвозвратно какой-нибудь партии, желать мира. "Господин оратор, - сказал однажды Рудьерд (8 августа)², - занимая столько времени здесь места, мы, наконец, дошли до прекрасного положения. Все королевство превратилось в парламент; армия довольно долго учила нас, как нам надобно действовать, и очень желала бы поучить нас и еще. Лондон, области, уволенные офицеры каждый день дают нам советы, как дей-

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 965. - Whitelocke. C.323. - Parl. Hist. T.III. - Col. 984-986.

² 29 июля. Там же. Col. 959.

ствовать. Почему? Потому что мы сами не знаем, что нам должно делать". Большинство думало вместе с ним, что один мир может вывести их из этого затруднительного и постыдного положения. Наконец, палата решилась: она определила, что немедленно будут открыты новые переговоры с королем. Чтобы заставить молчать индипендентов¹, она согласилась вести эти переговоры на острове Уайте. Три комиссара должны были доставить королю формальное предложение, спросить его, в каком месте острова он желает жить во время переговоров и кого иметь при себе из своих советников.

Божди индипендентов хорошо поняли, к чему клонится дело; это было бы для них бедою, которую уже нельзя будет поправить. Большинство, предчувствуя приближение кризиса, решительно переходило на сторону их врагов, потому что больше боялось торжества индипендентов, нежели их угроз. Лудло тотчас отправился в главную квартиру, все еще находившуюся перед Кольчестером. "Составился заговор, - сказал он Ферфаксу, - чтобы изменить делу, за которое пролито столько крови; хотят заключить мир во что бы то ни стало. Король, как арестованный, не будет считать своих обещаний обязательными: даже люди, которые больше всех хлопчут о переговорах, вовсе не думают о том, чтобы обязать его к исполнению обещаний; они хотят только воспользоваться его именем и его влиянием, чтобы уничтожить армию, - вот их единственная цель. Армия завоевала власть: она должна воспользоваться ею, чтобы предупредить и свою собственную гибель, и гибель народа". Ферфакс сказал ему в ответ, что все это правда; что он сам, в случае нужды, готов для общественного блага употребить силу, которая у него в руках. "Но для этого, - сказал он, - должно сделать мне формальное и ясное приглашение; а без того я не могу бросить этой несчастной осады, которая, несмотря на все усилия наши, еще тянется". Лудло обратился к Эйртону, которого Кромвель оставил при Ферфаксе и в котором он надеялся

¹ 2 августа. Там же. Col. 964, 965.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

найти больше ревности. "Время еще не пришло, - сказал Эйртон, - пусть переговоры идут своим чередом, пусть опасность сделается очевидною"¹. Так как армия не трогалась, республиканцы послали в Вестминстер несколько грозных петиций; в одной из них, сочиненной Генри Мартином, излагались правила, руководившие партией, и выражено было требование, чтобы палата объявила себя верховной властью в государстве и исполнила, наконец, ожидания народа, дав ему все те реформы, которых народ ожидал, когда поднимал оружие за парламент. Палата не дала ответа. На следующий день было подано новое прошение, содержащее горькие жалобы на такое пренебрежение; на этот раз просители толпою собрались у дверей палаты и кричали с неудовольствием: "На что нам король и лорды? Это человеческие изобретения. Бог создал нас всех равными: тысячи честных людей готовы отстаивать эти принципы своей кровью. Нас сорок тысяч подписало петицию, но пять тысяч лошадей произвели бы гораздо больше эффекта"². Некоторые члены, Скотт, Блэккистон, Уиверс, сами вышли из залы, вмешались в толпу и подстрекали ее кричать громче. Палата продолжала хранить упорное молчание; но чем более твердости она обнаруживала, тем решительнее противная партия стремилась к своим крайним целям, и через пять дней после этой сцены (18 сентября)³, Генри Мартин неожиданно уехал в Шотландию, куда только что вступил Кромвель.

В это самое время (13 сентября) пятнадцать комиссаров, в том числе пять лордов и десять членов нижней палаты⁴, отправились на остров Уайт; все они, за исключением Вена

¹ Mém. de Ludlow. T.I. - C.312-316.

² 11 сентября. - Parl. Hist. T.III. - Col. 1005-1013. - Whitelocke. C.330, 331. - Rushworth. Ч.4. - T.II. - C.1257. - Mém. de Ludlow. T.I. - C.312, в примеч. Гизо.

³ Whitelocke. C.332.

⁴ Лорды Нортумберленд, Пемброк, Сэльсбери, Миддлсекс и Сэй; лорд Уэнман, Голлиз, Гирпойнт, Вец, Греймстон, сэр Джон Поттс, Джон Кру, Самуил Броун, Джон Глейнн и Джон Воклей.

и, может быть, лорда Сэя, желали мира. Еще ни разу переговоры не возбуждали таких тревожных ожиданий; они должны были продолжаться сорок дней. Король поспешил принять их и дал слово, что не сделает никакой попытки бежать во все это время и еще в течение двадцати дней после их окончания. Двадцать человек из его прежних советников, вельможи, богословы, юристы, получили дозволение помогать ему своими советами: он просил и получил согласие парламента, чтобы ему была возвращена при этом случае часть его придворного штата, пажи, секретари, камергеры, шталмейстеры, камердинеры и лакеи¹. Когда комиссары прибыли в небольшой городок Ньюпорт (15 сентября), то в нем собралось столько народа, что новоприбывшие едва в течение трех дней могли найти себе квартиры. Между тем, комиссары каждое утро являлись к королю; они оказывали ему величайшее уважение, но были очень осторожны в словах и никто из них не решался говорить с ним без свидетелей. Зато большая часть из них дружески сносилась с его советниками и передавала ему через них свои советы, убеждая его, чтобы он принял как можно скорее и без споров предложения парламента; они говорили, что все будет потеряно, если договор не будет заключен и король не возвратится в Лондон прежде, нежели Кромвель и армия подоспеют туда². Карл, по-видимому, верил искренности их советов и казался склонным принять их, но в глубине души он питал иные надежды. Ормонд, находившийся уже шесть месяцев в Париже (в марте 1648), готовился появиться снова в Ирландии с деньгами и военными припасами, которые были ему обещаны французским двором; по прибытии своем туда, он должен был, сообщая с лордом Инчиквином, примириться с католиками, объявить войну парламенту, и король мог бы тогда освободиться из

¹ Parl. Hist., T.III. - Col. 1001. Journals of the House of Lords. 24 августа.

² Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - C.222-224. - Mem. de Herbert. C.71.

рук своих врагов и снова найти королевство и войско¹. "Эти новые переговоры, - писал он к Уильяму Гопкинсу, занимавшемуся приготовлением его бегства, - будут напрасны, как и все прежние: я ничего не изменил в своих намерениях"². Конференции открылись официально 18 сентября. Король сидел под балдахином на одном конце зала; перед ним, в незначительном расстоянии, вестминстерские депутаты вокруг стола; за ним стояли его советники в глубоком молчании, потому что парламент хотел вести переговоры лично с королем; всякое посредничество казалось ему унижительным; пунктуально повинаясь парламенту, комиссары едва согласились допустить присутствие нескольких свидетелей. Таким образом, Карл один поддерживал разговор; только в случае надобности он мог пойти в соседнюю комнату и переговорить со своими советниками³. Все присутствовавшие, видя это одиночество короля и необходимость, в которую он был поставлен искать средств в самом себе, были втайне глубоко тронуты. Волосы Карла поседели⁴; постоянная грусть смягчила обычную гордость его взгляда; его осанка, голос, все черты его лица показывали душу, которая была равно неспособна бороться со своей судьбою и уступить ей победу - трогательное и странное смещение величия без силы и гордости без надежд. Предложения парламента, которые кроме некоторых неважных изменений, были те же, как и прежние, были прочитываемы и обсуждаемы одно за другим. Король охотно вдавался в прения, отвечал спокойно на все, не раздражался противоречием, искусно пользовался всеми выгодами своего положения и удивлял

¹ Carte, Ormond's Life. T.II. - C.20-38.

² В августе 1648. Письма короля к Уильяму Гопкинсу напечатаны в третьем издании сочинения Вагстаффа, называющегося: Vindication of the royal martyr.

³ Mém. de Herbert. C.72. - Mém. de Warwick. C.273. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - C.225.

⁴ Там же. C.226.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

даже людей, более всего предупрежденных против него, твердостью ума, кротостью, знанием государственных дел и законов. Однажды граф Сальсбёри сказал Филиппу Уорвику: "Король сделал удивительные успехи". "Нет, милорд, - отвечал Уорвик, - король всегда был таким; но вы слишком поздно заметили это". Болклей, один из членов нижней палаты, советовал ему принять все условия, уверяя его, "что если договор будет заключен, то сам черт его не расторгнет". "Государь мой, - ответил Карл, - вы называете это договором? Вспомните тот спор в комедии, в котором один из соперников говорит уходя: "Была баталия и не была; нанесено три удара, да все достались мне". То же самое происходит теперь со мною: я принимаю большую часть ваших предложений; я отвергаю очень немного, а вы не хотите сделать мне никаких уступок"¹. Действительно, он соглашался уступить тем требованиям парламента, которые касались главного начальства над сухопутными и морскими силами, и назначения к высшим должностям в Ирландии: он даже признавал законность сопротивления, послужившего поводом к междоусобной войне, но вместо того, чтобы уступить без замедления и за раз, он отстаивал каждый шаг; то обращаясь сам к палатам с различными предложениями, то стараясь уклониться от сделанных уже уступок; он силился поддержать свое право в то же самое время, когда отказывался от него; был неистощим в хитростях и уловках и каждый день подавал своим противникам повод думать, что против него есть только одно ручательство: тяжкая необходимость. Убеждения совести и выгоды его власти заставляли его отвергать уничтожение епископальной церкви и те строгости, которым хотели подвергнуть ее главных приверженцев. Наконец, дав торжественное обещание прекратить в Ирландии все военные действия², он писал

¹ Mém. de Warwick. C.277-278.

² Journal of the House of Lords, 1 декабря.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

по секрету (10 октября)¹ к Ормонду: "Повинуйтесь повелениям моей жены, не слушаясь моих до тех пор, пока я не сообщу вам, что освободился от всякого стеснения. Не беспокойтесь тоже об уступках, сделанных мною насчет Ирландии: они не поведут ни к чему". В тот же день, в который он согласился передать палатам на двадцать лет начальство над всеми войсками², он писал к Уильяму Гопкинсу: "Признаюсь, важная уступка сделана мною ныне утром, но только для того, чтобы облегчить мое скорое бегство; без этой надежды я никогда бы не уступил. Отвергнув требование, я без особенного огорчения мог бы возвратиться в свое прежнее положение; но, признаюсь, теперь это мне было бы грустно, потому что я сделал такое дело, которое может быть оправдано только моим бегством"³.

Парламент подозревал несколько эти коварные замыслы короля, хотя и не знал о них в точности; даже друзья мира, люди, больше всех тронутые участием короля и желавшие спасти его, не без замешательства опровергали обвинения индипендентов. В то же время набожные пресвитериане, хотя и очень умеренные в своих политических желаниях, были непримиримы в своей ненависти к епископальной церкви и не хотели допустить никакой середины, никакой отсрочки, когда дело шло о торжестве ковенанта. Кроме того, все создавали, что после стольких бедствий, навлеченных на Англию войной, побежденная сторона по закону должна отвечать за них и что, согласно с божественным правосудием, которое возведено нам в священном писании разительными примерами, истинные виновники должны понести достойное наказание. Спорили о числе их: энтузиасты народной партии требовали множества исключений из амнистии, которую должен был объявить мир; пресвитериане требовали исключения только семи человек (лордов Ньюкестля и Дигби,

¹ Carte, Ormond's Life. T.II. Прибавление, номера 31, 32, С.17.

² 9 октября. Parl. Hist. T.III. - Col. 1048.

³ Wagstaff, Vindication of the royal martyr, etc. Прибавление. - С.161.

Мармадиука, Лангдэля, Ричарда Гринвиля, Давида Дженкинса, Френсиса Доддингтона и Джона Байрона), но требовали с величайшим ожесточением; они боялись, что произнесут приговор самим себе, если откажутся от этого требования. Мелочные предрассудки и чувство ненависти препятствовали успеху переговоров даже в той партии, которая была более склонна к миру. Пока переговоры тянулись, палата пять раз¹ большинством голосов принимала решение, что предложения или уступки, сделанные королем, недостаточны. Во время этих проволочек срок, определенный для окончания конференций, прошел; три раза² назначали новые сроки, соглашались не считать ни воскресных дней, ни праздников;³ но палата не делала никаких дальнейших уступок и не давала своим комиссарам ни новых инструкций, ни малейшей свободы в действиях. Со своей стороны, король объявлял, ссылаясь на свою честь и веру, что он дальше не пойдет. "Я нахожусь, - говорил он, - в положении коменданта, который, не получая более помощи от своих начальников, счел бы это за позволение сдать свою крепость. Они не могут пособить мне, когда я прошу об этом, пусть же окажут мне помощь, когда будут в состоянии; в ожидании же этого, я буду держаться в моей крепости до тех пор, пока один из ее камней закроет мою могилу. Я сделаю то же, - прибавлял он, - для английской церкви"⁴. И переговоры не двигались вперед и обнаруживали только бессильную тревогу обеих партий, из которых ни та ни другая не хотела понять необходимости и упрямо отталкивала ее от себя⁵.

Между тем все принимало с часу на час более угро-

¹ 2, 11 и 27 октября, 2 и 24 ноября.

² 2, 18 и 24 ноября.

³ 20 октября. Parl. Hist. T.III. - Col. 1058.

⁴ Mém. de Warwick. C.280.

⁵ Clarendon, State-Papers. T.II. - C.425-454. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - C.222-261. - Parl. Hist. T.III. - Col. 1002-1129. Mém. de Warwick. C.275-283; Mém. de Herbert. C.70-79. - Bowring. C.92-143.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

жающий вид и события теснились за событиями. После двухмесячной упорной обороны Кольчестер сдался (27 августа)¹, побежденный голодом и бунтом в гарнизоне. На следующий день военный совет осудил на смерть трех храбрейших из его защитников: Чарльза Лукаса, Джорджа Лилы (Lisle), Бернарда Гаскойна (Cascoigh), для примера будущим мятежникам, которые стали бы подражать им. Тщетно остальные пленники, в том числе и лорд Кэплъ, просили Ферфакса отсрочить исполнение приговора или подвергнуть их всех одинаковой участи, потому что все виновны столько же, как и осужденные товарищи их. Ферфакс, которого Эйртон возбуждал к жестокости или, может быть, пугал своими угрозами, не дал им никакого ответа и велел тотчас же расстрелять трех осужденных офицеров. Чарльз Лукас первый подвергся казни. Когда он упал, Лиль подбежал к нему, обнял его и потом, поднявшись с земли, закричал солдатам: "Становитесь ближе, солдаты, вы стоите слишком далеко". "Не бойтесь, - отвечали они - мы не сделаем промаха". "Товарищи! - сказал Лиль. - Я бывал ближе от вас, и вы не попали в меня", - и он упал рядом со своим другом. Гаскойн раздевался уже, когда принесли от генерала приказание отложить казнь². После падения Кольчестера у инсургентов не оставалось более притона в восточных графствах. На севере Кромвель, победив Гамильтона, вступил без препятствия в Шотландию (20 сентября). Как скоро распространилось известие об одержанной им победе, поселяне западных графств вооружились; всякий приход стал под начальство своего священника, и толпа двинулась на Эдинбург, чтобы выгнать оттуда роялистов³. В двух лье от Бервика, в

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1241-1249.

² Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - С.171.

³ Этот поход в Шотландии прозвали восстанием Вигаморов (Whigamores) от слова, которым шотландские крестьяне понукают своих лошадей. Отсюда произошло название Вигов (Whigs), которое впоследствии придано было партии, противной двору, как представлявшей собою и наследовавшей убеждения самых горячих поборников ковенанта (Burnet, Hist. de mon temps, T.I. - С.89).

замке лорда Мордингтона, Кромвель встретился с Арджайлем, который нарочно приехал, чтобы увидеться с ним; они долго совещались между собой;¹ при их светлом взгляде на вещи, успех не ослепил их до той степени, чтобы они не видели предстоявшей опасности. Шотландские роялисты еще обладали большими средствами, несмотря на нанесенное им поражение; на многих пунктах стояли они с оружием в руках и, по-видимому, не были намерены без сопротивления вынести кровавой реакции. Поэтому Кромвель поспешил заключить с ними договор (26 сентября)², обеспечивавший их спокойствие и свободное пользование собственностью; зато они обязывались распустить свои войска, клятвенно отречься от всяких обязательств в пользу короля и дать новую присягу в верности святому союзу, которому следовало всегда бы соединять оба королевства. Овладев таким образом правительственной властью, Арджайль со своими приверженцами принял Кромвеля в Эдинбурге с большой пышностью; комитет штатов, муниципальный совет, очищенный и вновь избранный, духовенство и фанатичный народ ежедневно утруждали его посещениями, речами, проповедями, обедами; но, побуждаемый донесениями Генри Мартина, он оставил Ламберта с двумя полками, чтобы поддерживать их власть, и поспешно возвратился в Англию³. Лишь только он вступил в Йоркское графство, где он, как казалось, был единственно занят окончательным подавлением восстания, как оттуда пошло множество прошений, адресованных на имя одной нижней палаты, которые требовали скорейшего наказания виновных, какого бы они ни были звания и какое бы ни носили имя. В то же время подобное желание было высказано и другими

¹ 22 сентября. Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1282.

² Burnet, Memoirs of the Hamiltons. С.367, 368. - Burnet, Hist. de mon temps. Т.I. - С.90, в Collection г. Гизо. - Malcolm Laing, Hist of Scotland. Т.III. - С.405.

³ 11 октября. Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1295, 1296.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

графствами. Друзья Кромвеля подавали прошения или поддерживали их; пресвитериане отвергали эти прошения, ссылаясь на великую хартию и на законы королевства. "Господин президент, - сказал Денис Бонд, неизвестный республиканец, - эти господа полагают, что палата не имеет права судить ни лорда Норвича и никакого другого лорда, потому что это противно великой хартии, и что они должны быть судимы не иначе, как своими пэрами. Скоро настанет день, в который мы повесим самого высокого из всех этих лордов без всякого приговора его пэров, если он того будет стоить, и мы найдем, я уверен в этом, честных и твердых судей, которые сделают это, несмотря на великую хартию"¹. Палата тем не менее отказала просителям; но скоро поступили новые прошения, более выразительные, более грозные; они были присланы полками Эйртона, Ингольдсби, Флитвуда, Уаллея, Овертона и формально требовали от нижней палаты суда над королем, а от Ферфакса - восстановления генерального военного совета, "который один был способен", как они выражались, "предупредить угрожающие нам несчастья своими представлениями в палатах и всяким другим способом"². Совет действительно начал опять свои заседания, а 20 ноября президент доложил палате, что офицеры, предводимые полковником Эверсом, стоят перед дверями и желают подать какую-то бумагу от имени генерала и армии: это было длинное прошение, похожее на то, которое семь лет назад, в этот же день (21 ноября 1641)³ сама нижняя палата подала королю для решительного с ним разрыва. Армия так же, как и палата в тогдашнем представлении, исчисляла все бедствия и опасения Англии,

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 1040. - Rushworth. Ч.4. - T.II. - С.1318. - Whitelocke. С.341.

² 18 и 30 октября. Parl. Hist. T.III. - Col. 1056, 1077. - Rushworth. Ч.4. - T.II. - С.1297, 1311. - Whitelocke. С.338, 341. - Journal of the House of Commons.

³ См. этого сочинения ч.I. - Кн.III.

приписывала их слабости палат, их незаботливости об общественных интересах, их сношениям с королем; она требовала, чтобы его торжественно предали суду; чтобы объявили народ верховною властью государства; чтобы король впредь был избираем представителями народа; чтобы они прекратили свои заседания, а перед роспуском парламента распределили бы право выбора как можно равномернее между народом; постановили бы правила насчет парламентов, которые будут впредь собираемы, и обратили бы внимание на реформы, которых желают благонамеренные люди. Наконец армия объявляла, хотя и не прямо, что сама возьмется за спасение отечества, если оно останется в опасности по беспечности или по слабости людей, которые, как бы то ни было, все же не больше, как поверенные и слуги своих сограждан, подобно солдатам¹.

Сильнейшая буря поднялась при чтении этой бумаги. Индепенденты, в том числе Скотт, Голланд, Уэнтворт, громко требовали, чтобы палата благодарила армию за ее смелые и прямые советы; напротив того, пресвитериане, из которых одни с негодованием, другие в лестных для офицеров выражениях требовали, чтобы палата устранила ремонстрацию и не давала на нее никакого ответа, чтобы этим выразить свое неудовольствие². Такое средство удовлетворяло всех, как робких, так и смелых; сильное большинство (20 и 29 ноября) приняло его после двух прений³. Но уже настало такое время, когда победами только ускоряется окончательное поражение. Внутри и вне Вестминстера господствовало сильнейшее брожение и смуты. Поговаривали уже о близком возвращении Кромвеля⁴: армия уже объявила намерение идти на Лондон⁵.

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 1077-1128. - Whitelocke. C.350.

² Mercurius progmaticus. N 35.

³ Большинство 125 голосов против 53.

⁴ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - C.1320.

⁵ Whitelocke. C.352. - Parl. Hist. T.I. - Col. 1137-1141.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

Роялисты, лишенные всякой надежды, желали одного - отомстить своим врагам какими бы то ни было средствами; многие республиканцы подвергались нападениям и обидам на улицах¹. Ферфакс получал несколько раз известия, в том числе некоторые из Франции, что несколько кавалеров решились убить его в Сент-Альбэнсе². В Данкэстере шайка, состоявшая из двадцати человек, схватила Ренсборо, начальствовавшего в этом городе, и трое из них убили его кинжалами, когда он пытался убежать от них³. Распространился слух, что составлен заговор, чтобы убить восемьдесят самых значительных членов республиканской партии, когда они будут выходить из Вестминстера⁴. Наконец, среди этой анархической распушенности были получены, одно за другим, известия, что Кромвель будет через два дня (2 декабря) в главной квартире; что губернатор острова Уайта, Гаммонд, подозреваемый в излишней внимательности к королю и парламенту, получил приказание от Ферфакса (25 декабря) сложить с себя свою должность, возвратиться в армию и передать полковнику Эверсу охрану короля⁵; что при первом известии об этом король испугался и согласился на большие уступки; что он прекратил конференции в Ньюпорте и что в тот же день (28 ноября) комиссары, которым он поручил объявить его окончательные предложения, пустились в дорогу, чтобы отдать отчет парламенту.

Они действительно прибыли на следующий день, почти все, глубоко тронутые опасным положением, в каком они оставили короля, и последними его прощальными словами: "Милорды!" - сказал он им. - Вы пришли проститься со мною, и я думаю, что мы едва ли увидимся еще когда-

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1279. - Whitelocke. С.335.

² Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1280.

³ 29 октября. Clarendon. Hist. of the rebell. Т.IX. - С.190-193. - Whitelocke. С.341. - Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1315.

⁴ Там же. С.1279. - С.335.

⁵ Parl. Hist. Т.III. - Col. 1133-1137.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

нибудь, но да будет воля Божья! Я благодарю Его, я примирился с Ним; я без страха подвергнусь всему, что по Его воле люди захотят сделать со мною! Милорды! Вы должны понимать, что вместе со мною погибнете и вы и что гибель ваша близка. Молю Бога, чтобы ваши друзья были надежнее моих. Я очень хорошо знаю, какой заговор составлен против меня и моих приверженцев; но я глубоко тронут страданиями народа и предчувствием всех несчастий, которые готовятся ему людьми, старающимися только об удовлетворении собственного честолюбия, хотя постоянно говорящими об общем благе"¹. Уступки, сделанные королем, мало отличались от тех, которые столько раз уже были отвергнуты; однако же пресвитериане, лишь только кончилось донесение комиссаров, предложили (8 декабря) палате признать их удовлетворительными и объявить, что они могут служить основанием для мира; это предложение поддерживал даже Натаниель Фейннз (Fiennes), сын лорда Сея, бывший недавно одним из главных и самых горячих индипендентов. Прение продолжалось уже несколько часов, как вдруг пришло в палату известие о письме Ферфакса к общинному совету, в котором он извещал, что армия идет на Лондон. "Вопрос! Вопрос! - закричали индипенденты, спешившие воспользоваться первой тревогой. Но, против их ожидания и несмотря на все их усилия, прение продолжалось до следующего дня"². Оно было возобновлено еще с большим ожесточением среди движения войск, которые вступали со всех сторон в город и занимали квартиры в Сент-Джемсе, в Йорк-Гоузе, во всех окрестностях парламента и Сити. Индипенденты еще ожидали победы от страха. "Нынче, наконец, - сказал Вен, - мы узнаем, кто нам друг и кто недруг, или, говоря понятнее, кто за короля и кто за на-

¹ The Works of the king Charles the martyr. (Лондон, 1662). - С.424.

² Parl. Hist. T.III. - Col. 1163-1145.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

род". "Господин президент, - прервал его с живостью один из членов, которого имя осталось неизвестным, - так как говоривший до меня позволил себе разделить эту палату на две партии, то я, надеюсь, имею право на то же самое. Да, государь мой, здесь есть люди, желающие мира; это люди, которые проиграли от войны; есть люди, отвергающие мир, потому что выиграли в войне. Поэтому я смиренно предлагаю, чтобы выигравшие дали какое-нибудь вознаграждение проигравшим, чтобы таким образом опять сравнять всех нас; без того не будет никакого конца этому делу". Индепенденты закричали против этого; однако же они были смущены, потому что, действительно, в обеих партиях личные выгоды имели такое влияние на дела, которое они сами едва осмеливались отвергать. Рудьерд, Стефенс, Гримстон, Уокер (Walker), Придо (Prideaux), Рот (Wroth), Скотт, Корбет и многие другие говорили в пользу предложения и против него, но прение не подвигалось к концу. День склонялся к вечеру; многие члены уже ушли домой; тогда один из индепендентов предложил велеть принести факелы и продолжать заседание. "Господин президент, - сказал один из пресвитериан, - эти господа не только хотят запугать нас приближением войска, но они хотят всю ночь продолжать прения, надеясь, что старейшие члены, в которых они подозревают больше склонности к миру, от усталости уйдут до подачи голосов. Надеюсь, что палата не даст обмануть себя таким грубым образом". И несмотря на крики индепендентов, прение было снова отложено¹.

Когда через день² заседание открылось снова, мрачные слухи взволновали палату. Все говорили, что король ночью насильно схвачен армией и переведен с острова Уайта в замок Гурст, род тюрьмы, лежащей на берегу против

¹ Parl. Hist., T.III. Col. 2145-1147. - Mém. de Ludlow. T.I. - C.326.

² 4 декабря. Прение было отложено на третий день, потому что следующий день приходил на воскресенье.

острова, на краю нездорового, ненаселенного и бесплодного мыса. На все расспросы вожди индипендентов ничего не отвечали. Заседание началось; президент прочитал письмо, полученное из Ньюпорта от майора Рольфа, имевшего начальство на острове, за отсутствием Гаммонда. Распространившийся слух был справедлив, и отныне становилось невозможным всякое сношение между королем и парламентом без воли войска¹.

29 ноября, к вечеру, через несколько часов после окончания ньюпортских конференций и отъезда комиссаров, переодетый человек сказал одному из людей короля: "Сейчас войска высадились на остров. Сообщите королю, что его увезут нынче ночью". Карл немедленно велел призвать герцога Ричмонда, графа Линдсея и полковника Эдуарда Кука, которому он доверял, и спросил, каким бы образом удостовериться в истине этого известия. Все старания узнать что-нибудь от майора Рольфа были напрасны; он отвечал уклончиво и коротко: "Король может спокойно спать ночь: клянусь жизнью, никто не потревожит его в нынешнюю ночь". Кук вызвался объехать верхом весь берег, побывать в Керисбруке, где именно высадились войска, по словам сообщившего это известие, и посмотреть, что там происходит. Ночь была темна; шел сильный дождь; дело было опасное, король не соглашался. Кук настоял на своем и поехал. Он удостоверился, что действительно в Керисбруке гарнизон усилен; видел 10 или 12 только что прибывших офицеров; заметил, что тщательно наблюдают за капитаном Боуэрманом, начальствовавшим здесь; что везде происходит какое-то таинственное движение. Он спешил сообщить королю эти известия, но, прибыв в Ньюпорт, нашел, что дом, занимаемый королем, окружен караулом; часовые стояли под каждым окном и внутри дома, даже у дверей комнаты короля, ку-

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 1147-1148.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

да со всех сторон проходил дым от их трубок. Нельзя было более сомневаться. Оба лорда умоляли короля тотчас же и во что бы то ни стало искать спасения в бегстве. Этот совет не нравился боязливой важности Карла. Он представлял им, что успех труден и войско будет раздражено. "Если они овладеют мной, - сказал он, - то, без сомнения, будут дорожить мною. Нет партии, которая без меня могла бы совершенно восторжествовать".

- Берегитесь, ваше величество, - возразил Линдсей, - эти люди действуют не по таким правилам; вспомните Гэмптон-Корт!

- Полковник, - спросил Ричмонд у Кука, - как вы прошли?

Кук. - Я знаю пароль.

Ричмонд. - Не можете ли вы провести и меня?

Кук. - Я не сомневаюсь в этом.

Ричмонд надел солдатский плащ; они вышли, прошли мимо всех караулов и возвратились без всяких препятствий. Стоя у окна с королем, оба лорда с жаром возобновили свои убеждения. Полковник, платье которого насквозь промокло от дождя, стоял один у камина.

- Нэд Кук, - сказал внезапно король, обращаясь к нему, - что вы мне посоветуете?

Кук не решался отвечать:

- У вашего величества здесь есть советники.

- Нет, нет, любезный Нэд, я приказываю вам сказать мне ваше мнение.

Кук. - В таком случае, ваше величество, позвольте мне предложить вам один вопрос.

Король. - Говорите.

Кук. - Что вы сделаете, если я не только скажу вам, но и докажу, что армия хочет завладеть вашей особой; если прибавлю к этому, что знаю пароль; что имею готовых лошадей недалеко отсюда и лодку к моим услугам; что я готов сам сопровождать ваше величество; что эта темная ночь как будто нарочно создана для этого; что я

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

не вижу никакого препятствия?

Король помолчал некоторое время; потом, качая головой, ответил:

- Нет, они дали мне слово; я тоже дал им слово и сдержу его.

Кук. - Но, государь, я предполагаю, что ваше величество под словом они разумеет парламент. Теперь же все изменилось. Не они, а войско хочет заключить ваше величество в темницу.

Король. - Что за дело? Я не изменю своему слову. Спокойной ночи, Нэд. Спокойной ночи, Линдсей. Я постараюсь спать как можно дольше.

Кук. - Я опасаюсь, что сон ваш не будет слишком долг.

Король. - Как будет угодно Богу.

Был уже час ночи. Они вышли; один Ричмонд остался при короле. Карл лег. Едва стало рассветать, кто-то постучался в дверь.

- Кто там? Что нужно? - спросил Ричмонд.

- Офицеры армии желают говорить с королем.

Ричмонд не отпирал, дожидаясь, пока король оденется; они снова начали сильно стучаться. "Отоприте, - сказал король герцогу; и прежде нежели он встал с постели, подполковник Коббет и несколько офицеров ворвались в комнату:

- Государь, - сказал Коббет, - мы имеем приказание увезти вас отсюда.

Король. - Приказание? От кого?

Коббет. - От армии.

Король. - Куда же намерены вы отвезти меня?

Коббет. - В замок.

Король. - В какой замок?

Коббет. - В замок.

Король. - Такого замка нет, который бы назывался просто замок! Я готов следовать за вами в какой угодно замок, назовите его.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

Коббет, посоветовался с товарищами и наконец сказал: "В замок Гурст".

Король (обращаясь к Ричмонду). - Они не могли выбрать худшего! (Обращаясь к Коббету): Могу ли я взять кого-нибудь из моих слуг с собою?

Коббет. - Только самых необходимых.

Король выбрал двух камердинеров, Гаррингтона и Герберта, и своего форшнейдера Мильдмея. Ричмонд вышел было, чтобы велеть приготовить завтрак, но прежде чем его подали, привели лошадей.

- Государь, - сказал Коббет, - надобно ехать.

Король, не говоря ни слова, сел в карету вместе с Гаррингтоном, Гербертом и Мильдмеем. Коббет хотел было тоже сесть с ним, но король загородил ему ногой дорогу и велел затворить двери. Они отправились под прикрытием отряда конницы. Небольшое судно ожидало их в Ярмуте. Через три часа король был заключен в Гурст-Кэстле и отрезан от всяких сообщений с внешним миром. Ему отвели такую темную комнату, что даже в полдень надобно было зажигать факелы, и поручили надзору полковника Эверса, который был еще суровее и грознее Коббета¹.

Когда пресвитериане узнали об этом, негодованию их не было пределов. "Палата, - говорили они, - обещала королю, пока он будет в Ньюпорте, свободу, безопасность и почет: теперь она обесчещена, мало того, она погибла, если не отразить блистательным образом этого дерзкого возмущения". Постановили определение, что похищение короля произошло без ведома и без согласия палаты, и потом с новым жаром принялись за прение о мире. Оно продолжалось уже более двенадцати часов; уже давно наступила ночь; уже усталость начала преодолевать

¹ Colones Cook's narrative, у Рушворта. Ч.4. - Т.II. - С.1344-1348. - Mém. de Herbert. С.79-91. - Parl. Hist. T.III. - Col. 1149-1151. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - С.271.

ревность стариков и людей слабых, хотя собрание все еще было многочисленно; наконец, поднялся один человек, знаменитый в числе мучеников общественного блага, но заседавший еще не более трех недель в палате, тот самый Преинн, который, двенадцать лет назад, вел самую упорную борьбу с Лодом и двором¹. "Господин президент, - сказал он, - всем известно, что я хочу говорить в пользу мира, а меня уже обвиняют в отступничестве, уже называют, намекая на заглавие одного из моих сочинений, фаворитом короля. Но я вам сообщу все милости, которых я удостоился от его величества и его приверженцев: они отрезали мне сперва одно ухо, потом другое самым бесчеловечным образом; они три раза выставляли меня к позорному столбу и держали каждый раз по два часа; они рукою палача и в моих глазах сожгли мои сочинения, хотя они и были напечатаны с дозволения цензуры; они осудили меня уплатить две пени, каждую в пять тысяч фунтов стерлингов; они продержали меня восемь лет в тюрьме, не давали ни перьев, ни чернил, ни бумаги, ни книг, кроме Библии; не допускали ко мне друзей, едва давали мне довольно пищи, чтобы поддержать мою жизнь... Если кто из членов палаты завидует мне в таких знаках королевской милости, тот имеет полное основание называть меня отступником или фаворитом". Он говорил несколько часов, обсуждал до малейших подробностей все предложения короля, все притязания армии, рассматривал положения парламента и страны с различных точек зрения. Он говорил важно, но без педантизма, горячо, но без гнева; ясно было, что энергия и неподкупная совесть поставили его выше увлечений его секты, выше недостатков его собственного характера и ограниченности его дарований. "Господин президент, - сказал он в заключение, - говорят, что мы погибли, если возбудим неудовольствие армии; один из ее вождей объявил нам, что он положит

¹ См. в I-м томе этого сочинения.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

оружие и не будет больше служить нам; что же будет тогда, говорят мне, с нами и с друзьями нашими? Если бы это и случилось, то признаюсь откровенно, я не стал бы дорожить покровительством столь упрямых и непостоянных слуг. Я не сомневаюсь, что в случае, если армия нас оставит, Бог и все королевство будут за нас; а если нам удастся сойтись с королем насчет договора, тогда, я надеюсь, нам уже не будет большой надобности в услугах армии. Но что бы ни случилось, *fiat justitia ruet coelum* будем исполнять долг свой, а остальное предадим воле Божьей". Палата выслушала эту речь с глубоким вниманием и сильным волнением. Было девять часов утра; собрание длилось уже двадцать четыре часа, а между тем двести сорок четыре члена были еще налицо. Наконец приступили к собранию голосов, и сто сорок голосов против ста четырех решили, что ответы короля удовлетворительны и могут служить основанием для мира¹.

Индепенденты были окончательно разбиты. Тщетно старались они даже испугать своих противников: все члены, которые были способны испугаться, сдались или удалились. Лудло, Гатчинсон и некоторые другие хотели протестовать против этого решения, чтобы смутить палату; но их желание было отвергнуто как противное парламентским обычаям; не обратили внимания и на важность, которую индепенденты хотели придать ему². Когда заседание кончилось, главные предводители их партии собрались вместе; к ним присоединилось много офицеров, прибывших утром из главной квартиры. Опасность была очевидна, но при значительной поддержке армии они могли отразить ее; как искренние фанатики и честлюбивые вольнодумцы, они не были останавливаемы уважением к

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 1151-1240. - Walker, Hist of independency Ч.2. - С.15.

² Mém. de Ludlow. T.I, С.327; - Mém. de mistress Hutchinson. T.II. С.185.

каким-нибудь древним уставам, законам или обычаям; для одних было долгом заступиться за правое дело, других заставляла необходимость. Они решили, что пора пришла. Шестерым из присутствовавших, трем членам палаты и трем офицерам, было поручено приготовить все нужное для успеха. Они провели несколько часов за столом, на котором лежал именной список членов нижней палаты, разбирая поведение и образ мыслей каждого члена отдельно, принимая донесения от своих приверженцев и рассылая им приказания. На следующий день, 6 декабря, в семь часов утра войска, по распоряжению Эйртона и без ведома Ферфакса, начали движение. Скиппон велел милиции, содержавшей караулы при палатах, оставить их; пехотный полк полковника Прайда и конный полковника Рича заняли двор и большую залу Вестминстера, лестницу, сени и все входы в нижнюю палату; у самых дверей палаты стал Прайд, держа в руках список обвиненных членов; рядом с ним - лорд Грей Груби и сарджент, называвшие ему членов по мере того, как они приходили. "Вы не войдете", - говорил Прайд каждому из них, а самых подозрительных приказывал арестовывать и увести. Сильный шум поднялся вокруг палаты; исключенные члены у всех входов пытались войти в залу, ссылаясь на свои права, уговаривали солдат: солдаты отвечали насмешками. Некоторые, в том числе Преинн, упорно сопротивлялись. "Я добровольно не сделаю ни одного шага назад", - сказал он им. Несколько офицеров грубо столкнули его с лестницы, празднуя торжество силы грубостью обхождения. Таким образом были арестованы многие члены (всего 41 человек) и заперты на время в двух соседних комнатах; многих других не впустили, но не арестовали. Только двоим из числа означенных в списке Прайда удалось пробраться в залу: Стеффенсу и полковнику Бирчу; их приманили к дверям, под разными предлогами, и солдаты в ту же минуту схватили их. "Господин президент! - кричал Бирч, вырываясь из рук солдат. - Неуже-

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

ли палата допустит, чтобы изгоняли ее членов в ее же глазах? Неужели вы будете сидеть при таких поступках сложа руки?" Палата послала своего герольда к членам, находившимся вне залы, с приказанием явиться на свои места. Прайд остановил их; палата послала в другой раз герольда, но его не допустили до них. Палата постановила, что не может ничем заниматься, пока их не отдадут ей назад, и составила комитет, который должен был тотчас же идти к генералу и требовать их освобождения. Но едва отправился он, как палате подано было подполковником Акстелем и несколькими офицерами послание от армии: она требовала официального исключения арестованных членов, а также и всех тех, кто в последнее время подавал голоса в пользу мира. Палата не отвечала, ожидая, какой успех будут иметь представления комитета. Комитет возвратился с донесением, что генерал, в свою очередь, не даст ответа, пока палата не примет какого-нибудь решения на предложение армии. Между тем солдаты увели исключенных членов из Вестминстера; их водили по разным частям города, из таверны в таверну, то сваливая в какие-нибудь повозки, то заставляя идти пешком по грязи; солдаты окружали их и требовали у них отчета в неполучении жалованья. Проповедник Гуг Петерс, капеллан Ферфакса, со шпагой на боку, торжественно пришел от имени генерала записать их имена; многие из них требовали, чтобы он сказал им, по какому праву они арестованы. "По праву меча", - отвечал капеллан. Они просили полковника Прайда выслушать их. "Мне некогда, - сказал он, - у меня есть другие дела". Ферфакс и совет его, заседание в Уайтгалле, обещали им наконец аудиенцию. Они отправились туда; но напрасно прождали несколько часов, и три офицера объявили им, что генерал слишком занят и не может принять их. Оказывая им столько презрения, индипенденты были в то же время несколько смущены: они избегали свидания с ними, боясь, что их непреклонное упорство принудит прибегнуть

к слишком большим строгостям. Несмотря на дерзость своих намерений и действий, победители, сами того не понимая, еще питали в глубине души тайное уважение к старинному законному порядку: составляя свой проскрипционный список, они держались в пределах строгой необходимости и надеялись, что однажды сделанного очищения парламента достаточно будет для упрочения их торжества. Но настойчивость палаты, требовавшей, чтобы ей возвратили исключенных членов, смущала их: они видели, что противники их еще составляют сильную партию, быть может, даже большинство в палате. Между тем медлить было невозможно: они решились начать дело снова. На следующий день, 7 декабря, войска в другой раз заперли входы в палату; во второй раз произошла такая же сцена: исключили еще сорок членов; некоторых арестовали на квартирах. Они письменно просили нижнюю палату об освобождении, но на этот раз пресвитериане были окончательно поражены; вместо ответа, нижняя палата приняла решение, большинством пятидесяти голосов против двадцати восьми, принять во внимание предложения армии. Меньшинство удалилось добровольно, объявив, что не станет присутствовать в палате, пока не окажут правосудия их товарищам. Таким образом, изгнав сто сорок три члена, из которых большая часть не были арестованы или мало-помалу и потихоньку выпускаемы из темниц, республиканцы и армия, наконец, увидели себя во главе власти как в парламенте, так и во всем королевстве¹.

Все уступило, все смолкло после этого; никто не оказал сопротивления; никто не подал голоса против республиканцев, успокоенных своим торжеством. Они одни по-

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 1240-1249. - Rushworth. Ч.4. - T.II. - С.1353-1356. - Whitelocke. С.354-355. - Мém. de Ludlow. T.I. - С.328-335; Мém. de mistress Hutchinson. T.II. - С.185-190; Мém. de Fairfax. С.411-412. - Walker, Hist of independency. Ч.4. - С.29 и след.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

велевали и действовали в королевстве и могли уверять себя, что все покорились им, что все одного мнения с ними. Фанатический энтузиазм их достиг высшей степени. "Подобно Моисею, - говорил Гуг Петерс, читая проповедь перед скудными остатками обеих палат, - подобно Моисею, вы предназначены освободить народ от египетского рабства. Как может исполниться это предназначение - об этом я еще не имел откровения". Он закрыл лицо руками, припал к подушке, лежавшей перед ним и, внезапно поднявшись, продолжал: "Вот оно, вот откровение! Я сообщу вам его: эта армия искоренит монархию не только здесь, но и во Франции и в других державах, окружающих нас, и таким образом выведет вас из Египта. Говорят, что мы вступаем на путь, по которому еще никто не ходил. Но припомните Божью Матерь: разве до Нее были примеры бессеменного зачатия? Мы живем в такую эпоху, которая сама послужит примером грядущим временам"¹. И республиканцы с восторгом предавались этой мистической гордости. Среди этих восторгов, в тот самый день, когда последние остатки пресвитериан удалились из палаты (7 декабря), Кромвель снова занял в ней свое место. "Бог свидетель, - повторял он везде, - я ничего не знал о том, что здесь произошло; но так как дело сделано, то я очень рад: теперь нужно поддержать его"². Палата встретила его живейшими изъявлениями признательности. Президент объявил ему официально благодарность палаты за шотландский поход. Оставив заседание, Кромвель отправился в Уайтгаль и расположился в собственных покоях короля³. На следующий день армия овладела кассами разных комитетов, объявляя, что принуждена сама заботиться о своих нуждах, чтобы не быть бо-

¹ Parl. Hist. T.III. - Ч.2. - С.49-50. - Parl. Hist. T.III. - Col. 1252.

² Mém. de Ludlow. T.I. - С.336.

³ Parl. Hist. T.III. - Col. 1246. - Walker, Hist of independency. Ч.2. - С.34. - Whitelocke. С.357.

лее в тягость государству¹. Через три дня (11 декабря) она послала Ферфаксу план республиканского правления под заглавием: Новый народный договор. Говорили, что его сочинял Эйртон. Армия просила подвергнуть его рассмотрению в общем совете офицеров и потом представить парламенту². Между тем нижняя палата, не испрашивая даже согласия лордов, уничтожила все последние акты и решения в пользу мира, потому что они могли мешать перевороту³. Наконец, снова появились прошения, в которых требовали суда над королем, как единственным виновником всего кровопролития⁴, и отряд войска был отправлен из главной квартиры с приказанием привезти его из Гурст-Кэстля в Виндзор.

17 декабря, среди ночи, Карла разбудил шум, ему слышалось, что опускают подъемный мост и толпа всадников въезжает во двор замка. Скоро все утихло, но Карл был в тревоге; не дождавшись рассвета, он позвонил, чтобы позвать Герберта, спавшего в соседней комнате. "Вы ничего не слышали нынче ночью?" - спросил он. "Я слышал, как опускали мост, но не посмел без приказа вашего величества выйти из комнаты в неуказанный час". - "Узнайте, кто приехал". Герберт вышел и скоро возвратился. "Полковник Гаррисон, ваше величество". Король смутился. "Вы точно уверены, что это полковник Гаррисон?" - "Я узнал это от капитана Рейнольдса". - "В таком случае это верно. Но видели ли вы полковника?" - "Нет, государь". - "А Рейнольдс не говорил вам, зачем он приехал?" - "Я употреблял все старания, чтобы узнать это, но добился только одного ответа: что причина приезда полковника скоро будет известна".

Король отпустил Герберта и через час позвал его сно-

¹ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1356.

² Там же. С.1358, 1365.

³ 12 и 13 декабря. Parl. Hist. Т.III. - Col. 1247-1249.

⁴ Rushworth. Ч.4. - Т.II. - С.1372.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

ва. Карл все еще был сильно расстроен; в глазах его заметны были слезы, в лице - отчаяние. "Извините, государь, - сказал ему Герберт, - меня очень тревожит, что ваше величество так опечалились от этого известия". "Я не испугался, - отвечал король, - но вы не знаете, что этот самый человек составил проект убить меня во время последних переговоров. Меня письменно уведомили об этом. Я не помню, чтобы я его когда-нибудь видел или сделал ему какое-нибудь зло. Мне не хотелось бы, чтобы на меня напали врасплох. Это место чрезвычайно удобно для такого преступления. Подите и снова постарайтесь узнать, с какими намерениями приехал Гаррисон?" В этот раз Герберт был счастливее. Он узнал, что полковник должен перевезти короля в Виндзор не далее как через три дня, и поспешил сообщить об этом королю. Глаза короля заблестали радостью: "Слава Богу, - сказал он, - стало быть, они сделались сговорчивей. Виндзор мне всегда нравился; я там буду вознагражден за все, что вытерпел здесь".

Через два дня подполковник Коббет действительно объявил королю, что имеет приказание тотчас везти его в Виндзор, куда Гаррисон уже отправился. Карл не только не жаловался на это, но даже торопил всех с отъездом. Отряд конницы, который должен был служить ему прикрытием до Уинчестера, ожидал его на расстоянии одного миль от Гурст-Кэстля. Везде, где он проезжал, многочисленные толпы дворян, горожан и земледельцев встречали его на дороге; одни приходили из простого любопытства и удалялись тотчас по проезде его; другие были глубоко тронуты и громко выражали свои желания, чтобы он был освобожден. Когда он подъезжал к Уинчестеру, мэр и альдермены вышли навстречу и, подавая ему по обычаю жезл и ключи города, обратились к нему с речью, исполненной любви. Но Коббет, неожиданно подъехав к ним, спросил: разве они забыли, что палата объявила изменниками всех, кто станет обращаться каким бы то ни было

образом к королю. Испуганные альдермены стали униженно извиняться, уверяя его, что они ничего не знали об этом постановлении палаты, и умоляли Коббета выпросить им прощение. На следующий день король поехал дальше. Между Альресфордом и Фарнгэмом стоял в боевом порядке новый отряд конницы, назначенный на смену кавалерии, до сих пор сопровождавшей короля. Им начальствовал офицер красивой наружности, в богатом вооружении, в бархатном берете на голове, в колете из буйволово́й кожи, перетянутый пунцовым шелковым шарфом с кистями. Карл, обратив внимание на его наружность, тихо проехал мимо него; офицер вежливо поклонился. Король подъехал к Герберту и спросил: "Кто этот офицер?" "Полковник Гаррисон, ваше величество". Король тотчас же воротился назад и так долго и пристально смотрел на полковника, что смущенный Гаррисон отъехал за фронт, чтобы уклониться от взглядов короля. "Этот человек, - сказал король, обращаясь к Герберту, - настоящий солдат с виду. Я хороший физиономист; его лицо мне нравится: он не убийца". Когда они вечером прибыли в Фарнгэм, где поезд должен был ночевать, Карл увидел полковника в углу зала и дал ему знак приблизиться. Гаррисон повиновался почтительно, но без смущения, с видом суровым и в то же время робким. Король взял его под руку, увел в амбразуру окна, разговаривал с ним около часа и даже сообщил ему об известии, которое получил о нем. "Это величайшая ложь, государь, - отвечал Гаррисон, - Вот мои слова, и я могу повторить их: "правосудие не должно смотреть на лица, и закон равно обязателен как для больших, так и для малых". Он произнес последние слова с особенным ударением. Король прекратил разговор, сел за стол и не говорил более ни слова с Гаррисоном, не подав, однако же, вида, что он придает его ответу какое-нибудь значение, которое могло бы его беспокоить.

На следующий день он должен был прибыть в Виндзор. Выезжая из Фарнгэма, он объявил, что желает оста-

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

новиться в Бэгшоте (Bagshot) и обедать в лесу у лорда Ньюборо (Newburgh), одного из вернейших своих кавалеров. Гаррисон не смел отказать ему, хотя настойчивость, с какой король требовал этого, должна была внушить ему некоторые подозрения. Действительно, он был вправе иметь их. У лорда Ньюборо, страстного охотника лошадей, был конь, который считался быстрейшим во всей Англии. Ведя уже давно тайную переписку с королем, лорд Ньюборо присоветовал ему ранить как-нибудь дороною лошадью, на которой он ехал, и обещал дать ему другую, на которой он легко сможет ускакать от своего конвоя и сделать самое горячее преследование напрасным, так как король хорошо знал все тропинки в лесу. Действительно, король во весь переезд от Фарнгэма до Бэгшота беспрестанно жаловался на свою лошадь, говоря, что намерен взять другую. Но, прибыв на место, он узнал, что лошадь, на которую он рассчитывал, так сильно ушиблась вчера в конюшне, что не могла служить. Лорд Ньюборо был неутешен; он предлагал королю других лошадей, которые тоже были превосходны и могли бы годиться для бегства. Но предприятие было опасно даже и с самой быстрой лошадью, потому что всадники, провожавшие короля, ехали всегда очень близко от него и постоянно с заряженными пистолетами в руке. Карл без труда отказался от такого рискованного предприятия. Прибыв вечером в Виндзор, он обрадовался, что возвратился в один из своих дворцов, в котором мог занять свою прежнюю комнату, где все было почти так же хорошо приготовлено для его принятия, как в те времена, когда он приезжал со своим двором в это прекрасное место проводить праздники; он не только не имел грустных предчувствий, но почти забыл уже, что был пленником¹.

¹ Mém. de Herbert. C.93-104. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - C.289-292. - Rushworth. Ч.4. - T.II. - C.1375. - Whitelocke. C.359.

В тот же день (23 декабря)¹ и почти в тот же час нижняя палата принимала большинством голосов решение подвергнуть его суду и назначала комитет для изготовления обвинительного акта. Несмотря на то, что число присутствующих членов было незначительно, это предложение встретило противоречие: одни говорили, что довольно лишить его престола, как это было сделано с некоторыми из его предшественников; другие, не выражая прямо своего мнения, желали бы отделаться от него тайно; чтобы воспользоваться его смертью, не принимая на себя ответственности; но более смелые вольнодумцы, чистосердечные энтузиасты, строгие республиканцы требовали публичного и торжественного суда, который бы доказал их силу и торжественно объяснил их правоту². Один Кромвель, сильнее других желавший такого суда, все еще лицемерил, говоря о нем. "Если бы, - сказал он, - кто-либо сделал такое предложение с умыслом, то я почел бы его за самого презренного изменника на свете; но так как провидение и требования времени довели палату до обсуждения такого предмета, то я молю Бога благословить ее решение, хотя сам и не расположен немедленно подавать своего мнения!"³ Вследствие одного из тех странных, но непреодолимых припадков совестливости, которыми часто само себя выдает беззаконие, стараясь прикрыться, палата не решилась предать короля суду без закона, по которому бы он мог быть судим, но приняла за принцип⁴, что со стороны его было государственным преступлением вести войну против парламента; и, по предложению Скотта⁵, тотчас же было сделано постановление, которым учреж-

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 1252.

² Whitelocke. C.358. - Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - C.283 и след.

³ Walker, Hist of independency. Ч.2. - C.54.

⁴ 2 января. Parl. Hist. T.III. - Col. 1253.

⁵ Walker, Hist of independency. Ч.2. - C.55.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

дался верховный суд, чтобы судить короля¹. В нем должны были заседать: сто пятьдесят комиссаров, шесть пэров, трое верховных судей, одиннадцать баронетов, десять рейтаров, шесть лондонских альдерменов, все важные лица республиканской партии в армии, в нижней палате и в Сити, за исключением Сент-Джона и Вена, формально объявивших, что они не признают этого акта и не хотят принимать в нем никакого участия. Когда билль этот был представлен на утверждение верхней палате (2 января), то это собрание, до сих пор столь раболепное и почти признававшее свою собственную ничтожность, выказало некоторое мужество: "Нет парламента без короля, - сказал лорд Манчестер, - поэтому король не может быть преступником против парламента". "Нижней палате угодно было, - сказал лорд Денби, - включить мое имя в свое постановление; но я скорее дам изрубить себя в куски, нежели приму участие в такой низости". "Я не люблю мешаться туда, где дело идет о жизни и смерти, - сказал старый граф Пемброк, - я не буду говорить против этого билля, но и не соглашусь на него". Двенадцать лордов были налицо и все отвергли постановление². Нижняя палата, не получая на следующий день никакого ответа от лордов, велела двум членам отправиться в верхнюю палату, спросить ее протоколы³ и узнать из них решение лордов. Когда палата получила ответ (4 января), она решила, что оппозиция лордов не может остановить дела; что народ, после Бога, есть источник всякой законной власти и что поэтому нижней палате Англии, избранной народом и представляющей его, принадлежит верховная власть. Новым биллем (6 января)⁴ она отдала верховному суду, учрежденному именем одной нижней палаты и ограниченно-

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 1254.

² Там же. Col. 1256.

³ Там же.

⁴ Parl. Hist. T.III. - Col. 1257.

му ста тридцатью пятью членами¹, приказание немедленно собраться, чтобы распорядиться приготовлениями к процессу.

Верховный суд собирался с этой целью в тайных заседаниях 8, 10, 12, 13, 15, 17, 18 и 19 января; председателем был Джон Брэдшоу (John Bradshaw), двоюродный брат Мильтона, весьма уважаемый юрисконсульт; он был важен и кроток в обращении, но отличался узким и грубым взглядом на вещи; он был фанатик по убеждению и в то же время честолюбив, склонен к корысти в денежных делах, хотя и готов был положить душу за свои идеи. Общее смятение было так велико, что в самом верховном суде обнаружилось неодолимое разъединение: никакими приказами, никакими усилиями невозможно было собрать на предварительные совещания более пятидесяти восьми членов. Ферфакс был только на первом из них и более не являлся. Даже многие из числа являвшихся приходили единственно затем, чтобы объявить свое несогласие; так поступил, между прочим, Алджернон Сидней, человек молодой еще, но имевший уже большое влияние в республиканской партии; несколько времени он жил уединенно в замке Пенсгурст, у отца своего лорда Лейстера; но, узнав о своем назначении в члены верховного суда, немедленно отправился в Лондон и в заседаниях 13, 15 и 19 января, хотя дело уже было окончательно решено, сильно восставал против процесса. Он опасался преимущественно отвращения, какое мог получить народ к республике вследствие этого процесса; даже боялся, что мо-

¹ Устранение шести пэров и трех великих судей уменьшило первоначальное число комиссаров до 141; к ним присоединили двух юрисконсультов, Брэдшоу и Никласа, что составило 143 человека. Между тем, во втором постановлении только 135 имен; без сомнения, были какие-нибудь исключения или пропуски, которых объяснить не потрудились. Альдермен Роуланд Уильсон, например, отказался участвовать в процессе, и его имени уже нет во втором списке (Whitelocke. С.363).

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

жет вспыхнуть внезапное возмущение, которое спасет короля и безвозвратно погубит республику. "Никто не пошевелится! - вскричал Кромвель, выведенный из терпения такими пророчествами. - Я говорю вам, мы отрубим ему голову, и с короной". "Делайте, что хотите, - отвечал Сидней, - я не могу препятствовать вам, но, наверное, не стану участвовать в этом деле". С этими словами он вышел и не возвращался более¹. Суд, состоявшийся, наконец, только из таких членов, которые согласились принять на себя это звание, начал заниматься установлением формальностей процесса. Джон Кок, довольно известный адвокат и близкий друг Мильтона, был сделан генеральным прокурором, и в этом качестве должен был говорить именем общества как при начертании обвинительного акта, так и во время прений. Эльсинг, бывший до тех пор секретарем нижней палаты, отказался от должности под предлогом болезни; Генри Скобель был выбран на его место. Особенное внимание было обращено комиссией на то, какие полки и сколько их должно быть налицо в течение процесса, и где расставить караулы; они были размещены даже на крышах; везде, где из какого-нибудь окна можно было видеть залу, устроили заставы, чтобы отделить народ не только от судей, но и от солдат. Наконец, назначили день (20 января), в который король должен был явиться перед судилищем в вестминстерской зале, а 17 числа, как будто приговор уже был произнесен, палата нарядила особый комитет осмотреть все дворцы, замки и резиденции короля и составить подробную опись его движимости, поступавшей отныне в собственность парламента².

Когда полковник Уитчкотт (Whitchcott), губернатор Виндзора, объявил королю, что через несколько дней он

¹ Leicester's Journal, by Blencone. C.237. - Godwin. Hist. of the commonwealth. T.II. - C.669.

² Parl. Hist. T.III. - Col. 1259. - State-Trials. T.IV. - Col. 1045-1067. - Процесс Карла I. - C.1-10, в Collection г. Гизо.

будет переведен в Лондон, Карл отвечал ему: "Бог вездесущ и везде равно благ и всемогущ"¹. Тем не менее это известие поразило его сильным, неожиданным беспокойством. Он прожил три недели в самой удивительной безопасности, не получая никаких известий о решениях палат и убаюкивая себя кое-какими вестями, приходившими из Ирландии и обещавшими ему скорую помощь; уже давно не был он так самонадеян и даже весел. "Через шесть месяцев, - говорил он, - мир будет восстановлен в Англии; если же нет, то я получу довольно средств от Ирландии, Дании и других королевств, чтобы возратить свои права"². В другой раз он сказал: "У меня на руках остается еще три карты, из которых самая худшая способна воротить мне весь проигрыш"³. Однако же недавно одно обстоятельство смутило его: почти до последних дней пребывания его в Виндзоре ему оказывали почет и служили по всем правилам придворного этикета: он обедал с большим обществом, в парадной зале, под балдахином; гофмаршал, форшнейдер, мундшенк и метрдотель исполняли свои обязанности с обычными формальностями: подавая ему чашу, становились на колени, все блюда приносились закрытые и пробовались в его присутствии; он с важностью наслаждался этими торжественными знаками почета. Вдруг было получено какое-то письмо из главной квартиры и весь порядок изменился: солдаты начали приносить блюда непокрытыми, кушанья никто не отвеживал, на колени никто не становился и обычный этикет трона прекратился совершенно. Карл был глубоко огорчен этим. "Знаками уважения, в которых мне отказывают теперь, - сказал он, - всегда пользовались не только государи, но даже подданные высшего звания; может ли что быть в свете презреннее государя, которого унижают?" Чтобы

¹ Mém. de Herbert. C.108.

² Mém. de Whitelocke. C.361.

³ Leicester's Journal. - Godwin, Hist. of the commonwealth. T. II - C.660.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

избегнуть этой обиды, он стал обедать один, в своей комнате, выбирая сам два или три блюда по карте, которую ему приносили¹.

В пятницу, 19 января, отряд конницы, под начальством Гаррисона, прибыл в Виндзор, чтобы увезти короля. На большом дворе замка ожидала его карета шестернею. Карл сел в нее и через несколько часов снова находился в Лондоне, в сент-джемском дворце; со всех сторон окружала его стража; двое часовых стояли у дверей его комнаты; один Герберт был оставлен при короле и спал возле его постели².

На следующий день, 20 января, около полудня верховный суд, собравшись сначала на тайное заседание в расписной палате парламента, готовился привести в порядок последние подробности возложенного на него поручения. Только что окончили они общую молитву, как им объявили, что тотчас явится король, которого пронесли в закрытых носилках между двумя шпалерами солдат. Кромвель бросился к окну, но тотчас же воротился, бледный, хотя и весьма оживленный. "Вот он, вот он, господа! Наступил час великого дела. Решите скорее, прошу вас, что вы станете ему отвечать, ибо он прежде всего спросит вас: чьим именем и какой властью уполномочены вы судить его?" Все молчали. "Именем нижней палаты, представляющей парламент, и всего доброго английского народа", - сказал наконец Генри Мартин³. Никто не противоречил. Суд торжественной процессией отправился в Вестминстер-Галль, спереди шел лорд-президент Бадшоу; перед ним несли меч и жезл; шестнадцать офицеров, вооруженных бердышами, шли перед судьями. Президент сел в кресло, обитое алым бархатом; у ног его распоряжался

¹ Mém. de Herbert. C.109-113.

² Там же. C.109. - Rushworth. Ч.4. - Т.II. - C.1395. - State-Trials. T.V. - Col. 1019; показание Нютле (Nutley) в процессе Гаррисона.

³ State-Trials. T.V. - Col. 1201: показание сэра Пурбек Темпла в процессе Генри Мартина.

секретарь, у стола, покрытого богатым турецким ковром, на котором положены были жезл и меч; налево и направо члены суда на скамьях, покрытых пунцовым сукном; по обоим концам, несколько выдаваясь перед трибуналом, вооруженные люди. Как скоро члены суда заняли свои места, все двери были растворены; толпа хлынула в залу; когда же восстановилась тишина, прочитали акт нижней палаты, которым учреждался верховный суд, и приступили к поименной переключке: шестьдесят девять членов было налицо. "Сарджент! - сказал Бадшоу. - Введите арестанта"¹.

Король вошел в сопровождении полковника Гэккера и тридцати двух офицеров. У решетки было для него приготовлено кресло, обитое алым бархатом; он дошел до него, устремил на членов судилища пристальный и строгий взгляд, сел в кресло, не снимая шляпы, потом снова встал, посмотрел назад, на свою стражу, поставленную по левой стороне, и на толпу зрителей, занимавших правую сторону палаты; потом еще раз обвел глазами своих судей и снова сел среди всеобщей тишины.

Вдруг поднялся Бадшоу. "Карл Стюарт, король английский! - сказал он. - Нижняя палата английская, в качестве парламента, глубоко проникнутая чувством бедствий, которым подвергался народ, полагая, что вы были главным виновником их, решила преследовать преступление судом; с этим намерением она учредила этот верховный суд, перед которым вы ныне являетесь. Вы сейчас

¹ Большая часть фактов, относящихся к процессу короля, извлечена из двух современных донесений, помещенных в State-Trials (T.IV: - Col. 989-1154) и почти целиком переведенных в Собрании и проч., под заглавием «Процесс Карла I». Поэтому мы отсылаем к нему читателей однажды навсегда; а особые цитаты употребляем только для подробностей, заимствованных из других источников; многое и весьма характерное заимствовано нами из протоколов процессов, веденных против убийц после реставрации в 1660 году (State-Trials. T.V. - Col. 947-1363).

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

услышите обвинения, которые лежат на вас".

Генеральный прокурор Кок встал было, чтобы говорить. "Молчите!" - сказал ему король, дотронувшись тростью до его плеча. Кок оборотился с изумлением и гневом. В это время у короля упал с трости набалдашник; он изменился в лице; никого из слуг его не было довольно близко, чтобы поднять набалдашник. Он наклонился сам, поднял его, сел на место, и Кок стал читать обвинительный акт, который, взводя на короля вину всех бедствий, причиненных первоначально его тиранией, а потом войною, требовал, чтобы он был предан суду как тиран, как государственный преступник и убийца.

Во все время этого чтения король продолжал сидеть и спокойно смотрел то на судей, то на публику: на минуту он опять вставал, оборачивался спиною к членам суда, чтобы посмотреть назад, и снова садился. Лицо его ничего не выражало, кроме равнодушного любопытства. Только при словах: "Карл Стюарт, тиран, государственный преступник и убийца", - он начал смеяться, хотя и продолжал молчать.

Когда чтение кончилось, Бадшоу сказал королю: "Сэр¹, вы слышали акт, обвиняющий вас: суд ожидает вашего ответа".

Король. - Я бы желал знать, какой властью призван я сюда. Недавно еще находился я на острове Уайте, в переговорах с обеими палатами парламента, обеспеченный общим ко мне доверием. Мы почти решили все условия мира. Я желал бы знать, кто дал вам власть - я разумею законную власть, потому что на свете есть много незакон-

¹ Бадшоу постоянно обращается к королю с названием *sir*, точно так же, как и король к Бадшоу. Это слово значит по-французски и *sire*, и *monsieur*; г. Гизо переводит его везде словом *monsieur* во-первых, потому что самый характер языка Бадшоу не допускает, чтобы он давал королю другое название; во-вторых, в течение всего процесса он ни разу не назвал короля "вашим величеством", что показывает с его стороны намерение обойти эту старинную форму.

ных властей, например, власть воров и разбойников на больших дорогах - и желал бы знать, говорю я, какой властью вырвали меня оттуда и водят с места на место, Бог знает, с каким намерением? Когда я узнаю эту законную власть, тогда буду отвечать.

Брадшоу. - Если бы вам угодно было обратить внимание на слова, сказанные вам судом при вашем появлении, вы знали бы, какая эта власть: именем английского народа, избравшего вас в короли, требует она, чтобы вы отвечали.

Король. - Нет, сэр, я отвергаю это.

Брадшоу. - Если вы не признаете власти суда, он начнет против вас процесс.

Король. - Я говорю вам: никогда не была Англия избирательным королевством; уже около тысячи лет она есть королевство наследственное. Скажите же мне: какой властью призван я сюда? Вот подполковник Коббет: спросите его, разве он не насильно взял меня с острова Уайта? Я готов поддерживать законные привилегии нижней палаты не меньше всякого другого. Где же лорды? Я не вижу здесь лордов, чтобы составилась парламент¹. Потом нужен был бы также и король. Разве так приводят короля к парламенту?

Брадшоу. - Сэр, суд ожидает от вас определенного ответа. Если сказанное нами о полномочии нашем неудовлетворительно для вас, то оно удовлетворительно для нас: мы знаем, что оно основывается на воле Бога и королевства.

Король. - Ни мое мнение, ни ваше не могут решить этого.

Брадшоу. - Суд слышал вас. С вами будет поступлено по его приказаниям. Уведите арестанта, суд отлагается до следующего понедельника.

Члены суда разошлись. Король вышел с тем же конвоем, который привел его. Вставая, он увидел на столе

¹ State-Trials. T.V. - Col. 1001; в процессе Кока, показание Нутле.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

обнаженный меч. "Я не боюсь этого", - сказал он, указывая на него тростью. Когда он сходил с лестницы, раздалось несколько голосов, кричавших: "Судить его! Судить!" Но гораздо большее число людей кричало: "Да хранит Бог короля! Бог да хранит ваше величество!"

Когда на другой день суд снова открыл свое заседание, оказалось, по переключке, шестьдесят два члена налицо. Суд строжайшим образом предписал безусловное молчание, под угрозой заключения в тюрьму. Тем не менее король, при своем появлении, был встречен громкими криками сочувствия. Снова начался прежний спор, равно упрямый с той и с другой стороны. "Сэр, - сказал наконец Брадшоу, - мы не допустим ни вас, ни кого другого оспаривать судебную власть верховной комиссии: она заседает здесь по воле нижней палаты, перед которой и вы, и все ваши предшественники обязаны ответственностью".

Король. - Я отвергаю это. Покажите мне пример.

Брадшоу встал с гневом.

Брадшоу. - Сэр, мы собрались здесь не для того, чтобы отвечать на ваши вопросы: отвечайте на то, в чем вас обвиняют: виноват или не виноват¹.

Король. - Вы еще не выслушали моих резонов.

Брадшоу. - Сэр, вы не можете представлять никаких резонов против высшего из всех судилищ.

Король. - Покажите же мне судебную власть, где не слушают резонов.

Брадшоу. - Сэр, мы показываем ее вам здесь; это английская нижняя палата. Сарджент! Уведите арестанта.

Король быстро обернулся к народу: "Помните, - сказал он ему, - что король Англии осужден, что ему не позволят изложить своих резонов в пользу свободы народа".

Раздался почти общий крик: "Боже, храни короля!"²

¹ State-Trials. T.V. - Col. 1085; в процессе царевубийц, и особенно в процессе Кока, показание Джона Герна.

² Там же. Col. 1086; в процессе царевубийц и особенно в процессе Кока.

Заседание следующего дня, 23-го января, подало повод к подобным же сценам. Сочувствие народа к королю с каждым днем увеличивалось. Тщетно раздраженные офицеры и солдаты, в свою очередь, кричали грозно: "Суда! Казни!" Толпа робела и на время умолкала, но, при малейшем случае, забывала страх и снова раздавались со всех сторон крики: "Боже, храни короля!" Они раздавались даже в рядах войска. Когда король 23 января выходил из зала, один гвардейский солдат громко закричал: "Государь! Да благословит вас Господь!" Офицер ударил его палкой: "Милостивый государь, - сказал король, удаляясь, - этот проступок не стоит такого наказания". В то же время из-за границы получались представления и делались попытки, которые хотя и были не довольно сильны и решительны, но тем не менее поддерживали негодование народа. Французский министр передал нижней палате (3 января) письмо от королевы Генриетты-Марии, просившей дозволения приехать к своему мужу, чтобы убедить его уступить их желаниям или утешить его своими ласками². Принц Валлийский писал к Ферфаксу и к совету офицеров, надеясь пробудить в их сердцах хоть искру верноподданнической преданности³. Шотландские комиссары торжественно, от имени своего королевства, протестовали (6 и 22 января)⁴ против всего происходившего. Говорили о скором прибытии чрезвычайного посольства генеральных штатов, которое должно было заступиться за короля. Даже Джон Кромвель, офицер голландской службы и двоюродный брат Оливера, находясь в Лондоне, преследовал генерал-лейтенанта упреками, похожими на угрозы⁵. Открыли и остановили печатание рукописи под за-

¹ Mém. de Herbert. С. 118.

² Clarendon. Hist. of the rebell. T.IX. - С. 282.

³ Там же. С. 296.

⁴ Parl. Hist. T.III. - Col. 1277 и след.

⁵ Banks. Critical Review и проч. - С. 103. - Mark Noble, Memoirs of the Protectoral house, и проч. - T.I. - С. 50 и след. - Mém. de Ludlow, T.I. - С. 340, в примечании, в собрании и проч.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

главием "Королевские вздохи"; приписывали это сочинение самому королю и говорили, что он может возбудить восстание в пользу своего освобождения¹. Со всех сторон, наконец, возникали препятствия, хотя и неважные, или, по крайней мере, новые причины к брожению умов, которые должны были, как республиканцы надеялись, исчезнуть, коль скоро вопрос будет решен, но пока он оставался нерешенным, затрудняли дело с каждым днем и увеличивали опасность. Поэтому они решились выйти как можно скорее из этого положения, сократить все прения и предоставить королю явиться перед судом только для того, чтобы выслушать приговор. Из некоторого уважения к законным формам или ради того, чтобы дать новые доказательства вероломства Карла при переговорах, верховный суд употребил 24-е и 25-е января на отобраение показаний от тридцати двух свидетелей. 25 января, в конце заседания, король был осужден, почти без всякого прения, как тиран, государственный преступник, убийца и враг отечества. Скотт, Мартин, Гаррисон, Лиль, Сей, Эйртон и Лав (Love) должны были составить приговор. В этот день было налицо только сорок шесть членов. 25-го числа присутствовало шестьдесят два члена, и редакция приговора была в тайном заседании обсуждена и принята. Суд отложил объявление его королю до следующего дня.

27 января, в полдень, после двухчасового совещания в расписной палате, публичное заседание по обыкновению открылось поименною переключкою. Когда назвали Ферфакса, женский голос отвечал из галереи: "Он слишком умен, чтобы быть здесь". После минутного замешательства² переключка продолжалась: шестьдесят семь членов было налицо. Когда король вошел в залу, раздался громкий крик: "Казни! Суда! Казни!" Солдаты сильно шумели; некоторые офицеры, в особенности Акстель, начальствовавший над стражею, под-

¹ Это сочинение известно под именем *Eiæθυ βασιλίας* (царское изображение) и переведено вполне в Collection г. Гизо (см. находящееся перед ним примечание. - С.120).

² State-Trials. T.V. - Col. 1145-1151, в процессе Акстеля.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

стрекали их; группы, рассеянные по разным местам залы, поддерживали эти крики; толпа молчала в глубоком унынии.

"Сэр, - сказал король президенту, еще не сядясь, - я попрошу позволения сказать одно слово и надеюсь, что не подам повода прерывать меня".

Брадшоу. - Вы можете отвечать, когда до вас дойдет очередь. Выслушайте сперва суд.

Король. - Сэр, с вашего позволения, я желаю, чтобы меня выслушали. Я скажу только одно слово. Непосредственный приговор...

Брадшоу. - Вас выслушают, когда будет время. Вы должны сперва выслушать суд.

Король. - Сэр, я желаю... То, что я имею сказать, относится к тому приговору, который суд, как я думаю, произнесет. Нелегко бывает, сэр, брать назад приговор, произнесенный слишком поспешно.

Брадшоу. - Вы будете выслушаны, сэр, прежде нежели произнесен будет приговор: до тех пор вы должны воздержаться от разговоров.

При этом уверении лицо короля несколько прояснилось; он сел и Брадшоу начал снова говорить.

"Господа, - сказал он, - всем хорошо известно, что арестант, предстоящий перед вами, уже несколько раз был приводим в верховный суд, чтобы отвечать на обвинение в государственной измене и других великих преступлениях, представленных против него во имя английского народа..."

"Половина народа не участвовала в этом! - закричал тот же голос, который раздался в зале, когда вызывали Ферфакса. - Где народ? Где его согласие? Оливер Кромвель - изменник!"

Все собрание вздрогнуло. Все обратили глаза на галерею. "К черту этих крикунов! - закричал Акстель. - Солдаты! Стреляйте в них!"

Узнали леди Ферфакс¹. Все зашумели в зале. Солда-

¹ State-Trials. Col. 1150, показание Пурбек Темпля. - Whitelocke. C.336. - Он по ошибке относит эту сцену к заседанию 22 января.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

ты, везде расставленные грозным строем, едва могли остановить беспорядок. Когда, наконец, водворилось некоторое спокойствие, Брадшоу упомянул об упорном сопротивлении короля отвечать на обвинения, о всеобщей известности его преступлений и объявил, что верховный суд, уже постановивший приговор, тем не менее еще до его произнесения согласен выслушать защиту арестанта, если только король не будет оспаривать его судебной власти.

"Я желаю, - сказал король, - чтобы лорды и члены нижней палаты выслушали меня в расписной палате; я хочу говорить об одном предложении, которое гораздо важнее для мира королевства и для свободы моих подданных, нежели для моего собственного спасения".

Сильное волнение распространилось по всей зале. Друзья и враги короля старались угадать, с какой целью он требует этой конференции с палатами и что он может им предложить. Об этом ходило множество разных слухов. Большая часть предполагала, что он отречется от престола в пользу сына своего. Но, как бы то ни было, члены суда чрезвычайно смутились; республиканцы, несмотря на свое торжество, должны были бояться потери времени и новых опасностей; поколебались несколько и судьи. Чтобы отразить опасность, Брадшоу уверял, что просьба короля не что иное, как уловка, чтобы еще раз избежать судебной власти комиссии. Завязался долгий и мелочный спор между судьями по этому предмету. Карл все сильнее и сильнее настаивал, чтобы его выслушали; но с каждым словом солдаты, окружавшие его, становились шумнее и стали подвергать его разным оскорблениям. Одни закуривали трубки и пускали дым ему в лицо, другие в самых грубых выражениях ворчали на медленность судопроизводства, Акстель громко смеялся и острил. Несколько раз король обращался к ним и старался, то движениями, то словами, заставить их быть внимательными или, по крайней мере, замолчать; ему отвечали криками: "Суда! Казни!". "Выслушайте меня!..." - но начались опять те же

крики¹, а между тем новое и неожиданное волнение обнаружилось между членами суда. Один из них, полковник Доунс, хотел говорить с места; два его соседа, Коулей и полковник Уантон, старались удержать его. "Разве сердца наши из камня? - говорил он. - Разве мы не люди?". "Вы погубите нас и себя с нами", - отвечал Коулей. "Нужды нет, - возразил Доунс. - Если бы даже пришлось заплатить жизнью, я должен это сделать". При этих словах Кромвель, сидевший под ним, быстро обернулся. "Полковник! - сказал он. - В своем ли вы уме? О чем вы думаете? Разве вы не можете сидеть спокойно?" "Нет, - возразил Доунс, - я не могу сидеть спокойно". Затем он встал и, обратившись к президенту, сказал: "Милорд! Совесть моя еще не так просвещена, чтобы позволить мне отвергать просьбу арестанта. Я прошу, чтобы суд удался для совещания об этом". Брайшоу с важностью отвечал: "Так как один из членов желает этого, то суд должен удалиться". И все тотчас перешли в соседнюю залу.

Как скоро они вошли туда, Кромвель резко стал порицать полковника, требуя у него отчета, почему он беспокоил суд и причинил беспорядок. Доунс защищался слабо, говоря, что, может быть, предложения короля были бы удовлетворительны; что, наконец, никто не желал и до сих пор не желает ничего, кроме верных и твердых гарантий; что, не зная предложений короля, нельзя и отвергать их; что, наконец, должно по крайней мере выслушать его и показать уважение к самым простым законам человеческого права. Кромвель слушал его, грубо обнаруживая свое нетерпение, и прерывал на каждом слове. "Наконец мы узнали, - сказал он, - какие важные причины побудили полковника беспокоить нас таким образом. Он не знает, что имеет дело с самым непреклонным смертным на свете. Мыслимое ли дело, чтобы суд позволял упрям-

¹ State-Trials. T.V. - Col. 1150-1151, в процессе Акстеля.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

ству одного развлекать и останавливать действия суда? Мы хорошо видим, в чем тут дело: ему хотелось бы спасти своего старого господина. Полно! Лучше возвратимся на места свои и будем исполнять свою обязанность". Старания полковника Гарвея и некоторых других поддержать желание Доунса были напрасны: их скоро заставили замолчать. Через полчаса суд уже продолжал свое заседание и Брэдшоу объявил королю, что его предложение отвергнуто¹.

Карл почувствовал, что дело проиграно; он настаивал еще на своем требовании, но слабо. "Если вы не имеете ничего больше сказать, то суд приступит к произнесению приговора", - сказал Брэдшоу. "Я ничего не прибавлю, - отвечал король, - и желал бы только, чтобы мои слова были занесены в протокол". Не отвечая на это, Брэдшоу объявил королю, что ему сейчас прочтут приговор. Прежде чем приказать читать его, Брэдшоу произнес длинную речь, в которой торжественно оправдывал поведение парламента, припоминал все несправедливости короля и винил его одного во всех бедствиях междоусобной войны, потому что вследствие его тирании сопротивление стало не только необходимостью, но даже долгом. Язык оратора был жесток и желчен, но в то же время важен и почтителен; он не позволил себе ни одного оскорбления, и видно было, что говорил с глубоким убеждением, хотя и не мог скрыть некоторого озлобления. Король, не прерывая его, слушал речь с неизменявшеюся важностью; но когда она стала подходить к концу, он видимо смутился. Когда Брэдшоу кончил, он хотел было снова заговорить. Брэдшоу воспротивился этому и велел секретарю читать приговор. После прочтения его Брэдшоу сказал: "Вот мнение, акт и единогласный приговор верховного суда". И

¹ State-Trials. T.V. Col. 1197, 1205, 1211, 1218, в процессе Гарве, Роберта Лильборна, Доунса и Уэйта, по рассказу самих обвиненных. См. также. Whitelocke, С. 368.

все члены встали, в знак своего согласия. "Сэр, - сказал внезапно король, - угодно ли вам выслушать мои слова?"

Брадшоу. - Сэр, вы не можете говорить после объявления приговора.

Король. - Не могу, сэр?

Брадшоу. - Нет, сэр, с вашего позволения, сэр. Солдаты! Уведите арестанта.

Король. - Я могу говорить, когда приговор уже объявлен... как вам угодно, сэр, я все-таки могу говорить после объявления приговора... Позвольте... Погодите... приговор, сэр... Я говорю, сэр, что... Мне не дают говорить! Какого же правосудия могут ожидать другие?"

Тут его окружили солдаты и, уведя от решетки, силою повели к тому месту, где ожидали его носилки. Сходя с лестницы, он должен был вытерпеть самые грубые оскорбления: одни бросали ему под ноги раскуренные трубки, другие пускали ему дым в лицо; все кричали ему в уши: "Суда! Казни!". Но среди этих криков раздавались другие восклицания народа: "Да сохранит Бог ваше величество! Да освободит Господь ваше величество от рук врагов ваших!" Пока он еще не сел в носилки, носильщики стояли без шапок, хотя Акстель сердился и даже бил их за это. Наконец его понесли в Уайтгалль. Войска занимали шпалерами обе стороны улицы; перед лавками, у ворот домов, у окон стояла несметная толпа народа; одни молчали, другие плакали, третьи молились вслух за короля. Солдаты беспрестанно возобновляли свои крики: "Суда! Казни! Суда! Казни!" - ликуя свою

¹ State-Trials. T.V. - Col. 1151, в процессе Акстеля. Один свидетель показал, в процессе Августина Гарленда, одного из судей, что он видел с лестницы, как Гарленд плевал в лицо королю (там же.С.1215). Гарленд решительно отвергал этот факт, и судьи оставили его в покое. Герберт, сопровождавший короля, также не упоминает о нем. Поэтому я не счел возможным считать его достоверным, хотя Уорвик, слышавший от епископа Джаксона почти все подробности, которые он поместил в своих записках, положительно утверждает его (с.291).

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

победу. Но Карл уже перешел к своему обычному спокойствию и, будучи слишком горд, чтобы верить искренности их ненависти, он сказал, выходя из носилок: "Бедные люди! Они за шиллинг готовы кричать то же самое против своих офицеров!"¹

Возвратившись в Уайтгаль, он сказал: "Слушайте, Герберт, племянник мой принц-избиратель и некоторые лорды, привязанные ко мне, употребят все усилия, чтобы увидеть меня: я им благодарен за это, но время мое коротко и дорого; я хочу позаботиться о душе и потому надеюсь, что они не обидятся, если приму только детей. Самая большая услуга, какую они могут оказать мне, состоит в том, чтобы помолиться обо мне". В самом деле, он велел призвать своих маленьких детей, принцессу Елизавету и герцога Глостерского, оставшихся под охраной парламента, и пригласил также к себе лондонского епископа Джаксона (Juxon), от которого он уже несколько раз получал утешения религии при посредничестве Гуга Петерса. И то и другое было ему дозволено. На следующий день, 28-го января, епископ приехал в Сент-Джемс, куда снова перевезли короля; приближаясь к нему, он не мог скрыть своей печали. "Полноте, милорд, - сказал ему Карл, - нам некогда заниматься этим; подумаем о нашем великом деле: я должен приготовиться предстать перед Богом, которому скоро должен буду отдать отчет. Я надеюсь, что совершу этот переход спокойно и что вы не откажетесь напутствовать меня. Не будем говорить об этих несчастных, у которых я в руках: они жаждут моей крови и получают ее - да будет воля Божья! Я благодарен Господу. Я прощаю всем от всего сердца... Но не будем больше говорить об этом". Он провел остальную часть дня в благочестивых беседах с епископом. С трудом получили они позволение остаться одни в комнате, в которую полковник Гэккер поставил было двух часовых; а по-

¹ State-Trials. T.IV. - Col. 1136. - Mém. de Herbert. C.118.

ка Джексон был у короля, часовой, стоявший у двери, время от времени отворял ее, чтобы увериться, тут ли король. Как он ожидал, принц-избиратель, племянник его, герцог Ричмонд, маркиз Гертфорд, графы Соутэмптон, Линдсей и некоторые из его старых слуг явились к нему, но он не принял их. В этот же день прибыл из Гаги¹ Сеймур, дворянин, состоявший на службе у принца Валлийского, с письмом от принца. Король велел впустить его. Прочитав письмо, он бросил его в огонь, дал посланному ответ и тотчас отпустил его. На следующий день, 29-го января, епископ пришел в Сент-Джемс на самом рассвете. Окончив утренние молитвы, король велел подать себе ящичек, в котором лежали изломанные кресты орден св. Георгия и Подвязки. "Вот, - сказал он Джексоу и Герберту, - единственное богатство, которое я могу оставить детям". Их привели к королю. Увидя его, принцесса Елизавета, которой было двенадцать лет от роду, сильно расплакалась. Принц Глостерский, имевший не более восьми лет, тоже заплакал, глядя на сестру. Карл посадил их на колени, разделил между ними свои брильянты, утешал свою дочь, давал ей совет, что она должна читать, чтобы утвердиться в вере против папизма, поручил ей сказать братьям, что он простил своим врагам, а матери, что никогда его мысли не отдалялись от нее и что до последней минуты он будет любить ее, как любил в первый день брака; потом обратился он к маленькому герцогу и сказал ему: "Душенька мой! Они отрубят голову твоему отцу". Ребенок пристально и серьезно смотрел на него. "Будь внимателен, дитя мое... Они отрубят мне голову и, может быть, захотят объявить тебя королем; но слушай внимательно, ты не должен быть королем, пока твои братья Карл и Яков будут живы, потому что они

¹ По приказанию Томлинсона (State-Trials. T.V. - Col. 1179), король принимал Сеймура в самый день своей смерти в Уайтгале; я следовал донесению Герберта (Записки., - С.126).

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

отрубят голову братьям твоим, если поймают их, и наконец, отрубят ее и тебе. Я приказываю тебе, не позволяй им делать себя королем". "Скорее я дам изрубить себя в куски", - отвечал растроганный ребенок. Король поцеловал его с восторгом, поставил его на пол, поцеловал дочь, благословил обоих и молил Бога, чтобы и он благословил их. Потом, быстро вставая, сказал Джаксону: "Велите увести их!" Дети рыдали; король стоял, прислонившись головой к окну, и старался глотать слезы. Отворили дверь; дети хотели выйти. Карл поспешно бросился от окна, обнял их еще раз, благословил и, оторвавшись от их объятий, упал на колени и начал молиться с епископом и Гербертом, которые были единственными свидетелями этого трогательного прощания¹.

В это самое утро верховный суд собрался и определил, что казнь должна быть исполнена во вторник, 30 января, между десятым и пятым часами дня. Когда нужно было подписать роковой приговор, с трудом могли собрать комиссаров; двое или трое самых ревностных стояли у дверей, останавливая тех из своих товарищей, которые проходили мимо них в залу нижней палаты, и требуя, чтобы они подписывались². Многие из тех, которые прежде подали голос за предание короля казни, скрывались или прямо отказывались. Один Кромвель был весел, шумел и кричал; он предавался самым грубым выходкам своей обычной шутливости; подписавшись третьим под приговором, он вымазал чернилами лицо Генри Мартину, сидевшему с ним рядом, который тотчас отплатил ему тем же. Полковник Мингольсби, двоюродный его брат, записанный в числе судей, но не присутствовавший ни разу во все время судебного производства, случайно вошел в залу. "На этот раз, - вскричал Кромвель, - он не уйдет

¹ По приказанию Томалинсона (State-Trials T.V. Col.1179) король принимал Сеймура в самый день своей смерти в Уайтгалле; я следовал донесению Герберта. Там же. С.123-130. - Уорвика. - С.292. - Rushworth, Ч.4. - Т.II. - С.1398. - Journals of the House of Commons 20 января. - Процесс короля, в Collection и проч. - С.93-96.

² State-Trials. T.V. - Col. 1219. Процесс Томаса Уэйта.

от нас". С помощью некоторых других членов он, смеясь, схватил его, вложил ему перо в руку и, водя его рукой, заставил подписаться¹. Таким образом набрано было пятьдесят девять подписей; некоторые от страха или нарочно подписались так нечетко, что почти нельзя было разобрать их имен. На полковника Гэккера, полковника Ганкса (Huncks) и подполковника Фейра (Phaure) было возложено исполнение приговора. До сих пор чрезвычайные посланники генеральных штатов, Альберт Иоахим и Адриан ван Пау, уже за пять дней перед тем прибывшие в Лондон, напрасно просили палату об аудиенции: ни официальная просьба их, ни визиты, сделанные Ферфаксу, Кромвелю и некоторым другим офицерам, не помогли. Вдруг их известили, около 1 часа, что они будут в два часа приняты лордами, а в три - нижней палатой. Они поспешно явились и сообщили им возложенное на них поручение; лорды и нижняя палата обещали дать им ответ; но, возвращаясь в свою квартиру, они увидели перед Уайтгаллем приготовления к казни. Посланники французский и испанский были у них с визитом, но не хотели принять участия в их представлениях. Первый объявил им только, что уже давно предвидел этот удар и что сделал все, чтобы отвлечь его; второй объявил, что не получал еще от двора своего никаких повелений касательно вмешательства, хотя и ожидал их с минуты на минуту. На следующий день, 30-го января, около полудня, Ферфакс несколько обнадежил голландских послов на втором свидании, которое они имели с ним в доме его секретаря. Он был тронут их представлениями и, по-видимому, решался выйти из своего бездействия; он даже обещал отправиться в парламент, чтобы просить по крайней мере об отсрочке казни; но, расставаясь с ним, оба посла перед самым домом, где имели с ним разговор, встретили отряд конницы,

¹ Harris, Vie de Cromwell. C.201. - Mark Noble, Memoirs of the Protectoral house. T.I. - C.118.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

который разгонял народ с площади; все въезды к Уайтгаллю и все соседние улицы были тоже наполнены конницей; со всех сторон говорили, что все готово и что король недолго заставит ждать себя¹.

Рано утром, в одной из комнат Уайтгалля, у кровати, в которой Эйртон и Гаррисон еще лежали вдвоем, собрались Кромвель, Гэккер, Ганкс, Акстель и Фейр, чтобы заготовить и отправить последний документ этого страшного процесса, именно приказ палачу. "Полковник! - сказал Кромвель. - Вам следует написать и подписать". Ганкс упорно отказывался. "Какой упрямый ворчун!" - сказал Кромвель. "Действительно, полковник, - прибавил Акстель, - вы стыдите меня. Корабль наш вступает в гавань, а вы хотите собрать паруса, не бросив якоря". Ганкс продолжал отказываться. Кромвель сел, ворча, написал собственноручно приказ и подал его полковнику Гэккеру, который подписал его без возражений².

Почти в то же время, после четырехчасового глубокого сна, Карл вставал с постели. "Мне надобно кончить важное дело, - сказал он Герберту, - нужно скорее встать". Он начал одеваться. В своем смущении, Герберт причесывал его не так тщательно, как обыкновенно. "Причешите меня так же тщательно, я вас прошу, - сказал ему король, - как обыкновенно, хотя голове моей и недолго оставаться на плечах, я хочу нарядиться как жених". Одеваясь, он велел подать еще другую рубашку. "Время теперь жакое холодное, - прибавил он, - что я,

¹ Эти подробности извлечены из корреспонденции самих посланников с генеральными штатами (депешы от 9 и 15 февраля, по новому стилю), с которой его величество король нидерландский удостоил позволить дать мне копию. Всю эту важную корреспонденцию читатели найдут в буквальном переводе, в приложениях, в конце этого тома. Она доказывает, как, несмотря на свидетельство Герберта (Залиски, с.143), которого, впрочем, напрасно не признает Годвин (Hist. of the Commonwealth, Т.II. - С.581), подозрителен анекдот, по которому все почти историки утверждают, что Эйртон и Гаррисон провели это время в молитве с Ферфаксом, чтобы скрыть от него происходящее.

² State-Trials, T.V. - Col. 1148, 1180. Процесс Акстеля и Геккера.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

пожалуй, задрожу: люди припишут это страху; я не хочу, чтобы про меня могли сделать такое предположение". Еще не рассвело совсем, когда прибыл епископ и начал читать молитвы; он читал 27 главу Евангелия от Матфея, содержащую описание страданий Спасителя. "Милорд, - спросил его король, - вы, может быть, выбрали эту главу потому, что она больше других соответствует моему положению?" - "Прошу Ваше величество заметить, что это нынешнее Евангелие, как можете убедиться из календаря", - отвечал епископ. Король был глубоко тронут и стал молиться еще усерднее. Около десяти часов кто-то тихонько постучался в дверь. Герберт стоял неподвижно; постучались во второй раз, хотя все еще тихо, но несколько громче. "Посмотрите, кто там", - сказал король. Это был полковник Гэккер. "Впустите его", - сказал он. "Ваше величество, - сказал полковник тихим и дрожащим голосом, - пора идти в Уайтгаль: Вашему величеству можно отдохнуть там еще больше часа". "Сейчас, - отвечал король. - Оставьте меня". Гэккер вышел. Король помолился еще несколько минут, потом, взяв епископа за руку, сказал: "Пойдемте, Герберт, отворите дверь, Гэккер зовет меня уже второй раз". И он вышел в парк, через который должен был пройти в Уайтгаль¹.

Несколько рот пехоты ожидало его здесь, выстроившись в два ряда с каждой стороны; отряд алебардщиков шел впереди с распушенными знаменами; бил барабан; при грохоте его ничего нельзя было расслышать. По правую руку от короля шел епископ, по левую, с обнаженной головой, полковник Томлинсон, начальник гвардии, которого Карл просил остаться с ним до последней минуты. Он разговаривал с ним во время дороги, говорил с ним о своих похоронах и о том, кому должны быть поручены заботы о них. Лицо короля было светло, глаза ясны, походка тверда; он даже шел скорее солдат и удивлялся их

¹ Mém. de Herbert. C.133-140; Mém. de Warwick. C.293.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

медленности. Какой-то офицер, надеясь, вероятно, смутить короля, спросил его, не содействовал ли он, вместе с покойным герцогом Буккингэмским, смерти короля, своего отца. "Друг мой, - отвечал король с презрением, но кратко, - если бы это был мой единственный грех, то клянусь Богом, мне не в чем было бы просить у него прощения". Достигши Уайтгалля, он скоро поднялся на лестницу и пошел через большую галерею в свою спальню; здесь его оставили одного с епископом, который готовился причастить его св. таин. Несколько индипендентских священников, в том числе Най (Nye) и Гудвин (Goodwin), постучались в двери, предлагая королю свои услуги. "Король молится", - отвечал им Джаксон. Они не отходили. "Так поблагодарите их, - сказал король епископу, - поблагодарите их от меня за их предложение, но скажите им прямо, что они очень часто без всякой причины молились Богу, чтобы он наказал меня, и поэтому им не следует молиться со мною в предсмертный мой час. Если хотят, они могут молиться за меня, я буду им благодарен". Когда они ушли, король, став на колени, причастился святых таин и, вставая с живостью, сказал: "Теперь пускай приходят эти шуты, я им простил от всего сердца; я приготовился ко всему, что со мной случится". Ему приготовили обед, но он не хотел кушать. "Ваше величество, - сказал Джаксон, - вы ничего не кушали до сих пор; нынче холодно; может быть, на эшафоте, от слабости..." "Ваша правда", - отвечал король, съел кусок хлеба и выпил стакан вина. Был первый час. Гэккер постучался; Джаксон и Герберт пали на колени. "Встаньте, старый друг, - сказал король епископу, подавая ему руку. Гэккер постучался во второй раз. Карл велел отпереть дверь. "Идите, - сказал он полковнику, - я следую за вами". Он пошел через пиршественную залу, где также стояли солдаты в два ряда с каждой стороны; толпа мужчин и женщин протиснулась туда с опасностью для жизни и стояла неподвижно за солдатами, молясь за короля, когда он проходил; солдаты также молчали и не прогоняли их. В конце залы был накануне пробит в

стене выход к эшафоту, обитому черным сукном; два человека в матросском платье и в масках стояли у топора. Король вышел, гордо подняв голову, и, осматриваясь на все стороны, искал глазами народа, желая сказать ему несколько слов, но одни войска покрывали всю площадь. Он обратился к Джаксону и Томлинсону. "Вы одни можете слышать меня, поэтому я обращаюсь к вам". Он сказал им небольшую речь, заранее приготовленную; его слова были важны и спокойны, даже несколько холодны; он единственно хотел подтвердить, что он был не виноват, что истинной причиной народных бедствий было неуважение прав государя; что народ не должен участвовать в управлении государством и что только при этом условии в государстве может водвориться снова мир и свобода. Когда он говорил, кто-то тронул секиру; он поспешно оборотился и сказал: "Не портите ее: мне будет больнее". Когда он кончил речь свою, опять кто-то приблизился к секире. "Берегитесь! Берегитесь!" - повторил он с испугом. Все окружавшие хранили глубокое молчание; он надел шелковую шапочку на голову и сказал, обращаясь к палачу: "Не мешают ли волосы?" - "Прошу ваше величество подобрать их под шапочку", - отвечал палач с поклоном. Король подобрал их с помощью епископа. "На моей стороне, - сказал он, занимаясь этим, - правое дело и милосердный Бог". "Да, государь, - отвечал Джаксон, - вам остается сделать один шаг, он труден и тягостен, но не долог, а между тем вы делаете этим шагом великий переход: он перенесет вас с земли на небо". "Я перейду от тленного венца к нетленному, - отвечал король, - там мне не нужно опасаться никаких тревожений, никаких". Потом, обратясь к палачу, он спросил его: "Хорошо ли подобраны волосы?" Он снял плащ и крест святого Георгия, передал его епископу, прибавив: "Помните"¹, - снял верхнее платье, надел снова плащ и, по-

¹ До сих пор неизвестно, что хотел напомнить король этим словом.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

смотрев на плаху, сказал палачу: "Поставьте ее подтверже". "Она стоит твердо", - отвечал тот. "Я прочитаю небольшую молитву и когда протяну руки, тогда..." Он начал молиться, прошептал про себя несколько слов, поднял глаза к небу, стал на колени, положил голову на плаху: палач дотронулся до его волос, чтобы подобрать их побольше под шапочку. Король подумал, что он хочет нанести удар. "Дождитесь знака", - сказал он. "Я буду ждать сколько будет угодно вашему величеству". Через минуту король протянул руки; палач ударил - голова пала с первого удара. "Вот голова государственного изменника!" - сказал палач, показывая ее народу. Глубокий и глухой стон пронесся вокруг Уайтгалля; многие бросились к подножию эшафота, чтобы омочить платки в крови короля. Два отряда конницы, подвигаясь в противоположные стороны, медленно разгоняли толпу. Когда никого не осталось около эшафота, подняли тело и положили в гроб. Кромвель захотел видеть его, пристально посмотрел на него и, приподняв руками голову, как бы для того, чтобы увериться, действительно ли она отделена от туловища, сказал: "Хорошо сложено было это тело: оно обещало долгую жизнь"¹.

Гроб стоял семь дней в Уайтгалле. Несметная толпа теснилась у дверей, но немногие получили позволение войти. 6 февраля, по приказанию нижней палаты, он был передан Герберту и Мильдмею, которым было разрешено предать его земле в виндзорском дворце, в капелле св. Георгия, где был уже похоронен Генрих VIII. Перенесение тела совершилось без пышности, но пристойно: шесть лошадей, покрытых трауром, везли гроб; за ним следовали четыре кареты, из которых две были обиты черным сукном; в них сидели последние слуги короля, те, которые были при нем на острове Уайте. На следующий день, 8

¹ Mém. de Warwick. C.294-296; Mém. de Herbert. C.140-142. - Процесс Карла I. - C.96-108, в Collection и проч. - Mark Noble, Memoirs of the Protectoral house. T.I. - C.118.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

февраля, прибыли в Виндзор, с дозволения нижней палаты, герцог Ричмонд, маркиз Гертфорд, графы Соутэмптон и Линдсей и епископ Джаксон, чтобы присутствовать при погребении. Они велели вырезать на гробе только следующие слова:

"КОРОЛЬ КАРА"

"1648"¹

Когда переносили тело из дворца в капеллу, небо, бывшее до того ясным и чистым, внезапно переменялось; пошел густой снег; черный бархатный покров был совершенно засыпан им, и слуги короля находили в этой неожиданной белизне покрыва символ невинности своего повелителя. Когда процессия достигла места, назначенного для погребения, епископ Джаксон намеревался служить по обрядам англиканской церкви; но губернатор замка Уйтчкотт воспротивился этому. "Служба, предписанная парламентом, - сказал он, - обязательна для короля точно так же, как и для всех". Ему повиновались и опустили гроб без всякой церковной церемонии. Когда гроб был опущен в склеп, все вышли из капеллы; губернатор запер двери. Нижняя палата велела представить счет издержкам, сделанным на похороны, и выдала пятьсот фунтов на их уплату². В самый день смерти короля, когда еще не успел выехать из Лондона ни один курьер, палата объявила государственным преступником всякого человека, кто станет провозглашать его наследником "Карла Стюарта, его сына, обыкновенно называемого принцем Вал-

¹ По старому стилю. Год начинался тогда в Англии 24 марта и еще не был расчислен по григорианскому календарю. 30 января 1648, день смерти Карла I, соответствует у нас 9-му февраля 1649.

² *Mém. de Herbert*. С.144-157. - Процесс Карла I. - С.108, в *Collection* и проч.

ЧАСТЬ I. КНИГА ВОСЬМАЯ

лийским, или какое-либо другое лицо, по какому бы то ни было предлогу"¹. 6 февраля после долгих прений, несмотря на сильную оппозицию двадцати девяти голосов против сорока четырех, та же нижняя палата совершенно уничтожила палату лордов². На следующий же день, 7 числа, она приняла следующий акт: "Опытом доказано и, вследствие того, палатою объявляется, что королевское звание в этой земле бесполезно, тягостно и опасно для свободы, безопасности и блага народного; поэтому отныне оно уничтожается"³. Вырезали новую государственную печать⁴, на которой с одной стороны была изображена карта Англии и Ирландии с гербами этих стран, а на обороте заседание нижней палаты, с надписью, предложенною Генри Мартином: "Первый год свободы, восстановленной благословением Божиим, 1648".

¹ Parl. Hist. T.III. - Col. 1281.

² Там же. Col. 1284.

³ Там же. Col. 1285.

⁴ Приказание об этом было отдано еще 9 января. Parl. Hist. T.III. - Col. 1258.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

I

(К странице 19)

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ПРОТОКОЛОВ СОВЕТА, СОБРАННОГО В ОКСФОРДЕ 5 ДЕКАБРЯ 1644 года

На совете, собранном в Оксфорде 5 декабря 1644 г., присутствовали

Его величество король

Принц Роберт
Принц Мориц
Лорд-хранитель большой
печати
Лорд-казначей
Лорд герцог Ричмонд
Лорд маркиз Гертфорд
Лорд обер-гофмаршал
Граф Соутэнтон

Лорд гофмаршал
Граф Беркшейр
Граф Суссекс
Граф Чичестер
Лорд Дигби
Лорд Сеймур
Лорд Кольпешпер
Секретарь Никлас
Кандлер казначейства

Читано письмо графа Эссекса к его высочеству принцу Роберту, начальнику армий его величества, заключающееся в следующих словах:

Государы!

Его величество отправил к комиссарам двух королевств, собравшимся недавно в Оксфорде, послание, содержащее в себе просьбу о выдаче охранного листа герцогу Ричмонду и графу Соутэнтону, но без всякого объяснения повода этой просьбы. Я получил от обеих палат парламента приказание сообщить вашему высочеству, что если его величеству угодно,

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

чтобы от лордов и депутатов, собранных в Вестминстере и составляющих парламент Англии, был выдан охранный лист для герцога Ричмонда и графа Соутэмптона, равно как для их свиты, как имеющих поручение доставить лордам и депутатам, собранным в качестве парламента Англии, равно как к комиссарам Королевства Шотландии, находящимся в настоящее время в Лондоне, ответ на предложения, представленные его величеству с целью установления прочного и верного мира, то этот охранный лист будет выдан. Вот все, о чем в настоящее время имею уведомить ваше высочество.

Остаюсь вашего высочества
покорнейший слуга Эссекс

4 декабря 1644 г.

Рассмотрев подробно и обсудив это письмо и его выражения, весь совет решает единодушно, что просьба об охранным листе, сделанная его величеством в выражениях, упомянутых в прочитанном письме, отнюдь не отнимает у членов обеих палат, заседающих в Вестминстере, признания их настоящим парламентом Англии и не наносит никоим образом ущерба делу его величества. На что его величество объявляет во всеуслышание совету, что поелику таково мнение почтенных членов, то он согласен, вследствие этого мнения (и eo animo, в том же духе), чтобы было поступлено таким образом. Вследствие чего его величество изъявляет желание, чтобы его высочество принц Роберт, как генерал его величества, дал следующий ответ:

Милорд,

Я получил от его величества приказание просить у вас, для герцога Ричмонда и графа Соутэмптона, для их людей, экипажей, лошадей и других необходимых принадлежностей дороги, на проезд в Лондон, на все время пребывания их в этом городе и на возвращение, когда они сочтут нужным проститься с лордами и депутатами, собранными в Вестминстере в качестве парламента Англии, охранный лист, для сообщения через них лордам и депутатам, собранным в качест-

ве парламента Англии, равно как комиссарам парламента Шотландии, находящимся в настоящее время в Лондоне, ответа на предложения, представленные его величеству для утверждения прочного и верного мира.

Остаюсь ваш слуга Роберт

Оксфорд. 5 декабря 1644 г.

Вследствие чего помянутое письмо было отправлено в Лондон с трубачом.

Эд. Никлас

Следующее за этим было написано рукой сэра Эдуарда Никласа.

Меморандум. Из всех членов совета только король и я не разделяли мнения, что следует давать лицам, заседавшим в Вестминстере, название парламента. Принц Роберт, хотя сам присутствовал на совете, однако не подавал голоса, так как он должен был привести в исполнение постановление совета. Но, согласно уставу и обычаю совета, как скоро большинство утверждает меру или принимает решение, то все члены, присутствующие на прении, хотя бы подали мнение противное, обязываются мнением большинства и принимаются за изъявивших согласие.

Эд. Н.

(Memoirs of sir John Evelyn. Т. II. Appendix, С. 90)

II

(К странице 38)

**ПЕСНЯ КАВАЛЕРОВ ПРОТИВ ДАВИДА ЛЕСЛИ И
ШОТЛАНДСКИХ ВОЙСК, ОТОЗВАННЫХ ИЗ АНГЛИИ НА
ПОМОЩЬ ПРЕСВИТЕРИАНСКОЙ ШОТЛАНДИИ,
ПОБЕЖДЕННОЙ МОНТРОЗОМ**

Вперед, вперед, выборные болваны!
Кой черт вы не идете вперед в порядке?
Вперед, вперед, исы искушения!

Спешите, пока синие шапки¹ не перешли границу!
Вы будете проповедовать, молиться, поучать день и
ночь;

вы восторжествуете над церковью, которая стала не-
потребной женщиной;

пляшите в крови по колено, в крови врагов божьих;
дщери Шотландии запоют вас до усыпления.

Вперед, вперед, подонки всякого разврата!
Ничто не замарает славы, которая вас ожидает.

Вперед, вперед, навозная куча святости!

Идите и радуйтесь, ибо подниметесь на эшафот,
не на виселицу, но к вере и надежде.

Шотландия жаждет услышать истину;

как расцветут ее прелестные девы - племя избранное,
круглые как репы, жирные как телята, откормленные
на убой!

Вперед, вперед, бичи ереси!

Долой церковь и ее прожорливое лицедейство!

Вперед, вперед! Долой супрематию

и ящик с трубами, издающий такие громкие звуки!²

Флейтчики, храбрые волынчики, веселые демоны,
долой стихарь, кружева, ливрею, сковороду и разли-
вательную ложку!³

Жокей наденет клобук вместо шапки,

а Дженни нарядится в рясу, вместо юбки,
и станет подтирать ею слюни своему ребенку.

Вперед, вперед, освященные каналы!

Пойте гимны ликования!

Вперед, вперед, канонизированные разбойники!

Избранники неба! Вы шествуете к славе;

изменники в лохмотьях, вшивые любодои,
добыча нищеты, жертвы насмешек и презрения,
никогда - о, счастливое поколение!

Никогда благодать не сияла с таким блеском.

Армия праведников, вперед, на бойню!..

(Hogg, Jacobite Relics of Scotland. T.I., C.5, 163)

¹ Горцы Монтроза, которые были готовы вступить в Англию.

² Орган.

³ Оскорбительное простонародное прозвище бедных священников и
викариев англиканской церкви.

III

(К странице 216)

Предлагаю неизданные бумаги и депеши, относящиеся к ходатайству Генеральных штатов Соединенных Провинций в пользу Карла I. Первая из этих бумаг писана по-французски; остальные по-голландски; они переведены, по моему поручению, целиком и буквально с копий, сверенных с оригиналами, которые изготовил для меня г. де Жуж, архивариус Королевства Нидерландского, и прислал мне из Гаги.

1. Сокращенное изложение представления, сделанного его королевским высочеством принцем Валлийским в своем присутствии, высоким и могущественным господам Генеральных штатов Соединенных Провинций, через посредство резидента короля Великобритании и проч.,

23 января 1649 года

Его королевское высочество принц Валлийский давно имел намерение просить лично аудиенции, чтобы заявить свою признательность за почести и великие учтивости, которые он получил от них со времени своего прибытия в эту страну. Теперь он желает этого очень настоятельно по одному, важнейшему для его высочества, случаю, в котором, он полагает, они примут очень сильное участие. Почтенным господам, конечно, известна великая опасность, грозящая в настоящее время жизни короля, отца его, равно как то, что после трактата, лично заключенного королем с обеими палатами парламента, благодаря уступкам его величества, успех мирных переговоров так подвинулся, что помянутые палаты решились приступить затем к установлению мира в королевстве, что несомненно и воспоследовало бы, если бы армия не завладела особой его величества и не заключила в тюрьму многих членов парламента, оказавшихся наиболее приверженными к по-

мянутому мирному трактату.

Итак, вот в каком жалком состоянии находится это королевство. Король содержится в столь строгом заключении, что когда его высочество нарочно отправил одного дворянина для того только, чтобы видеть его величество, то ему не было дозволено войти к нему. Парламент в таком расстройстве, что в нем остается теперь не более пятидесяти из с лишком пятисот лиц в нижней палате; а палата лордов, которые единодушно отказались содействовать этим насильственным процедурам, на самом деле уничтожена объявлением этого незначительного остатка нижней палаты, что вся верховная власть в королевстве принадлежит им без короля, без лордов, так что члены парламента более не собираются, разве только те, которые соглашаются и подчиняются решениям военного совета, учрежденного для управления королевством, и на сей конец обнародовавшего прокламацию, в коей содержался план нового правления, которое хотят учредить, на гибель парламента, также как и короля, ниспровергающий механизм и конституцию королевства, и все его законы, и подвергающий религию протестантскую нашествию большого числа ересей и расколов, чем когда-либо оные заражали христианскую церковь. Не довольствуясь этим хаосом, объявлено решение и назначены комиссары для произведения следствия над особой его величества, как кажется, для того, чтобы его низложить и лишить жизни; о чем его высочество не может упоминать без ужаса и уверен, что и почтенные господа слышат это с таким же омерзением.

Его высочество не считает нужным объяснять почтенным господам, какое влияние эти неслыханные события могут иметь на интересы и спокойствие всех королей, государей и государств, и насколько эта чудовищная власть, какую завладели эти люди, может нарушать спокойствие соседних стран, и до чего может страдать реформатская религия от этих соблазнительных действий тех, которые

ее проповедуют; но он довольствуется изложением этого печального рассказа о бедственном состоянии, в каком в настоящее время находятся король и корона Англии, в уверенности, что почтенные господа соблаговолят поступить в этом деле согласно уважению и почтению, которое они всегда оказывали в отношении такого доброго друга и союзника. Итак, его высочество обещает себе в самом скором времени от их дружбы и благоразумия таковую помощь их советом и другим образом, как в настоящее время требует крайняя нужда короля, его отца, и его высочества, которые через это будут действительно навсегда обязаны способствовать всей своей властью сохранению и преуспеванию интересов, величия и благоденствия их.

Вследствие этих представлений принца Валлийского, Генеральные штаты решились отправить в Лондон, в качестве чрезвычайных посланников, гг. Альберта Иоахима и Адриена Пау, дав им следующие инструкции.

2. Инструкции для гг. посланников их высокопочтения, отправленных в Лондон в 1649 году

Господа посланники представят английскому парламенту, что следствия заключения короля послужат к выгоде или невыгоде Английского Королевства, смотря по умеренности или жестокости, которую впредь станут выказывать к его особе; ибо все беспристрастные люди того мнения, что несчастье, которому он теперь подвергся, произошло от того, что он был противного мнения, чем то, которое одержало верх относительно средств, которые следует употребить для исцеления зол, господствующих в Королевстве Великобритании. Так как теперь еще есть время найти лекарства против этих зол, то Генеральные штаты просят парламент, чтобы он не дозволял прибегать ко всякого рода предложениям, чтобы увеличить обвинения, которыми и без того обременен царственный арестант, и тем самым сделать его более несчастным, чем он теперь.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Предположив, что сторона, которая теперь в несчастии, одержит верх, очень может быть, что она захочет судить-строга действия своих противников и откажет им во всяких средствах защиты; но Генеральные штаты убеждены, что чистосердечие всех, которые услышат предложения посланников, заставит их внутренне ответить, что это было бы несправедливо, и что они одобряют аксиому:

Генеральные штаты знают, что ваши превосходительства назначили чрезвычайных комиссаров для рассмотрения положения короля; они в этом полагаются как на выбор ваших превосходительств, так и на искренность и добросовестность, с которой помянутые комиссары произнесут в означенном деле приговор, который бы мог быть подвергнут разбору целого мира и одобрен верховным Судьей, перед которым они будут отвечать. Все честные люди ожидают, что в деле такой важности будет поступлено мудро и по-христиански.

Опыт всех времен показал, что недоверчивость легко вкрадывается в правительства; что в тех, которые состоят из многих отдельных организмов, она обыкновенно служит могущественным орудием; что, наконец, нечего бояться ни страха, ни стыда, ни бесчестия, когда нужно спасти государство от гибели, что делает все опасения законными и похвальными. Но нет ничего вреднее, как отдаваться подозрениям без меры, которые заставляют все перетолковывать в дурную сторону.

Если ваши превосходительства полагали, что Королевству Англии грозило бедствие, то воспрепятствовав оному, вы тем самым достигли своей цели. Всякий хорошо знает, что самым мудрым из тех, кто управляет государством, случается примешивать к общественным делам часть своих личных чувств, и что никогда не ошибаться - есть совершенство, превышающее человеческую природу и недостаток которого должен быть легко извиняем.

Вот что Генеральные штаты просят ваши превосходитель-

тельства принять в соображение, будучи уверены, что вы сделаете это с величайшей мудростью. Несмотря на недоверие, которое ваши превосходительства возымели к такому великому лицу, вы должны принять в расчет столь долгое заключение (которое, само по себе, по обыкновенным законам, есть уже большое наказание) и великие и известные услуги, оказанные Королевству Англии им и его предшественниками, королями и королевами. Ваши превосходительства, окажите к нему сострадание и примите меры.

Для блага Королевства Англии очень важно, чтобы ваши превосходительства поступили сообразно с этим и последовали мнению того римлянина, который советовал для того, чтобы лучше упрочить меры, принятые в консульство Помпея, ничего не уничтожать из того, что было сделано предшествовавшими правительствами, но только вперед быть благоразумнее. Можно справедливо приложить к настоящим обстоятельствам превосходное предостережение другого мужа, который, чтобы обезопасить от бесчестия свою собственную статую, воспретил низвергать статую своего врага, которого он, впрочем, совершенно победил. Вот как мы просим ваши превосходительства действовать в деле столь высокой важности, могущем быть источником стольких опасностей, и выказать свою доброту к этому великому лицу, предохранив его от стыда и бесчестия; ибо это не щадит людей, если допускать, чтобы они были клеймимы позором. Итак, мы просим парламент возвратить королю свободу.

Равномерно гг. посланники должны также, смотря по обстоятельствам, *mutatis mutandis*, изложить вышесказанные соображения г. генералу Ферфаксу и совету армии, присовокупив, что их отличные заслуги дали им большое значение в Английском Королевстве и что все эти вещи зависят главным образом от них и примут такой оборот, какой им вздумается дать. По причине чего Генеральные

штаты поручают это дело их великой мудрости, дабы они не только были для Англии (которая в настоящее время возлагает на них всю свою надежду) щитом и мечом во время войны, но также и помощью королю в его несчастном положении, направив публичные прения к доброму и умеренному концу, что послужит к пользе королевства и доставит им самим бессмертную славу. Своим великодушием они заставят пролить слезы радости большую часть своих сограждан, которые в настоящую минуту готовы плакать от горести. В древности говорили, что сиракузяне представляли собой только тело и члены, а что Архимед был душа, дававшая ему движение; то же самое можно сказать теперь с большим основанием о Королевстве Англии и о его превосходительстве, равно как о совете армии; следовательно, это тело и эти члены будут действовать в настоящем деле, только в том направлении, которое его превосходительство и совет армии сообщат им вследствие своих мудрых соображений. Таким образом они озарят свои собственные отличные качества новой славой и величием, а вместе с тем сделают добро всем жителям королевства. Гг. посланники прибавят еще, что был на свете великий полководец, мудрый государственный муж, который хвалился тем, что он никогда не заставлял проливать слезы никого в отечестве, считая самым сладким плодом своих побед то, что он каждый день смел и мог приветствовать каждого из своих сограждан, следуя пословице: что кротость заставляет любить и почитать всех тех, которые к ней прибегают, а что строгость не только не устраняет препятствий и трудностей, но обыкновенно их умножает.

Благоразумные медики боятся также употреблять лекарства слишком сильные, потому что они часто изгоняют из тела не только болезнь, но в то же время и жизнь, и предпочитают обходиться, для большей безопасности, средствами, утишающими боль.

Если его превосходительство и совет армии будут дей-

ствовать таким образом, то сердца благомыслящих подданных в Англии соединятся между собою взаимной дружбой, посредством которой лучше и сильнее упрочивается государство, чем самыми тяжелыми железными цепями.

Генеральные штаты полагают, что Английское Королевство будет непобедимо, если его превосходительство, равно как совет армии, будут строить на основаниях столь справедливых в отношении к миру и столь приятных Богу, которые, сверх того, так сообразны с характером английского народа и с положением его дел. Генеральные штаты просят, наконец, его превосходительство и совет армии соблаговолить принять и употребить помянутые средства, дабы король был выпущен из тюрьмы и получил свободу.

3. Первая депеша гг. чрезвычайных посланников Англии Генеральным штатам

Высокие и могущественные господа!

Прибыв сюда 5 числа текущего месяца, к вечеру, мы были приняты церемониймейстером парламента со множеством извинений, и тотчас же просили и настаивали, чтобы нам на другой же день дана была аудиенция; после чего мы к вам отправили вечером, очень поздно, наши первые депеши¹. 6 числа, рано утром, мы просили через наших секретарей и через церемониймейстера о нашем представлении обеим палатам парламента. В ответ на это оратор верхней палаты поручил объявить нам, что заседание помянутой палаты отсрочено до понедельника, а оратор нижней палаты, что, несмотря на некоторые особые препятствия, он предложил нашу просьбу на рассмотрение и постарается, чтобы она имела успех. Так как наши секретари остались ждать ответа, то помянутый оратор уве-

¹ Депеши, не имеющие исторического интереса.

домил нас около полудня, что палата не могла иметь заседания утром, так как все числящиеся в ней судьи должны были присутствовать на верховном суде, и что, по этой причине, нижняя палата принуждена была отложить свои заседания также до будущего понедельника. Узнав потом, что в тот же день помянутый суд произнес смертный приговор королю в присутствии его самого, в воскресенье, 7 числа текущего месяца, несмотря на то, что этот день исключает здесь всякое занятие, не относящееся к богослужению, мы добились, с помощью разных исканий, в то же утро сперва частной аудиенции у президента нижней палаты, потом аудиенции у президента верхней палаты, и наконец, после полудня (не без большого труда) мы были допущены к генералу Ферфаксу, к генерал-лейтенанту Кромвелю и главным офицерам, которые в то время были собраны в квартире генерала. Мы сделали всевозможные представления означенным ораторам, генералу и генерал-лейтенанту, как в частности, так и всем вообще, мы подкрепили наши убеждения самыми могущественными доводами, чтобы получить отсрочку казни короля (которая, как полагали, назначена в понедельник), до тех пор, пока мы не будем выслушаны в парламенте; но получили различные ответы, внушенные либо личными видами, либо случайным расположением духа каждого из них.

В понедельник, 8-го числа, рано утром, мы вновь послали к ораторам обеих палат просить их о назначении нам аудиенции, и заставив прождать наших секретарей, равно как церемониймейстера, в Вестминстере до после полудня, нам объявили вдруг, так что нам не осталось и четверти часа, что обе палаты перед тем, как идти обедать, примут нас и что мы должны быть в 2 часа в верхней палате, а в 3 часа в нижней. Мы сообразовались с этим извещением и отправились в верхнюю палату, где было очень мало пэров, равно как в палату депутатов, где заседало около 80 членов. Изложив на словах и вручив в

письме сущность наших инструкций, клонящихся главным образом к тому, чтобы королевская казнь была отложена до тех пор, пока бы нам можно было во второй аудиенции или в конференциях представить более сильные доводы для того, чтобы ему была оставлена жизнь или, по крайней мере, чтобы не было вдруг приступлено к исполнению его смертного приговора, мы получили в ответ от обоих ораторов, что предложение наше будет представлено на обсуждение.

Члены верхней палаты постановили, чтобы по сему предмету немедленно были назначены конференции между обеими палатами; но как день уже был близок к вечеру и члены палаты депутатов, тотчас после нашей аудиенции, стали подниматься со скамеек, чтобы идти домой, прежде даже чем мы успели оставить комнату, куда мы были приведены, и спуститься вниз; то мы со всей поспешностью велели перевести наше предложение на английский язык и вручили его оратору нижней палаты, и потом оратору верхней палаты. Между тем, увидев вчера, проходя мимо Уайтгалля, что делаются приготовления, как говорили нам, для казни, и употребив сегодняшнее утро на совещания с комиссарами Шотландии насчет средств, как сохранить жизнь королю; наконец, продолжая все еще просить парламент, через наших секретарей, о каком-нибудь ответе или о новой аудиенции, мы постарались, через посредство шотландских комиссаров, еще раз говорить с генералом и встретили его около полудня в доме его секретаря, в Уайтгалле. Генерал наконец тронулся нашими усиленными настояниями и объявил нам, что он пойдет сейчас в Вестминстер, чтобы рекомендовать парламенту дать нам ответ и отсрочку, о которой мы просим, и что он для этой цели возьмет с собой нескольких значительных офицеров.

Но, выходя, мы нашли перед домом, где говорили с генералом, около двухсот кавалеров и узнали, частью дорогой, частью прийдя уже домой, что все улицы, входы и

площади Лондона заняты войсками, так что нельзя было пройти, и что окрестности города покрыты кавалерией, так что нельзя ни войти, ни выйти. Итак, мы не могли более ничего сделать. Уже два дня перед тем, как прежде, так и после нашей аудиенции, лица, достойные доверия, постоянно уверяли нас и объявляли нам, что никакое ходатайство или заступничество в мире не может иметь успеха и что только Бог может остановить решенную казнь; то же говорили нам и шотландские комиссары с великим сожалением. Это доказали и сами события; ибо в тот же день, между двух и трех часов, король был возведен на эшафот, обтянутый черным сукном и поставленный перед Уайтгаллем. Его величество (напутствуемый лондонским епископом, который, как уверяют, приобщил его утром в 6 часов святых тайн и преподал ему утешения религии), сказав несколько слов, отдал свою подвязку, голубую ленту и мантию, снял сам свой камзол и выказал большую твердость во всем своем поведении. Затем он лег сам и ему отрубили голову и подняли ее на воздух, чтобы показать всему собравшемуся народу.

Вот что мы к нашей великой печали и горести должны объявить вам, и свидетельствуем, что мы приложили всевозможное старание, без отдыха и изо всех сил, чтобы исполнить поручение ваше, стараясь помешать исполнению столь гибельного приговора. Впрочем, так как в этой стране всякого рода новости рассказывают в разных смыслах, смотря по тому, как каждому вздумается, толкуют их часто вкривь, раскрашивают или преувеличивают, в особенности же теперь, если бы вы получили донесения, противные или более горестные, чем настоящие, не верить им, но положиться на нас, которые прибыли сюда с опасностью для жизни и не пренебрегали ни одной из обязанностей, на нас возложенных.

Мы не смеем извещать вас о других подробностях, которые мы узнаем об этом событии со всех сторон, как конфиденциально, так и явно, потому что пропуск отсюда

очень затруднителен, ибо все морские порты заперты. Только прибавим, что король, будучи на эшафоте, подал совет утвердить религию, приняв мнение богословов римско-католических, и уважать права принца, его сына, присовокупив, что он считает себя в своей совести неповинным в пролитой крови, кроме крови графа Страффорда. Немедленно после смерти короля она была объявлена и возвещена во всем городе при звуках трубы.

При сем мы молим Всевышнего даровать долгое благоденствие Вам и Вашему правлению.

Подписал Альберт Иоахим

Лондон. 9 февраля 1649 г.

4. Вторая депеша

Высокие и могущественные господа!

Нашей первой депешей, от 9 числа сего месяца, мы уведомляли в подробностях вас обо всех наших усилиях у главных сановников и лиц королевства, равно как о просьбах, которые мы к ним обращали, и о предложениях, которые мы передали публично и в письмах обеим палатам парламента (копии с которых мы при сем прилагаем, так как время не позволило нам присоединить их к нашей предшествовавшей депеше, которая была отправлена с неожиданной оказией), предложениях, оставшихся без ответа, равно как наша просьба о второй аудиенции, и за которыми непосредственно последовала казнь короля и запрещение кому бы то ни было, под опасением казни как за государственную измену, присваивать себе какую-либо власть во имя монархического правления или признавать и благоприятствовать правлению принца Валлийского или всякого другого претендента на наследство престола.

Уже прежде этого события мы боялись - и потом наши опасения оправдались, - чтобы не было решено здешними властями совершенное уничтожение монархического правления и учреждение другого, совершенно противного;

ибо здесь говорят открыто, что потомки покойного короля будут, без всякого исключения, навсегда отрешены от всякой верховной власти в этой стране, а между тем нельзя доискаться, какого рода правление заменит собою уничтоженное.

Мы также слышали, что парламент уже назначил комиссаров, которые должны со всей поспешностью отправиться в Шотландию, где, как полагают и извещают, можно будет управлять делами по системе, принятой в Англии. Говорят также, публично и по секрету, что лорды верхней палаты недовольны казнью короля и несколько не согласны с палатой депутатов касательно перемен, которые предполагают ввести в правление; с другой стороны, думают, что Шотландия хочет остаться верной монархическому правлению и своим древним учреждениям. Трудно предвидеть, какой будет исход всех этих соображений и перемен в обеих странах; и хотя общественное спокойствие несколько не нарушено в этой столице, благодаря удвоенному надзору многочисленных военных постов, однако мы не знаем, каково в этом отношении положение провинций.

Вчера мы получили визит г. генерал-лейтенанта Кромвеля, который говорил нам с беспредельным уважением о правлении вашем; он, между прочим, поднял вопрос о религии, давая нам разуместь, что, с помощью вашей, возможно и необходимо будет восстановить ее здесь по лучшей системе и дать ей лучшую организацию.

Граф Денби, который также был вчера у нас, распространялся очень долго о различных вопросах, касающихся предшествовавшего и будущего правлений; из чего мы заключили, что остается еще много дела уладить и что меры, которые думают принять, не дают повода ни к какому вероятному предположению касательно их исхода и их успеха. Как несчастное событие казни короля полагает предел негоциации, которая была поручена нашему чрезвычайному посольству, то мы употребим все усилия, чтобы

дела нашей миссии пострадали от этого как можно менее и продолжали бы производиться в интересах и к полному удовольствию вашему.

Так как верховный суд окончил свои занятия, то учреждают другие чрезвычайные трибуналы, чтобы судить пэров и других знатных государственных преступников, каковы герцог Гамильтон, граф Голланд, милорд Горинг и т.д.; лица низшего чина будут судиться обыкновенными судами, а военнопленные - военным судом.

В числе прочих дел, которые решаются в настоящее время в парламенте, идет вопрос о том, чтобы даровать нашим соотечественникам, находящимся здесь, право пользоваться всеми льготами навигации, торговли, фабрик, ремесел и всякого производства наравне и сообща с английским народом. Так как мы знали об этих распоряжениях парламента, то нам дали понять, что парламент готов войти с нами по сему предмету в более подробные сношения. Мы думаем этим дать вам довольно очевидное доказательство, что здесь занимаются всеми вопросами, выходящими из обыкновенного порядка дел.

Затем мы молим Всевышнего сохранить в долгом благоденствии правление ваше.

Подписи: Альберт Иоахим и Адриен Пау

Лондон, 12 февраля 1649 г.

5. Третья депеша

Высокие и могущественные господа!

После кровавой катастрофы, прекратившей дни короля, о каковом событии наши депеши от 9 и 12 чисел этого месяца известили вас, мы решились закрыться у себя дома, по примеру других посланников и гг. шотландских комиссаров. Впрочем, так как французский посланник и гг. шотландские комиссары сделали нам визит до этого события, а испанский посланник оказал нам эту честь дважды - до и после, то мы не могли отказать первым в этом акте вежли-

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

вост и не принять визита последнего; итак, мы, со своей стороны, оплатили этот долг 13 числа, причем заметили, что вышеупомянутые их превосходительства глубоко тронуты этим великим событием, хотя г. французский посланник заранее уверял нас, что он отлично знал, какие события должны были случиться.

Испанский посланник дон Альфонсо де Карденас объявил нам, что он получил на следующий день после рокового события от короля, своего повелителя, повеление вступить в дела этого государства; но теперь он того мнения, равно как и французский посланник, что так как неожиданной смертью английского короля их назначение и их дипломатические обязанности прекращаются, то они не могут более действовать в своем высоком качестве или вмешиваться во что-либо, прежде чем получают новые приказания от своих дворов. Гг. шотландские комиссары отправили две депеши, одну за другой, к своим доверителям, т.е. к шотландскому парламенту, открытому в настоящее время; они ждут ответа на свою первую депешу в течение недели и начнут действовать только тогда, когда получат надлежащие полномочия.

Все полагают, что правительство подвергнется коренному изменению; что королевский дом будет отстранен и введена новая форма правления; что, может быть, примут за образец Венецианскую Республику, соединенные провинции или какое другое республиканское правительство. Нас уведомляют, что действительно девять членов палаты пэров и восемнадцать нижней палаты составят комиссию, которая должна будет начертать основание новой конституции. 13 числа этого месяца было назначено королевским судьям собраться на суд в Вестминстер-Галле; но нас извещают, что заседания не было, так как судьи представили возражение, что их прежние обязанности окончились со смертью короля и что они не могут решиться принять так скоро свои новые назначения, сделанные парламентом, ни изменить форму своих способов процедуры и других

необходимых формальностей, как, например, принятых парламентом решений от 29 января 1648 г. (по английскому стилю) и которые мы переслали к вам с депешей от 9 числа текущего месяца. Мы до сих пор продолжаем оставаться в полнейшей неизвестности насчет исхода событий, которые, вследствие разногласия мнений и других случайностей, могут еще испытать самые невероятные перемены. Итак, мы удовольствуемся только замечанием, что до сих пор общественное спокойствие не было нарушено никаким образом, и просим вас давать нашим известиям только ту цену, которую заслуживают наши усилия открыть истину сквозь путаницу известий верных или ложных, получаемых нами со всех сторон и оставляющих нам только удовольствие извещать конфиденциально вас о том, что мы можем собрать, по ревности к вашей службе. Затем молим Всемогущее Провидение сохранить в вечном благоденствии правление ваше.

Подписали: Адриен Пау и Альберт Иоахим

Лондон, 15 февраля 1649 г.

6. Четвертая депеша

Высокие и могущественные господа!

Так как известия, содержащиеся в нашей последней депеше от 15-го числа сего месяца, показались нам довольно важными, то мы озаботились отправить ее к вам с верной и скорой оказией; впрочем, так как с того времени ветер был постоянно противный, то мы опасались, что она не дошла по назначению так скоро, как мы надеялись. С тех пор мы были свидетелями еще важнейших событий. 16-го числа сего месяца нижняя палата, вопреки ожиданиям и желанию комиссии из обеих палат, заседающей в виде комитета, и мнение которой насчет принятия нужных мер также должно было приниматься в уважение, постановила, что палата паров прекращает с этой минуты свои обязанности и перестает быть собранием, обсуждающим и

имеющим власть в чем-либо, касающемся до дел королевства; так что, кроме того, что лорды и принцы сохраняют свои титулы и степени и будут способны занимать всякие должности, впредь будет только одна нижняя палата в английском парламенте, а пэры будут в ней заседать в качестве простых депутатов, назначаемых провинциями. На следующий день, 17-го, нижняя палата, декретом своим от этого числа, уничтожила навсегда королевское звание в Англии. Мы имеем, сверх того, сведения, что парламент, таким образом ограниченный одной нижней палатой, будет собираться раз каждые два года на определенное время и что постоянная исполнительная власть будет передана в руки совета из 30 или 40 членов, между которыми пэры будут заседать в числе около двенадцати. Совет этот, таким образом организованный, будет представлять во все время закрытия парламента верховную власть королевства. Но эта последняя мера не решена окончательно, как две другие вышеупомянутые. Впрочем, палата депутатов постепенно пополняется возвращением многих членов, которые вновь занимают в ней свои места, подписав прежде очистительный акт, которым они отказываются от мнений, поставивших их в оппозицию со своими товарищами. Говорят также, что в первый день приступят к избранию новых судей верховного суда и мировых, или низших судей.

Граф Денби, президент палаты пэров, не успев 17-го числа отправить к нам послание, 18 прибыл к нам с визитом, чтобы известить нас, каким образом произошел роспуск и уничтожение этого собрания, и исполнить его последнее приказание, вручив нам ответ палаты на наши предложения. Прочитав его, он нам вручил копию, которую мы при сем прилагаем, а подлинник оставил у себя для своего личного оправдания, присовокупив, что ответом этим заключились заседания верхней палаты, которая не хотела разойтись прежде, чем даст это свидетельство своего уважения к вам.

Нижняя палата также спрашивала нас через церемониймейстера, когда нам можно будет представиться ей, чтобы получить от нее ответ на наши предложения. На что мы дали ответ, что как скоро палата даст нам знать о времени, назначенном для этой аудиенции, мы не преминем явиться.

Со времени несчастного события смерти короля мы не настаивали на ответе, и хотя о нем ничего не слыхали, но теперь узнали, что он напечатан в здешней газете, между тем как нам об этом ничего не было сообщено.

Еще прежде распространили слух и напечатали, будто мы просили, чтобы наши предложения не были обнародованы. Ничто не может быть несправедливее этих уверений. Не касавшись нисколько этой публикации, в которой нет ни одного нашего слова, мы ее оставили совершенно на скромность обеих палат, каждой из которых наши предложения были представлены отдельно в письме по надлежащей форме. Сверх того, мы заметили, что возражение, сделанное нами на ответ оратора нижней палаты, после передачи ему наших предложений, напечатано в газете не в настоящем своем виде, и мы до сих пор не могли дознаться, участвуют ли в подобных публикациях высшие власти или нет.

16-го числа этого месяца несколько отрядов пехоты и кавалерии выступили в поход отсюда на Бристоль, и ходит слух, что в сем последнем городе, равно как в Глостере, вспыхнуло неудовольствие против действий парламента. Впрочем здесь и в окрестностях все спокойно.

Нынче день, в который назначено явиться обвиненным лордам, как то: Гамильтону, Голланду, Горингу, Кэплю и сэру Джону Овену перед верховным судом, недавно учрежденным в Вестминстер-Галле, эти господа, исключая графа Голланда, который болен, действительно являлись и, по выслушании всех взводимых на них обвинений и по ответе на них в свою защиту, они были вновь уведены в тюрьму, впредь до следующего вызова их для продолже-

ния процесса.

Оканчиваем наше донесение, моля Божественное Провидение более и более пектись о благоденствии правления вашего.

Подписали: Адриен Пау, Альберт Иоахим

7. Пятая депеша

Высокие и могущественные господа!

Господа комиссары Шотландского Королевства, получив депешу от своего парламента, сообщили нам ее вечером в довольно неурочный час, равно как прокламацию, декрет и письмо, копии которых прилагаются при настоящей депеше. Вы узнаете из их содержания, что принц Валлийский провозглашен парламентом Шотландии королем Великобритании, Шотландии и Ирландии. Сверх того, гг. комиссары известили нас, что вслед за тем отправили из Шотландии в чужие края дворянина с этими актами; что об этом возведено везде и что готовятся отправить посла, снабженного самыми пространными инструкциями к монарху. Слух ходит здесь, что парламент очень недоволен этой мерой и в особенности тем, что не удовольствовались провозгласить его только королем Шотландии, но вместе Великобритании и Ирландии. Наборы продолжают здесь тайным образом, и войска постоянно направляются к Шотландии и другим местам, что заставляет предполагать, что в последних сражениях потеряно много народа. Впрочем, столица продолжает наслаждаться совершенным спокойствием и в ней не обнаруживается никаких признаков возмущения. Экипажи военных кораблей постоянно комплектуются, и я бы нисколько не удивился, если бы в непродолжительном времени составилось около тридцати кораблей, совершенно оснащенных и готовых стать под паруса; число это, говорят, будет постепенно доведено до семидесяти, и прибавляют, что трем комиссарам парламента вверено будет начальство над

этим флотом: по-видимому, в этой мере нет помину о начальствовании графа Уорвика. В минувший понедельник, 22 числа сего месяца, церемониймейстер сообщил нам, что в следующую среду или четверг нас пригласят явиться в парламент для получения в полном собрании ответа на наши предложения. В среду он известил нас, что аудиенция назначена на четверг вечером и, вследствие того, в этот день нас привезли в каретах, приличных случаю, в Вестминстер-Галль. После того как нас ввели в залу нижней палаты и мы заняли места, нам предназначенные, оратор прочел нам ответ палаты и дал с него копию; на что мы отвечали в немногих словах, что, перечитав ее, мы сообщим ее сами нашему правительству, к которому мы имеем намерение возвратиться в самый короткий срок, и что пользуемся настоящим случаем, чтобы проститься с парламентом в качестве чрезвычайных посланников. Палата в этот день была многочисленнее, чем в нашу первую аудиенцию, по причине возвращения многих депутатов и восстановления в прежних должностях разномыслящих членов, которые являются, один за другим для занятия своих прежних мест, под покровительством очистительного акта. Назначение большего числа депутатов было одной из первых работ новой палаты, после чего она приступила к избранию тридцати восьми членов, имеющих составить государственный совет королевства, и имена и звания которых вы прочтете в прилагаемой при сем газете. Судьи королевства имели на прошлой неделе обычные ассизы, или, как здесь называют, срок (terme).

Накануне нашей последней аудиенции и, следовательно, после того, как нас о ней известили, мы получили письма ваши от 22 сего месяца; и так как уже прежде занимались приготовлениями к нашему отъезду, то мы совершим его, как только представится возможность, желая прибыть в самый короткий срок к вам, чтобы сообщить ответ, полученный нами, и отдать подробный словесный ответ о нашем посольстве, сопровождавшемся множеством

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

случаев и обстоятельств, которые, при настоящем неверном положении дел, мы полагаем неудобным доверить бумаге. Так как постоянно противные ветры и довольно сильные морозы затрудняют плавание по Темзе, то мы не можем определить дня нашего отъезда, но воспользуемся первым удобным случаем, который представится, чтобы совершить наше возвращение либо прямым путем, либо через Дувр и Кале, несмотря на то, что последний путь представляет, как говорят, очень мало удобств.

Государственные преступники, именно: герцог Гамильтон, лорд Горинг, лорд Кэпль и сэр Джон Овен уже несколько раз являлись перед верховным судом. Первый прибежал к способу отвода, но средство это было отвергнуто и ему приказано приготовить свою защиту, и назначены официальные защитники; три прочие заключились в пределах своей защиты, в особенности лорд Кэпль, против которого по делу о капитуляции на условии пощады, были выслушаны как свидетели генерал Ферфакс и генеральный комиссар Эйртон, которые для этой цели лично являлись перед судом. Все эти обстоятельства заставляют опасаться за участь этих благородных лиц и их считают в большой опасности. Мы полагаем нужным уведомить вас, что настоящая депеша - шестая, которую мы вам отправляем, так как две предыдущие были от 15 и 19 чисел сего месяца. Задержки, которые испытывают посылки, отправляемые отсюда, по причине противных ветров и мороза, заставляют нас справедливо опасаться, что еще не все они дошли до вас.

Оканчиваем, призывая покровительство Божественного Провидения на правление ваше.

Подписали: Адриен Пау,
Альберт Иоахим

Лондон, 26 февраля 1649 г.

ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И КРОМВЕЛЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

Организация республиканского правительства. - Образование государственного совета. - Противодействие со стороны народа. - Суд и приговор над пятью роялистскими предводителями: лордами Гамильтоном, Голландом, Кэплем, Норвичем и сэром Джоном Овеном. - Казнь Гамильтона, Голланда и Кэпля. - Обнародование Eikon Basilike. - Полемика между роялистами и республиканцами; Мильтон и Сомез (Saumaise). - Восстание уравнилелей (Nivelleurs). - Лилльбёрн. - Поражение их. - Суд над Лилльбёрном и оправдание его. - Тирания парламента. - Возрастающее величие Кромвеля.

Я рассказал о падении старой монархии и о насильственной смерти короля, достойного уважения, хотя дурно и неправосудно управлявшего своим народом. Теперь мне предстоит рассказать о тщетных усилиях революционного правительства основать республику и о непрерывно колеблющемся, хотя сильном и славном, правительстве революционного деспота, достойного удивления по его смелому и светлому уму, несмотря на то, что он поразил и разрушил в своей стране сначала законный порядок, а потом свободу. Люди, которых Бог избирает орудиями своих великих предназначений, обыкновенно полны противоречий и таинственности; он дает им и совмещает в них, в глубоко затаенной пропорции, достоинства и недостатки, здравые мысли и заблуждения, величие духа и слабости, и эти люди, озарив современный им мир блеском своих дел и судьбы, сами остаются под покровом своей славы, неведомыми для

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

всех, то благословляемые, то проклинаемые не знающим их человечеством.

При открытии долгого парламента 3 ноября 1640 г., палата депутатов состояла из пятисот шести членов. В 1649 г., после казни короля, когда эта палата уничтожила монархию и провозгласила республику, уже едва оставалось сто членов, участвовавших в ее заседаниях и действиях. В течение февраля восемь раз происходила подача голосов, и в самом многочисленном заседании наличных членов было семьдесят семь¹.

Сократившееся таким образом и превратившееся в победоносную дружную партию, это собрание с жаром приступило к организации республиканского правительства, полное в одно и то же время и веры, и тревожного чувства. 7-го февраля 1649 г., в самый день решительной отмены монархии, собрание положило учредить государственный совет, которому бы предоставлена была власть исполнительная, и пяти членам: Лудло, Скотту, Лайло (Lisle) и Робинсону, избранным из среды самых твердых республиканцев, поручено было составить инструкции для этого совета и представить парламенту список членов, из которых он должен быть составлен².

Через шесть дней, 13 февраля, Скотт представил свое донесение палате. Вся практическая часть правительства вверялась государственному совету. Ему предоставлялась власть располагать общественными силами и доходами,

¹ Parl. Hist. T.IX. - C.12. - Journals of the House of Commons. T.VI. - C.128, 130, 132, 140, 141, 142, 147.

² Там же, с.133. Напоминаю, что в то время в Англии не была еще введена реформа григорианского календаря, и тамошнее летоисчисление отставало на десять дней от летоисчисления европейского материка. Таким образом, в XVII веке 7-е февраля в Англии соответствовало 17 февраля на материке. Говоря о событиях в Англии, я держался английских чисел, потому что если бы я изменил их, то очень трудно было бы отыскивать соответствующие места в английских документах, на которые я ссылаюсь.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

заведовать полицейским надзором, предупреждать всякое нарушение общественного спокойствия, арестовывать, допрашивать и заключать в тюрьму всякого, противящегося его предписаниям, вести государственные сношения с другими державами, управлять колониями и наблюдать за коммерческими интересами. Таким образом он был облечен почти неограниченной властью, с подчинением парламенту и, согласно инструкциям, данным парламентом, единственным средоточием национальной верховной власти¹.

На другой и на третий день, котируя отдельно каждое лицо, палата избрала сорок одного государственно-го советника, в том числе были: пять бывших пэров, пять высших городских сановников, три военачальника (Ферфакс, Кромвель и Скиппон) и двадцать восемь сельских джентльменов или граждан; почти все они были члены палаты. Назначение бывших пэров встретило возражения: демократы хотели, чтобы они, подобно самой палате лордов, были устранены от всякого участия в правительстве республики; политики, напротив, с жаром ухватились за этих вельмож, еще сильных по богатству и имени, которых собственный фанатизм или низость предали в руки партии, разрушившей их сословное значение. Список, представленный парламентскими комиссарами, был принят весь сполна, исключая два имени, Эйртона и Гаррисона, которых, вероятно, сочли уже слишком преданными Кромвелю; их заменили двумя республиканцами, недоверчивыми и не расположенными к армии и ее предводителям. Все эти члены были назначены на один год².

Когда они собрались в первый раз (17 февраля 1649 г.),

¹ Journals of the House of Commons. T.VI. - C.138.

² Там же. C.240-243. - Mém. de Ludlow. T.I. - C.357, в Collection des Mémoires relatifs à la Révolution d'Angleterre, г. Гизо. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.12.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

от них потребовали подписку в том, что они одобряют все, что было сделано для осуждения короля и низвержения монархии и палаты лордов. Только четырнадцать государственных советников присутствовали в этом собрании; из них тринадцать безоговорочно подписали предложенную декларацию, и на другой день было созвано новое собрание; в него явились тридцать четыре члена, и в тот же день Кромвель представил парламенту отчет о том, что происходило в собрании. Еще шесть советников дали подписку; стало быть, с первыми тринадцатью составилось всего девятнадцать подписавшихся, затем двадцать два члена не хотели подписаться. Они говорили, что решились впредь верно служить правительству нижней палаты - единственной верховной власти, которая уцелела и осталась необходимой для поддержания прав и благоденствия народа; но, по разным причинам, выраженным более или менее ясно, отказывались признать себя участниками в прошедших событиях. Смущенная палата тотчас приступила к решению дела, воспретив всем присутствующим членам оставлять залу без именного дозволения; но здравый политический смысл восторжествовал над личными страстями, и не захотели, чтобы в первые дни республики возник раздор между республиканцами: цареубийцы поняли, что они оказались бы слишком слабыми, если бы остались одни. Палата ограничилась приказанием, чтобы назначенные ею государственные советники собрались на совещание о том, как поступить в настоящем обстоятельстве, и потом представили бы палате свое мнение. Дело уладилось без дальнейшего шума: удовлетволялись отобранием от несогласных членов совета подписки в верности на будущее время, и эти члены сели рядом с цареубийцами в республиканском государственном совете¹.

¹ Journals of the House of Commons. T.VI. - C.139, 146. - White-locke. C.382. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.28-31. - Cromwelliana. C.52.

Это соглашение было преимущественно делом, с одной стороны Кромвеля, а с другой сэра Гэнри Вена, замечательнейшего, искреннейшего и наиболее мечтательного из гражданских республиканцев. Это был пламенный революционер и он же ненавидел революционные насилия. Когда 6 декабря 1648 г. войска выгнали из нижней палаты всю пресвитерианскую партию, Вен гордо осудил этот поступок и перестал принимать участие в заседаниях неполной палаты. Еще с большей энергией восстал он против суда над королем, и с той поры жил в своем замке Раби, совершенно устранившись от дел. Но республика была предметом его верований и желаний; как только явилась она, он уже принадлежал ей всем сердцем. Кромвель, мало заботившийся о затруднениях, могущих возникнуть для него со стороны союзников, которые были ему необходимы на время, тотчас употребил все усилия, чтобы Вен снова явился помогать республиканскому правительству своими способностями, преданностью и кредитом. Сначала Вен отказался, как отказывается тот, кто непременно уступит; потом он-то именно и внушил присягу в верности на будущее время, и Кромвель, будучи уверен, что этого достаточно для того, чтобы Вен остался в государственном совете и парламенте, первый поспешил удовольствоваться этой присягой¹.

Кромвель был прав, потому что тот же самый Вен и то же самое большинство государственного совета, отказавшееся принять на себя участие в ответственности царевубийц, едва только утвердились на своих местах, тотчас избрали себе президентом (10 марта 1649 г.) Брадшоу, президента верховного суда, постановившего приговор над Карлом I; а через три дня Вен с несколькими товарищами отправлялся в скромный домик в Гольборне, чтобы пред-

¹ Forster, the Statesmen of the Commonwealth of England. Т.III. - С.125-127 (в описании жизни сэра Гэнри Вена). - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. Т.III. - С.31.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

ложить должность секретаря совета одному родственнику Брадшоу. Это был Мильтон¹.

Палата, кроме учреждения государственного совета, занялась в то же время установлением судов. Вопрос был неотлагательный, потому что приближалось время открытия их трехмесячных заседаний, и никто не допускал мысли, чтобы обычное течение судебных разбирательств в стране могло быть прервано. Из числа двенадцати верховных судей десять были назначены самим парламентом, когда вспыхнула гражданская война. Впрочем, шесть судей отказались принять присягу в верности республике (8 февраля 1649 г.), а другие шесть согласились продолжать отправление своих должностей только с тем условием, чтобы палата формальным объявлением подтвердила древние законы страны и чтобы судьям предоставлено было, по-прежнему, принимать их в основание своих решений. Все было сделано согласно их требованию; а шесть судей, подавшие в отставку, были заменены другими не раньше, как в течение следующего лета².

Великий адмирал граф Варвик был дружен с Кромвелем; но он был решительный пресвитерианин, не внушавший республиканцам ни малейшего доверия к себе, да и сам не желавший жертвовать собственным спокойствием для службы им. Он был уволен от должности (20 февраля 1649 г.); адмиральские обязанности отданы были в распоряжение государственного совета, который возложил их на комитет, составленный из трех членов, душою которого был Вен; командование же флотом перешло в руки трех офицеров: Попгама, Дэна и Роберта Блека, просвещенного и воинственного пуританина, уже испытанного в сухопутной армии и долженствовавшего впоследствии зая-

¹ Todd, *Life of Milton*. С.63, 70. - Carlyle, *Cromwell's Letters*. - T.I. С.420. - Goodwin, *Hist. of the Commonwealth*. T.III. - С.36.

² *Journals of the House of Commons*. T.VI. - С.134-136. - Whitelocke. С.378, 380, Clarendon. *Hist. of the rebell.* Кн.ХI, гл.249. - T.IV. - С.546, изд. 1849.

вить на морях силу и славу республики, которой он служил с непоколебимой и неустрашимой преданностью¹.

Палата касалась всего и обо всем заботилась: законодательство, дипломатия, юстиция, полиция, финансы, армия, флот - все было в ее руках. Желая показать себя столь же беспристрастной, как и деятельною, она положила, чтобы члены, отделившиеся от партии победителей в минуту окончательного разрыва с королем, снова заняли в ней свои места; но поставила им в обязанность до такой степени отречься от их прежних мнений, что очень немногие из них могли на это решиться. Чтобы заполнить пустые места, палата дозволила несколько новых выборов, но в очень ограниченном числе: только семь в продолжение шести месяцев, потому что она не доверяла избирателям; она повелела даже образовать комитет, который бы подготовил новый избирательный закон и порядок вступления нового парламента. Но все это были одни демонстрации, а не твердые и положительные решения. "Обратимся за советом к священному писанию, - говорил Генри Мартин, - когда Моисей, ребенком, был найден на реке и принесен к дочери фараона, она велела всюду искать мать его, которая бы и была ему кормилицей, что вполне и удалось. Наша республика также - только что родившийся ребенок, и ребенок весьма нежного сложения; никто так не способен вскормить этого ребенка, как мать, произведшая его на свет; остережемся отдавать его в другие руки, пока он не подрастет и не окрепнет"².

Генри Мартин сказал не все: не только республика не могла жить без попечений палаты, но когда эта всемогу-

¹ Journals of the House of Commons. T.VI. - C.147, 149, 150. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.35.

² Journals of the House of Commons. T.VI. - C.129, 130, 133, 136, 210. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.33-35. - Forster, the Statesmen of the Commonwealth of England. T.III. - C.324. (в описании жизни Генри Мартина). - Mem. de Ludlow. T.II. - C.4-6, в Collection г. Гизо.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

щая палата захотела укрепить республику, сделать ее сильною, то увидела, что сама она слишком слаба для совершения этого подвига; у ней достало сил только на то, чтобы переходить от поспешности к отсрочкам и от робкой нерешительности к смелому насилию. Акты об уничтожении королевского достоинства и палаты лордов, бывшие предметом прений и подачи голосов 7 февраля, были окончательно приняты только 17 и 19 марта, и когда палата приказала официально провозгласить их в лондонской Сити, лорд мэр Рейнальдсон решительно отказался исполнить это. Через десять дней он был вызван в суд и оправдывался, ссылаясь на голос своей совести. Палата приговорила его к уплате 2000 фунт. стерл. пени и к двухмесячному заключению и приказала избрать другого лорда-мэра. Выбрали альдермена Томаса Андрюса, одного из судей короля, но палата не сочла необходимым требовать от него немедленно того официального провозглашения республики, от которого отказался его предшественник; она даже давала повод догадываться, что у нее есть более решительные намерения против Сити. Президент де Белльевр, французский посланник в Англии, писал г. Сервьену: "Они думают обеспечить себя со стороны города, заставляя избирать новых сановников, которые были бы им преданны, или решительно уничтожая существовавшую до сих пор форму правления и возводя в достоинство правителя какого-нибудь офицера армии, как, судя по общему голосу, они намерены сделать. Впрочем, хотя они, может быть, и намерены сделать это со временем, но в настоящее время будут совершенно довольны, если удастся им установить свою власть, не обнаружив насилия". 10 мая, т.е. спустя более месяца после избрания нового лорда-мэра и более трех месяцев после смерти Карла I, власть палаты не была утверждена в Сити, потому что республика не была еще там провозглашена. Спросили о причине этой медленности и, спустя еще двадцать дней, именно только 30 мая, последовало наконец это провозглашение без многих альдерменов Сити, которые уклонились от присутствия при нем, и при

обнаружившихся знаках народного недовольства "хотели (так писал секретарь президента де Белльевра, Крулле, кардиналу Мазарини) сделать это в обыкновенной форме простого объявления, так, чтобы при мэре и альдерменах не было ни одного солдата в знак того, что тут нет и тени насилия; но так как вокруг них собралось множество народа с криками и бранью, то они вынуждены были послать за солдатами, которые тотчас разогнали всех, и таким образом было совершено ими объявление"¹.

Не бывшие при объявлении альдермены были вызваны в суд и с гордой откровенностью высказали истинную причину своего отсутствия. "Что тут делалось, то было противно моей совести и моим клятвам", - сказал сэр Томас Сомс, считавшийся также в числе членов палаты. "У меня сердце не лежало к этому делу", - ответил Ричард Чамберс. Они оба были отрешены от их муниципальных должностей и объявлены неспособными ни к какой общественной службе. Сэр Томас Сомс даже был изгнан из парламента. Но когда надо было заменить этих лиц другими, встретилось большое затруднение в отыскании преемников им; семь последовавших один за другим отказов ясно показали нерасположение граждан. Обед, данный палате преданной ей частью Сити, не совсем загладил нанесенный удар, и чтобы поставить городское сословие в возможность отправлять общественные должности, палата принуждена была дать сорока и даже в некоторых случаях десяти своим членам право действовать ее именем².

Те же препятствия, то же противодействие являлись

¹ Journals of the House of Commons. T.VI. - С.133, 166, 168, 176, 179, 206, 221. - Whitelocke. С.393, 394. - Французские архивы иностранных дел: письмо президента де Белльевра к г. Сервьену (12 апреля 1649) и письмо Крулле к Мазарини (14 июня 1649). - Leicesters journal. С.73.

² Journals of the House of Commons. T.VI. - С.221, 222. - Whitelocke. С.384, 404, 405. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - С.97.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

всюду. Парламент повелел во всех публичных местах разрушить королевские эмблемы; но четыре раза было подтверждено¹ это повеление, и ему так плохо повиновались, что через два года со времени основания республики парламент принужден был снова подтвердить об исполнении его, под ответственность приходов. От духовенства, пользовавшегося бенефициями, от членов Оксфордского и Кембриджского университетов, от всех лиц, занимающих общественные места - шерифов, мировых судей и др. требовали обязательства в простой верности республике, и тысячами приходили отказы, публично одобренные и подтвержденные важнейшими местами и лицами, как например, собранием пресвитерианского духовенства, бывшем в Лондоне в 1650 г.² Только в январе 1650 г., год спустя после смерти короля, осмелились переменить во флоте названия кораблей, напоминавших королевскую монархию³. Весной того же года в Лондоне спускали новый фрегат в присутствии всего государственного совета; имели сильное желание дать этому фрегату имя Английская Республика, "но рассудили", пишет Крулле к кардиналу Мазарини, "что если фрегат погибнет - что легко может случиться с каждым судном - тогда это будет дурное предзнаменование", и - отказались от смелой затеи⁴.

Ничто так не раздражает власти, особенно власти, одержавшей победу, как чувство собственного бессилия; и когда оно овладевает ею, она старается скорей совершить какой-нибудь поступок, выражающий силу, как бы с целью развлечься от этого чувства или в отместку ему. Это республиканское правительство, в ходе дел которого было

¹ 15 февраля и 9 августа 1649, 9 апреля 1650 и 5 февраля 1651. - Journals of the House of Commons. T.VI. - С.142, 276, 394, 531.

² Там же. С.306, 427. - Neal, Hist of the Puritans. T.IV. - С.8-10. - Reliquiae Baxterianae. Кн.I. - Ч.I. - С.64.

³ Journals of the House of Commons. T.VI. - С.310.

⁴ Крулле к кардиналу Мазарини (2 мая 1650 г.). - Французские архивы иностранных дел.

столько неодолимых задержек, имело в своих руках нескольких знатнейших роялистских предводителей; то были: герцог Гамильтон, граф Голланд, граф Норвич, лорд Кэплъ, сэр Джон Овен - мощные обломки последних битв гражданской войны, в разные дни попавшие во власть парламента и уже несколько месяцев содержавшиеся у него в плену. Была одна минута, когда они могли считать себя освобожденными. В ноябре 1648 г. обе палаты подавали мнение: герцога Гамильтона заставить уплатить 100 000 фунт. стерл. пени, а прочих изгнать из королевства¹. Но прежде исполнения этого мнения подавшие его пресвитериане были изгнаны из нижней палаты, а индепенденты, оставшись одни господами, формально отменили его и продолжали держать пятерых роялистов в тюрьме, объявив о намерении подвергнуть их судебному процессу². Когда через несколько дней начался другой громаднейший процесс - процесс над королем, лорд Кэплъ, равнодушный к грозящей ему самому опасности, с увлечением гордого джентльмена и доблестного солдата, 15 января 1649 г. написал из лондонской башни письмо к Кромвелю, представляя ему всю огромность покушения и заклиная его спасти короля.

"Я позволяю вам думать, - говорил он, - все равно, какие бы ни произошли от того для меня неприятные последствия, я позволяю вам думать, что нет честного средства служить моему несчастному государю, средства, к которому я, при всей смелости, не вдруг прибегнул бы собственно для него; но нет также на земле более драгоценного для меня счастья, как превзойти всякого в преданности, которой я обязан этому государю. Мое настоящее положение лишает меня всякой возможности что-либо сделать; мне остается только молиться за него Богу и обратиться к вам, на которого я смотрю как на цифру, дающую смысл и ценность множеству следующих за ней

¹ Journals of the House of Commons. T.VI. - C.72.

² Journals of the House of Commons. T.VI. - C.96.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

нулей". Он пространно развивает, в выражениях то язвительных, то лстивых, все долженствующие убедить и склонить Кромвеля причины - со стороны религии, закона, политики, долга, чести, выгоды, гордости и личного честолюбия, и оканчивает так: "Мое заключение будет весьма откровенно, чтобы вы через то еще более уверились, что я перед вами чистосердечен во всем. Древние учреждения и издавна существующие законы нашего королевства составляют мое наследство, мое природное право; если бы кто-нибудь вздумал обязывать меня к тому, что для меня хуже смерти, я разумею малодушное отступничество от этих законов - то я выбрал бы смерть, как меньшее зло. Я также имею право поддерживать королевскую власть, хранящую наши законы, власть, которая по одному этому ее качеству мне дороже жизни. Наконец, на главе короля, моего настоящего государя, и все мое право, и весь мой долг, по неоценимым милостям, мною от него полученным. Если бы уютно было Богу, чтобы жизнь моя, принесенная в жертву, могла спасти его жизнь! Если бы вы могли сделать так, чтобы она пригодилась с пользой для этой цели, я доказал бы вам столько признательности, сколько сами вы не стали бы ожидать от людей, которым оказали величайшие услуги, и я умер бы вашим преданнейшим другом¹.

Кэпль"

Кромвель не отвечал на это письмо, но не забыл его. Он был одарен той беспощадной сметливостью, которая умеет оценить достоинство врага и выводить из этой оценки одно только заключение: о необходимости избавиться от врага. 1 февраля палата одобрила проект образования нового верховного суда, который, по этому проекту, состоял из шестидесяти членов, с тем, что пятнадцати членов достаточно для постановления решения. Брадшоу был назначен президентом

¹ Lives of the friends and contemporaries of lord chancellor Clarendon, Соч. леди Терезы Левис (Жизнь лорда Кэпла). - Т. II. - С. 102-103 (Лондон, 1852).

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

этого суда, которому и поручено судить разных преступников, в особенности же герцога Гамильтона, лорда Голланда, лорда Норвича, лорда Кэпля и сэра Джона Овена. Процесс приказано начать немедленно¹.

На другой день, 2 февраля, с наступлением ночи, лорд Кэпль, которому нашли средство передать веревку, спустился из тюремного окна в ров. Ему сказано было, в котором месте легче всего перейти ров, но ошибся ли он местом, или вода и тина во рву оказались глубже, нежели предполагали, только он утонул по шею и очутился в таком положении, что оставалось, отказавшись от дальнейших попыток, просить помощи. Высокий рост и несокрушимое мужество спасли его; он добрался до противоположного берега, где его ожидали друзья, которые тотчас и проводили его в Темпль. Там скрывался он два дня. Правительство, встревоженное его бегством, велело строжайше искать беглеца. Один из вернейших друзей его рассудил, что в Темпле ему оставаться небезопасно, потому что там слишком много бывает народа, и что гораздо вернее будет скрываться в скромном домике в Ламбете. В тот же вечер лорд Кэпль вышел с одним этим другом, чтобы спуститься к Темзе и сесть в первую попавшуюся лодку. Было уже так поздно, что на Темзе только и оставалась одна лодка. Они сели в нее и велели везти себя на другую сторону, в Ламбет. Лорд Кэпль был тщательно переодет, но потому ли, что его спутник, как говорили, называл его по неосторожности милордом, или по другому какому-нибудь признаку, только лодочник заподозрил их; когда они вышли на берег, он стал следить за ними, заметил дом, в который они вошли, потом отправился к одному офицеру и спросил: "Что вы мне дадите, если я приведу вас к дому, где лорд Кэпль?" Офицер обещал ему 10 фунт. стерл.; лодочник сдержал слово: лорд Кэпль был взят и снова отведен в тюрьму².

¹ 1 февраля 1649 г. Journals of the House of Commons. T.VI. - C.128.

² Lady Theresa Lewis, life of lord Capell. T.II. - C.105. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.XI. - C.259. - T.IV. - C.255. - Whitelocke. C.377.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

9 февраля суд открыл заседания. Из комиссаров, должествовавших, по назначению, составлять присутствие, пятьдесят были налицо. Привели пятерых подсудимых, несходных как по осанке и речи, так по положению и характеру. Герцог Гамильтон был вельможа, придворный политик, искренне привязанный к королю и всегда желавший служить ему; но больше придворной службы его занимало поддержание того кредита или той популярности, которой он пользовался в своем настоящем отечестве - Шотландии; он дорожил своим влиянием на все существовавшие там партии и, наконец, он не задумался бы увеличить затруднения или опасности своего государя, если бы в то же время мог облегчить или отдалить свои собственные. Лорд Голланд - ветреный придворный, человек подвижный, жаждущий наслаждений и денег, небогатый ни убеждениями, ни способностями, ни правилами нравственности; он добивался и добился милости сначала герцога Буккингема, потом королевы Генриетты-Марии, потом самого короля, потом, наконец, парламента - переходя, сообразно нуждам и внушениям страха, из одной партии в другую, и во всех оставляя о себе дурную славу; имел какие-то сомнительные отношения при французском дворе и навлек на себя несколькими ли неосторожно сказанными язвительными словами или, как утверждают, известными отношениями к женщине, ревнивую неприязнь Кромвеля. Граф Норвич - веселый кавалер, легкий характером, полный горячего усердия исполнить свой долг перед королем и услужить друзьям; самим врагам он не внушал к себе ни злобы, ни страха. Сэр Джон Овен - простой дворянин из княжества Валлийского, честный и мужественный, не питавший в себе ни чувства честолюбия, ни личных расчетов; безвестный мученик своего убеждения и преданности, нисколько не думавший ставить себе в достоинство эту преданность. Наконец, лорд Кэпль, равно благородный и сердцем, и происхождением, достойный наследник своего деда, который славился в графстве старинными

строгими нравами. У него был полный дом (так говорил о нем внук), и он веру свою подтверждал делами, рассыпая на бедных столь обильную милостыню, что был пищей для алчущих, питьем для жаждущих, очами для слепых, ногами для расслабленных, и мог бы поистине быть назван великим милостынераздавателем Царя царей". Лорд Кэпль нес с собой всюду - в парламент, ко двору и в лагерь военный - все те же свои крепкие родовые добродетели, и Карл I нередко, смотря по временным обстоятельствам, испытывал на себе то дух независимости лорда, то его неизменное благородство. Группа, составленная из этих пяти человек, представляла почти совершенно полное и верное изображение роялистской партии, в ее как благороднейших, так и наименее стоящих уважения элементах, и казалось, что в их лице вся партия предстала обвиненная перед верховным судом, заседавшим в Вестминстер-Галле, через несколько дней после суда, осудившего короля¹.

Гамильтон сохранял явное спокойствие и просил, чтобы ему дали время вытребовать из Шотландии нужные бумаги. Суд соглашался на отсрочку, но весьма недостаточную, и когда он стал настаивать, Брадшоу сказал ему: "Вы долго содержались в тюрьме и должны были приготовить к процессу ваши доказательства". Уже после осуждения герцога от него настойчиво требовали некоторых открытий относительно прошедшего; для этой цели Кромвель даже нарочно посылал к нему с обещанием не только спасти ему жизнь, но и возвратить его в прежнее состояние. "Если бы у меня было столько жизней, сколько волос на голове, - отвечал Гамильтон, - то скорей я по-

¹ State-Trials. T.IV. столб.1155. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.I. - Ст.96; Кн.II. - Ст.46, 87, 99; Кн.XI. - Ст.253-258; Кн.I. - Ст.137, 140; Кн.IV. - Ст.2, 14; Кн.V. - Ст.415; Кн.XI. - Ст.253-262; Кн.VII. - Ст.307; Кн.XI. - Ст.252-258; Кн.XII. - Lady Theresa Lewis. C.255. - T.I. - C.252.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

жертвовал бы всеми ими, нежели согласился бы выкупить их таким позорным средством". Высшее и безвыходное несчастье возвышает души, из которых оно не успело вырвать всей добродетели¹.

Лорды Голланд и Норвич старались только уменьшить силу фактов, в которых их обвиняли, и скромностью приемов и речей расположить умы судей сколько-нибудь в свою пользу².

Лорд Кэпль не только сохранил свое достоинство, но даже показал себя гордым и жестким. Не обращая внимания на суд, он бросал кругом на присутствовавших строгие взгляды, как бы упрекая их в том, что они тут. Он утверждал, что по смыслу колычестерской капитуляции и объяснениям самого генерала Ферфакса, сохранение жизни ему было обеспечено. "Я военнопленный, - сказал он, - мне дана была пощада, и всем судейским мантиям в мире не о чем рассуждать со мною". Во всяком случае он непременно хотел быть судимым своими пэрами. "Хотя король и лорды отброшены в сторону, но основные законы страны еще в своей силе. Я напоминаю вам о великой хартии и о требовании прав. Где суд присяжных? Я его здесь не вижу. Я хочу видеть учрежденный надо мной суд присяжных, и пусть суд присяжных видит меня. Я думаю, не найдется такого примера, чтобы был человек приговорен к смерти без парламентского билля и без суда присяжных". "Вы ошибаетесь, - заметил ему Брадшоу, - вас судят судьи, которых назначить угодно было парламенту и которые судили лиц выше вас"³.

Когда генеральный прокурор произнес заключение, требуя, чтобы лорд Кэпль был повешен, потом чтобы тело его было выставлено на позор и разрублено по частям,

¹ State-Trials. T.IV. - C.1156, 1187, 1188, 1191, 1121. - Whitelocke. C.381.

² Там же. T.IV. - C.1193 и след. - Whitelocke. C.381, 385, 386.

³ Там же. T.IV. - C.1195 и след. - Whitelocke. C.380, 381. - Lady Theresa Lewis, life of lord Capell. T.II. - C.108-115.

подсудимый содрогнулся. "Впрочем, - проговорил он, - как бы ни поступили со мной здесь, там будет для меня лучшее воскресение"¹.

Все пятеро были приговорены к отсечению головы. Когда президент прочитал приговор, сэр Джон Овен очень низко поклонился судьям и поблагодарил их. Один из присутствовавших спросил: "За что?" "Великая честь, - отвечал он, - для бедного валлийского дворянина потерять голову в сообществе этих благородных лордов", и он прибавил, приправив речь проклятием: "Я боялся, чтобы этим людям не вздумалось меня повесить"².

Верховный суд, однако, был заботлив, и желал ли он оказать какое-нибудь милосердие или ему не хотелось взять на одного себя всю ответственность за свою строгость - только он, постановив приговор о приведении его в исполнение, представил на окончательное разрешение парламента³.

На другой день, 7 марта, граф Уорвик, брат лорда Голланда, леди Голланд, леди Кэплъ и многие другие мужчины и дамы из их родных и друзей явились у дверей парламента и просили дозволить им лично умолять о помиловании осужденных. Их ввели, и они подали свои просьбы. Но палата, выслушав эти просьбы, объявила, что она не имеет повода входить в рассмотрение их, что она в этом деле положила на беспристрастие суда, постановившего приговор. Главным предводителям хотелось, не вмешиваясь уже в это печальное дело, воспользоваться строгостью ими выбранных судей; но суд, со своей стороны, решился не оставлять на одном себе всей массы ответственности; он дал осужденным двухдневный срок, чтобы они могли снова ходатайствовать перед парламентом⁴.

¹ Whitelocke. С.381.

² Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.ХI. - Ст.256; Т.IV. - С.553.

³ State-Trials. Т.IV. - С.1188. - С.386.

⁴ Journals of the House of Commons. Т.VI. - С.158. - State-Trials. Т.IV. - С.1216.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

Принужденные решать сами, республиканские предводители последовали только внушению собственных чувств вражды и страха. Герцог Гамильтон, ни по личности, ни по своему шотландскому происхождению, не возбуждал к себе никакого сочувствия; его просьба прямо была отвергнута. У лорда Голланда были друзья; его брат и супруга находились тут; он сам был человек обязательный и кроткий; переходя через все партии, он во всех основывал знакомства и оказывал услуги; но Кромвель и Эйртон ненавидели и презирали его; помилование его было отвергнуто большинством одного голоса. Относительно лорда Норвича голоса разделились поровну. Председатель палаты сказал, что он лично ему обязан; что он однажды навлек на себя неудовольствие короля и только по милости лорда Норвича не пострадал через то; поэтому он не в силах не подать за него голоса. Лорд Норвич был спасен, точно так, как лорд Голланд погибал, большинством одного голоса. Никто ни слова не говорил за сэра Джона Овена. "Как жаль! - сказал полковник Гечинсон сидевшему рядом с ним Эйртону. - Столько народа хлопочет об освобождении лордов, и никто слова не промолвит за этого дворянина, точно так же, как и они, осужденного. Если вы поддержите меня, я готов за него говорить, потому что он, как видно, здесь всем чужой, без друзей и покровителей". Эйртон обещал поддержку. Гечинсон пошел отыскивать просьбу бедного валлийца, которая оставалась у палатского клерка; он велел прочесть ее, с воодушевлением заговорил в защиту просителя; Эйртон поддержал - и сэру Джону Овену была дарована жизнь большинством пяти голосов¹.

Оставался лорд Кэплъ, составлявший для его родных и друзей предмет страстной заботливости и деятельнейших

¹ Journals of the House of Commons. T.VI. - C.159, 160. - White-locke. C.386. - Mém. de mistress Hutchinson. T.II. - C.199-202. - Mém. de Ludlow. T.I. - C.355-357 (в Collection г. Гизо). - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.XI. - C.260.

ходатайств. Все меры для спасения его были испытаны; предлагали, даже давали деньги людям, обещавшим помогать своим влиянием. Возникло продолжительное прение; некоторые говорили за него, выставляя его добродетели и утверждая, что он никогда их не обманывал и всегда показывал себя тем, чем был действительно, - человеком, преданным королю. Затем Кромвель начал речь и в первых словах выразил более, нежели кто-либо, уважения и благорасположения к лорду Кэплю. "Но, - прибавил он потом, - усердие к пользе общественной преобладает во мне над чувствами личной приязни, и я не могу не сказать вам, что в настоящую минуту вам предстоит решить вопрос: хотите ли вы спасти жизнь вашему жесточайшему врагу? Я очень хорошо знаю лорда Кэпля: это будет последний человек в Англии, который расстанется с мыслью о королевстве; у него много мужества, ловкости и великодушия; у него много друзей, которые ему не изменят; пока он жив, каково бы ни было его положение, он будет у вас камнем на пути. Для блага республики я считаю себя обязанным подать голос против его просьбы". И просьба была отвергнута, неизвестно в точности, каким большинством¹.

Исполнение приговора было назначено на другой день, 9 марта. Ночью лорд Кэпл просил друга своего, пастора Морлея, который пришел навестить его в тюрьме, дать ему причаститься: "Я желаю, - сказал он, - принять причастие от священника, принадлежащего к партии короля, и по обряду английской церкви. Кажется, я не могу обвинять себя ни в каком важном грехе против моей совести, разве только в том, что подал в парламенте голос в пользу смерти милорда Страффорда. Я сделал это против совести, не по какой-нибудь злобе к человеку, а из малодушного, презренного страха, увлеченный свирепостью преобладавшей партии. С той поры донныне и глубоко раскаиваюсь в этом. Часто я молил Бога о прощении и,

¹ Lady Theresa Lewis, life of lord Capell. T.II. - С.119-124.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

надеюсь, он простил меня. Если вы полагаете необходимым или, по крайней мере, приличным, я всенародно на эшафоте исповедую мой грех и причину его, исповедую во славу Бога и в стыд самому себе". Священник одобрил это благочестивое намерение. Вошли родные лорда Кэпль: жена, старший сын, двое дядей и племянник; они вошли все вместе, потому что порознь видеть его им не позволили. Он продержал их у себя час; был нежен и грустен, но в особенности старался поддержать их мужество и передать им свои последние советы. "Я желал бы, - говорил он сыну, - чтобы ты не пренебрегал ни малейшим случаем оказать услугу королю и отечеству, не жалея ни состояния, ни жизни; но не предпринимай ничего ни из желания отомстить, ни из надежды на вознаграждение; ищи только своего долга. Благословляя тебя, завещаю: в ежедневную твою молитву включай, как делал я всегда, вот этот стих из 27 псалма Давида: "Господи, научи меня пути твоему и веи меня стезею единою", потому что я всегда любил и в действиях, и в словах единство и прямоту. Я ненавижу всякое притворство и всякую искусственность; желаю, чтобы и ты так же чувствовал и поступал". Когда настала минута разлуки, леди Кэпль не выдержала: ее унесло без чувств. "Теперь, - сказал лорд Кэпль доктору Морлею, оставшись с ним наедине, - самый труднейший подвиг, который оставалось мне совершить в этом мире, я совершил. Я расстался с моей несчастной женой. Слава Богу, чувствую, что я бодр и готов; надеюсь, что в минуту смерти мне не о чем больше будет думать, как только о смерти". Однако в короткий промежуток времени между последним свиданием и эшафотом он два раза писал к жене: "Заклинаю тебя, не предавайся горю без меры и до крайности. Сохрани меня долго в своем сердце, и да будет Бог тебе лучше мужа, а детям нашим лучше отца. Я верую, что для Него это возможно, и надеюсь, что Ему угодно будет сделать это"¹.

State-Trials. T.IV. - C.1230-1231. - Lady Theresa Lewis, life of lord Capell. T.II. - C.136-140.

Герцога Гамильтона первого привели на вестминстерскую площадь, где был воздвигнут эшафот. Он умер достойным образом, сказав присутствующим простую и спокойную речь, в которой скромно оправдывал свою жизнь и исповедовал преданность свою королю покойному, которому служил, и королю отсутствующему, который, как он надеялся, воротится, но которого ему уже не суждено увидеть. Когда он говорил, солнечный луч упал ему на лицо; ему предложили переменить положение. "Нет, - сказал он, - я надеюсь скоро увидеть солнце блистательнее этого". Лорд Голланд накануне обнаружил больше тоски и слабости; тогда он был болен и расстроен духом; но в последнюю минуту, поддерживаемый бывшими при нем двумя пресвитерианскими священниками, он показал приличную твердость. Лорд Кэпль явился на эшафоте последний и один. "Духовник ваш здесь?" - спросил его командовавший офицер. "Нет, - отвечал он, - я уже отпущен им". Заметив, что некоторые из его служителей плачут, он проговорил: "Удержитесь, господа, удержитесь!" Потом, обратившись к офицеру, спросил: "Предшествовавшие мне лорды говорили в шляпах или с открытой головой?" "С открытой головой", - отвечал офицер. Лорд Кэпль снял шляпу и стал говорить кротко, твердо, одинаково смело и решительно и как роялист, и как христианин. Он исполнил то, что обещал доктору Морлею, обвинив себя в подаче голоса против лорда Страффорда. "Еще раз исповедую, во славу Бога и в посрамление моей собственной слабости, что истинно постыдным малодушием было не устоять против увлекавшего нас в этом деле потока". Народ и солдаты, друзья и незнакомые - все смотрели на смерть этого человека с напряженным чувством удивления и глубокого уважения¹.

Долг истории - воздать полную справедливость этим

¹ State-Trials. T.IV. - C.1188-1194, 1220-1235. - Lady Theresa Lewis, life of lord Capell. T.II. - C.140, 153.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

доблестным мертвецам, мощно действовавшим на чувствования народа и возбуждавшим в глубине сердец сочувствие к делу, проигранному на полях битв. Казнь лорда Кэпля возмутила и глубоко тронула всех, за исключением одной республиканской партии. Война была окончена; кровь короля, как говорили, пролита в искупление всей крови, пролитой войною. Зачем же еще нужна стала кровь? Зачем над людьми, которых сделала пленниками война, теперь уже прекратившаяся, произнесены суровые приговоры судьями, не признанными законом, и эти приговоры поддержаны детски малодушной щекотливостью? Самый парламент чувствовал, что он не может настойчиво следовать этим путем. Ему еще предстояло разобраться со многими предводителями роялистской партии - духовными, гражданскими и военными; пятнадцать из них он присудил к вечному изгнанию, с конфискацией всего их имущества; пятерых предал военным судам за дела, относящиеся к войне; решил, что другие двое - маркиз Уинчестер и епископ Норвичский должны содержаться в тюрьме столько времени, сколько будет признано необходимым; только двое - сэр Джон Говель и судья Давид Дженкинс - были признаны подлежащими уголовному преследованию, уже не чрезвычайным судом, а законными акцизными судами; но самое преследование это не состоялось: они оба оставались в тюрьме - Дженкинс до 1656 г., а сэр Джон Говель до реставрации. Парламент не хотел шума; он запретил обнародование прений и актов верховного суда, постановившего приговор над лордом Кэплом; перехватывали и отбирали памфлеты; журналисты были подкуплены; на особый комитет возложено было изыскать меры к стеснению свободы книгопечатания. Безмолвные, скрытные строгости заменили гласные преследования и эшафоты¹.

¹ Journals of the House of Commons. T.VI. - С.164-165, 276, 298. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. С.343-348.

Но не во власти одного парламента было располагать молвой и гласностью. Вскоре после смерти короля появилось «Eikōn Basilikē», или «Королевский Образ», сочинение, приписанное самому Карлу I, которое под трогательно благочестивой формой открыло Англии размышления, чувствования, впечатления, надежды и печали - словом, всю душу короля, со всеми ее движениями в период перенесенных им испытаний. Проведав, еще прежде казни Карла, что эта книга печатается, предводители республиканской партии тогда уже предчувствовали удар, который она должна нанести им, и употребили все усилия, чтобы воспрепятствовать обнародованию ее¹. Им это не удалось: сочинение быстро распространилось; в течение года вышло его сорок семь изданий, и более сорока восьмью тысяч экземпляров разошлось в Англии; скоро оно было переведено и с жадностью прочитано во Франции и во всей Европе. Везде произвело оно впечатление поразительное. Сочувствие к памяти короля дошло до страсти и как бы религиозного благоговения. Враги его представились всем палачами, убийцами праведника. Этому «Eikōn Basilikē» Карл I преимущественно обязан наименованием Короля-мученика.

Сочинение не ему принадлежало; и внешние свидетельства, и внутренние доказательства не оставляют в этом никакого сомнения. Доктор Годен, епископ сначала эксетерский, потом, при Карле II, уорчестерский, был его истинный автор; но рукопись, вероятно, была известна Карлу и одобрена им, а может быть, даже им самим и исправлена во время пребывания его на острове Уайте. Как бы то ни было, но это действительно было выражение и образ его положения, его характера и души в том виде, как их образовало несчастье: возвышенность духа, естественная и в то же время напряженная; постоянная смесь слепой королевской гордости и искреннего христианского смирения; сердечные порывы, про-

¹ 16 марта 1649. - Journals of the House of Commons. T.III. - С.43-44, T.VI. - С.166.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

рывающиеся сквозь привычки упрямой личности; истинное благочестие среди ложного образа действий; неизменная, хотя отчасти бездеятельная, преданность своим верованиям, своей чести и своему сану; и все эти чувства выражены языком монотонным и часто надутым, но важным, благозвучным, проникнутым тихой грустью; тут было именно то, что должно было глубоко потрясти сердца роялистов и легко убедить их, что это говорит сам король¹.

Парламент почувствовал, что ему нельзя оставаться безгласным при столь сильном общественном движении, и поручил Мильтону вступить с ним в борьбу. Этот мощный и суровый гений, который с ранней молодости вел борьбу со своими родными и наставниками, стремясь посвятить всего себя поэзии и литературе, был одержим пламенной страстью к свободе, не к той существенной и истинной свободе, которая вытекает из уважения ко всем правам и к правам всех, но к свободе идеальной и абсолютной, религиозной, политической и семейной; здесь его великий ум рождал сильные мысли, возвышенные чувства, величавые образы и увлекательные речи, не стараясь узнавать, соответствуют ли окружающая действительность и собственные действия мыслителя его принципам и надеждам. Он мог служить и в самом деле служил тирании то в лице собрания, то в лице одного человека, а между тем был постоянно уверен, что он защищает свободу и служит ей. Вот разительный и печальный пример не совсем достойных заблуждений, в которые пылкое воображение и отвлеченное умозрение могут ввести человека с огромным умом и благородным сердцем.

Мильтон быстро написал и издал своих «Иконоборцев», длинное и холодное, хотя сильное опровержение «Королевского Образа». Мильтон не понимал Карла I и его чувствований, не понимал и тех чувствований, которые король внушал роялистам; с пуританским и республиканским оз-

¹ Eikôn Basilikê вполне переведено в г. Гизо, и вопрос о его подлинности рассмотрен в замечании, помещенном в начале этой книги.

лоблением поднял он против него все известные факты, все справедливые и ложные обвинения, которые в продолжение десяти лет раздавались в Англии, не принимая в расчет новых идей и впечатлений, возбужденных в сердцах совершившимися событиями, и не возвысив, не скрасив своей едкой брани блестящей и одушевленной речью. В Англии это сочинение произвело только слабое впечатление, но в Европе, особенно во Франции, оно возбудило сильный гнев и, по просьбе Карла II, знаменитый ученый протестант Сомез, выходец и почетный профессор в Лейденском университете, взялся написать опровержение. Сомез, для громкого выражения своего негодования, не стал ожидать, чтобы Карл II попросил его и заплатил ему за то. Через восемь дней после казни Карла I он, по собственному побуждению, в неожиданном письме проклял врагов короля, сделавшихся его судьями¹. Сочинение, защищавшее Карла I, адресованное к Карлу II, наделало много шума, не столько по достоинству сочинения, сколько по имени автора: это был ученый, умный и местами красноречивый, но выходящий из пределов умеренности и лишенный вкуса панегирик монархии вообще, жаркая апология Карлу I и сильно несправедливая брань против английских республиканцев и их защитника. Когда книга Сомеза появилась в Лондоне, правительство обратило на нее тревожное внимание, и в заседании государственного совета, в котором, как говорят, присутствовал и Мильтон, было решено, что должно отвечать на нее. Мильтон скоро исполнил это, и исполнил с большим талантом и большим успехом, нежели в тот раз, когда он нападал на самого Карла I: его первая и вторая защита английского народа, в ответ на королевскую защиту Сомеза, могут служить образцами страстной защитительной речи, клонила ли она к интересу общему или личному; в

¹ Письмо написано 17 февраля 1649. - Cart, Ormond's letters. T.I. - C.255-258.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

них республика с неотразимой твердостью защищена как в основных началах, так и в действиях ее, и Мильтон выдвинул здесь на сцену самого себя, свою личность, свою жизнь, свою слепоту, происшедшую во время самого этого труда, выдвинул все это с красноречием и благородным, и трогательным, разливая всюду на ложные идеи и дурные дела тот яркий блеск мысли и слова, который неодолимо влечет и очаровывает, несмотря на то, что не убеждает, а иногда даже и раздражает. Успех этих республиканских отповедей был огромен как на европейском материке, так и в Англии. Шведская королева Христина в глаза самому Сомезу высказала свой восторг к ним; голландские Генеральные штаты признали нужным запретить «Королевскую Защиту» Лейденского профессора. Он вознегодовал, заболел и умер, оставив ответ Клодиуса Сомеза Джону Мильтону, который и был издан после его смерти. Другие писатели, роялистские и республиканские, французские и английские, бросились на эту арену; Мильтон еще раз явился на ней, уже более по личному раздражению, нежели по политической необходимости, и этот великий спор, с таким блеском начавшийся похвальными речами королю-деспоту и революционному парламенту, окончился незаметно, потерявшись в грубой и пошлой полемике между рассвирепевшими во взаимных перебранках писателями¹.

Когда пришел он к концу, в это время республиканское правительство уже давно не думало о нем: другие важнейшие заботы и другие опаснейшие враги поглощали теперь его внимание.

20 января 1649 г., в то самое время, когда король в первый раз предстал перед верховным трибуналом, должествовавшим судить его, главнокомандующий и генеральный совет офицеров армии представили парламенту

¹ Todd, *Life of Milton*. C.72-84. - Mitford, *Life of Milton*. C.77-95. - *Milton, Prose Works*. T.I и IV (Лондон, 1851).

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

свой проект республиканского правительства, под заглавием "Конвенция английского народа для утверждения прочного мира, основанного на общем праве, свободе и общей для всех безопасности". Этот проект, составленный, как говорят, Эйртоном, заключал в себе десять статей, существенное содержание которых было следующее:

- 1) Нынешний парламент будет распущен 30 апреля 1649 г.
- 2) Образуется представительное собрание (они отвергали название парламента), состоящее из четырехсот членов.

- 3) Представительное собрание будет избираемо каждые два года, и заседания его будут продолжаться шесть месяцев в каждому году.

Избирателями и избираемыми будут все родившиеся или живущие в Англии и пользующиеся в ней гражданскими правами, платящие налог в пользу бедных, не находящиеся ни у кого ни в услужении, ни в найме, имеющие от роду не менее двадцати одного года и жительствоющие в том месте, где происходят выборы.

Не может быть избирателем в продолжение семи лет и избираемым в продолжение пятнадцати лет тот, кто держал сторону короля против парламента во время последних войн, а также тот, кто будет вести или поддерживать силою оппозицию против настоящей конвенции.

Не могут быть избраны в представительное собрание ни один член государственного совета, ни один офицер, командующий войсками, состоящими на жалованье, ни один служащий по части сбора налогов и по управлению общественными доходами. Если адвокат будет избран в члены представительного собрания или государственного совета, то он во все время нахождения в этой должности не может уже действовать в судах в качестве адвоката.

- 4) Для постановления закона должно быть не менее ста пятидесяти наличных членов; для предварительных прений достаточно шестьдесят членов.

- 5) Каждое представительное собрание в течение двадцати дней, со времени своего открытия, назначит государственный совет, долженствующий управлять общественными делами по десятый день открытия следующего собрания.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

6) В промежуток времени между двумя представительными собраниями, а также в случае опасности или крайней необходимости, государственный совет может составить и открыть собрание, которое будет заседать не более восьмидесяти дней.

7) Ни один член законодательного собрания, во все время нахождения в этом звании, не может принимать на себя никакой общественной должности, кроме должности государственного советника.

8) Высшая и завершающая власть, в права которой входит, между прочим, учреждение судебных мест, принадлежит представительному собранию по всем предметам права естественного и гражданского, но никак не по предметам духовным или евангелическим.

Здесь были обозначены некоторые ограничения этой высшей власти, в обеспечение гражданских прав, государственных финансовых обязательств и разных запрещений, тяготивших над партией роялистов.

9) Христианство есть общественная вера нации. "Мы желаем, чтобы она, милостью Божьей, была преобразована в видах наисовершеннейшей чистоты учения, богослужения и устава, сообразно слову Божию; чтобы народ был научаем в ней публично, но без принуждения, и чтобы служители алтарей были содержимы на счет общественных сумм, не прибегая, по крайней мере, таково наше желание, к десятинному сбору".

"Папизм и епископство не будут публично исповедуемы в среде нашей нации". Засим не существует никаких карательных мер в делах религии: равная свобода и покровительство всем исповедующим веру в Бога по учению Иисуса Христа.

10) Противящийся вооруженною рукою предписаниям представительного собрания, кто бы он ни был, будет казнен смертью как враг и изменник нации, за исключением того случая, если представительное собрание само изменит или нарушит основные начала общего права, свободы и общественной безопасности, установленные настоящей конвенцией¹.

Таковы были виды республиканцев-политиков, умеренных, как военных, так и гражданских, которые сами уже имели в руках или видели вблизи дела общественные; но

¹ Parl. Hist. T. XVIII. - Col. 516-536.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

далеко не удовлетворяли идеям и страстям всей партии, которая пошла войной против короля и ниспровергла монархию. Едва основавшееся республиканское правительство очутилось лицом к лицу с жаркой оппозицией, оппозицией демократической и мистической, и нашелся человек, который с neodолным мужеством и самоотвержением сделался не предводителем, предводителей не было в том лагере, к которому он принадлежал, но представителем, защитником и общественным мучеником от лица всех недовольных: это был Джон Лильберн.

Эта роль для него была не новая: при Карле I он уже был в подобной роли, смело шел навстречу страданиям и приобрел популярность. Даже незадолго до описываемого времени, по случаю судебного процесса над королем, поднял он против самого республиканского парламента сильную оппозицию, восставая против учреждения верховного суда и требуя, чтобы король был судим согласно законам страны, независимым судом присяжных. Он делал это не потому, чтобы был одержим демагогическим цинизмом, не потому, чтобы хотел унижить падшее королевское дворянство; он делал это из строгого уважения к общему праву и к праву законной защиты, обещанной каждому англичанину. Еще с большим жаром вооружился он против нового верховного суда, учрежденного над лордом Кэплем и его товарищами; он даже изъявлял готовность защищать их, как бы желая где-нибудь найти случай и предмет для своего воинственного жара. В Сити, где провел он молодость, и в армии, где доблестно служил, были у него старинные связи и многочисленные друзья - граждане и ремесленники, офицеры и солдаты, мистические сектаторы и вольнодумцы - все страстно преданные, как он, идеям и чувствам, по преимуществу демократическим, - все, как он, говоруны и спорщики, не заботившиеся ни об условиях общественного порядка, ни о необходимости властей, всегда готовые пуститься в критику и поднять тревогу, как только власти оскорбляли или чувство их сознания,

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

или их умственные мечты, или недавно образовавшиеся привычки их гордости. Лильбёрн употребил все усилия, чтобы привести в брожение все эти элементы, составлявшие их настроение духа; в особенности старался он ввести между низшими чинами армии обычай сходиться в собрания и подавать просьбы, а также усиливался распространить те действия выбранных от полков агитаторов, которые так сильно помогали индипендентам и Кромвелю для обуздания парламента. В одном совете офицеров, происходившем в Уайтгалле, было решено принять строгие меры против этих проделок, и дневным приказом Ферфакса были запрещены в армии всякие сборища и всякие противные дисциплине рассуждения; просьбы от солдат еще допущены, но не иначе, как с предварительным извещением о том ближайшего командира¹. Вскоре появился памфлет Лильбёрна (28 февраля 1649 г.): «Новые цепи разоблаченной Англии», с жаром нападающий на это излишнее употребление власти со стороны тех самых начальников, которые еще недавно сами так часто ободряли и поощряли своих подчиненных ко всем буйным проявлениям свободы. В то же время пятеро солдат подписали и подали Ферфаксу просьбу с жалобой на сделанное ограничение их права подавать просьбы. "Благоволите обратить внимание на то, - писали они, - что мы, английские солдаты, добровольно вступившие в службу на защиту прав Англии, а не наемные чужеземцы, обязавшиеся убивать людей за деньги, и что не наше дело служить чьим бы то ни было честолюбивым намерениям и зловердным прихотям"².

¹ 22 февраля 1649. Whitelocke. C.388.

² Parl. Hist. T.XIX. - Col. 49. - Journals of the House of Commons. T.VI. - C.130. - Whitelocke. C.383, 384, 385. - The hunting of the Foxes from Neumarket and Triploe-Heath to Whitehall, by five small Beagles., C.17. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.45-59. - Etudes biographiques sur la Révolution d'Angleterre, г. Гизо. (Жизнь Дж.Лильбёрна). - C.149-173.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

Ферфакс тотчас внес эту просьбу в военный совет, который постановил приговор: пятерых солдат провезти перед фронтом их полка верхом на лошадях, посадив лицом к хвосту, и переломив на головах шпаги, исключить их со службы. Сентенция эта была исполнена в тот самый день, когда верховный суд осуждал на смерть лорда Кэпля. Через несколько дней Лильбёрн издал новый памфлет под заглавием "Лисицы, пойманные пятью собачками в Ньюмаркете и Триплой-Гете, что в Уайтгалле, или разоблаченные большие обманщики" - шуточный и в то же время трагический рассказ о поданной пятью солдатами просьбе и о понесенном ими наказании и ожесточенная брань на присудивших им это наказание начальников. "Была ли когда-нибудь на свете шайка обманщиков, в такой степени фальшивых и вероломных? Были ли когда-либо люди, с большей дерзостью приписывавшие себе набожность, святость, усердие в служении Богу и отечеству? Они читают проповеди, постятся, молятся; на языке у них только и есть, что слова священного писания, имя Бога и Христа. Заговорите с Кромвелем о чем бы то ни было, он положит руку на сердце, поднимет глаза к небу, будет призывать Бога в свидетели, плакать, стонать, каяться и, действуя таким образом, нанесет вам удар в первую удобную минуту. Не ясно ли, что с этой поры влияние офицеров прямо противоположно влиянию солдат и что где одно торжествует, там другое падает? Остается ли вы еще английскими солдатами - вам зажимают рты; вы не можете ни жаловаться, ни просить помилования; офицеры - ваши господа, а вы - покоренные ими вассалы. Вы не можете ни в чем им противиться; если им угодно говорить, что вороны белы, - говорите, что белы; не думайте произносить ни слова об их злоупотреблениях, об их фальшивых смотрах, об их воровстве: всякий солдат, дерзнувший в чем бы то ни было громко заговорить против офицера, будет выгнан со службы.

Обвиняя таким образом офицеров перед солдатами,

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

Лильбёрн в то же время адресовал парламенту вторую часть "Новых цепей разоблаченной Англии", другую, столь же ожесточенную брань, обвиняя перед гражданской властью главнокомандующих армией, которые постоянно стремились и продолжали еще стремиться захватить в свои руки тиранию. "Если палата, - говорил он, - не исполнит своего долга и не изобличит этого замысла, тогда, мы надеемся, то, что мы выскажем и распространим, откроет глаза и возмутит сердца стольких солдат и граждан, что этим людям не удастся достигнуть исполнения их гнусных намерений¹."

Парламент и генеральный совет офицеров возгорелись одинаковым гневом и разом подняли против своих новых врагов и орудия революционные, и орудия власти. Из многих графств явились просьбы с выражением негодования на возникавшую оппозицию и совершенной преданности парламенту. Разные раскольничьи конгрегации, анабаптисты и другие объявили, что памфлет Лильбёрна "Новые цепи разоблаченной Англии" против их воли был читан в некоторых из их собраний, и этим заявили свое неодобрение памфлету. Многие полки армии, по желанию своих начальников, формально протестовали против рождавшегося возмущения. Генеральный совет представил палате "нижайшее прошение", в котором, прося об уничтожении административных злоупотреблений, вредных для солдат, свидетельствовал о добром согласии, царствующем между парламентом и армией, и палата так высоко оценила этот поступок совета, что официально объявила просителям свою признательность. "Этот день, - сказал им президент от имени палаты, - будет для наших общих врагов днем величайшей ошибки в расчетах. Все благона-

¹ Parl. Hist. T.XIX. - Col. 51. - Whitelocke. C.385, 390. - Heath, a brief Chronicle, etc. C.430. - Lilburne, The hunting of the Toxes etc. C.12, 13. - England's New-Chains etc. (2 часть), C.16. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.59.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

меренные люди, которые вместе с нами стремятся действовать ко благу королевства, с живейшей радостью узнают о вашем умеренном и скромном прощении; оно зажмет рты нашим злонамеренным клеветникам, которые принуждены будут сознать, что армия и парламент единодушно стремятся к благу общественному. Палата считает весьма важными предметы, на которые вы обращаете ее внимание, и немедленно примет их в соображение. А так как вы постоянно оказываете усердие и верность в службе, то палата поручила мне благодарить вас за ваши скромные и серьезные представления". Чтобы поддержать энергию собственных решений, эти публичные манифестации своих приверженцев, палата постановила, что памфлет Лильбёрна наполнен ложью, клеветой и возмутительными мыслями; что автор и распространители его виновны в государственной измене и должны быть преследуемы как изменники. Затем палата предписала государственному совету дать дальнейший ход этому постановлению. Государственный совет, со своей стороны, поручил Мильтону отвечать Лильбёрну, а на другой день сам Лильбёрн и три главнейшие его сообщника: Уильям Уальвин (Walwyn), Томас Принс и Ричард Овертон были арестованы и посажены в башню¹.

Очевидно, что большинство республиканской партии, как в армии, так и между жителями страны, большинство более рассудительное, нежели последовательное, отступилось от зачинщиков оппозиции и хотело поддерживать своих предводителей и парламент. Но крайние партии никогда не сознают своей слабости, потому что горячка заставляет их верить в собственные силы, и надежда постоянно остается там, где есть мужество, свойственное мученикам. Из стен лондонской башни Лильбёрн издал "Портрет государственного совета", где заключался рассказ об аресте его с товарищами, о чинимых им допросах, об их оправданиях и о заключении их в

28 марта 1649. - Journals of the House of Commons. T.VI. - 153, 168, 174, 177. - Whitelocke. T.III. - C.60, 343.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

башню; то была замечательная смесь благородной гордости и ребяческой заносчивости, честности и тщеславия. Ведя укорительную речь о Кромвеле и Эйртоне, он говорит: "Пусть они делают самое худшее, что только могут, - я презираю их; они не могут сделать со мной больше того, что сделал дьявол с Иовом. Они имеют в своем распоряжении армию; но если бы каждый волос на голове каждого их солдата превратился в легион народа, я и тогда испугался бы их столько, сколько испугался бы такого же числа соломинок, потому что Господь Иегова есть моя скала защитная: под его крыльями я безопасен - воспою и возрадуюсь... Друг-читатель, любезный соотечественник! Прошу тебя - прости меня, если я возношусь и тщеславлюсь: меня принуждают к этому мои противники, унижительно клеветующие на меня. Впрочем, Павел и Самуил сделали то же прежде меня. Если ты стоишь за законные права и вольности нашего отечества, то я твой - я, Джон Лильбёрн, которого никакой страх не отторгнет и никакой соблазн не увлечет от его правил, который никогда не боится богатых и сильных, никогда не презирает бедных и слабых и надеется, с помощью Божия милосердия, пребывать *semper idem*"¹.

В сущности, Лильбёрн не имел особенной склонности писать памфлеты или публично поносить кого-нибудь; но у него в уме были известные идеи, нравственные и политические, не совсем приведенные в систему, зато сильно распространенные между народом, и он пламенно желал, чтобы эти идеи восторжествовали. Уже 26-го февраля он изложил и представил их палате в форме адреса, желая противопоставить проекту правительства, составленному республиканскими предводителями, свой собственный проект правительства, противопоставить свою республику их республике. Палата приняла его адрес, как принимают желание врага, и не удостоила его никаким ответом. Ощувив оскорбление, нанесенное его самолюбию и политическим верованиям, Лильбёрн,

¹ Lilburne, The Picture of council of State etc., 2-е изд., С.19, 20.

сидя в тюрьме, издал, с согласия товарищей его заключения, новую конвенцию английского народа - краткое изложение их видов в деле общественной организации, долженствовавшее, как они надеялись, уронить с позором другую конвенцию, которую три месяца назад представлял парламенту совет офицеров. Конституция Лильбёрна, состоявшая из тридцати статей, была совсем не так далека, как он воображал, от той, которую хотел заменить ею; впрочем, было различие в некоторых положениях, из которых одни были у него справедливее и либеральнее, другие неисполнимее и неосновательнее. С одной стороны, Лильбёрн давал больше простора личным правам и преимуществам, особенно свободе совести; с другой, он гораздо меньше заботился о средствах правительства и вводил некоторые из тех мнимых гарантий против власти, которые расстраивают, в одно и то же время, и власть, и общество. Например, он не давал членам действующего представительного собрания права быть снова избранными в члены собрания последующего. Республика генерального совета офицеров не могла быть долговечной; республика Лильбёрна не могла бы и начать жить¹.

В ту самую минуту, когда Лильбёрн пустил ее в свет, она получила по одному, сначала темному, случаю имя, поразившее ее на смерть. В Соррейском графстве появилась шайка еще очень небольшая, но возвестившая, что она скоро увеличится до четырех тысяч человек. Эверард и Уинстенлей - из которых первый отставной солдат - были предводителями этой шайки; они начали в разных местах обрабатывать и обсеменять поля, призывая к себе окрестный народ, обещая каждому, кто присоединится к ним, пищу и одежду и грозя разорять ограды соседних парков. По требованию местного начальства графства, Ферфакс послал два эскадрона, которые и захватили предводителей. Последние явились перед

¹ Journals of the House of Commons. T.VI. - С.151. - Whitelocke. С.384. - J. Lilburne, An agreement of the free people of England (Лондон, 30 апреля 1649 г.), памфлет на восьми страницах.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

Ферфаксом со шляпами на головах; и когда их спросили, почему не снимают шляп, они отвечали: "Потому что он такой же человек, как и мы". Эверард защищал образ своих действий и свое право, говоря: "Мы приходим из племени евреев; все права народа стубило пришествие Вильгельма Завоевателя; с той поры народ божий жил под игом тирании, худшим в сравнении с тем, которое терпели наши предки под властью египтян. Но приблизилось время освобождения; Бог хочет исторгнуть народ свой из этого рабства и радовать его невозбранном пользованием благами и плодами земными. Мне было видение, которое сказала: "Иди, возделывай землю и собирай плоды ее, чтобы раздавать их бедным, чтобы кормить голодных и одевать нагих". Мы не хотим посягать ни на чью собственность, не хотим разрушать никаких оград; мы берем только необработанные земли, с тем чтобы сделать их плодородными и полезными для человека. Придет время, когда все люди добровольно отступятся от своего имущества и передадут их в общину. Мы не будем защищаться оружием; мы покоримся властям и будем ждать обещанного времени, потому что оно близко"¹.

Эти люди сами себя называли копателями², но народ прозвал их уравниателями, и это название скоро сделалось общим для всех небольших групп, зарождавшихся как между жителями страны, так и в армии, которые под влиянием идей политических или религиозных, нося характер, в разных видах, анархический, добивались иной республики, а не той, которая пыталась управлять Англией, и составляли жаркую оппозицию последней. Напрасно Лильбёрн и его друзья протестовали против этого названия; напрасно прибавили они к своему проекту конституции особую статью, ясно гласившую, что "имущества раз-

¹ Whitelocke. C.396, 397. - Carlyle, Cromwell's letters and Speeches. T.I. - C.433. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.82.

² The Diggers.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

делены не будут и ничто не будет взято в общинную собственность"¹. Характерное прозвище имело происхождение естественное; факты и речи отрывочные, но разительные долетали по временам и подтверждали его; оно продолжало тяготеть над всей партией, и счастье республиканцев, державших в своих руках власть в парламенте и армии, что их революционные враги назывались "уравнителями"!

С каждым днем борьба более и более приближалась к военным действиям; от малейшего случая, серьезного или ничего не значащего, они могли вспыхнуть. Лильбёрн из-за стен своей тюрьмы беспрестанными сношениями и письмами продолжал возбуждать в Сити и в армии волнение, все более и более грозное. Парламент решился² произвести над ним и тремя его товарищами самый поразительный процесс. Комитету, составленному из государственных советников и верховных судей, под предводительством Брадшоу, поручено было избрать наиболее соответствующую настоящему обстоятельству процедуру; шести адвокатам приказано было приготовиться говорить против подсудимых. Эти торжественные приготовления смутили до глубины души приверженцев Лильбёрна: посыпались со всех сторон прошения в защиту его, одни за подписью десяти тысяч граждан Лондона и его окрестностей, другие от тысячи женщин, теснившихся у дверей Вестминстера. На первые парламент строго ответил, что четверо обвиненных будут судимы и что весь английский народ должен покориться решению парламента. На вторые не было дано никакого ответа. Женщины настаивали. "Мы знаем, - говорили они, - что Лильбёрна и его товарищей в полночь выведут из башни, отвезут в Уайтгаль и там расстреляют; парламент, объявляя изменниками распространителей и поборников книги Лильбёрна, ставил ловушку народу, потому что невозможно было, говоря о текущих делах, не упомянуть об этой книге; стало быть, хотели пода-

¹ Whitelocke. С.399-400.

² 11 апреля 1649 г. Journals of the House of Commons. T.VI. - С.183.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

вить всякую свободу речи, а это есть самое унижительное рабство". Вместо всякого ответа, палата приказала сказать этим женщинам, чтобы они отправлялись домой мыть свои тарелки. "У нас уже нет теперь, - возразили женщины, - тарелок, нет и мяса, нечего класть на них"¹.

Во время этого волнения восьми полкам (четырем пехотным и четырем кавалерийским) выпал жребий отправиться в Ирландию, где возобновилась междоусобная война (20 апреля 1649 г.). Между солдатами, не очень расположенными к этому походу, поднялся сильный ропот: тяжела и неприятна была служба в стране ненавистой и презираемой, и посылали их туда, не оказав им законного правосудия, не уплатив им недоимок, не признав их прав, не обеспечив в их глазах ни правительства Англии, ни прав и преимуществ английского народа. Вскоре в казармах и на улицах появилась небольшая брошюрка, приглашавшая солдат подать жалобу и, в ожидании разрешения ее, не идти в поход. Эскадрон кавалерийского полка полковника Валлея, которому не выпал жребий идти в Ирландию, получил предписание выступить из Лондона. Кавалеристы потребовали, чтобы наперед удовлетворили их; потом схватили знамя и формально отказались повиноваться. Ферфакс и Кромвель явились на место, усмирили бунт, заставили полк выступить и пятнадцать человек мятежников предали военному суду. Пятеро из них были приговорены к смерти. Лильбёрн тотчас написал генералу, чтобы он остерегся; что в мирное время ни один англичанин не может быть приговорен к смерти военным судом, что нарушение этого правила было одним из главных оскорбительных поступков, за которые поплатился головой Страффорд. Республиканские генералы не поколебались. "Надо совершенно уничтожить эту партию, - сказал Кромвель в государственном совете в минуту ареста Лильбёрна, -

¹ 11 апреля 1649 г. Journals of the House of Commons T.VI. C.178. 189. 196. - Whitelocke. C.396, 397, 398. - Clement Walker, Hist of independency. Ч.II. - C.166. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.102.

иначе она уничтожит вас самих, и вы прослывете глупейшими и пошлейшими людьми в целом мире за то, что позволили победить себя таким ничтожным, стоящим одного презрения врагам". Кромвель умел за один раз и бить, и ласкать; и на этот раз из пяти осужденных на смерть солдат четверо получили прощение, а пятый, Роберт Локкьер, тотчас же был расстрелян среди Лондона, на кладбище Св. Павла (28 апреля 1649 г.). Это был молодой, храбрый солдат, набожный последователь секты, восторженный республиканец, любимый товарищами. Смерть его произвела на них и на их друзей из народа глубокое впечатление скорби и гнева; не спали ночи, молились над его телом; а через два дня (30 апреля 1649 г.) торжественная народная процессия потянулась к вестминстерскому кладбищу. Сто кавалеристов, по пяти или по шести в ряд, шли впереди; затем следовал гроб; вокруг него шесть трубачей играли похоронный марш; за гробом вели покрывтую трауром лошадь Локкьера; его шпага лежала на гробе вместе с ветками розмарина, полузабрызганными кровью; огромная толпа народа провожала гроб; у всех на шляпах были повязаны черные и зеленые ленты; женщины замыкали шествие; множество знатных граждан, которые считали для себя некстати идти за гробом по лондонским улицам, ожидали его у входа на кладбище. Все вообще чувствовали, что подобного рода похороны служат к величайшему стыду и позору предводителям армии и парламенту¹.

Через шесть дней в Лондон пришла весть, что в Бэнбери и Салисбери, в полках, находившихся под командой полковников Рейнольдса, Скруппа и Эйртона, вспыхнуло возмущение: солдаты прогнали офицеров, за исключением весьма немногих, принявших их сторону. Один из этих последних, капитан Томпсон, издал под заглавием "Знамя Англии - вперед!" (6 мая 1649 г.) манифест, требовавший уничтоже-

¹ Whitelocke. C.397, 398, 399. - Clement Walker, Hist of independency. Ч.II. - C.151. - Carlyle, Cromwell's letters. T.I. - C.435. - Cromwelliana. C.55, 56.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

ния государственного совета и верховного уголовного суда, составления нового парламента, принятия лильбёрнова проекта правительства, немедленного освобождения самого Лильбёрна и товарищей его по заключению и объявлявший, что если хоть один волос с головы их упадет, то с помощью Божьей, мщение разразится над их тиранами. В то же время стало известно, что в Оксфорде и Глочестере, в полках, находившихся под командой полковников Гаррисона, Ингольдсби и Гортонa, происходит страшное волнение и что большая часть солдат находится в сношениях с мятежниками и готова присоединиться к ним.

В этих-то стесненных обстоятельствах со стороны республиканских предводителей, парламента и генералов было истинным достоинством - не увеличить зла и опасности и противопоставить им средства скорые и твердые, но умеренные. Они действовали смело и хладнокровно, с верою в свое право и в свои силы, как действует правительство против бунтовщиков, а не как партия против соперников. Парламент постановил, что всякое покушение, выраженное, на деле или письменно, против существующего республиканского правительства, против власти нижней палаты или государственного совета или клонящееся к возбуждению какого-нибудь волнения в армии, будет считаться делом государственной измены. Он поручил своему комитету немедленно окончить закон против злоупотреблений книгопечатания; принял меры относительно внутренней полиции Сити; предписал Лильбёрна и его товарищей, содержащихся в башне, разместить порознь, не допускать к ним никого и воспретить им всякое с кем бы то ни было сношение. Затем он остался спокоен и предоставил действовать генералам¹.

Ферфакс и Кромвель, в свою очередь, хотели прежде всего удостовериться в бывших у них под рукою войсках, потому что потрясение распространилось всюду. Они произ-

¹ Journals of the House of Commons. T.VI. - C.205, 207, 208, 209. Whitelocke. C.401. - T.XIX. - C.122.

вели в Гайд-Парке смотр двум полкам, которыми лично командовали и которые носили их имена. Кромвель много говорил и к собранным вместе войскам, и к солдатам поодиночке: "Не всего ли лучше для вас держаться неизменно стороны парламента? Он осудил на казнь великих преступников; он сформировал сильный флот, который в состоянии мощно покровительствовать торговле; он обеспечил уплату всего, что было не доплачено армии; у него было решено скоро определить срок его собственного существования и постановить правила созвания новых парламентов. Что касается военного закона, то всем, не желающим подчиняться ему, остается только сложить оружие: они получают отставку и все заслуженное жалованье наравне с теми, которые останутся под знаменами". Только один солдат сделал несколько возражений тоном, не совсем приличным. Кромвель велел арестовать его; но скоро, по неотступным просьбам товарищей, принявших непокорного на свою ответственность, он его простил и позволил ему возвратиться во фронт. У некоторых были повязаны на шляпах зеленые ленты; они их сняли. Оказалось, что оба полка воодушевлены наилучшим образом, и по окончании смотра два генерала, полные доверенности, тотчас же двинулись вместе с ними¹.

Через пять дней, сделав переход в пятнадцать миль, они настигли в Борфорде, что в Оксфордском графстве, инсургентов, уже смущенных уроном, который полковник Рейнольдс нанес им в самом Бэнбери, где капитан Томпсон положил начало восстанию. Настигнутый врасплох и разбитый, Томпсон увидел, что его дружина рассеялась, и сам спасся только бегством; гонец, присланный к инсургентам от Ферфакса, ввел их в заблуждение: они почли свое положение безопасным и возмечтали, что с ними хотят вступить в переговоры. Вдруг, в полночь, Кромвель вступил в Борфорд с двумя тысячами войска; между тем Рейнольдс приблизился к городу с противоположной стороны, чтобы обрезать ин-

¹ Cromwelliana C.56. - Carlyle, Cromwell's letters. T.I. - C.436.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

сургентам отступление. Несколько минут они защищались с высоты укреплений и из окон домов; но скоро, потеряв всякую надежду, не имея ни предводителей, ни боевых запасов, одни из них, в числе около четырехсот, сдались, другим удалось прорваться и убежать. Ферфакс тотчас созвал военный совет, который постановил: подвергнуть казни одного из каждаго десяти бунтовщиков. На другой же день на борфордском кладбище корнет Томпсон, брат главного зачинщика бунта, был расстрелян первый. Все те, которым выпал жребий подвергнуться той же участи, были поставлены на церковной паперти, видели казнь товарищей и ждали своей очереди. За корнетом Томпсоном последовал один капрал, потом третий, который умер с непоколебимой твердостью, не отрекаясь ни от чего, что было ими сделано, и сам командовал направленными в него выстрелами. Четвертым привели корнета Дэна, старого и храброго солдата, которого генералы знали; он выразил раскаяние. Ферфакс простил его, и казни не последовало. Кромвель вошел в церковь, велел ввести остальных осужденных, сделал им выговор и строгое увещание, упрекнул их в опасности, которой они подвергали доброе начинание, предпринятое во имя Бога и их родины. Они заплакали, говорит современный журнал, и были отчислены на несколько месяцев в соседний гарнизон, а потом снова переведены в их полки и посланы в Ирландию, куда и отправились с полной готовностью¹.

Некоторые шайки бродили еще в графствах Оксфордском и Нортэнтонском; капитан Томпсон соединил их и держался с ними несколько дней; но быстро атакованный полковником Ботлером, он скоро остался один и скрылся в лесу; солдаты Ботлера преследовали его; Томпсон показался из чащи, бросился на преследователей, убил или ранил троих из них и, раненый сам, ускользнул в лес; потом снова напал с криком, что не хочет ни сдаться, ни быть взят живым, и наконец

¹ Cromwelliana. С.56-57. - Carlyle, Cromwell's letters. T.I. - С.437-439. - Whitelocke. С.402. - Heath, A brief Chronicle etc. С.431, 432.

пал, пораженный семью пулями¹. Первое и единственное серьезное восстание уравнилелей кончилось вместе с ним.

По поводу этого успеха парламент выразил радость, в которой в первый раз обнаружились его страхи. Председателю поручено было изъявить Ферфаксу, Кромвелю и всем их офицерам официальную благодарность. Один Кромвель был при этом в палате; к нему-то и обращался председатель (26 мая 1649 г.). Трем членам приказано было отправиться к Ферфаксу с изъявлением той же благодарности. Назначен был день для принесения Богу торжественного благодарения. Два проповедника, славившиеся между индепендентами, Джон Овен и Томас Гудвин, должны были говорить проповеди. В тот же день, 7 июня, прослушав их речи, вся палата отправилась в Сити на поздравительный обед, на который пригласили ее лорд-мэр и общий совет. Все находившиеся в Лондоне офицеры выше лейтенантского чина присутствовали на обеде. Когда палата прибыла в Гросерс-Галль, лорд-мэр поднес председателю вынесенную перед ним шпагу, которую председатель вскоре передал опять ему, - почесть, оказываемая прежде только одному королю, и за обедом председатель занял королевское место. Когда гости стали садиться за стол, граф Пемброк, который был теперь уже не более как простой член нижней палаты и которого, в вознаграждение за это понижение и в уважение его прежнего величия, хотели посадить рядом с главнокомандующим, обратился к Уайтлоку, говоря, что ему следует занять это место как первому комиссару большой печати. Уайтлок стал отклонять от себя эту честь. "Как! - сказал ему граф громко, так, чтобы слышали все окружавшие их. - Вы думаете, что я сяду выше вас? Я некогда уступал высшее место и епископу Уильямсу, и милорду Ковентрею, и милорду Литльтону; вы в настоящее время занимаете те же должности, какие они занимали: без сомнения, эти должности имеют право на такой же почет при республиканском правительстве, как в правление ка-

¹ 19 мая 1649 г. Whitelocke. С. 403.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

кого-нибудь короля; притом вы по происхождению и благородству такой же дворянин, как и они. Я решительно не сяду выше вас". Уайтлок уступил с чувством мелкого удовлетворенного тщеславия, а лорд Пемброк заслужил и похвалы и презрение всех присутствовавших¹.

В конце обеда лорд-мэр, от лица Сити, поднес в подарок Ферфаксу в золоченой кружке 1000 фунт. стерл., а Кромвелю 500 фунт. стерл., и палата, восхищенная столь блестящим приемом, сделанным ей в том самом месте, где еще недавно стоило ей столько трудов провозгласить республику, официально отблагодарила за него лорда-мэра и возложила на специальный комитет изыскать средство дать какой-либо знак высокого уважения и благорасположения парламента к Сити. Через пять недель постановлением парламента был предоставлен "лорду-мэру и обществу лондонских граждан в вечное и потомственное владение" Ричмондский Парк и таким образом наследство короля отдано в добычу Сити для ее удовольствий².

Между тем предводители республиканцев не были слепы к угрожавшим еще им опасностям; они слишком близко видели народ и армию, чтобы думать, что пламя, едва унятое ими, в самом деле погасло; тверды и спокойны были они во время борьбы; благоразумны и умеренны стали по одержании победы. Они старались удовлетворить или, по крайней мере, внушить надежду, что удовлетворят законным или только популярным желаниям недовольных. Приняты были меры для положительного обеспечения уплаты содержания войскам, для защиты жителей от злоупотреблений военного постоя, для оказания пособия раненым солдатам и их семействам, для возможного облегчения участи содержащихся в тюрьмах за долги и доставления работы лондонским бед-

¹ 19 мая 1649 г. Whitelocke. C.406. - Cromwelliana. C.59. - Письмо Круле к кардиналу Мазарини (21 июня 1649 г.), французские архивы иностранных дел (см. в конце этого тома раздел "Исторические документы", N 1).

² Whitelocke. C.406. 411. - Leicester's Journal. C.73. - Journals of the House of Commons. T.VI. - C.227, 263.

ным¹. Комитетам поручено было исследовать и сделать заключение, как должно поступать относительно негодных монет и каким способом можно было бы дать гражданскому судопроизводству более быстрый ход и сделать его не столь тяжелым². Предложена была всеобщая амнистия³. Вопрос о сроке и системе избрания нового парламента несколько раз был поставлен на очереди⁴. Были изданы законы, с одной стороны, в видах уничтожения старинных стеснений в делах веры и в отправлении богослужения христианскими сектами, с другой - для ограничения вольности нравов, так как оппозиция требовала в одно и то же время и большей свободы, и большей строгости⁵. При всем этом не держались общих мер и законодательных предначертаний; хотели выказать благосклонное расположение людям, наиболее поставившим себя на виду. Многие из первенствующих лиц парламента и армии имели совещания с главными уравниателями, пытались войти с ними во взаимное соглашение относительно предстоявших реформ и средств правительства⁶. Дух примирения распространился даже на самого Лильбёрна: уединяя товарищей его от всех, у них отнимали льготу, предоставленную всем вообще узникам; теперь эта льгота была им возвращена⁷.¹ Один из надежнейших приверженцев господствовавшей партии и даже самого Кромвеля, преподобный Гуг Петерс, посетил (25 мая 1649 г.) Лильбёрна в башне, как будто сам от себя, по личному сердечному участию, а в сущности с це-

¹ 5 марта, 7 и 12 мая. - Journals of the House of Commons, T.VI. C.155, 202, 208.

² 2 марта, 18 мая, 4, 22 и 27 июня. Там же. C.154, 211, 224, 240, 244.

³ 25 апреля 1649 г. Там же. C.195. - Whitelocke, C.398.

⁴ 1, 11 и 15 мая 1649 г. Journals of the House of Commons, T.VI. - C.199, 207, 210.

⁵ 29 июня и 13 сентября 1649 г., 8 февраля, 10 мая и 27 сентября 1650 г. Там же, с.245, 295, 474, 359, 410.

⁶ Whitelocke, C.424.

⁷ 1, 12 и 15 мая 1649 г. Journals of the House of Commons, T.VI. - C.208, 210.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

лью попытаться укротить дух его, развивая перед ним перспективу примирения и свободы. Начатое против него судебное преследование отсрочили. У него заболел старший сын; чувство отцовской скорби превозмогло политическую гордость; Лильбёрн написал к Генри Мартину, остававшемуся в хороших отношениях с ним, прося о дозволении выйти из башни для свидания с женой и детьми. Ему дозволили; и этот знак снисхождения сделался почти обычным для него и его товарищей¹. Республиканский парламент в душе сильно желал истинно примириться с побежденной им демократической и фанатической оппозицией и увидеть ее в рядах партии, которая, соединив все свои средства, при усиленных стараниях, в состоянии была бы держать в руках страну и насильственно управлять ею.

Но ничто не может быть непреклоннее ума одностороннего, щекотливого и тщеславного, когда он сочетался с благородным и твердым сердцем. Лильбёрн, ненавидя врагов, все-таки, может быть, вошел бы в соглашение с ними, полагая, что они так же, как он, действуют по убеждению и искренно; но он презирал своих победителей как своекорыстных честолюбцев и хитрых лицемеров; самая благосклонность их казалась ему или следствием их собственной слабости, или предательской хитростью. Когда Гуг Петерс пришел к нему в башню, он обошелся с ним бесцеремонно грубо и все его внушения отверг как оскорбления или как козни. Петерс упрекал его в том, что он своими нападками произвел все зло последней борьбы, и обнажил перед ним раны республики. "Когда солнце светит на навозную кучу, - отвечал Лильбёрн, - и она издает зловоние. Кто виноват: солнце или навозная куча?"² И в продолжение трех месяцев четыре новые

¹ 18 июля и 7 сентября 1649 г. - Journals of the House of Commons. T.VI. C.264, 292.

² Разговор между подполковником Джоном Лильбёрном, заключенным в лондонской башне, и Гугом Петерсом, 25 мая 1649 (A discourse betwixt lieut. - Col. John Lilburne, close prisoner in the Tower of London, and M. Hugh Peters, upon May 25, 1649). - C.3.

памфлета доказали неистощимость его вражды. Один из этих памфлетов, адресованный к государственному советнику Корнелиусу Голланду, был вызовом на словесный политический поединок. "Пусть ваша палата, - писал Лильбёрн, - изберет двоих, и я также изберу двоих, и если эти четыре лица не согласятся между собою, пусть назначат сами пятое лицо для решения их спора. Назначьте, если хотите, Кромвеля, Эйртона, Брадшоу - словом, всех ораторов или доказчиков, какие были у вас употреблены против короля и лордов, вами казненных; а мне предоставьте одному защищать мою правоту. Если прение будет происходить публично, если дадут мне полную возможность говорить за себя, и я все-таки не докажу моей невинности, то я согласен лишиться всего, что у меня есть, разумея тут и самую жизнь мою. Но если в продолжение пяти дней предложение мое не будет принято, то я сочту себя вправе раскрыть и выставить перед публикой все, что знаю о вас и ваших сообщниках"¹. И действительно, в двух других памфлетах, из которых один был направлен исключительно против Кромвеля и Эйртона², другой заключал в себе возбуждение к восстанию, обращенное от лица десяти молодых ремесленных учеников Сити к солдатам армии и в особенности к полку Ферфакса³, в этих двух памфлетах Лильбёрн воспользовался выговоренным себе правом.

Эти подстрекания не остались без последствий: новый бунт вспыхнул в Оксфорде (6 сентября 1649 г.) в полку, бывшем под командою полковника Ингольдсби; солдаты схватили и заключили в тюрьму своих офицеров и самого полковника, который был со всей поспешностью послан парламентом для усмирения их; они из своей среды выбрали предводителей мятежа, укрепились в здании и оттуда предъ-

¹ John Lilburne to his honoured friend M. Cornelius Holland. C.5.

² An impeachment of high treason against Oliver Cromwell and Henry Ireton, by John Lilburn (августа 1649).

³ An outcry of the young man and apprentices of London, by John Lilburne (29 августа 1649 г.).

явили вновь все требования уравнителей. Они говорили, что ждут шесть тысяч человек из графства Нортэмптон, а также из западных графств и Кента. Действительно, в разных пунктах и во многих полках обнаружилось движение. Корнет Дэн, который недавно на борфордском кладбище получил прощение от Ферфакса, снова явился предводителем шайки. Но плохой успех первого восстания и благодушная твердость, которую показали тогда генералы, оставили и в армии и в народе глубокое впечатление: движение не могло ни распространиться, ни быть продолжительным. Офицеры, содержавшиеся в оксфордской тюрьме, без всякого шума восприняли свободу и власть сначала над самими часовыми, охранявшими их, потом над солдатами, бродившими по улицам. Скоро весь полк подчинился командиру, и через десять дней после вспышки бунта он повсюду или был подавлен, или уничтожился сам собою¹.

Но в это время обнаружилось в первый раз новое важное обстоятельство. Когда Гуг Петерс посещал Лильбёрна в башне, последний сказал ему: "Передайте вашим старшим, что если бы отдали на мой выбор, я лучше согласился бы прожить семь лет под правлением старого короля Карла, хотя они отрубили ему голову как тирану, нежели оставаться один год при нынешней тирании; и я вам говорю, что если они будут упорно продолжать эту тиранию, то доставят принцу Карлу столько друзей, сколько нужно не только для провозглашения его имени, но и для возведения его на отцовский престол"². Спустя два месяца тот же самый Лильбёрн, издавая свой "Крик молодежи к солдатам", говорил этим последним: "Когда вы стеклись служить отечественным законам, то нисколько не обязывались идти против особы короля как короля;

¹ Journals of the House of Commons. T.VI. - C.293. - Whitelocke. C.424, 428.

² A discourse betwixt J. Lilburn and Hugh Peters. C.8.

вы вовсе не хотели уничтожить его, а только дать правильные основы королевскому достоинству¹". Эта мысль и этот язык произвели свое действие: уравнители вступили в союз с кавалеристами. В то самое время, как вспыхнуло возмущение в Оксфорде, было перехвачено письмо, писанное одним кавалеристом, содержащимся в башне, к лорду Коттингтону, одному из тайных советников Карла II во Франции. В этом письме было сказано: "Все наши надежды здесь зависят от видимой благодарности, какую его величество окажет Лильбёрну и партии уравнителей, недовольство которой растет с каждым днем. Нам нечего будет делать, если уравнители не пойдут с нами, а они, я надеюсь, первые готовы совершить подвиг. Я прошу, чтобы мне помогли в этом труде, потому что если не будет сколько-нибудь денег, нельзя ожидать многого, я имею дело с людьми бедными, нуждающимися"².

Парламент не мог не воспользоваться этими фактами: он поставил их главным аргументом в изданном им длинном объявлении, направленном против уравнителей, с целью оправдаться в том, что он действовал с ними строже, нежели предполагал, и вместе придать большую твердость своим приверженцам³. Чтобы подтвердить слова делом, парламент велел немедленно начать процесс над Лильбёрном и, назначив для присутствия в суде чрезвычайную комиссию из сорока членов, предоставил, во всяком случае суду присяжных, право произнести приговор относительно фактов, взведенных на подсудимого⁴.

Родственники и друзья Лильбёрна, жена его, такая же, как он, мужественная и нежно любившая его, брат полковник Роберт Лильбёрн, офицер, уважаемый генералами и армией, употребили последние усилия, чтобы избавить

¹ The outcry of the young men of London. C.4.

² Parl. Hist. T.XIX. - Col. 193.

³ 28 сентября 1649 г. Там же. C.177-200.

⁴ 11 сентября 1649 г. Journals of the House of Commons. T.VI. - C.293.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

его от этого процесса. У самого Лильбёрна вырвалось некоторое желание избежать суда. Он изъявил готовность уехать в Америку; но в то же самое время издал памфлет, в котором объяснял причины своего отъезда и с едкостью развивал условия его¹. Ему не отвечали. По неотступным настояниям жены, он попросил отсрочки; и на это также не дали ответа. Республиканское правительство решилось окончательно отделаться от этого нестерпимого врага и твердо надеялось избавиться, наконец, от него.

Процесс начался в Гильдгалле 24 октября 1649 г. Лильбёрн употребил все силы своего ума и характера, чтобы устоять против опытных и искусных судей, из которых одни рабски старались затруднить его защиту, другие были одушевлены благородным желанием оказать покровительство подсудимому в его законных правах; но их беспрестанно язвили и раздражали его грубая горячность, едкие сарказмы и резкие нападки на власть, которой они были представителями. Прения, продолжавшиеся два дня, приходили уже к концу, вдруг Лильбёрн, обращаясь к присяжным, произнес: "Господа присяжные! Вы мои единственные судьи, хранители моей жизни; от вас Господь потребует ответа за мою кровь; поэтому заклинаю вас: сознайте власть вашу, вникните в долг ваш перед Богом, передо мною, перед вами самими, перед нашим отечеством; дух Господа Бога, Всемогущего Вседержителя неба и земли и всего сущего, да будет с вами, да направит вас и научит сотворить правду во славу Божию".

"Амины!" - закричало в один голос все многолюдное собрание. Судьи переглянулись с некоторым беспокойством и попросили генерала Скиппона велеть привести еще три роты солдат. Генеральный прокурор Придо (Prideaux) и верховный судья Кэбл, председательствовавший в суде, снова старались убедить присяжных в

¹ 22 октября 1649 г. Этот памфлет носит заглавие "Второе предложение невинного человека" (The innocent man's second proffer).

справедливости и необходимости осуждения. После рассуждений, продолжавшихся три четверти часа, актуариус произнес, обращаясь к присяжным: "Господа присяжные! Согласились ли вы насчет вашего приговора?" "Да". - "Смотрите на подсудимого: виновен ли он в тех изменнических деяниях, в которых его обвиняли, или же невинен?" - "Невинен во всех этих деяниях". - "Во всех и ни в одном из них?" - "Невинен во всех и ни в одном из них".

При этом слове "невинен" в судейской зале раздались, говорят, такие восклицания, каких, может быть, никогда и не слышано было. Целые полчаса судьи сидели неподвижно на своих местах, вынося этот взрыв общественной радости. Подсудимый спокойно стоял у балюстрады, и в осанке его выражалась такая скромность, какой прежде в нем не было. Когда крики утихли, актуариус снова заговорил: "Господа присяжные! Подумайте о вашем приговоре; присутствующие слышали его. Вы говорите, что Джон Лильбёрн невинен во всех тех изменнических деяниях, в которых его обвиняли, невинен в каком-либо из них. Все ли вы говорите это?" - "Да, мы все говорим это!"¹

Лильбёрн снова был отведен в башню, сопровождаемый восклицаниями толпы, и всю ночь радостные огни горели на улицах. Правительство попыталось было еще содержать его в тюрьме, но через две недели ропот народа и усилия некоторых благоразумных и благодушных членов палаты, в числе которых были Лудло и Генри Мартин, успели, наконец, добиться освобождения его (8 ноября 1649 г.).

Парламент живо ощутил эту неудачу, которая, впрочем, была не столько опасна для его власти, сколько горька для его самолюбия: хотя Лильбёрн ускользнул из его рук, но у него оставалась победа над уравниателями, которые отказались возмущать народ и армию и были уже не более как заговорщики. Впрочем, самая победа эта была бесплодна: республиканское правительство торжест-

¹ State-Trials. T.IV. - Col. 1270-1470.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

вовало, но не укреплялось; его враги - король, кавалеры, республиканцы, анархисты - падали под его ударами, а оно все чувствовало себя вынужденным поддерживать и даже усиливать свои строгие меры. К прежним законам об измене оно прибавило новые, более грозные постановления, по которым слова становились наравне с деяниями и составляли уголовное преступление¹. Допуская уничтожение предварительной цензуры, оно постановило закон о книгопечатании, строгость которого доходила до взысканий и преследований самых тиранических. Этот закон не только подвергал весьма тяжким наказаниям авторов, издателей, продавцов и распространителей возмутительных сочинений, но даже самих покупателей их обязывал, под опасением штрафа, представлять в течение двадцати четырех часов ближайшему правительственному лицу купленные ими экземпляры. Никакая типография не позволялась нигде, кроме четырех городов: Лондона, Иорка, Оксфорда и Кембриджа. Издание журналов и собраний повестей, а также торговля книгами, как внешняя, так и внутренняя, были поставлены в полную зависимость от произвола правительства. Все разносчики и уличные певцы были запрещены, и всюду, где только попадался хоть один, его брали, вели в исправительный дом и секли как преступника; а всякий начальник, не исполнивший этого предписания закона, подвергался штрафу². Запрещено было публиковать ход дел и прения в высших судах. Вопреки законам и преданиям страны, палата во многих случаях сама делалась уголовным судом и приговаривала к тяжким наказаниям (к изгнанию, большим штрафам и даже к позорной казни) тех подсудимых, которых не надеялась довести до наказания иным судебным путем³. Она воспретила жить в Лондоне

¹ Этот билль, предложенный 1 мая 1649 г., был принят 14 того же месяца. *Journals of the House of Commons*. T.VI. - С.199, 209.

² Этот билль был предложен 9 августа и принят 20 сентября 1649 г. Там же. С.276, 298.

³ Там же. - T.VI. - С.354-356, 591; T.VII. - С.71-73, 75, 78, 79. - *Whitelocke*. С.440.

кавалерам-католикам, быстро выслужившимся собственными достоинствами офицерам - словом, всем, которые были для нее подозрительны. Когда она видела возможности преследовать судом какого-нибудь страшного для нее врага, то держала его самовольно в тюрьме. В то самое время, когда Лильбёрн, оправданный судом присяжных, выходил из башни, один роялист-пресвитерианец, Климент Уалькер, член парламента, изгнанный из него вместе со своей партией в 1648 году, издал сочинение "Английская анархия (*Anarchia anglicana*), или Исторические и политические рассказы и наблюдения о парламенте, открытом в 1640 году" - историю пристрастную, но наполненную важными фактами и любопытными анекдотами о республиканской партии и ее предводителях. Уалькер очутился на месте Лильбёрна, в башне, и оставался там без всякого суда до самой смерти, последовавшей в 1651 году¹. В том же самом году государственный совет приказал перевести в разные города пятерых замечательнейших из бывших предводителей пресвитериан: сэра Уильяма Валлера, сэра Уильяма Левиса, сэра Джона Клотуори, генерала Броуна и генерального комиссара Коплея, и это распоряжение обнаружило, что они с самого учреждения республики содержались в Виндзорском замке².

Все эти жестокие строгости не внушили ни народу, ни самим республиканцам уверенности в силе и прочности республики: республиканцы имели в своих руках полную власть; они устранили от всякой политической деятельности и высшую аристократию, и тогдашнюю радикальную демократию - кавалеров и уравнителей. Теперь уже внутренняя тоска мучила их больше, нежели всевозможные враги. Победители и властелины, они видели, что поднимается из среды их победитель и властелин, от которого они не знали, как защититься и без которого не знали, как

¹ Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - С.347.

² Приказание о переводе их было отдано 11 мая 1651 г. Там же. С.250.

ЧАСТЬ II. КНИГА ПЕРВАЯ

обойтись. Едва родившаяся республика уже чувствовала над собою Кромвеля: всякий раз, в минуты опасности или тревоги, она прибегала к нему и на другой же день возмущалась доверием и известностью, которые он приобретал, спасая ее. Кромвель, со своей стороны, расточая перед республикой доказательства глубочайшей преданности, обнаруживал на каждом шагу порывы честолюбия и гордости. Генри Мартин, который был с ним очень короток, однажды в палате вздумал упорно противиться некоторым его желаниям относительно армии. Кромвель быстро выхватил кинжал и, вонзив его в стул, стоявший подле, громко высказал угрозу "Гарри и его шайке уравниателей". В другой раз, в более дружеском и веселом настроении, он называл Генри Мартина "Мэр Гарри". Республиканец встал, поклонился и сказал: "Благодарю ваше величество; я всегда думал, что если вы станете королем, то я буду сделан рыцарем"¹. Еще не кончился первый год республики, а уже в Ковентри перехватывали памфлеты, носившие заглавие "Характер короля Кромвеля"², и Крулле, от 14 июня 1649 г., писал кардиналу Мазарини: "Многие уверены, что Кромвель устремляет свои мысли далее всякого возможного предела, до какого только может доходить самое необузданное честолюбие"³. Республиканские предводители уже нигде не встречали деятельного сопротивления; но, принужденные все более и более натягивать пружины власти, они были одни среди непримиримых врагов, а рядом с ними Кромвель все возрастал, чтобы, служа им, ниспровергнуть их.

Кровавый бич - гражданская война отсрочила взрыв этих несогласий и придавала на некоторое время республике единство и лихорадочную энергию, которая только и могла продлить ее жизнь.

¹ Mercurius pragmaticus, март 1651 г. - Forster, the Statesmen of the Commonwealth (жизнь Генри Мартина). Т. III. - С. 328. - Cromvelliана. С. 53.

² Whitelocke. С. 434.

³ Французские архивы иностранных дел.

КНИГА ВТОРАЯ

Состояние партий в Шотландии и Ирландии. - Карл II провозглашен там королем. - Шотландские комиссары в Гаге. - Ирландская война. - Кромвель принимает в ней командование войсками. - Его жестокости и успехи. - Экспедиция Монтроза в Шотландию. - Его поражение, осуждение и казнь. - Прибытие Карла II в Шотландию. - Кромвель возвращается из Ирландии и принимает команду над войсками в войне шотландской. - Опасности его положения. - Сражение при Дунбаре. - Карл II вступает в Англию. - Кромвель вступает туда же, вслед за ним. - Сражение при Уорчестере. - Бегство и приключения Карла II. - Он отплывает во Францию. - Кромвель возвращается в Лондон. - Полное торжество республики.

Из трех королевств Карла I в одной Англии была республиканская партия, довольно сильная для одержания минутной победы и довольно смелая для попытки управлять страной. По причинам весьма различным Шотландия и Ирландия оставались глубоко монархическими; но они были так настроены и стояли в таких условиях, что не в состоянии были сильно поддерживать короля, без которого они не могли и не хотели обойтись. Ни в том ни в другом королевстве роялисты, в собственном смысле этого слова, не преобладали: в Шотландии господствовали пресвитериане, в Ирландии католики. Эти господствовавшие элементы были не в одинаковой степени тиранические, но они были одинаково расположены к ненависти и ослеплению, одинаково увлечены своими религиозными страстями за пределами политических намерений и не умели ни сознавать права и силы своих противников, ни соразмерять

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

со своими действительными силами собственные притязания. И те и другие разделялись: в Шотландии свирепые пресвитериане преобладали в парламенте и в церкви, но рядом с ними была оппозиция, состоявшая из пресвитериан умеренных, которые в 1642 году подняли войну против английского парламента за Карла I и имели между аристократией и в армии множество приверженцев. В Ирландии обширная партия католической аристократии, по чувству ли благородства или из благоразумия, открыто держала, вместе с большей частью ирландских протестантов, сторону протестантского короля; но ей на каждом шагу ставили препятствия страсти, недоверчивость и естественные, но дурно рассчитанные требования католического народа, шедшего под ее знаменами. И в том и в другом королевстве вокруг господствовавшей партии, внутренне разьединенной, волновались другие партии, преданные противоположным началам, слабейшие числом, но деятельные, смелые и непреклонные. В Шотландии, с одной стороны, стояли чистые роялисты, частью по исповеданию англиканской веры, частью по монархическим чувствам; с другой, независимые сектаторы, сочувствовавшие английским республиканцам и их парламенту. В Ирландии, с одной стороны, упрямые католики, враги всякого протестантского правительства, какое бы оно ни было, монархическое или республиканское, боровшиеся с каждым из них поочередно, следуя минутным впечатлениям; с другой, немногие поселившиеся в Ирландии английские протестанты и республиканцы и довольно значительное число робких ирландских католиков, которые становились под знамя парламента, потому что верили в его силу и только желали избегнуть опасностей борьбы, в которой никак не надеялись одержать победу.

Соперничество предводителей усиливало вражду между партиями. В Шотландии, во главе пресвитериан-фанатиков стоял маркиз Арджайль, расчетливый, настойчивый и хитрый, властолюбивый и осторожный, роялист больше по преданию, нежели по склонности, более верный своим клиентам, нежели тем, кто имел над ним власть, более

всего заботившийся о своем влиянии или о своей личной безопасности и обладавший искусством приобретать в противной партии себе союзников для противодействия своим соперникам, бывшим в его собственной партии. Казнь герцога Гамильтона в Лондоне отняла у умеренных пресвитериан их прежнего предводителя, которого плохо заменили брат его, лорд Лэнерк, наследовавший от него только титул, но не общее доверие, и лорд Лодердэль, придворный льстец и вместе вольнодумец, способный к страстной ненависти, хотя в то же время глубоко равнодушный, наконец, развратный и в то же время фанатик. Монтроз, казалось, был рожден для того, чтобы очаровать и подчинить себе чистых роялистов, потому что между ними он был всех блистательнее, увлекательнее, смелее, сердечнее и горделивее. В недрах эдинбургского суда образовался для небольшой партии шотландских республиканцев-сектаторов предводитель, обладание которым могло бы быть предметом зависти английского парламента. Это был Арчибальд Джонстон, лорд Уаристон, пылкий, находчивый, одаренный быстрым соображением, неутомимый, обладавший большими познаниями, красноречивый, ловкий, как плут, и чистосердечный, как мученик. В Ирландии между предводителями партий меньше было людей замечательных, таких, имена которых пережили бы их век. Более уважаемый, нежели страшный, или увлекающий за собою, маркиз Ормонд вице-король как для Карла I, так и для Карла II, с неистощимым, хотя часто бессильным, рвением правил усилиями и внутренними распрями роялистской партии; а между независимыми ирландцами, не заботившимися ни о парламенте, ни о короле, один только Оуэн Рой-О'Нэль оставил по себе некоторую память в истории своими удачными партизанскими подвигами и попеременными отпадениями от партий. Но целая толпа второстепенных предводителей, замечательных в свое время, а теперь вовсе неизвестных, волновалась вокруг вице-короля или в среде народа и с жаром стремилась,

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

противодействуя то врагам своим, то соперникам, добиться или собственного возвышения, или освобождения своей веры и страны.

После смерти Карла I в первую минуту монархический элемент выдвинулся вперед и покрыл все эти разногласия и распри: в Эдинбурге с 5 февраля 1649 года и во всех местах Ирландии, где только имел влияние Ормонд, Карл II был провозглашен королем. Шотландскому парламенту представился новый повод жаловаться и враждовать против парламента английского. Комиссары, посланные им в Лондон сначала для того, чтобы сделать некоторые представления, потом, чтобы протестовать против предания суду Карла I, были подвергнуты оскорбительному аресту¹ в то время, когда они готовы были возвратиться на родину, и проведены под конвоем до самой границы Шотландии с целью воспрепятствовать всякому с их стороны разглашению и удалить их от всякого сообщения с народом². И убеждение и самолюбие шотландцев были одинаково оскорблены. Парламент их решил немедленно послать комиссаров к новому королю, чтобы просить его возвратиться к ним. В то же самое время Ормонд упрашивал его прибыть в Ирландию, говоря, что там он найдет три четверти нации преданных его делу; даже самый свирепый из ирландских предводителей, сам Оуэн Рой-О'Нэль, послал к Карлу особого гонца с уверениями в своей верности³.

Все эти посланные почти в одно и то же время прибыли в Гагу⁴, где жил Карл под покровительством своего зятя, штатгальтера, принца Оранского, и где голландские генеральные штаты оказывали ему дружественное расположение,

¹ 2 марта 1649. - Journals of the House of Commons. T.VI. - C.152. - Whitelocke. C.384, 385, 388.

² Parl. Hist. T.XIX. - Col. 16-36, 40-48. - Journals of the House of Commons. T.VI. - C.131, 135, 145.

³ Whitelocke. C.381, 383, 389, 392. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.XII. - С.4, 11-13, 3, 28. Carte, Ormond's Letters. T.I. - C.213, 231.

⁴ В конце марта 1649 г.

хотя сдержанное в пределах осторожности. Там были при нем его разумнейшие советники, которых отец его с опытностью человека, искушенного несчастьем, рекомендовал ему, заветая слушаться их; то были лорд Коттингтон, сэр Джон Кольпиппе и в особенности сэр Эдуард Гайд, монархист и англичанин страстный, но серьезный, даровитый и сохранивший в изгнании, точно так же, как хранил на родине, неизменную верность религии, законам и нравам своей страны. Они сильно настаивали, чтобы Карл не поселялся ни вообще во Франции, где политика Мазарини казалась им подозрительной, ни при вдовствующей королеве, его матери, которая жила то в Сен-Жермене, то в Париже, по-прежнему не очень любимая истинными англичанами, которых и сама не очень любила, окруженная католическими священниками и теми ветреными и дерзкими придворными, которые оказывали на нее и короля гибельное влияние.

Карл был в большом затруднении: комиссары шотландского парламента и шотландской церкви предлагали ему весьма тяжелые условия: он должен был отступить от своих прежних друзей, в особенности от Монтроза, предмета общей ненависти пресвитериан; прибыть в Шотландию почти один; совершенно предаться господствующей партии; подписать их ковенант 1738 года и, наконец, искренно или притворно, сделаться вместе с ними и подобно им пресвитерианином. Умеренные пресвитериане, лорд Гамильтон и лорд Лодердаль, будучи врагами пресвитериан-фанатиков и негодуя на их требования, все-таки советовали Карлу верить им и больше всех настаивали, чтобы он решительно отрекся от Монтроза; они отказывались сами иметь с ним какое-либо сношение и с наглостью уходили из кабинета короля, когда входил Монтроз. Последний, в свою очередь, подстрекал Карла отвергнуть все эти притязания, говоря, что его поработят под предлогом возвращения ему королевской власти; что для достижения потерянного престола ему следует рассчитывать только на шпагу и что он первый обнажит свою и пойдет вперед расчищать ему до-

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

рогу. Карлу по душе были советы Монтроза, хотя он не верил в их исполнимость; но принц Оранский, согласно с письмами королевы-матери и общим мнением Голландии, с жаром уговаривал Карла не вверяться этим советам, склонял, напротив, принять предложения шотландских комиссаров и не постигал, каким образом можно отказываться от желаемой им королевской власти для поддержания англиканской церкви и епископов, за которых уже заплатился его отец короной и жизнью¹.

Карлу, который со времени смерти своего отца еще ни разу не проявил себя ни делом, ни словом, теперь внушили мысль: отправляясь в Шотландию, послать в Англию декларацию, чтобы заявить свои чувства и намерения, придать твердости своим приверженцам и предупредить ложные толки, к которым мог подать повод его поступок. Гайду, который на совете был против этого предложения, поручено было составить декларацию; но когда он представил проект этого акта, в котором с особенным искусством старался всячески умерять выражения, тогда поднялось множество разнородных возражений, и невозможность вести речь так, чтобы удовлетворить английских роялистов, не раздражив роялистов шотландских или ирландских, оказалась столь очевидной, что единогласно положено было продолжать молчание, которое прежде хранили инстинктивно².

Затруднения очень скоро утомили Карла; перспектива неприятностей и непристойной лжи, которые ожидали его в Шотландии, возмутила душу его; он сделал шотландским комиссарам некоторые возражения и дал уклончивый ответ, который в настоящем случае равнялся отказу. В то же время он дал секретное поручение Монтрозу, облечши его званием наместника и главнокомандующего всеми ко-

¹ Carte, Ormond's Letters. T.I. - C.238. - Clarendon. Hist. of the rebellion. T.XII. - C.29.

² Там же. C.43-46.

ролевским войсками в Шотландии и уполномочив набрать в Европе, везде, где только будет можно, людей и денег и попытаться во что бы то ни стало произвести в его отечестве роялистскую экспедицию. Потом, объявив о своем решении отправиться в Ирландию, которая не требовала ничего кроме его прибытия, Карл посадил часть своей свиты с багажом на два небольших судна и велел им в самом деле отплыть в Ирландию; сам же, под тем предлогом, что прежде чем оставить европейский материк ему следует быть во Франции, чтобы посетить королевскую мать, отсрочил свой отъезд¹.

В сущности, несмотря на то, что по числу и по степени преданности приверженцев главная надежда Карла была на Ирландию, ему не очень хотелось явиться туда и показать протестантам Англии и Шотландии, что его окружают и первые дают ему опору католический народ и католическая армия. По этим-то самым причинам вскоре после смерти короля Ирландия и сделалась предметом внимания и энергичных действий республиканского парламента. Он ожидал, что там-то преимущественно и может вспыхнуть роялистская война; но там-то преимущественно он и желал ее встретить. Война в Ирландии всегда возбуждала пламенное воодушевление в англичанах почти всех партий. Против Карла I была употреблена с удивительным успехом эта племенная, религиозная и политическая неприязнь; надеялись извлечь из нее такую же выгоду и против его сына. Как только узнали в Лондоне, что он провозглашен в Ирландии королем и что Ормонд почти всю страну собрал под свое знамя, тотчас решили произвести нападение. Палата, при самой отмене королевской власти и палаты лордов, назначила по 120 000 фунт. стерл. в месяц на содержание сорокачетырехтысячной ар-

¹ Carte, Ormond's Letters. T.I. - C.263, 345. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XII. - С.15, 17, 39-41. - Wishart, Memoirs of Montrose. С.338-360 (Эдинбург. 1819).

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

мии, большая часть которой предназначалась для похода в Ирландию, а государственному совету поручено было, по соглашению с главнокомандующим и его главнейшими офицерами, определить: каким образом должна быть подготовлена и начата ирландская война¹.

Через пять дней Скотт, от имени общего собрания государственного совета и совета военного, доложил палате, что первой мерой для формирования армии и приготовления ирландской войны должно быть назначение командующего этой армией. Палата послала государственному совету предложение сделать выбор. Думали, что совет предложил Ламберта, и большая часть друзей Кромвеля, казалось, указывала на него; но некоторые, более сметливые или более подготовленные, неожиданно предложили самого Кромвеля, который не присутствовал на заседании. Тотчас известили его об этом, и он, казалось, был изумлен, как будто ничего не знал об этом прежде; он просил, чтобы генеральный совет армии избрал от каждого полка по два офицера, которые бы собрались к нему с благочестивыми чувствами и вместе с ним испросили для решения в столь важном деле откровения свыше. Собрание положило на том, что он должен принять предложение, и палата утвердила его (30 марта 1649 г.). Кромвель принял назначение с видимым смущением и скромностью. Он говорил, что недостойн и не способен для исполнения столь великой обязанности, но покоряется предписанию палаты, уповая на помощь Божью, приметы которой уже не раз были явлены над ним. Прискорбные крайности, до которых недавние успехи мятежников (так называл он Ормонда и ирландских роялистов) довели уже это королевство, побуждают его подвергнуть опасности себя и свою жизнь. Не с теми силами, которые будут первоначально в

¹ 8 и 9 марта 1649 г. Journals of the House of Commons. T.VI. - C.159, 163, 170, 172, 182, 186, 188, 208. - Whitelocke. C.385-386, 391-392.

его распоряжении, надеется он подавить мятеж; но, по крайней мере, власть республики сколько-нибудь будет поддержана в Ирландии, пока не найдется возможность послать ему подкрепление; теперь же пока он умоляет палату не терять ни минуты, чтобы приготовить все необходимое для такого предприятия¹.

Палата склонилась на его просьбу, и в мерах, принятых ею для обеспечения успеха войны, на каждом шагу открывалась заботливая предусмотрительность и практический смысл избранного предводителя. Чтобы утешить Ферфакса в его бездействии, ему дали титул генералиссимуса всех военных сил парламента, как в Ирландии, так и в Англии расположенных. Кромвель не был ни тщеславен, ни обидчив и всячески старался удовлетворять самолюбию своих соперников, особенно когда имел намерение оттеснить их. Он выбрал себе в начальники штаба своего зятя, Эйртона, который уже доказал ему свои способности, энергию и дружбу. Полки, назначенные под его команду для предпринимаемой экспедиции, составляли двенадцатитысячный корпус; им уплатили жалованье за все прежнее время, достаточно снабдили их оружием и припасами, и комплектование их было обеспечено правильными мерами. Определили содержание офицерам, и они получили вперед довольно значительные суммы. Другие офицеры, оставившие лорда Инчикуина, когда он объявил себя роялистом, вступили на службу парламенту и воспользовались той же милостью. Озаботились и о снабжении армии провиантом. Известное число судов было расположено вдоль берегов Ирландии в распоряжение генерала. В Сити был открыт заем в 150 000 фунт. стерл., назначенный исключительно на издержки предстоящей войны, и сам Кромвель вел сношения по этому делу. Секвестрационному комитету предложено поспешить взысканием

¹ Whitelocke. С.390, 391. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.ХII. - С.70-72.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

сумм, должных роялистами за оставленные при них имущества, и эти взыскания относились к той же Ирландии. Предусмотрительность Кромвеля простерлась за пределы его исключительно военного назначения. Неусыпный покровитель своих друзей, он пригласил тех из них, которые имели какие-нибудь дела в парламенте, немедленно подать просьбы и настоял, чтобы эти просьбы были по справедливости удовлетворены до отбытия просителей в экспедицию. И самому себе доставил он полное удовлетворение уплатою следовавшего ему за прежнее время содержания, назначением оклада, который оказался весьма значительным, и ассигнованием разных добавочных сумм, в которых он имел нужды. Наконец, возлагаемое на него поручение присваивало ему как военную, так и гражданскую власть в Ирландии, и эта власть вверена была ему на три года¹.

Обеспечив себя материальными силами, Кромвель занялся средствами нравственного влияния. У республики было мало друзей в Ирландии: надо было приобрести их; надо было по крайней мере осветить перед собой ряды неприятелей. Кромвель узнал, что один из самых замечательных и способнейших людей в Ирландии, лорд Брогиль, прежде служивший поочередно и королю, и парламенту, потом удалившийся в свои земли, теперь прибыл в Лондон с целью переехать в Голландию и предложить свои услуги Карлу II. Он послал к нему одного из своих офицеров сказать, что желает быть у него и переговорить с ним. Лорд Брогиль удивился и выразил опасение: нет ли тут ошибки, так как он, по его словам, не имеет чести знать генерала. Кромвель явился через несколько минут и, сделав лорду самое почтительное приветствие, объяснил, что его намерение открыто, что у него паспорт в Спа, но

¹ Journals of the House of Commons. T.VI. - С.183, 184, 226, 232, 235, 240, 243, 248, 253, 254, 267, 270, 281, 288, 300, 301, 321, 328, 331. - Whitelocke. С.399, 401, 404, 409, 410, 412, 415, 421, 423, 426, 430.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

что он под предлогом лечения водами, в сущности едет к Карлу Стюарту в видах, враждебных правительству страны. Лорд Брогиль отрекся. "Не запирайтесь, - сказал ему Кромвель, - я могу показать вам ваши собственные письма; государственный совет уже рассмотрел их и отдал приказание посадить вас в лондонскую башню; но я упрямился отложить эту меру до тех пор, пока переговорю с вами". Лорд Брогиль признался во всем, благодарил Кромвеля и просил его совета. "Я уполномочен, - сказал Кромвель, - предложить вам командование отрядом войск в ирландской армии; от вас не потребуют никакой клятвы, вы только будете действовать против ирландских католиков". Лорд Брогиль не скрыл чувства негодования и просил дать ему сколько-нибудь времени на размышление. "Невозможно, - отвечал Кромвель, - если я оставляю вас отвергнувшим мое предложение, вы в ту же минуту будете государственным арестантом". Они расстались добрыми друзьями, и три месяца спустя оба были в Ирландии и вместе действовали в пользу парламента¹.

Около этого же времени в Лондоне появились некоторые люди, известные своей страстной ревностью к католицизму, сэр Кинельм Дигби, сэр Джон Винтер, аббат Монтаг, которые уже не раз были замешаны в дела Ирландии и всегда ставили выгоды своей церкви выше выгод короля. Им подали надежду, что их вера и богослужение получат полную свободу в Ирландии с тем, чтобы католики отказались от светских притязаний папы и выставили десять тысяч человек на службу республики. При посредничестве испанского посланника открылись совещания, а чтобы дать какое-нибудь ручательство за расположение католиков, ученый священник Томас Вэйт в сочинении под заглавием "Основания повиновения и прави-

¹ Carte, Ormond's Letters. T.I. - C.249. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.153, 155. - Carlyle, Cromwell's letters. - T.I. C.485.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

тельства" развил ту мысль, что дурные действия гражданской власти могут освобождать народ от присяги, и что если власть раз низложена, то общая польза может внушить народу лучше покориться, нежели домогаться восстановления низвергнутой власти. На континенте Карл II и его советники встревожились и послали сказать Ормонду, чтобы он был осторожнее. Они были правы, потому что пока в Лондоне велись эти тайные переговоры, Монк, по внушению Кромвеля, заключил в Ирландии перемирие с главным католическим предводителем О'Нэлем, перемирие, под которым крылся уговор, что О'Нэль будет под рукою помогать действиям парламентской армии и ее генералов (8 мая 1649 г.). Кромвель был настолько свободен от религиозных предрассудков, чтобы не пренебрегать католическими войсками в Ирландии, и не будучи в этом отношении разборчивее Карла I, но обладая большей скрытностью, он старался или примирить их с собою, если парламент и протестантская публика позволят ему это, или выдать и разъединить их, если запретят пользоваться их помощью¹.

Он пытался также с самими пресвитерианами, своими недавними, весьма жаркими противниками, возобновить некоторые дружественные отношения, удерживаясь от всякого выражения религиозной вражды против них и давая им понять, что, по его мнению, их-то именно церковный устав государство должно было бы принять и поддерживать. Отправляясь в Ирландию, он хотел заранее запастись друзьями и укротить или, по крайней мере, смягчить врагов, которых оставлял позади себя, в Англии.

Между тем он медлил с отъездом. Хотел ли он только дожждаться, чтобы войска его переправились и были уже готовы в Ирландии прежде, нежели он явится там сам, или обдумывал какой-нибудь тайный план? Это начинало немного беспокоить парламент, потому что удалить Кром-

¹ Carte, Ormond's Letters. T.I. - C.216-222.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

веля и занять войска было главной целью, с которой он так быстро предпринял ирландскую войну и сделал для нее столько пожертвований. Иностранные министры, находившиеся в Лондоне, сильно сомневались в намерении Кромвеля уехать. "Продолжают говорить, - писал Крулле кардиналу Мазарини, - что Кромвель уедет никак не позже конца этого месяца. Мне предвидится противное, и мнение мое разделяют столько умных людей, что я не могу от него отказаться; буду держаться его до тех пор, пока не разубедит меня достоверное известие, что он действительно переехал в ту страну. Трудно объяснить, каким образом Кромвель, который, по мнению многих, простирает свои мысли далее того предела, до которого может доводить их самое необузданное честолюбие, решает оставить это королевство на произвол происков и заговоров, могущих образоваться в его отсутствие, тогда как при нем никто и не помыслит о них"¹.

Но в начале июня Ормонд открыл кампанию и, несмотря на существовавшие в его партии раздоры, несмотря на плохую организацию его армии, успехи его были так быстры, что к концу месяца из всей Ирландии у парламента оставались только Лондондерри и Дублин. Кромвель решился: 10 июля множество его друзей собралось в Уайтгалль: три священника испросили оружию его Божье благословение, Кромвель, после речей двух его офицеров. Гоффа и Гаррисона, сам сказал речь, в которой привел много текстов из священного писания, имеющих аналогию с настоящим предприятием. "Потом, в пять часов вечера, отправился он по дороге в Бристоль с такой пышностью и в таком экипаже (говорит современный журнал), каких еще не видано было. Он сидел в карете, запряженной шестью фландрскими кобылицами, серыми в яблоках; за ним следовало множество карет и толпа высших чинов армии. Гвардия его состояла из двадцати четырех отборных лю-

¹ 14 июня 1649 г. - Французские архивы иностранных дел.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

дей, из которых низший был по крайней мере офицер или конюший; было много и полковников в полных мундирах. Трубы гремели. Теперь берегитесь, милорд Ормонд! Вы будете иметь дело с храбрыми: победить их - будет для вас много чести, но и быть побежденными ими - не составит большого ущерба вашей воинской славе. Вы говорите: или Цезарь, или ничто! А они говорят: или республика, или ничто¹!

Прибыв в Бристоль, Кромвель по необъяснимым причинам оставался там около месяца; он разъезжал по разным портам, присутствовал при посадке войск на судна и принимал множество посетителей. Окрестные жители стекались отовсюду посмотреть на него; его жена и многие из родных приезжали провести с ним несколько дней; казалось, он еще колебался, сомневался и как бы употреблял усилия, чтобы оторваться от английской почвы².

Из Ирландии пришло известие, положившее конец этой медленности. Ормонд, прежде нежели идти на Дублин, писал к губернатору Мичелю Джонсу, бывшему до тех пор умеренным пресвитерианином, уговаривая его отступить от этого мнимого парламента, который зарезал своего короля и хочет ввести анархию, и обещая огромные вознаграждения, если будет снова держаться королевской стороны. "Не знаю, - отвечал Джонс, - кто вручил вам вашу власть; английский парламент ни за что не согласился бы на мир, который вы заключили с мятежниками, весьма небезопасный для протестантской религии. Каким образом может быть утвержден этот мир армией папистов? Я лучше умру на своем посту, нежели постыдной изменой куплю предлагаемые мне выгоды". Ормонд расположился перед Дублином, надеясь овладеть крепостью, где гарнизон был слаб и где он имел единомышленников. Но в последних числах июля авангард Кромвеля,

¹ Cromwelliana. C.62. - Whitelocke. C.413.

² Carlyle. Cromwell's letters. T.I. - C.445.

при попутном ветре, вошел в дублинский порт, и Ормонд не мог этому воспрепятствовать; гарнизон, подкрепленный, снабженный свежими припасами и вполне воодушевившийся, просил своего командира сделать какой-нибудь решительный удар. 2-го августа Джонс произвел на лагерь осаждавших у деревни Ратмайнс такую неожиданную, быструю и удачную вылазку, что, несмотря на отчаянные усилия генералов и самого Ормонда, королевская армия пришла в совершенный беспорядок, понесла большой урон и принуждена была снять осаду¹.

Какова бы ни была причина, по которой Кромвель медлил оставлять Англию, но непременно нужно было, чтобы ему, а не кому другому, принадлежала честь покорения Ирландии. На другой же день по получении известия, он выступил, и как только сел на корабль, еще не выходя из порта Митфорд-гавена, чтобы показать со своей стороны нетерпеливое желание прославить победу Джонса, он написал другу своему Ричарду Мэйору, на дочери которого только перед тем женился старший сын его Ричард: "Маркиз Ормонд осаждал Дублин, имея девятнадцать тысяч войска или около того; семь тысяч шотландцев и потом еще три тысячи должны были скоро соединиться с ним. Джонс вышел из Дублина с четырьмя тысячами пехоты и тысячею двумястами кавалерии; он опрокинул и разбил всю эту армию, положил на месте четыре тысячи человек и взял в плен две тысячи пятьсот семнадцать человек, в том числе триста офицеров и, между ними, несколько весьма замечательных². Это благодать неожиданная, столь великая и важная в настоящую минуту, что поистине, кажется нам как бы сновидением. Что сказать? Богу угодно наполнить наши души чувством

¹ Whitelocke. C.391, 419, 420. - Journals of the House of Commons. T.VI. - C.175, 278. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.XII. - C.69; T.VII. - Ireland. C.74, 75.

² Все эти цифры были сильно преувеличены. - Carte, Ormond's Letters. T.II. - C.403, 407-411.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

агодарности, чтобы уста наши исполнились хвалы его все дни, и да не даст он нам забыть когда-либо его лкие к нам милости. В них есть сила, долженствующая репить нашу веру и любовь для годин более тяжких. олитесь за меня: да шествую я достойно Господа во ех путях, на которые он призвал меня!"

Этот порыв патриотического благочестия Кромвель заючает следующей чертой родительской заботливости:

"Я вверил вам моего сына: прошу вас, не забывайте о ваших советах. Я не завидую его наслаждениям, но юсь, чтобы он не допустил им поглотить всего себя. Я елал бы, чтобы он размыслил о себе и занялся делами, гобы читал сколько-нибудь историю, изучал математичекие науки и космографию. Это прекрасные познания, в торых все подчинено делам Божиим; они благотворнее разности и одних светских удовольствий; притом они лезны на служение родине, для которого рожден всякий ловек!"

Кромвель всегда неусыпно заботился о своих детях, об х положении в свете и нравственном направлении; и в гу сферу, как и всюду, вносил он свою прозорливую и ластительную деятельность.

На другой день по прибытии в Дублин, 15 августа, он ыл приветствован громкими восклицаниями; любопытная радостная толпа теснилась на его пути. В центре города, где было самое большое стечение народа, он останоился и, стоя в экипаже со шляпой в руке, стал говорить народу. Он не сомневался, что божественное Провидие, приведшее его к ним цела и невредима, возвратит им ьготы и вещественные блага, отнятые у них войной. Все е, которые будут сердечно помогать великому делу, наравленному против кровожадных варваров, ирландцев, для распространения проповеди Христова Евангелия, найдут в нем и в английском парламенте покровительство и

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

доброе расположение, и каждый будет вознагражден по заслугам. Ему отвечали криками: "Будем жить и умрем вместе с вами!" На другой же день воинственная и пуританская прокламация обозначила характер правления Кромвеля: в ней он напоминал о милостях, излитых Богом на этот город и явившихся преимущественно в поражении, недавно нанесенном осаждавшим его мятежникам. Он удивлялся, что при таких благодеяниях святое имя Господне еще ежедневно оскорбляется среди их богохульством, пьянством и всеми нечестивыми страстями, противными законам Божиим, законам отечественным, законам военным. Обращаясь к мэру, городским властям и офицерам армии, он предлагал неусыпно блюсти эти законы и объявил, что те, которые пренебрегут смотреть за точным исполнением их, сами подвергнутся всей строгости его¹.

Едва войска его отдохнули несколько дней, как он выступил в поход, но совсем не с тем расположением, какое выражал издали, пока приготавлилась его экспедиция. Как только очутился он в Ирландии, на театре войны, среди враждовавших сторон, тотчас почувствовал, что предубеждение и злоба англичан против ирландцев, протестантов против католиков, республиканцев против роялистов - имеют характер страстей свирепых и неуголимых, из которых можно сделать страшное употребление, дав им полную волю, и для которых нет ни меры, ни политической сдержанности в поступках. Он ухватился за них не колеблясь, как за факты неоспоримые, как за силы, для него нужные. Внушения и примеры, доходившие до него из Лондона, нисколько не удерживали и даже еще более подвигали его по этому наклонному пути. Известия из Ирландии, в особенности победа, одержанная Джонсом при Дублине, и возбужденные ею надежды уничтожили слабые зачатки недавно образовавшихся было мирных переговоров с ирландцами и католиками. Парламент

¹ Там же. С.449. - Whitelocke. С.423.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

не признал перемирия, заключенного Монком с О'Нэлем, и предводители партии, тайно направившие Монка на этот путь, почли долгом первые осудить его поступок, чтобы дать ему потом с большим успехом самому оправдаться в своем намерении. Через несколько дней палата постановила мнение, что сэр Кинельм Дигби и сэр Джон Винтер - это пламенные католики, которых допустили прибыть и почти призывали в Лондон с целью увериться, что они окажут помощь в Ирландии, если им предоставят свободу богослужения, - эти католики опасные люди, которых должно немедленно удалить, и они получили приказание тотчас же выехать из Англии и не возвращаться в нее под опасением смерти и конфискации их имущества. Дух примирения путем правды или благоразумия теперь совершенно исчез, и в английских советах так же, как в ирландских лагерях, господствовал уже один религиозный и политический фанатизм¹.

При таких-то мрачных предвестиях Кромвель 31 августа выступил из Дублина, имея под командой около десяти тысяч человек, с целью осадить Дрогеду, важнейшее укрепленное место в провинции Лейнстер, Ормонд, отступив из-под Дублина, оставил в этом укреплении трехтысячный гарнизон, который почти весь состоял из англичан, под командой сэра Артура Аштона, старого воина на деревяшке, человека отличной храбрости и испытанной верности: Ормонд надеялся, что эта крепость надолго задержит успехи неприятеля. Употребив шесть дней на осадные работы, Кромвель потребовал от коменданта сдачи крепости и, получив отказ, 10-го сентября велел войскам идти на приступ. Первый приступ, как ни был силен, но отбит с большим уроном для осаждавших. При этом погибли полковник Кассель и множество офицеров. Второй приступ Кромвель повел сам и, несмотря на энергичное сопротивление гарнизона, разные ретраншаменты были взяты, а потом башни и городские

¹ Journals of the House of Commons. T.VI. - C.277, 289. - White-locke. C.419, 422, 423.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

церкви, в которых заперлись упорнейшие защитники крепости. "В пылу боя, - писал Кромвель президенту государственного совета и председателю парламента, - я не велел щадить ни одного человека, который будет найден в крепости с оружием в руках. Комендант, сэр Артур Аштон, множество высших офицеров и, как надо полагать, до двух тысяч солдат, пали в эту ночь под ударами оружия. На другой день мы потребовали сдачи двух башен; в одной из них заперлись сто двадцать или сто пятьдесят человек и не хотели сдаваться; мы думали принудить их к этому голодом и обложили башню стражей, чтобы не выпускать оттуда ни одного человека, пока желудки не заставят их покориться. Они убили или ранили нескольких из наших людей. Когда они сдались, то офицеры их все, а солдаты один из десяти были преданы смерти; остальные отправлены в Барбадос. Все их священники и монахи, без различия, преданы смерти. Я полагаю, что из всего гарнизона едва ли тридцать человек успели живые скрыться. Я уверен, что это - праведное наказание, ниспосланное Богом на варваров, проливших столько неповинной крови! Оно, я полагаю, предотвратит пролитие крови в будущем. В этом состоит достаточная причина тех действий, которые в ином случае могли бы возбудить раскаяние и сожаление".

"P.S. Вот перечень убитых офицеров и солдат: комендант; по кавалерии - два подполковника, один майор, восемь капитанов, восемь поручиков и восемь корнетов; по пехоте - три полковника, с их подполковниками и майорами, сорок четыре капитана, с их поручиками и прапорщиками; двести двадцать кавалеристов и две тысячи пятьсот пехотных солдат, не считая офицеров генерального штаба, военных врачей и множества жителей"¹.

По другим сведениям, сообщаемым роялистами и даже

¹ Carlyle, Cromwell's letters. (16, 17 и 22 сентября 1649 г.). - T.I. - C.457-465. - Parl. Hist. T.XIX. - C.201-210. - Whitelocke. C.427-428.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

людьми, принадлежавшими к парламентской партии, не только убийства продолжались два дня, но через пять или шесть дней находили офицеров, спрятанных из сострадания солдатами, и хладнокровно резали их; во время самой резни женщин и детей также мало щадили, как и вооруженных мужчин. "Это было, - говорит современный панегирист Кромвеля, - принесение трех тысяч ирландцев в жертву тени десяти тысяч англичан, убитых ими несколько лет назад"¹.

Это жертвоприношение не произвело того действия, которого ожидал Кромвель для оправдания его; оно оказалось недостаточным для предотвращения дальнейшего пролития крови; надо было начать снова. Спустя месяц Уэксфорд защищался так же, как Дроггеда, и подвергся такому же убийству. Правда, другие крепости, как-то: Корк, Росс, Югаль, Килькенни, объятые страхом или преданные изменой, сдались; но были и такие, как Кёллен, Гауран и Клонмель, которые упорно держались, а некоторые, как например Ватерфорд, дали такой сильный отпор, что Кромвель принужден был снять осаду. Даже там, где успех казался самым легким, он был запятнан страшными жестокостями. В Гауране за сдачу крепости солдатам была обещана жизнь, но с условием: выдать неприятелю офицеров, которые и были все перерезаны. Епископа Росского повесили в первосвященнических одеждах под стенами замка, который защищали его люди. Клонмель защищался геройски, и когда, наконец, крепость сдалась, Кромвель не нашел там ни одного солдата: пока подписывали статьи капитуляции с жителями, гарнизон ночью, в полном вооружении, вышел из города и отступил, чтобы продолжить борьбу в ином месте².

Обычная уловка злых страстей - совершать кровавые

¹ Parl. Hist. T.XIX. - Col. 209. - C.82. - Mém. de Ludlow. T.II. - C.2-4. в Collection г. Гизо.

² Carlyle, Cromwell's letters. T.I. - C.466-516. - Journals of the House of Commons. T.VI. - C.314, 323. - Whitelocke. C.433, 434, 456. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.151-162.

дела в собственное свое удовлетворение и оправдывать их или какой-нибудь великой идеей, которую они стремятся выполнить, или крайней необходимостью успеха. История покрыла бы себя позором, если бы признала эти лживые оправдания: ее долг - возвести зло к его источнику и воздать людским порокам то, что им принадлежит.

Человеческий фанатизм обманывает себя или злоупотребляет собою из гордости, когда выдает себя за исполнителя высоких подвигов божественного правосудия. Не людям произносить над народами Божии приговоры!

Кромвель не был кровожаден, но он желал во что бы то ни стало быстрых успехов, необходимых больше для его собственного блага, нежели для защищаемого им дела, и ни в чем не отказывал страстям тех, кто ему служил. Это был честолюбивый эгоист с качествами великого человека, имевший своими орудиями ограниченных и грубых фанатиков. Великие и истинные средства его успехов состояли не в убийствах, а в его гении, и в том высоком понятии, которое уже составили себе о нем народы. То по инстинкту, то вследствие размышления, он вел себя в Ирландии относительно друзей и относительно врагов с гибкостью и глубоко рассчитанной ловкостью, являясь неподражаемым в искусстве действовать с людьми, убеждать, очаровывать или смягчать даже тех, которые должны были питать к нему величайшую недоверчивость и отвращение. Предавая убийствам и грабежам взятые им города, он в то же время поддерживал в своей армии строжайшую дисциплину, не позволял ни под каким видом делать ни малейших притеснений жителям и наблюдал, чтобы им с точностью платили за всякое взятое от них продовольствие. Этот человек, который хвалился тем, что в Дрогдеде велел перерезать всех без различия монахов, который, гласно обещаая христианскую веротерпимость, постоянно с презрением исключал из своих обещаний католиков, этот самый человек через ирландских монахов имел в неприятельских рядах деятельнейшую полицию.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

постоянно был извещаем о всех их намерениях или движениях, а иногда даже производил среди них такое влияние, что они проигрывали через свои собственные распри. Он беспрестанно старался отторгать от королевской стороны людей замечательных, и его попытки в этом роде дошли, но без успеха, до самого Ормонда, к которому он свысока выражал свое уважение, нередко прибавляя: "На что лорду Ормонду нужен Карл Стюарт, и какие одолжения получал он от него когда-нибудь?" С парламентом Кромвель держал себя весьма независимо, но без тщеславия и без крика; напротив, в способе выражения он свою уступчивость доводил до покорности. После взятия Росса он писал к председателю палаты: "Представляя вам таким образом отчет о событии, я не буду утруждать вас частными просьбами, а обращусь с ними в государственный совет. Но позвольте мне почтительнейше сказать вам то, что по моему разумению, будет во благо вам; впрочем, и здесь я готов покориться вполне вашей воле. Мы желаем подкреплений. Это не увеличит ваших пожертвований, если суммы, уже ассигнованные вами для существующих войск, дойдут к нам вовремя... Об этом-то я нижайше прошу вас, а также о высылке амуниции, башмаков и чулков, уже требуемых мною, чтобы бедным людям, находящимся под моей командой, сделать какое-нибудь поощрение. А при всеблагой помощи Того, кто непрестанно шествует с нами, я надеюсь, что скоро Ирландия не только не будет бременем для Англии, но сделается полезным членом республики¹".

Кромвель скоро отыскал и приложил к делу самое сильное средство для удачного окончания экспедиции. Он видел, что несмотря на некоторые частные успехи, ему не

¹ Carlyle, Cromwell's letters. (14 ноября 1649 г.). - Т.I. - С.489. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.XII. - С.147. - Кн.XIII. - С.111. - Whitelocke. С.426. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. Т.III. - С.151.

удастся расстроить роялистскую партию в Ирландии, отнимая у нее предводителей, и решился обратить свои усилия на солдат; их было много, то были люди храбрые, часто ничего не имеющие и впавшие в уныние. Он обнаруживал во всей стране, что им предоставляется полная свобода вступать на службу в войска иностранных держав; он разрешал офицерам и всякому, кто только хочет, набирать сколько угодно людей и переводить их из Ирландии на службу в континентальные государства. Он велел сообщить об этом дозволении французскому и испанскому посланникам в Лондон. Многие роялистские офицеры, англичане и ирландцы, которые были в бездействии и не имели чем жить, увидели, что им открывается будущность, и предложили свои услуги иностранным агентам, вызываясь набрать полки и вывести их в Испанию или Францию. Дон Алонзо де Карденас, испанский посланник в Англии, и кардинал Мазарини с радостью приняли это предложение: около двадцати пяти тысяч ирландцев в несколько месяцев записались на службу в Испанию и двадцать тысяч во Францию; и эта католическая земля, на которой Ормонд едва содержал в сборе для службы королю восьми- или десяти тысячный корпус, сбыва в Испанию и Францию сорок тысяч с лишком солдат, враждебных парламенту¹.

Такие быстрые военные и политические успехи, искусно превознесенные усердными друзьями, встревожили парламент почти в такой же мере, в какой упрочивали его положение. Кромвель, находясь в Лондоне, был каждую минуту предметом затруднений, но Кромвель, столь могучий и славный в Ирландии, более и более угрожал будущему. Между тем носился слух, что Карл Стюарт, вследствие новых переговоров с шотландцами, готовится явиться в их стране; вероятно, Кромвель понадобится. 8 января

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XII. - С. 148-149. - Carlyle, - Cromwell's letters. Т. I. - С. 513.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

1650 г. решили вызвать его и поручили государственному совету сообщить ему об этом. Кромвель находился тогда на зимних квартирах и едва только оправился от довольно тяжелой болезни. Он внезапно выступил в поход и быстро возобновил свои переходы в Ирландии и осады городов. 25 февраля в парламенте читаны были полученные от него письма, возвещавшие о новых победах. Тотчас положили: объявить ему официальную благодарность, потом, по возвращении его в Лондон, отдать в его распоряжение, для жительства, Кокпит, часть уайтгальского дворца, и дворец сен-джермский, с правом пользоваться парком. Жена и семейство Кромвеля, хотя неохотно, приготовлялись к переселению в новое жилище; что касается самого Кромвеля, он все еще оставался в Ирландии и продолжал побеждать. Наконец, 2 апреля он написал парламенту:

"До меня доходили разные частные известия о вашей воле, чтобы я прибыл к вам, в Англию, а также доставлена была мне копия с постановлением парламента по этому предмету. Но так как я знал об этом только частно и постановление парламента не было облечено в форму письма, которое должно быть адресовано ко мне от лица оратора, то я полагал, что с моей стороны было бы трусостью оставить мой пост прежде получения этого письма; притом я не мог тогда предугадать, будет ли заключаться в нем положительное приказание, или парламент предоставит моему усмотрению, когда и как исполнить его волю. Письмо ваше я получил в пятницу 22 марта, в самый день прибытия моего к городу Килькенни. От доктора Картрайта, вручившего мне это письмо, узнал я, что противные ветры и недостаток судов в наших западных портах не позволяли ему отправиться сюда ранее. На вашем письме выставлено число 8 января, а я получил его 22 марта; притом из него видно предположение, будто ваша армия стоит на зимних квартирах, не имея возможности действовать в это время года, что и было поводом к вашему предписанию; а между тем войска ваши с

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

29 января постоянно находятся в действии. Поэтому я не знаю, что мне делать... Осмеливаюсь думать, что долг мой - почтительнейше испросить точнейшего указания мне вашей воли, ибо я, говоря как перед Богом, питаю в себе ревностную готовность повиноваться вашим приказаниям; мое единственное желание - исполнить дело, на которое я призван теми, кого Бог поставил надо мною и каковыми я несомненно признаю вас. Итак, всенижайше умоляю вас сказать: дает ли ваше письмо мне право испрашивать яснейшего выражения вашей воли? Эта воля, когда она будет сообщена мне, найдет меня вполне готовым к скорой и неуклонной покорности"¹.

Он выиграл столько времени, сколько хотел, и в продолжение его медленности ход событий подготовил ему, ко времени прибытия в Лондон, новый случай для приобретения власти и величия.

Когда Карл II, выехав из Гааги с намерением посетить в Сен-Жермене королеву-мать, узнал достоверно, что Кромвелю вверено управление Ирландией, им более и более стала овладевать нерешительность ехать туда, потому что он не был особенно расположен в такой опасной игре, с таким страшным противником ставить на кон свою будущность и жизнь. Он провел в Сен-Жермене три месяца однообразнейшей жизни, которую французский двор не старался сделать для него приятной, и бесконечные сплетни, занимавшие его мать, не разгоняли скуки этой жизни. Когда пришло известие о поражении Ормонда под Дублином, первым движением молодого принца было лететь в Ирландию и броситься в середину борьбы. Тем, которые говорили, что не следует ехать туда и подвергаться участи пораженных, он отвечал: "Стало быть, надо ехать, чтобы умереть, потому что иначе мне стыдно жить". "Эта речь, казалось, вырвалась из великой души, - говорит г-жа де

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XII. - С. 507, 514-516. - Journals of the House of Commons. Т. VI. - С. 341, 371.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

Моттевилль, бывшая почти одинаково близка с королевой Генриэттой-Марией и Анной Австрийской. - Величайшие люди древности не произносили лучших слов; но молодые люди легко переходят от такой мощной доблести к какому-то расслаблению; после они равнодушно переносят зло, которое сначала казалось им невыносимейшим в жизни, и причину такой перемены бывает удовольствие, которое они находят в этой жизни. То самое случилось и с нашим принцем". Его собственные придворные скоро заметили это. "Иностранные государи, - писал один из них к маркизу Ормонду, - начинают смотреть на короля, как на человека, столь беспечного и столь мало заботящегося о своих собственных делах, что они находят небезопасным для самих себя, подавая ему помощь, раздражать таких сильных врагов, какими, вероятно, сделаются его мятежные подданные". Карл скоро ощутил действие этого мнения о нем. Кардинал Мазарини дал ему ясно понять, что продолжительное пребывание его в Сен-Жермене становится затруднительным для французского двора, который не хочет ссориться с Английской Республикой; сама королева Генриэтта-Мария, которая нуждалась в добром расположении Мазарини, советовала сыну понять желание кардинала, не ожидая более точных объяснений. Около половины сентября 1649 года Карл отправился через Нормандию, намереваясь переехать на остров Джерсей, где хотел поселиться один, без штата, которым еще обладал¹.

Тотчас по прибытии туда он получил известие о бедствии, постигшем Дрогеду, и почти в то же время шотландский парламент прислал просить его возобновить начатые в Гааге переговоры о призвании его в королевство. С тех пор, как первая попытка завести эти переговоры не удалась, всеобщее расположение шотландского народа в

¹ Mémoires de madame de Motteville. T.III. - C.329, 333. (Collection Petitot) - Carte, Ormond's Letters. T.I. - C.318. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.XII. - C.75-77.

пользу короля не переставало обнаруживаться. Несколько роялистских восстаний вспыхивало в разных пунктах королевства; и хотя пресвитерианский парламент быстро подавлял их, люди, стоявшие во главе его, в том числе Арджайль, поняли, что им необходимо вновь употребить серьезные усилия к возвращению Карла II или по крайней мере произвести громкую демонстрацию. Предложения, которые посланный от них Винрам Либертон привез на остров Джерсей, были в сущности те же и так же жестки, как недавно отвергнутые Карлом в Гааге. Но его положение теперь было хуже: в Англии и Ирландии враги его торжествовали; в Париже и Гааге королева-мать и зять-штатгальтер настойчивее прежнего уговаривали его принять предложение шотландцев и писали - первая, что французский двор, а второй, что народ голландский разделяют это мнение. Карл просил совета у Ормонда. Ормонд отвечал, что нет никакой надежды до тех пор, пока не разгорится война между Англией и Шотландией и не произойдет таким образом диверсия, которая дала бы ирландским роялистам перевести дух и употребить новые усилия. Почти все бывшие при Карле советники держались того же мнения. Он решился и потому ли, что Джерсей показался ему местом неудобным для переговоров, или для того, чтобы еще выиграть время, назначил шотландским комиссарам свидание в Бреде, городе, составлявшем собственную домену принца Оранского, и где он чувствовал себя совершенно свободным и безопасным. Но не имея ни внутреннего влечения, ни доверия к принятым им переговорам, он написал к Монтрозу, который в это время набирал в Германии деньги и солдат: "Заклинаю вас, продолжайте деятельно, с вашим обычным мужеством и со свойственной вам заботливостью, дело, мною вам вверенное. Не смущайтесь, если услышите, что я теперь иначе расположен относительно пресвитериан, нежели тогда, как расставался с вами. Верьте, я постоянно остаюсь с теми же принципами, с какими вы меня

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

аете, и не менее прежнего рассчитываю на ваши предприятия и ваши старания в мою пользу"¹.

Монтроз несколько не нуждался в побуждениях: пылкий, гордый и полный преданности, он верил в правоту своего дела, верил в самого себя и в свое назначение. Народное предсказание вещало, что он возвратит престол королю; от Карла ему дано было всякое полномочие действовать. Он проехал Нидерланды, Германию, Данию, Швецию, всюду отыскивая средства к исполнению возложенного на него долга; каждый день видел он разрушение одной из своих надежд и каждый день снова принимался за дело с тем же убеждением и с тем же неутолим жаром. Эта часть Европы, в особенности Швеция, ставляла тогда второе отечество для весьма многих шотландских офицеров, которые служили в войсках Густава Адольфа в тридцатилетнюю войну и поселились там со всем нажитым ими имуществом и приобретенною славою. Монтроз вел себя с ними как добрый товарищ их в пиршествах и пирах; одних очаровывал своими блестящими надеждами, других привлекал щедростью - и все они обещались помогать его предприятию и влиянием, и личным участием, а некоторые даже деньгами. Когда ему показалось, наконец, что пора открыть действия, он издал в Копенгагене² декларацию, которой возвеждал о своем предприятии, оправдывал его и приглашал всех верных подданных короля с собой в Шотландию для совершения того предприятия; потом он назначил Гамбург местом сбора наемных им рекрутов и сам поселился тут с пышностью, не соответствовавшей его средствам, чтобы

¹ 19 сентября 1649 г. - Wishart, App., 12, 13, 15. - Malcolm Laing, Hist. of Scotland. T.III. - C.441, 581. - Clarendon. Hist. of the rebellion. XII. - C.118-125. - Carte, Ormond's Letters. T.I. - C.338, 356. - Whitelocke. C.428, 429.

² В декабре 1649 г. - Wishart, Memoirs of Montrose, Appendix. XIX. - C.454-458.

ждать рекрутов, организовывать войска и отправлять их¹.

Рекруты прибывали медленно и очень небольшими партиями; датский двор показал много сочувствия и готовность, но был беден; королева шведская Христина, которая сначала была весьма благосклонна, вдруг увлеклась восторгом к Английской Республике и Кромвелю. Монтроз с большим трудом собрал в Гамбурге и Готенбурге тысячу двести человек, довольно слабо вооруженных. Первый отряд, отправленный в сентябре 1649 года, погиб в море, второй, под командой графа Киннауля, благополучно прибыл в Киркваль, главный город Помоны, первенствующего из Оркадских островов, и остановился там, ожидая своего генерала. Монтроз, со своей стороны, ожидал и новых рекрутов, и восстания, которое обещали ему роялисты, обитатели Шотландских гор. Но первые попытки восстания, слишком рано начатые, слишком легко были и подавлены;² теперь все молчало. Друзья Монтроза писали ему, что его присутствие необходимо, что оно, без сомнения, произвело бы сильное действие. Он, наконец, отправился и прибыл на Оркадские острова в первых числах марта 1650 года с пятьюстами человек войска и несколькими благородными шотландцами, посвятившими себя ему и его судьбе.

Незадолго до его прибытия в ответ на его декларацию шотландские духовенство и парламент издали против него две другие декларации, до странности резкие, даже по тогдашней поре необузданных страстей³. "Не потому, - говорилось в них, - чтобы стоило труда оспаривать клевету Джемса Грэгама, этой ехидны, исчадия сатаны, которого уже давно парламент объявил изменником, которого церковь предала в руки дьявола, которым весь народ гнушается, но потому, что молчание могло бы быть истолковано в другую сторону,

¹ Clarendon. *Hist. of the rebell.* Кн. XIII. - С. 40, 128, 129 Wishart, *Memoirs of Montrose.* С. 361-369. - Whitelocke. С. 426, 430, 434, 435, 436.

² Browne. *Hist. of the Highlands.* Т. II. - С. 28, 36.

³ 2 и 24 января 1650 г. Wishart, *Appendix.* № XX и XXI. - С. 458-491.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

и некоторые слабые умы были бы, может быть, введены в заблуждение дерзкими уверениями этого бесстыдного фанфарона, который выдает себя уполномоченным от его величества, под именем наместника и главнокомандующего в этом королевстве" и проч. Все черты старинной вражды господствовавшей партии и вариации преступных деяний, возводимых на Монтроза с самого начала гражданских раздоров, и жестокости, в которых обвиняли его во время кампании 1645 года за Карла I, - все было искусно сгруппировано в этих двух актах, которые были объясняемы со всех пресвитерианских кафедр; и когда Монтроз ступил на шотландскую землю, против него раздражение и ужас народа соединились со злобою и тревожным опасением его соперников.

Высадившись на северной оконечности Шотландии, Монтроз поднял немного театрально три знамени: два во имя короля, и из них на одном была изображена отрубленная голова Карла I с надписью: "Суди, о Господи! И отмсти за меня", на третьем, его собственном, представлялась на черном фоне голая рука, державшая окровавленную шпагу, с девизом: "Nil medium". Потом двинулся он медленно через графства Кейтнис и Сотерлэнд, ожидая подкреплений со стороны самих жителей, но подкрепления не являлись; напротив, он узнал, что предводители, на которых он рассчитывал, перешли на сторону парламента, и видимо изумился и смутился тем, что его имя и движение не производят никакого волнения, никаких толков. Эдинбургское правительство, в то время как довольно сильный корпус собирался под начальством Давида Лесли, послало вперед несколько эскадронов кавалерии под командой подполковника Страхана, храброго офицера и рьяного сектатора; пятьсот человек пехоты, собранные графом Сотерлэндом, соединились с конницей Страхана; и когда весь этот отряд находился в Тэйне, на северной стороне графства Росс, они узнали, что Монтроз стоит лагерем не далее как в нескольких милях от них без всяких предосторожностей, не зная, что неприятель уже так близко. Это было в субботу 16 апреля; Страхан не решился

идти вперед, не желая рискнуть сразиться в воскресенье; но движение, сделанное Монтрозом, сблизило еще более враждующие войска. Страхан решился и подошел на милую расстояния от лагеря Монтроза, стоявшего в Корбисдале, все еще ничего не знавшего и не принимавшего предосторожностей. Эскадроны Страхана напали на него внезапно и один за другим, как будто они составляли авангард армии. Монтроз старался примкнуть к соседнему лесу; солдаты, приведенные им из Германии, дрались стойко, но рекруты, набранные на Оркадских островах, рассеялись. Монтроз со своим обычным мужеством пытался удержать и еомкнуть их - напрасно! Под ним убили лошадь, и он был бы взят в плен, если бы друг его, лорд Фрэндрот, не уступил ему тотчас своей. Это было просто поражение и убийство: десять офицеров и более трехсот солдат легло на месте; из числа пленных, которых было более четырехсот, сто ирландцев были расстреляны. Монтроз во весь дух усакаал с поля, и когда скрылся из глаз неприятелей, соскочил с лошади, сбросил с себя платье, знаки ордена Св. Георга и ленту Подвязки, оделся покрестьянски и пустился по полям отыскивать убежища. Две недели блуждал он в горах графств Росс и Сотерланд, в иных местах его принимали ласково, в других отталкивали с ужасом; нередко, изнемогая от усталости и голода, он все старался добраться до берега. По несчастью или вследствие предательства, 3 мая он был отрыт и схвачен в хижине на землях Нэйля Мэклода, владельца Ассинта, некогда бывшего одним из его приверженцев и выдавшего его теперь за четыреста мешков пшеницы шотландскому парламенту; отсюда повели его в замки Скибо и Бран, а здесь получено было предписание перевезти пленника в Эдинбург¹.

¹ Wishart. C.372-377. - Balfour, Annals of Scotland. T.III. - C.432. - T.IV. - C.8-12. - Browne, Hist. of the Highlands. T.II. - C.30-36. - Malcolm Laing, Hist of Scotland. T.III. - C.442-444.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

Положение его было самое дурное: против него были и правительство и народ, и глубокая ненависть соперников и зверское раздражение толпы. Все это встретило его на пути оскорблениями, и оскорбления не успели ни на минуту сразить его. Он выдержал с одинаковой силой духа и обиды врагов и прощание с детьми, которых видел мимоходом у своего тестя, графа Соутеска. Нельзя сказать, чтобы никто и не чувствовал к нему симпатии: в замке де ла Гранж, где останавливался он со своим конвоем, не доезжая Дунди, владельница замка ночью пыталась доставить ему средство бежать, и попытка ее едва не удалась; а в самом Дунди, который в 1645 году пострадал от его оружия, жители не только не подумали оскорблять его, но даже оказали ему полное уважение и неотступными просьбами добились от конвойных дозволения дать ему приличное платье взамен грубой одежды, в которой он был взят и в которой заставляли его оставаться до сих пор для большего унижения¹.

17-го мая прибыл он в Лит, что близ Эдинбурга. Парламент в тот же день собрался и постановил: "Джемса Грэгама, привязав с непокрытой головой веревкой к тележке, везти палачу, в костюме и со шляпой на голове, от ворот, называемых Water Gate, до эдинбургской тюрьмы, а оттуда к присутствию парламента, где он, стоя на коленях, выслушает смертный приговор: повесить его на виселице, привесив ему на шею книгу, содержащую историю его войн и его недавнюю декларацию; телу его оставаться на виселице три часа, потом четвертовать его рукою палача, голову воткнуть на копье и выставить на тюремной башне, а руки и ноги выставить на воротах пертских и стирлинских, абердинских и Глазговских. Если перед смертью он обнаружит какие-нибудь признаки раскаяния и через то возможно будет снять с него наложенное церковью отлучение, то туловище его похоронить через могильщиков на грэйфриарском кладбище, в против-

¹ Wishart. С. 379-382.

ном же случае зарыть его на обычном месте казней, под эшафотом, через служителей палача"¹. Нравы того времени были еще так грубы, что ненавидящие его враги радовались такому зрелищу, а равнодушных зрителей оно больше напугало, нежели возмутило.

Действительно, на другой день, в четыре часа пополудни, Монтроз был привезен на тощей, надорванной лошаденке, к эдинбургской заставе, где городские власти встретили его в должностных мантиях, в сопровождении вооруженной стражи и палача. Ему вручили копию приговора. Он прочел ее и, возвращая, сказал: "Я готов. Жалею только, что величество короля, которого я представляю, подвергнется в моем лице такому позору". Шествие двинулось. Монтроз не снимал шляпы: палач сшиб ее с него. Тридцать четыре офицера, товарищи его плена, связанные по двое, шли впереди тележки. Во всю длину пути теснился народ, сбегавшийся с намерением поругаться над Монтрозом; но твердое спокойствие, выражавшееся в его лице и осанке, величавый взгляд, непреклонное мужество, блиставшее во всем существе его, так сильно поразили народ, что ругательства замерли; глубокое молчание воцарилось вокруг поезда; даже молчание это там и сям прерывали слова сострадания и просьбы о пощаде знаменитому пленнику. Поезд проходил мимо дома графа Морэя; тележка остановилась на минуту; некоторые подняли головы и могли заметить у полуотворенного окна маркиза Арджайля с семейством и друзьями: ему хотелось насытить свои очи зрелищем унижения врага, перед которым он бежал пять лет назад². Хотя протяжение пути было не более полумили, шествие от городских ворот до тюрьмы продол-

¹ Balfour, Annals of Scotland. T.IV. - С.12, 13.

² Этот факт подтверждается письмом французского агента Греймона к кардиналу Мазарини, писанным из Эдинбурга от 31 мая 1650 г.: "Многие остереглись, а после рассказывали, что был сделан роздых против дома графа Морэя, где в числе других находился маркиз Арджайль, смотревший на своего врага из полуоткрытого окна" (Французские архивы иностранных дел).

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

жалось три часа. Сходя с тележки, Монтроз дал несколько денег палачу за то, что хорошо правил, как выразился он, "его триумфальной колесницей". Парламент заседал. Пять комиссаров явились в тюрьму спросить "Джемса Грэгама, не имеет ли он что-нибудь сказать, пока не поведут его в палату для выслушивания приговора". Парламент ждал их возвращения. Они донесли, что Монтроз отказывается отвечать, пока не узнает, в каких теперь отношениях парламент с королем и заключил ли он с ним какую-нибудь сделку. Вскоре семь комиссаров снова были посланы к нему для допроса, с тем чтобы сказать ему, что сделка с королем заключена и что он уже совсем готов к отъезду в Шотландию. Монтроз, без сомнения, смущенный этим известием, извинился, что ответ держать не может, что продолжительное путешествие и такая церемониальная встреча немного утомили его, и он имеет потребность отдохнуть сколько-нибудь¹.

Когда на другой день повели его в присутствие парламента, он доставил себе удовольствие тем, что дал волю своей естественной склонности и явился перед врагами в блестящем виде. На нем было богатое черное шелковое платье, вышитое серебром, а сверху алый плащ, украшенный серебряным галуном и обшитый малиновой тафтой. Пуховая шляпа с широким серебряным бортом покрывала его голову. Когда его привели на небольшое возвышение, где ставились преступники, он посмотрел вокруг; лицо его было бледно и утомлено, но на нем выражалась истинная, хотя подготовленная твердость. Канцлер лорд Лоудон обратился к нему с длинною с едкою речью, которую заключил следующими словами: "За столь многочисленные, преступно совершенные им убийства, измены и дела нечестия ныне Бог осуждает его на достойную казнь". Не без труда выпросил Монтроз дозволение сказать несколько слов в свою защиту; он произнес эти слова с умерен-

¹ Wishart. C.383-386. - Balfour. T.IV. - C.14.

ной гордостью и довольно ловко, как будто ожидал от них какого-нибудь результата: "Я смотрю на парламент, - сказал он, - как на собрание, заседающее под верховной властью короля, и потому только стою перед ним с должным почтением, с открытой головой (он перед тем снял шляпу); иначе я не сделал бы этого добровольно". Защищаясь от обвинения в жестокостях, совершенных во время войны, он говорил, что величайшие полководцы невластны бывали предупредить все беспорядки в их армиях; что он всегда употреблял к тому все усилия и никогда не проливал крови, даже крови самых ожесточенных врагов своих, иначе как на поле битвы... "Я прошу всех вас, здесь собравшихся, - сказал он в заключение, - отбросить всякое предубеждение, всякую личную вражду, всякую жажду мщения, в моем деле держаться только одного правосудия и смотреть на меня, как на покорного подданного, верно исполнившего повеления своего государя. Когда я был в силе, то мог у многих из вас отнять жизнь и состояние, но оставил вам то и другое. Судите меня по законам божеским, по законам природы и человечества, в особенности же по законам нашей страны. Если вы этого не сделаете, я воззову к праведному Судье мира, к тому, кто после будет судить всех нас и произнесет истинный приговор". Канцлер отвечал ему гневною бранью. Монтроз пытался было снова заговорить; ему не позволили и приказали стать на колени для выслушивания приговора. "Делаю это, - сказал он, - воздавая честь королю, моему государю, а не парламенту". Казнь назначена была назавтра¹.

Вечером пресвитерианские священники и эдинбургские городские администраторы осадили Монтроза своим посещением, чтобы добиться от него какого-нибудь слова, которое бы значило, что он признает право их церкви и их правительства. Их упорно жаркие настояния успели

¹ Wishart. С.386-392. - Balfour. Т.IV. - С.16.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

только вдохнуть в его душу новую восторженность. "Благодарю за честь, которую вы мне делаете, - сказал он им. - Я больше горжусь тем, что мою голову выставят над дверьми тюрьмы, чем если бы узнал, что в честь мою золотая статуя поставлена на торговой площади или что мой портрет повешен в покоях короля. Вы разбросаете мое тело по четырем главным городам королевства; мне хотелось бы, чтобы можно было по куску его послать во все христианские города, в засвидетельствование моей верности королю и отечеству". Ночью он молился и писал стихи, выражая в них сильно, хотя изысканно и витиевато, те же чувства. Утром 21 мая бой барабанов и звуки труб раздались по всему городу. Монтроз спросил у караульного капитана, что это значит; капитан отвечал, что созывают солдат и граждан к оружию, потому что боятся со стороны некоторой части народа попытки к его спасению. "Как?" - сказал Монтроз. - Эти добрые люди, которые так сильно боялись меня живого, все еще боятся и теперь, когда я умираю? Пусть же берегутся: когда я умру, то засяду в их совести и буду гораздо страшнее, чем был при жизни". Он стал одеваться с большим старанием. Во время этого одевания секретарь парламента, сэр Арчибалд Джонстон, один из самых рьяных его врагов, с видимой насмешкой выразил удивление, что в подобном положении человек так легкомысленно занимается своей особой. "Пока моя голова принадлежит мне, - сказал ему Монтроз, - я распоряжаюсь ею как мне нравится. Завтра, когда она будет принадлежать вам, делайте с ней что хотите". Одеся он великолепно; на плечи накинул плащ алого бархата, шитый золотом, который перед тем прислали ему друзья. Когда он шел из тюрьмы к месту казни, его величавый вид, гордая и спокойная осанка произвели на зрителей еще сильнейшее впечатление, нежели накануне. Он сам помог палачу привесить ему на шею, согласно приговору, историю его войн и текст его последней декларации. "Я считаю, - сказал он, - это украшение для себя почетнее Подвязки, полученной мною от короля". Ему не позволили при-

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

близиться к народу и говорить; он сказал близ стоявшим несколько слов, выражавших неизменную настойчивость в чувствах, с которыми он жил, но сказал их спокойно и набожно. Просил он позволения умереть со шляпою на голове - ему отказали; просил оставить на себе плащ - отказали и в этом. "Если можете, - сказал он присутствовавшему начальству, - придумать еще что-нибудь позорное - я готов вынести все". Говорят, что, повинуясь смертному сигналу, сам палач заплакал; что ропот скорби поднялся в толпе и что Арджайль, слушая подробности этой великой кончины, казался смущенным и грустным, как будто его поразило какое-то сожаление или предчувствие его собственной будущности¹.

Парламентские комиссары не обманывали Монтроза, когда говорили ему, что сделка с королем улажена и что он скоро прибудет к ним в Шотландию. В то самое время, когда Монтроз начинал в Шотландии свою короткую и гибельную кампанию, Карл принимал в Бреде шотландских комиссаров и снова заводил с ними спор об их суровых предложениях. Вокруг него происходило по этому предмету сильное разногласие; самые разумные и добросовестные советники наставляли, чтобы он не покорялся такому игу, и хотели подкрепить свое настояние мнением Гайда, к которому Карл имел доверие и который перед тем был отправлен им, в качестве посланника, в Мадрид. "Если король отдастся в руки шотландцев, - отвечал Гайд государственному секретарю Никласу, - то нельзя будет обвинять их в том, что они его обманули, потому что они, без сомнения, не будут поступать с ним хуже, нежели обещают при требовании всего того, что от него требуют. Желал бы я, чтобы люди, побуждающие короля согласиться на эти требования, действовали так же откровенно и прямо сказали бы королю, что он должен утвердить клятвенно ковенант и сделать то же обязательным для всех; так, чтобы все соблюдали ковенант.

¹ Wishart. C.392-405. - Balfour. T.IV. - C.22. - Malcolm Laing. Hist of Scotland. T.III. - C.444-447, 582.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

Но сказать, что король должен отдаться в руки шотландцев, в надежде избавиться от клятвенного утверждения ковенанта, и что он в состоянии будет избавить от того друзей своих, или что король и друзья его - все мы должны дать эту клятву, а потом нарушить ее по собственному произволу, - это было бы безумие и безбожие, о которых и подумать мы должны были бы стыдиться. Ах, господин секретарь! Если бы я теперь был в Бреде, то лучше пожелал бы бежать в Индию, нежели участвовать в подобных советах¹.

Пока еще не совсем был известен исход экспедиции Монтроза, Карл колебался. Здравый смысл и чувство достоинства склоняли его в пользу мнения Гайда; но когда узнали в Бреде, что Монтроз разбит, что он бежал и вскоре потом взят в плен, легкомысленные и ненадежные советчики увлекли Карла; за них были королева-мать, принц Оранский и то нетерпение бездейственного ожидания, которое можно назвать недугом изгнания. Друзья Гайда не принимали участия в совещаниях, и Карл согласился на все. Он обещался утвердить клятвенно шотландский Ковенант, признать недействительным и несуществующим всякий мир, заключенный с ирландцами; никогда не позволять свободного отправления католической религии ни в Ирландии, ни в какой-либо другой части государства; признать силу парламентов, бывших в Шотландии со времени начала войны и, наконец, управлять делами светскими согласно мнениям парламента и духовными - согласно мнениям духовенства. И чтобы запечатлеть свои обещания блистательной ложью, он написал парламенту, что, запретив Монтрозу идти в экспедицию, он не может сожалеть о поражении человека, осмелившегося действовать против его воли².

Говорят, будто Карл надеялся через это спасти жизнь

¹ Clarendon, State-Papers. T.III. - C.14. - Carte, Ormond's Letters. T.I. - C.373. - Clarendon, Hist. of the rebell. Кн.XII. - C.120-127.

² Clarendon, State-Papers. T.III. - C.14-19. - Balfour. T.IV. - C.24, 25. - Lingard, Hist. of England. T.XV. - C.43. - Thurloe, State-Papers. T.I. - C.147.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

Монтроза и будто он, узнав о его казни, готов был от всего отказаться. Говорят также, что когда началась экспедиция Монтроза, в Эдинбурге фанатические партии хотели отозвать из Бреды парламентских комиссаров, прервав всякие сношения с Карлом, и что скорая казнь Монтроза послужила удовлетворением, данным умеренными фанатикам за то, чтобы последние продолжали действовать к возвращению короля. Не дошло до нас никаких положительных следов этих взаимных уговоров. Партии, как совесть человеческая, имеют свои зазорные тайны и всячески стараются прикрыть их. Как бы то ни было, нам остаются от той и другой стороны совершившиеся факты: шотландские комиссары объявили, что они довольны обещаниями короля; Карл принял казнь Монтроза, как принял бы собственное свое унижение, и 2-го июня 1650 г. он отплыл из Тервира в Шотландию на флотилии, которую принц Оранский дал в его распоряжение¹.

Через три недели прибыл он к берегам Шотландии; но прежде, нежели нога его ступила на землю, потребовали, чтобы он подписал Ковенант. Шотландские вельможи, советовавшие ему согласиться на все (в том числе Гамильтон и Лодердэль), расстались с ним и удалились в свои земли. Они принадлежали к числу тех, которых с 22 марта 1649 г. пресвитерианский парламент формально исключил из участия в делах общественных, и их присутствие при короле, неприличное для него, было для них самих крайне опасно. Спустя два дня после выхода короля на берег почти все сопровождавшие его англичане были поспешно высланы из королевства; только герцог Букингэм, лорд Вильмонт и несколько других лиц его дома - люди самые ветреные и лицемерные - одни получили дозволение остаться при короле. Парламент тщательно, до мелочи, определил заранее путь, по которому Карл дол-

¹ Malcolm Laing, Hist of Scotland. T.III. - C.449. - Clarendon, State-Papers, T.III. - C.22.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

жен ехать в свой фальклендский дворец, находившийся в нескольких милях от Эдинбурга, и его проводили туда с большими почестями, но под бдительнейшим надзором¹.

В это самое время Кромвель, вняв, наконец, воле парламента, возвратился из Ирландии в Англию и высадился в Бристоле при стечении всего города и при громких криках "Виват!". Когда узнали о приближении его к Лондону, Ферфакс, множество офицеров армии и членов парламента выехали к нему навстречу до Гусло-Гэта; в Гайд-Парке его ожидали лорд-мэр и милиционные войска, а оттуда до сен-джемского дворца, назначенного для его местопребывания, по выражению современного журнала, на всем пространстве раздавались бесконечные приветствия, поздравления, пушечная пальба и человеческие крики. "Какая толпа собралась смотреть на триумф вашего превосходительства!" - сказал Кромвелю один из присутствовавших. На это Кромвель отвечал со своим смелым и грубым тактом: "Соберется еще больше смотреть, как меня вешают"².

Как только узнали в Лондоне об экспедиции Монтроза в Верхней Шотландии и о сделке, заключенной в Бреде между Карлом II и шотландскими комиссарами, тотчас парламент уполномочил государственный совет сделать распоряжения к отражению могущего быть нашествия и положила значительно увеличить армию. А когда Кромвель воротился из Ирландии, Ферфакса и его назначили - одного главнокомандующим, другого товарищем главнокомандующего для предводительствования войсками в кампании, которой дали неопределенное название "северной экспедиции". Оба генерала приняли назначение. Но через несколько дней, когда государственный совет решил, что, не ожидая нашествия шотландцев на Англию, английские

¹ Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.206. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.XIII. - C.2-4. - Malcolm Laing, Hist. of Scotland. T.III. - C.450.

² Carlyle, Cromwell's letters. T.I. - C.519. - Whitelocke. C.457.

войска сами сделают нападение и внесут войну в Шотландию, Ферфакс обнаружил нерешительность принять на себя команду над армией. Утверждают, что его жена, ревностная пресвитерианка, и окружавшие его духовные лица сильно способствовали этой нерешительности; кроме того, может быть, Ферфакс начинал замечать, что республиканцы и Кромвель употребляли и еще хотели употребить его мантию для прикрытия и орудием для исполнения собственных весьма отдаленных планов. Во всяком случае, отказ его был в глазах публики важным затруднением, на которое нельзя было не обратить серьезного внимания и которое во что бы то ни стало следовало побороть. Пять комиссаров: Кромвель, Ламберт, Гаррисон, Сен-Джон и Уайтлок, получили от государственного совета поручение отправиться к нему, держать с ним диспут и отклонить отказ его. "Нам поручено, - сказал ему Кромвель, - употребить все наши усилия, чтобы разъяснить перед вашим превосходительством те сомнения, которые могли возникнуть в вашем уме относительно решения государственного совета насчет шотландской экспедиции. Удостоите ли, ваше превосходительство, сообщить нам причины вашего недовольства?"

Ферфакс. - Очень охотно. Мне весьма легко рассуждать об этом в комитете, где вижу столько людей, которых считаю и моими личными друзьями и друзьями республики; мне нет нужды ни вас и никого из тех, кто меня знает, уверять в моей преданности, в моей неизменной привязанности к парламенту, наконец, в моей готовности служить ему во всем, что только позволит мне моя совесть.

Гаррисон. - Невозможно большего ни требовать, ни ожидать от вашего превосходительства.

Ферфакс. - Позвольте же мне, милорды, сказать вам со всей откровенностью, что по моему мнению, едва ли есть на нашей стороне справедливый повод к вторжению в Шотландию. Мы связаны с шотландцами

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

Ковенантом и национальным союзом; а теперь, вопреки этому Ковенанту и без достаточной причины с их стороны, вторгнуться в их страну и внести в нее войну - это мне кажется делом, которое невозможно оправдать ни перед Богом, ни перед людьми.

Кромвель. - Я согласен, милорд, что если бы они не дали нам повода к вторжению, то мы не вправе были бы делать его. Но, милорд, вторгались же они, как вашему превосходительству очень хорошо известно, по подписании национального Ковенанта и вопреки его условиям, когда герцог Гамильтон, по повелению шотландского парламента, внес к нам войну. И теперь мы имеем много причин подозревать, что они замышляют второе вторжение вместе с их королем, с которым недавно заключили сделку без ведома и без согласия нашей республики; затем-то они и собирают людей и деньги. Всенижайше отдаюсь на суд вашего превосходительства; неужели во всем этом нет достаточного повода предупредить их неприязненные покушения и избавить нашу страну от бедствий, которым подвергла бы ее шотландская армия? Близкую войну между ними и нами я считаю неизбежной; затем предоставляю вашему превосходительству решить, что лучше: будет ли эта война у них или у нас.

Ферфакс. - Очень вероятно, что война будет. Но должны ли мы начинать эту войну и быть зачинщиками вместо того, чтобы держаться в оборонительном положении, - вот в чем состоит сомнение, лежащее у меня на душе. Правда, герцог Гамильтон вторгся к нам, назад тому три года, по повелению парламента, заседавшего тогда в Шотландии, но следующий за ним парламент не признал законности этого акта и наказал некоторых соучастников в нем. Если бы нам было достоверно известно, что войска их готовы вступить в Англию, то я согласен: благоразумно

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

было бы предупредить их. У нас нет этих достоверных сведений.

Гаррисон. - Простите меня, милорд, но, право, нельзя вообразить вероятности намерений какого-нибудь государства более той, какая представляется нам относительно их намерений вторгнуться в нашу страну.

Ферфакс. - Вероятностей недостаточно для начатия войны с соседней нацией, с которой мы связаны договором. В подобном деле всякий должен поступать по внушению своей совести: кто убежден в справедливости этой войны, тот может участвовать в ней; кто сомневается, как например я, признаюсь в этом, тот не в состоянии в такое время нести службу. Конечно, все сказанное вами, господа, чрезвычайно важно, и я ни к кому не имею такого авторитета, как к сидящему здесь комитету, а никто больше меня не расположен служить парламенту во всех тех случаях, где ничем не возмущается моя совесть. Настоящее обстоятельство возмущает ее. Но так как я не хочу быть препоной в исполнении намерений парламента, то и передаю ему назад добровольно поручение, на меня возложенное; пусть изберет он другого полководца, более, чем я, достойного, который мог бы сознательно взяться за предприятие, от которого я прошу избавить меня.

Кромвель. - Мне весьма прискорбно, что вашему превосходительству пришла мысль отклонить от себя поручение, которое давало вам случай, при помощи Божьей, оказать парламенту столько блистательных заслуг. Умоляю вас, милорд, вспомните о ваших верных офицерах, о всех нас, служивших под вашим начальством и не желающих служить под начальством какого бы то ни было другого генерала. Мысль нашего благородного предводителя сложить с себя предоставленное ему звание должна всех нас повергнуть в уныние и составить величайшую опас-

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

ность для дел парламента. Я надеюсь, милорд, что вы не захотите ни доставить столько выгод нашим общим врагам, ни причинить столько горести друзьям вашим.

Ферфакс. - Что же вам угодно от меня? Насколько позволит мне моя совесть, я готов снова соединиться с вами на общую службу парламенту, но я уверен, что никто из вас не захотел бы принять на себя никакую службу против совести - таково мое настоящее положение. Итак, прошу извинить меня¹.

Вскоре комиссары донесли государственному совету об этих переговорах. "Товарищ главнокомандующего, - говорит Лудло, - сыграл свою роль до такой степени натурально, что я поверил в прямоту его действий. Это побудило меня, когда он вышел из зала совета, пойти к нему и просить не простираť своей почтительности и скромности до отказа, который повредил бы общественной службе, но последствия ясно показали, что у него и не было такого намерения". На другой день Уайтлок и лорд Пемброк представили палате рапорт как о самой сущности вопроса насчет вторжения в Шотландию, так и о том, что происходило между государственным советом и Ферфаксом. Палата единогласно положила, что законно и необходимо английской армии вступить в Шотландию и что армия эта должна двинуться немедленно. Была прочитана и одобрена декларация, оправдывающая это решение. Затем актуариус доложил палате, что г. Рушворт, секретарь лорда-генерала, просит дозволения войти. Велели позвать его. Рушворт объяснил, что генерал поручил ему возвратить, от его имени, парламенту последнее принятое им на себя звание для ведения шотландской войны, а также и прежнее звание главнокомандующего, если угодно будет парламенту дать ему об этом повеление. Повеление скоро было дано, и всякое воинское командование снято с Ферфакса. То

¹ Carlyle, Cromwell's letters. T.I. - С.460-462. - Parl. Hist. T.XIX. - С. 266.

был разрыв между республикой и единственным оставшимся в ее службе пресвитерианским предводителем. Тотчас же Кромвель был назначен главнокомандующим всех английских войск. Спустя три дня он оставил Лондон и отправился к армии, а через три недели, 22 июля 1650 г., перешел через Твид и вступил в Шотландию, имея под командой около пятнадцати тысяч человек. Ступив на шотландскую землю, он сказал войскам следующую речь: "Как христианин и как солдат вот что советую я вам: будьте дважды, трижды усердны, благоразумны и мудры, ибо нам, конечно, предстоит подвиг. Но разве не было над нами до сих пор благословение Божье? Пойдем же вперед с верою и будем надеяться на такое же благословение"¹.

Если бы Кромвель знал, что происходило в шотландских советах и в их отношениях с королем, только что ими вызванным, то он вдруг получил бы полную уверенность в своем успехе. В положении Карла достаточно было и знаков народного уважения и королевской пышности: 9000 фунт. стерл. в месяц назначено было на содержание его дома; его окружили многочисленной прислугой. В отсутствие парламента, который был распущен, члены временного комитета, названного комитетом штатов, во главе которого был Арджайль, воздавали королю усердные почести. Арджайль был совершенный придворный, заботливо соблюдавший все приличия этикета и жадно ловивший каждый малейший случай понравиться королю. В то же время он приказывал делать огромные приготовления к войне; парламентом был предписан набор, который должен был доставить Шотландии тридцатитысячную армию. Опытный генерал Давид Лесли командовал этой армией; вокруг столицы возводились укрепления. Но эта монархическая, полная усердия обстановка худо прикрывала насильственную ничтожность короля и не-

¹ Mém. de Ludlow. T.II. - C.44. (B Collection r. Гизо). - Journals of the House of Commons. T.VI. - C.431-432. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.222. - Carlyle, Cromwell's letters. T.II. - C.12.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

связность в идеях и действиях партии, которая хотела в одно и то же время и поддержать, и отстранить его. Карл не присутствовал в совете, где рассуждали о делах; и когда он пытался серьезно заговаривать о них с Арджайлем, последний почтительно уклонялся от разговора. Зато теологи осаждали молодого государя, которого политики так заботливо старались отстранить от себя; церковные уставы, духовные увещания и проповеди наполняли его невольные досуги, и сколько он ни употреблял над собой усилий, чтобы сделаться ханжой, все-таки постоянно по справедливости слыл вольнодумцем. Шотландцы хотя прежде всего были пресвитериане, но они вместе с тем были и искренние роялисты, и Карл, не очень способный обольщаться мечтами, очень хорошо знал, что вне Шотландии нет для него ни королевства, ни армии, но с той и с другой стороны глубоки были недоверчивость и нерасположение, и обе стороны, хотя были взаимно необходимы одна для другой, но слишком медлили понять друг друга и соединиться¹.

Когда узнали, что Кромвель перешел границу, решили, что нельзя не показать короля шотландской армии. Он прибыл в лагерь близ Лита, и войска встретили его с радостью, которая скоро показалась подозрительной пылким проповедникам и завистливым политикам. Карл явился веселым, умным, приветливым; его присутствие возбудило в лагере сильный говор и внушило преданность к нему; причем, вероятно, обнаружались какие-нибудь знаки неуважения, дисциплины и непокорности к начальству. Фанатики тотчас воспользовались случаем: они стали кричать против состава армии, в которой, по их словам, было много злонамеренных людей, бывших друзей герцога Гамильтона, роялистов, преданных епископству, или вольнодумцев. Повелено было очистить армию: восемьдесят офицеров были исключены, а также, по другим свидетельствам, и несколько тысяч солдат. Коро-

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XIII. - С. 1-7. - Whitelocke. С. 462. - Malcolm Laing, Hist of Scotland Т. III. - С. 450.

лю не позволили оставаться дольше в лагере; его поспешно увезли в Перт - дальше, чем он был прежде. Этого было еще слишком мало для успокоения волнения или удовлетворения страсти фанатиков; они захотели еще сильнее покорить и унижить Карла: они потребовали, чтобы он подписал очистительную декларацию, в которой бы формально признал и оплакал заблуждения короля-отца, язычество королевых-матери, собственный свой грех, состоящий в заключении договора с ирландскими мятежниками, и снова подтвердил бы против папизма и ереси и в пользу свободных парламентов и устава пресвитерианской церкви как в Англии, так и в Шотландии все те протесты и обещания, которые уже были им даны¹.

В первую минуту Карл не согласился. "У меня, - сказал он, - не достанет духу смотреть в глаза матери, если я подпишу подобную бумагу". Потом он просил дать ему время узнать мнение совета. Фанатики отказались ждать. Комитет штатов и комитет церковный объявили, что они не рассчитывали соединяться со злонамеренными, что дело короля подчиняется делу Божьему и что они хотят очистить себя от упрека в том, что поддерживают нынешнего короля в образе действий и в заблуждениях его отца. Большая часть офицеров шотландской армии прислала в комитет штатов отзывы, что они разделяют все, сказанное в этом объявлении. Некоторые, в том числе полковник Страхан, победитель Монтроза, даже вступили по этому предмету с английской армией и с Кромвелем в тайные сношения, которыми чистые роялисты с полным правом могли встревожиться. Духовенство говорило с кафедр, что король - корень зловредной партии и что он клятвенно утвердил Ковенант, не намереваясь сдерживать свою клятву. Политические недомолвки не выносят прикосновения открытых страстей. Карл испугался, уступил и под-

¹ Goodwin, Hist. of the Commonwealth T.III. - C.226. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.XIII. - C.20. - Brodie, Hist of the British Empire. T.IV. - C.280. - Baillie. T.II. - C.347.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

писал очистительную декларацию. Восхищенные своей победой, фанатики, а с ними и народ, и армия, установили торжественный пост по случаю этого очищения, и не один проповедник уверял своих слушателей, что "теперь, когда смягчен гнев небесный, легко будет одержана победа над полководцем-богохульником и над армией еретиков"¹.

Через несколько дней после этого унижительного акта Карл давал аудиенцию доктору Кину, таумскому декану, который возвращался в Ирландию к маркизу Ормонду. "Господин Кин, - сказал ему король, - я имею о вас хорошее мнение и потому смело могу уверить вас, что хотя необходимость, вытекающая из положения моих дел, принуждает меня по наружности выказывать иное, тем не менее я остаюсь верным сыном английской церкви и тверд в моих первых убеждениях. Г. Кин, я истинный кавалер. Вы едете в Ирландию, милорд Ормонд - человек, на которого я всего больше рассчитываю. Сильно опасаюсь, чтобы не пришлось мне поневоле сделать нечто такое, что повредит ему. Вы слышали, как вынудили у меня декларацию и как стали бы поступать со мной, если бы я не подписал ее. Но то, что касается Ирландии, необязательно, потому что я ничего не могу сделать относительно этого королевства без мнения моего ирландского совета; следовательно, то, что я сделал, ничего не значит, тем не менее я боюсь, чтобы это не повредило милорду Ормонду и окружающим его друзьям моим. Если бы вы могли успокоить его в том, что принудили меня сделать в этом отношении, вы оказали бы мне истинную услугу. И скажите ему, что я считаю не только ошибкой со своей стороны, но несчастьем - не поехать в Ирландию, когда он меня звал туда"².

¹ Malcolm Laing, Hist of Scotland. T.III. - C.454-457. - Whitelocke. C.468-469. - Carlyle, Cromwell's Letters. T.II. - C.26. - Lingard, Hist of England. T.XI. - C.49-51. - Brodie, Hist of the British Empire. T.IV. - C.281-284. - Burnet, Hist. de mon temps. T.I. - C.119-120 (в Collection г. Гизо).

² Carte, Ormond's Life. T.I. - C.391.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

Нельзя сказать, чтобы Кромвель ничего не знал об этих несогласиях в шотландском правительстве, но он скоро увидел сам себя и свою армию в таком затруднительном положении, что уже больше думал о том, как выпутаться из собственной опасности, нежели о том, как воспользоваться слабостями врагов. По мере того, как подвигался он вперед по шотландской земле, от границы к Эдинбургу, жители удалялись при его приближении со всем своим скотом, припасами и имуществом, и в деревнях едва оставалось несколько старух, которые никак не хотели печь хлеб или варить пиво для англичан. Это было следствием распоряжений Лесли и проповедей пресвитерианских священников, которые не переставали греметь против чужеземных еретиков, возвещая, что они будут убивать всех жителей от шестнадцати до шестидесяти лет, рубить правые руки всем мальчикам от шести до шестнадцати лет, выжигать груди женщинам и истреблять все, что ни встретят на пути. Напрасно Кромвель издал и распространял всюду на пути все прокламации, из которых в одной обращался "к шотландскому народу", в другой "ко всем праведным, разделяющим веру избранных Божьих" и которые написаны были с целью - одна: рассеять страх, другая: удовлетворить благочестивым чувствам народа; напрасно поддерживал он в своей армии строжайшую дисциплину; напрасно, желая опровергнуть слух о задуманных будто бы им свирепых жестокостях, отсылал в Эдинбург, в собственной карете, шотландских офицеров, взятых в одной стычке: ужас и отвращение оставались в своей силе и постоянно распространялись. Кромвель мог продовольствовать армию, только держась около берегов, с помощью припасов, подвозимых из Англии морем. Хотя это было в августе, но погода стояла дурная; шли непрерывные дожди; в английской армии появились болезни. Шотландский главнокомандующий стоял, окружив свою армию ретраншаментами, между Эдинбургом и Литом; он, очевидно, решился ограничить-

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

ся прикрытием столицы и избежать решительного боя, оставляя англичан гибнуть среди безлюдья, при недостатках продовольствия. Несколько раз Кромвель пытался вызвать Лесли из окопов и сойтись с ним. В этих схватках он иногда сам лично заходил так далеко, что однажды шотландский солдат, узнав его в лицо, выстрелил в него, и Кромвель закричал: "Если бы ты был из моих, я бы разжаловал тебя за то, что стреляешь на такой дальней дистанции". Все эти попытки не имели никакого результата: Лесли оставался в своих окопах или всегда уходил в них. "Они надеются, - писал Кромвель к Брадшоу из Моссельбурга от 30 июля, - что мы перемрем от голода, по неимению продовольствия, что, весьма вероятно и случится, если не снабдят нас вовремя достаточным количеством припасов"¹.

Положение сделалось до такой степени трудное, что Кромвель решился во что бы то ни стало выйти из него. На военном совете положили, что армия отступит к Дунбару, чтобы там ожидать припасов и подкреплений, а оттуда пойдет вдоль берега к границе Англии, если подкрепления не придут. На другой же день пятьсот человек были посажены на суда в Моссельбурге, и армия выступила. Лесли скоро вышел из своего лагеря и двинулся по следам английской армии, тревожа и атакуя ее на каждом шагу, но никак не вступая в генеральное сражение. Одна из этих атак была сделана ночью с такой энергией, что Кромвель писал о ней: "Кавалерия нашего арьергарда подверглась бы натиску всех шотландских сил, если бы Господнее провидение не наслало на луну облака, которое дало нашим эскадронам возможность примкнуть к главной армии". Англичане пришли к Дунбару совершенно изну-

¹ Carlyle, Cromwell's Letters. T.II. - C.14-17, 22. - Whitelocke. C.466. - Parl. Hist. T.XIX. - Col. 298-312. - Brodie, Hist of the British Empire. T.IV. - C.278, 284-287. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.228.

ренные, и Кромвель, тотчас же по прибытии, узнал, что Лесли послал сильный отряд занять проход, называемый Кокборнспат, находящийся на дороге между этим городом и английской границей, проход столь узкий, как говорит сам Кромвель, что "там легче десяти человекам удержать движение, нежели сорока человекам очистить путь". Кромвель, не способный увлекаться ложными надеждами, ни падать духом, тотчас же написал к ньюкестальскому губернатору сэру Артуру Гаслери: "Мы находимся в весьма затруднительном положении. Неприятель занял нашу дорогу на Кокборнспат, и нам не предвидится почти никакой возможности проникнуть через эти дефилеи без особенного чуда. Вокруг нас он занимает холмы, так что выйти отсюда нам очень трудно, а оставаясь здесь, мы тратим людей, которые заболевают в невообразимом количестве. Я вижу, что у вас нет под рукою достаточно сил, чтобы скоро прийти к нам на помощь. Чтобы ни случилось с нами, вы хорошо сделаете, если соберете столько, сколько можете, войска; пусть приходят к вам с юга все, чем только могут располагать: это было бы на пользу всех благомыслящих людей. Если бы вы собрались с силами ударить в тыл неприятельского отряда, занимающего Кокборнспат, то могли бы достигнуть соединения с нами. Но един Бог премудр и знает, что лучше. Мы все будем действовать к лучшему. Сердца наши, слава Богу, в прекрасном состоянии, хотя окружающие нас обстоятельства не таковы. Мы надеемся на Господа, так часто являющего нам милость свою. Но еще раз: соберите столько сил, сколько будет можно. Просите наших южных друзей, чтобы они выслали их вам. Передайте Генри Венту, что я пишу вам. Я не хотел бы, чтобы это было общеизвестно, боясь увеличить опасность. Вы сами рассудите, какое употребление лучше сделать из моего известия"¹.

¹ Whitelocke. C.470. - Brodie, Hist of the British Empire. T.IV. - C.284-289. - Cromwelliana. C.87-89. - Carte, Ormond's Letters. T.I. - C.380. - Carlyle, Cromwell's Letters. T.II. - C.33.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

Совсем иными чувствами - чувствами радости и гордости волновался шотландский лагерь; там видели, что перед ними отступает "этот антихрист, этот надменный Кромвель, который навлек на свою голову проклятие Божье, умертвив короля и нарушив Ковенант, называет свои пушки двенадцатью апостолами и на них возлагает всю свою надежду". Они держали Кромвеля с его армией запертым между горами, морем и их войсками. Лесли созвал совет: его собственное положение было не совсем изъято от затруднений: на холмах, занятых его войсками, не было ни воды, ни фуража; только с большим трудом он мог продолжать держаться на своей позиции. Несмотря на то, он твердо настаивал на своем мнении, что надо по-прежнему избегать сражения и со дня на день постепенно теснить английскую армию к границе. "Какой нужно еще более блистательной победы, - говорил он, - если мы заставим неприятеля воротиться больным, униженным, побежденным без боя?" То же думали почти все военные члены совета, но совет этот не был чисто военный; в нем участвовали уполномоченные от комитета штатов и от духовенства; многие священники, и все самые пылкие, находились и проповедовали в его лагере; они-то упрекали Лесли в излишней мягкости; они стояли на том, чтобы не выпускать врагов, которых Бог предает в их руки. "Они распоряжались нами, - говорит Кромвель, - и располагали свои дела сообразно с чувствами злобы и мщения лично против нас. Бедная сила Англии исчезала перед ними, и они думали, что их армия и их король пойдут без всяких препятствий прямо в Лондон". Лесли не убедился, но и не сильно отстаивал свое мнение: без сомнения, и у него были на душе и мечтательные надежды, и подстрекающее чувство гордости. При одной стычке на аванпосте английский солдат об одной руке, замеченный по своей ожесточенной храбрости, был взят в плен и приведен к Лесли, который спросил его: "Желает ли ваша армия сразиться?" "А что же, вы думаете, нам делать здесь?" - возразил

солдат. - Мы затем сюда и пришли". "Но как же вам решиться на сражение, когда вы погрузили на суда половину ваших людей и все большие орудия?" - "Генерал! Потрудитесь с вашей армией спуститься с холма, и вы найдете там еще довольно и людей, и больших орудий". Лесли, на которого сильнее подействовала твердость солдата, нежели сообщенное им сведение, решился добиться сражения, которого до тех пор так тщательно избегал. "Завтра в семь часов утра, - сказал он своим офицерам, - английская армия, живая или мертвая, но будет наша"¹.

В этот самый день утром Кромвель, которым, несмотря на всю его твердость, овладело смущение, созвал своих вернейших друзей, чтобы вместе помолиться Богу о подании им помощи в настоящей опасности. "Мы были, - говорил он, - близки к неприятелю и живо чувствовали невыгоды нашего положения; плоть была немощна; мы просили Господа подкрепить нашу слабую колеблющуюся веру, и многие из нас подумали, что по числу врагов, по их преимуществам над нами и самоуверенности, по нашей слабости и унынию, мы, точно как израильтяне, находимся у подножия горы; что Господь явится на горе и откроет путь освобождения и спасения. И действительно, мы почувствовали утешение и надежду". По выходе из собрания, около четырех часов пополудни, Кромвель сел на лошадь и вместе с Ламбертом, своим начальником штаба, поехал кататься в окрестности Дунбара, в парк при Броксмут-Гоузе, замке графа Роксбурга. Оттуда навел он зрительную трубу на позицию шотландской армии и был поражен происходившим там движением: сначала часть кавалерии, потом часть пехоты переходила с левого крыла на правое и спускалась с холма к морю, как будто с целью вернее отрезать отступление английской армии и уда-

¹ Brodie, Hist of the British Empire. T.IV. - C.286-292. - Lingard, Hist. of England. T.XI. - C.52. - Carlyle, Cromwell's Letters. T.II. - C.44. 49. 51. - Carte, Ormond's Letters. T.I. - C.381-384.

ритель на нее тотчас, когда она выступит. "Господь предаст их в наши руки - вот они идут!" - закричал Кромвель и, указывая на это движение Ламберту, спросил, не производит ли оно и на него того же впечатления. Ламберт отвечал утвердительно; послали за Монком, и он был того же мнения. Собрался военный совет. Кромвель предложил, что с рассветом армия должна выступить и атаковать шотландцев, которые, как казалось, решились дать сражение так, чтобы на всех пунктах задержать движение Кромвеля. Монк энергично поддерживал это мнение, вызываясь двинуться первым, с пехотой авангарда. Это решение было принято советом, и англичане провели ночь, готовясь к бою в глубокой тишине¹.

Бурная ночь и к утру густой туман заставили их выступить немного позже, нежели предполагал Кромвель. Начало было не совсем счастливым для англичан; их кавалерийский авангард был мужественно встречен и отражен шотландской артиллерией и легкой кавалерией; первые полки английской пехоты восстановили дело, но без решительного успеха; бой длился некоторое время при криках: "Господь брани!" в рядах англичан, "Ковенант!" в рядах шотландцев. Около семи часов утра пехотный полк Кромвеля стремительно атаковал неприятеля и на этом пункте шотландцы дрогнули. В ту же минуту туман рассеялся и солнце заблестало на море и на холмах. "Теперь, да воскреснет Бог и расточатся враги Его!" - воскликнул Кромвель, и эти слова, раздавшиеся вдали, были повторены всеми окружавшими его. "Это был человек могучий в опасностях и на полях битв, - говорит один из его современников, - надежда сияла в нем, как огненный столб, в то время, когда она уже угасала во всех других". Энтузиазм также заразителен, как и смущение. Англичане ударили с удвоенной силой; шотландская кавалерия отступила;

¹ Carlyle, Cromwell's Letters. T.II. - C.45. - Burnet, Hist. de mon temps. T.I. - C.114 (в Collection г. Гизо). - Carte, Ormond's Letters. T.I. - C.382. - T.III. - C.459. - Monk, Etude historique (1851). - C.38.

твердо стоявшие ряды их пехоты были разорваны и в них врубилось несколько неприятельских эскадронов. Послышался крик: "Они бегут! Они бегут!" Быстро распространился беспорядок во всей шотландской армии; она бежала со всех пунктов. "Они представляли собою, - говорит Кромвель, - не что иное, как жатву для наших мечей". В девять часов сражение кончилось; три тысячи шотландцев осталось на месте; более десяти тысяч взято в плен; вся артиллерия, весь обоз и двести знамен достались англичанам. "Кажется, я могу сказать беспристрастно, - писал на другой день Кромвель парламенту, - что ваши старшие командиры и офицеры, каждый на своем посту, а также и солдаты, действовали с таким мужеством, какого не было еще ни в одном деле настоящей войны. Я знаю, что они делали это не для того, чтобы потом сказали о них поименно; поэтому-то я и умалчиваю о подробностях"¹.

Через день, 5 сентября, Кромвель начал наступательное движение, а через четыре дня в его власти были Лит, все окрестности Эдинбурга и сам Эдинбург, за исключением замка, занятого сильным гарнизоном. Карл II и все шотландское правительство удалились к северу, в Перт; Лесли с остатками своей армии - к западу, в Стирлинг. Республиканский парламент достиг своей цели: вторжение в Шотландию было сделано, и Шотландия уже думала только о том, чтобы защищать себя на своей собственной территории.

Среди всеобщей тревоги Карл в глубине души был рад поражению, нанесенному фанатикам, иго которых ему уже надоело сносить. Этих людей, их злую исключительность и безрасчетную требовательность все начинали обвинять в последних неожиданных неудачах. Напрасно шесть священников, составлявших церковный комитет, прибегали к

¹ Carlyle, Cromwell's Letters. T.II. - C.41-52. - Carte, Ormond's Letters. T.I. - C.380-384. - Mém. de Ludlow. T.II. - C.59. - Whitelocke. C.470-471. - Brodie, Hist of the British Empire. T.IV. - C.292-294. - Forster, Statesmen of the Commonwealth T.IV. - C.286-290.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

изданию мрачного манифеста, в котором пытались всю ответственность сложить на греховную закоренелость их противников, утверждая, что Бог даровал бы Лесли победу, если бы армия и двор были очищены от всех нечестивых. Бывает, даже под влиянием самого жаркого фанатизма, такая степень нелепости, которая перед лицом сильных, печальных и очевидно ясных событий нелегко приобретает доверие. Карлу показалось, что настала для него удобная минута вырваться из рук его властителей. Через посредничество некоторых офицеров, преимущественно своего врача, доктора Фразье, личного врага Арджайля, еще недавно принудившего было его удалиться, он вошел в тайные сношения с роялистскими предводителями Верхней Шотландии, в числе которых были лорды Гонлей, Мидальтон, Огильви и Дудгон и которые обещались вооружиться, как только он явится среди них. Но в то время, когда уже готовились к бегству, тайну передали Арджайлю, и церковный комитет тотчас повелел всем кавалерам, которые оставались еще при короле, оставить двор в двадцать четыре часа и в течение двадцати дней выехать из королевства. Только трое были исключены, в том числе герцог Букингэм, которого подозревали в открытии тайны. Карл просил сделать изъятие еще для шести близких ему лиц, но ему отказали в этом. Он не стал настаивать, но спустя восемь дней, около часа пополудни, выехал из Перта в охотничьем платье в сопровождении только пяти слуг; а как только город скрылся у них из вида, он пустился в галоп, встретил лорда Дудгона, потом лорда Бёхана, которые ожидали его, и под прикрытием нескольких горцев в ночь прибыл к лорду Клова, в семнадцати милях от Перта. Там отдыхал он на тюфяке, когда на рассвете вошел к нему полковник Монтгомери с тремя другими офицерами, посланный из Перта комитетом штатов, который почти тотчас же и узнал о бегстве короля и о месте, где он скрылся. Карл вступил в ним в переговоры, объясняя, что он убежал потому, что комитет

штатов, как ему было известно, хотел его выдать англичанам, а слуг его повесить. Монтгомери возражал против этой клеветы. Предводители, прикрывавшие бегство короля, предлагали ему отправиться с ними дальше, уверяя, что в двух или трех милях оттуда он найдет сильный отряд горцев, готовых исполнять его приказания. Но обещание казалось неверным, а Карл, подобно своему отцу, не имел больше склонности к опасным приключениям. Пока он, по-видимому, колебался, два эскадрона шотландской кавалерии явились на подкрепление Монтгомери. Они окружили дом. Карл сдался и скоро был привезен обратно в Перт¹.

Впрочем, этот необдуманно смелый поступок не пропал для него даром: Арджайля и членов комитета встревожила антипатия, которую они внушили ему, и легкость, с которой он мог найти средство вырваться из их рук. И в пресвитерианской церкви нашлись такие священники, которые были разумнее своих свирепых собратьев; они высказали мнение, что дурно поступают с королем, несправедливо и жестко ведут себя относительно умеренных роялистов; что должно всеми силами стараться соединять и соглашать партии, вместо того чтобы распалять их взаимную вражду. Это мнение подействовало на парламент, собравшийся в Перте; он принял живое участие в короле и показал более терпимости к роялистам разных оттенков. Договорились обо всем, что необходимо было для восстановления армии; два решения, сильно оспариваемые фанатиками, были утверждены; ими полагалось: одним, что выражения раскаяния со стороны приверженцев покойного герцога Гамильтона должны быть приняты; другим - что после этого они должны быть допущены служить королю и защищать королевство. Множество умеренных пресвитери-

¹ Malcolm Laing, Hist of Scotland. T.III. - C.464. - Baillie, Letters. T.II. - C.356. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.XIII. - C.47-49. - Lingard, Hist. of England. T.XI. - C.53-55.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

ан и даже кавалеров поспешило воспользоваться этим правом; Гамильтон и Лодердаль воротились ко двору. Карл принял председательство в совете и беспрепятственно занялся делами парламента и армии. Наконец возвестили, что скоро, по древнему обычаю, он будет торжественно коронован в Сcone, и начались приготовления. Арджайль не мог не чувствовать некоторого беспокойства при виде этого движения, приблизившего к королю его противников и раздражавшего фанатиков, его всегдашних друзей; но он вместе с тем чувствовал и необходимость покориться, а Карл своей благосклонностью старался рассеять его недоверие или недовольство. Он даже дал ему заметить, что не прочь жениться на его дочери, и капитан Титус, пресвитерианин, преданный Арджайлю, был послан во Францию к королеве-матери как бы для испрошения ее согласия¹.

Кромвель, освободившись от великой заботы, поглотившей было его на минуту, внимательно следил за этими политическими эволюциями своих врагов и надеялся воспользоваться ими. Он с одинаковым искусством умел говорить и народным массам, и отдельным лицам, взывать к верованиям и заключать лично выгодные сделки. Объявление, с которым он, вступая в Шотландию, обратился "ко всем праведным, разделяющим веру избранников Божьих", вызвало со стороны шотландской церкви энергичный ответ. Кромвель тотчас воспользовался этим случаем, чтобы войти с шотландскими пресвитерианами в переписку и прение, оспаривая их аргументы и акты, ссылаясь на разные места священного писания и предавая их и себя на общественный суд всех верных. "Вы скрываете от них, - говорил он, - бумаги, которые мы к вам посылаем; они увидели бы из этих бумаг, какие мы питаем в душе чувства привязанности к ним. Присылайте к нам сколько угодно ваших бумаг: им у нас свободный ход.

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XIII. - С. 49-50. - Malcolm Laing, Hist. of Scotland. Т. III. - С. 461-465. - Burnet, Hist. de mon temps. Т. I. - С. 121 (в Collection г. Гизо).

Я не боюсь их". Овладев Эдинбургом, он велел написать коменданту замка, в котором укрылись многие пресвитерианские священники, что "они могут воротиться в город и беспрепятственно проповедовать в своих церквах; что им нечего бояться оскорблений и неприятностей, ибо на этот счет дан от него строгий приказ по армии". Священники отказались, "не находя, как они говорили, в его словах достаточного ручательства за их личную безопасность и их свободное возвращение". Кромвель укорил их в малодушии, сказав, что "если бы в сердцах их преобладала мысль о служении своему господину (как они его называют), то не было бы у них соображения, столь встревоженного страхом за самих себя", и при этом он сильно утверждал, что в Англии или Ирландии никого не трогают за проповедование Евангелия, "если только нет попытки, под этим предлогом, подчинить или унижить светскую власть". Он мало заботился о точной справедливости своих показаний, если только в ту минуту и на ту публику, к которой он обращался, они производили желаемое им впечатление¹.

Спустя несколько месяцев после того, живя в Глазго, он часто присутствовал при пресвитерианских проповедях, стараясь покровительствовать проповедникам даже в то время, когда они нападали на него, и всегда готовый вступить с ними в спор. "Раз, - говорил один из его офицеров, - он потребовал, чтобы они собрались на дружеское и христианское совещание побеседовать с нами о предметах, в которых нас упрекали и, если можно, разрешить и прекратить все недоразумения. Они согласились собраться в прошедшую среду. В этом собрании не было ни с той ни с другой стороны ни колкостей, ни раздражительности: все шло умеренно и кротко. С нашей стороны главнокомандующий и генерал Ламберт почти одни поддерживали прение, а со стороны противников Джеймс Гётри и Патрик Джилеспы. Мы не знаем,

¹ Carlyle, Cromwell's Letters. T.II. - C.18-22, 56-73. - Parl. Hist. T.XIX. - Col. 320-323. - Thurlow, State-Papers. T.I. - C.158-162.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

были ли они удовлетворены, но я уверен только в том, что в их доводах не было ничего такого, что бы могло заставить нас сомневаться в успехе нашего предприятия"¹.

Кромвель столько же заботился о соглашении отдельных лиц, сколько о том, чтобы щадить или привлекать народные чувства. Между своими пленниками он нашел Александра Джефрея, абердинского судью, и Карстера, пресвитерианского священника из Глазго; оба они были очень умные и уважаемые люди; он вступил с ними в простой и дружеский разговор и оказал столько приветливости, что совершенно очаровал их; а потом тотчас же поспешил разменять их на несколько пленных англичан, содержащихся в Дунбартонском замке, и эти люди сделались в своей стране полезными для него агентами. Он не упускал ни одного случая оказать внимательность и доверие людям, которые, по его мнению, были больше расположены к республике, нежели к Карлу Стюарту; в числе таких людей был, например, сэр Арчибалд Джонстон, в котором он с того времени приобрел тайного друга, а впоследствии энергичного союзника. Даже в самых ничтожных обстоятельствах, по свойству ли своего характера или по обдуманному расчету, он старался понравиться людям равнодушным или враждебным в отношении к нему. Раз с несколькими офицерами он делал рекогносцировку в графстве Ленэрк; ему понадобился проводник и он не мог найти никого, кроме одного больного молодого человека, сына сэра Вальтера Стюарта, из Аллертона, роялистского дворянина, у которого другой сын служил капитаном в шотландской армии и участвовал в Дунбарском сражении. По окончании рекогносцировки Кромвель прибыл в замок; сэр Вальтер скрылся; его жена, такая же, как он, роялистка, одна приняла республиканского генерала. Кромвель вступил с ней в разговор, с участием говорил о ее муже, родственниках, детях; сказал, что ее больному сыну необходимо переменить климат и что Монпелье, на юге Франции, был

¹ Carlyle, Cromwell's letters. Т. II. - С. 120-121.

бы для него самым лучшим местом жительства. Другой сын хозяйки, мальчик лет десяти, подошел к Кромвелю и дотронулся до рукоятки его шпаги. "Хорошо, - сказал Кромвель, потрепав ребенка по плечу, - ты мой маленький капитан". После обеда, встав из-за стола, он произнес вслух свою обычную молитву, в которой помолился за принявшее его в свой дом семейство, и уехал, оставив хозяйку замка глубоко тронутой его добротой и набожностью. "Я уверена, - говорила она, - что Кромвель боится Бога и думает об истинной пользе религии"¹.

Таким образом, посеянное искусством Кромвеля разномыслие обнаружилось в Шотландии. Чем более пресвитерианские предводители показывали умеренности, внимательно к королю и терпимости к его друзьям, тем более фанатики свирепели и отдалялись от короля. В особенности рассердили их решения парламента, по которым с помощью нескольких слов раскаяния открывались прежним роялистам двор и армия. По этому предмету они подали в комитет штатов сильный протест, открыто нападая на короля, сожалея, что вызвали его, требуя, чтобы он был устранен, хотя бы на время, от всякого участия в правительстве и чтобы его министры, в том числе Арджайль и Лоудон, были сменены; тут же восставали они против мысли о вторжении в Англию, даже против войны, так как война в сущности незаконна, если она ведется для выгод и через руки роялизовольнодумцев или лицемеров. После Дунбарского поражения пять юго-западных графств Шотландии, в которых преобладало это настроение, составили особое общество и требовали вооружить войско на их счет, объявляя, что они постоянно стали бы бороться с английскими сектаторами, но только не хотят служить под начальством Лесли. Пертский парламент имел слабость согласиться на их требование; три или четыре тысячи человек действительно было собрано в этих графст-

¹ Carlyle, Cromwell's Letters. Т. II. С. 104-105. 118-124.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

вах, и начальство над ними вверено полковникам Керру и Страхану, самым пылким офицерам из всей армии, которые оба были, по крайней мере Страхан, в близких сношениях с Кромвелем. Таким образом, у фанатиков было войско и предводители. В шотландском правительстве происходило страшное волнение. Решено было, что протест фанатиков - клевета возмутительная и опасная, и полковнику Монтгомери дано было приказание отправиться с двумя полками кавалерии принять начальство над всеми войсками, расположенными на западе. Но предшествовавшие этому приказанию прения были так долги и самое приказание исполнялось так медленно, что прежде, нежели власть правительства могла быть восстановлена в графствах, составивших конфедерацию, Кромвель послал туда Ламберта с отрядом войска, а потом и сам явился там. Одною ли силою оружия или при содействии лиц, командовавших небольшой армией фанатиков, эта армия была разбита и рассеяна; из командиров ее полковник Керр был ранен и без большого сопротивления взят в плен; другой полковник, Страхан, вместе со многими офицерами явно перешел к Кромвелю. "Здесь, - писал Кромвель, - после этой экспедиции царствует величайшее расстройство, и видно могучее действие руки Божьей на духовенстве и народе; многого нужно ждать в подтверждение правоты нашего дела. Некоторые остаются все так же дурны, как прежде; они лицемерно хитрят со своей совестью и Ковенантом, чтобы доказать законность вступления в союз с прежними мятежниками, что они и делают в настоящую минуту и что давно делали, избирая в свои предводители самого предводителя мятежников, но другие удерживаются от подобных деяний; есть даже и такие, которые под влиянием благодати Божьей, действующей на их совесть, скорбя, самих себя осуждают, сознавая себя повинными в крови, пролитой войною вследствие участия их в бредском договоре и в призвании к ним короля. Так, раскаивался один лорд, участвовавший в заседаниях и удалившийся из среды комитета штатов, а в последнее время Джеймс Ливингстон, человек уважаемый

за благочестие и познания, бывший в Бреде одним из комиссаров со стороны церкви, торжественно перед их собранием упрекал себя в этой ошибке; он оставил собрание и возвратился домой¹.

Карл не меньше Кромвеля радовался расстройству пресвитерианской партии, потому что в то же время, по естественному соотношению, партия роялистов приходила в устройство; люди умеренные все больше и больше приставали к этой партии, желая избавиться от гнета сектаторов; последние, через свои насилия и неудачи, падали в глазах мирных граждан; вельможи-роялисты снова приобретали силу влияния.

Коронование было совершено в Сконской церкви 1-го января 1651 года с древней королевской пышностью, и несмотря на пресвитерианскую жесткость речи, произнесенной по этому случаю Робертом Дугласом, модератором церковного генерального собрания, несмотря на безрассудную строгость взятых с Карла клятвенных обетов, чувство твердого и истинного праводушия одушевляло церемонию; все присутствовавшие, светские и духовные, дворянство и народ, как ни слабы были их понятия в деле правительства, искренне желали, чтобы в их стране существовала королевская власть и чтобы королем был Карл Стюарт. Из уважения к его праву, они, коронуя его, обрекали себя на борьбу неравную; хорошо, если бы они могли, со своей стороны, рассчитывать на справедливую взаимную оплату искренностью и расположением².

Почти в то самое время, когда Карл короновался в Сcone, английский республиканский парламент отправлял в Эдинбург известного гравера Симона, чтобы снять с Кромвеля портрет для медали, которую положено было выбить

¹ Carlyle, Cromwell's Letters. T.II. C.82-84. - Baillie, Letters. T.II. - C.348-369. - Burnet, Hist. de mon temps. T.I. - C.117-119. - Malcolm Laing, Hist of Scotland. T.III. - C.461-466.

² Somers, Tracts. T.VI. - C.117-143.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

в память Дунбарской победы. "Не мало изумился я, - отвечал Кромвель, - тому, что вы заставили г-на Симона совершить такой дальний путь за таким маловажным делом, по крайней мере относительно меня. Если мое нижайшее мнение может иметь какой-нибудь вес в глазах ваших, то я осмелюсь думать, что всего приличнее было бы в настоящем случае сохранить воспоминание о великой милости Божьей, явленной нам при Дунбаре, и выразить признательность вашу к армии: все это прекрасно было бы изображено на медали, если бы на одной стороне ее был представлен парламент - что, как говорят, и сделано и что совершенно основательно, - а на другой армия, со словами: "Господь - сила", которые были нашим паролем в тот день. Поэтому я обратился бы к вам с покорнейшей просьбой приказать сделать так, если только моя просьба не оскорбит вас. Если же моя мысль не будет вами одобрена, то вы можете изменить ее, как вам угодно. Я могу только поистине сказать вам, что вы наполнили бы сердце мое благодарностью, если бы сообразовали избавить меня от необходимости видеть на этой медали мое изображение". Медаль выбили по первоначальному проекту, не обратив внимания на желание Кромвеля. Никто из великих людей не простирает до такой степени притворную скромность, как Кромвель, и никто не подчинял так легко тщеславие честолюбию¹.

Два обстоятельства дали течению дел и войне новое и неожиданное направление. Кромвель опасно заболел. В Англии обнаружались заговоры роялистов.

С той поры, как Карл приехал в Шотландию, английские роялисты со всех сторон порывались к нему на помощь. Ко многим из них он посылал комиссаров с бланковыми подписями для уполномочивания их набирать людей, вверять должности, давать обещания и вообще дей-

¹ Carlyle, Cromwell's Letters. T.II. - С.109-113. - Harris, Life of Cromwell. (Лондон, 1814). - T.III. - С.241, 518.

ствовать за него и от его имени. Между кавалерами, жившими в Англии, многие, из храбрости или тщеславия, были не довольно скромны, а те, которые находились в безопасности на материке, в Голландии или в Париже при королеве-матери, часто в переписке или разговорах выдавали тайны своих единомышленников, остававшихся на родине. Страшная зависть и недоверчивость существовали между разными группами этих беглецов, оспаривавших друг у друга или силу влияния среди изгнаннической скуки, или надежды на будущее; они то не хотели сообщаться и соглашаться друг с другом из взаимной ненависти, то доверялись одни другим по легкомыслию. Республиканский государственный совет организовал против них и в среде их весьма деятельную полицию; на одного из членов, Скотта, специально возложена была эта обязанность, и для исполнения ее у него не было недостатка ни в ловкости, ни в деньгах. В 1650 и 1651 годах составлялись четыре роялистских заговора частью бывшими кавалерами, частью пресвитерианами, которые были тем более ревностны, что их обращение было и ново и искренне. Все эти заговоры не удались, и в продолжение тринадцати месяцев двадцать семь роялистов, военных и гражданских, светских и духовных, знатных и безвестных, взошли на эшафот, некоторые по приговору военных судов, а большая часть по приговорам тех верховных уголовных судов, на которые возлагалась обязанность не судить обвиняемых на основании законов, а защищать республику от народных страстей и от замыслов ее врагов. От таких неудач не упали духом английские роялисты; они были воодушевлены преданностью своему делу, взволнованны и праздны; король их был в Шотландии; там бились за него; оттуда доносились к ним неясные слухи о его опасностях, силах, намерениях, и эти слухи возбуждали и поддерживали в них то гнев, то надежды; они не могли решиться оставаться в бездействии, когда из-за их дела так горячо бились почти на глазах у них; и вот они, в

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

свою очередь, посылали в Шотландию вести о своих попытках к восстанию, о своих мечтах и обетах¹.

В то время, когда дух роялизма усиливался таким образом в Шотландии и приходил в брожение в Англии, Кромвель, возвращаясь во главе отряда из долгого зимнего перехода, под дождем и снегом, простудился и в Эдинбурге заболел сильнейшей горячкой. Болезнь приняла серьезный характер. Парламент и государственный совет встревожились и послали к нему нарочного гонца с выражением их живейшего участия. Он отвечал Брадшоу: "Приношу нижайшую благодарность за вашу высокую благосклонность и нежную внимательность ко мне, недостойному. Ваши дела во мне не нуждаются, милорд: я - ничтожное создание; недавно я был не что иное, как скелет иссохший, а теперь остаюсь еще слугою бесполезным для моего Господа и для Вас. Я думал, что не переживу этой болезни; кажется, Богу угодно было назначить иначе. Но, поверьте, милорд, я не желаю жить, разве только Он, по благодати своей, даст мне посвятить и сердце и жизнь на излияние перед Ним усерднейшей благодарности и веры и на то, чтобы быть более деятельным и более полезным для тех, кому я служу". Ему стало лучше, и он начал свой обычный образ жизни. "Главкомандующий теперь поправился, - писали из Эдинбурга в Лондон, - сегодня он обедал со своими офицерами; за обедом был одушевлен и весел. Мы уже не боимся: при помощи Божьей он скоро в состоянии будет снова начать кампанию". Действительно, он ее начал; но болезнь возобновилась, и трехкратное последовательное возобновление того же припадка показало упорность этой болезни. Парламент послал в Эдинбург двух знаменитых врачей, докторов Гатса и Рэйта, а Ферфакс дал им на дорогу свой собственный экипаж. Наконец, палата постановила, что "по слу-

¹ Milton, State-Papers. C.33, 34, 37. - Journals of the House of Commons. T.VI. - C.504, 506. - Whitelocke. C.484, 486. - Carte, Ormond's Letters. T.I. - C.414. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.XIII. - C.117, 118, 119.

чаю болезни лорда генерала и по суровости климата страны, где он находится, предлагают ему для сохранения здоровья переехать в какую-нибудь часть Англии, где, при помощи Божьей и употреблении усиленных врачебных пособий, он мог бы восстановить свое здоровье и силы, чтобы иметь возможность возвратиться к армии, которой впредь до того времени ему предоставляется назначить временного командира по своему усмотрению”¹.

Когда это определение пришло в Шотландию, там только что совершился весьма важный факт, заставлявший предчувствовать новые планы в партии роялистов. Умеренные и во главе их Гамильтон и Лодердэль взяли решительный перевес в шотландском парламенте; усилия Арджайля противодействовать им были бесплодны. Карл, все еще щадя этого человека и друзей его и успешно действуя приветливостью и ловкостью, давал их противникам возможность приобрести первенство. Армия была преобразована согласно его желаниям; несмотря на сильные возражения и формальный протест канцлера-лорда Лаудона, множество прежних роялистов, и преимущественно самые решительные, были назначены полковниками. Наконец, парламент пригласил короля принять лично команду над войсками, и Карл действительно стал предводителем как армии, так и своих советов в то самое время, когда английский парламент предлагал больному Кромвелю оставить Шотландию, где он, казалось, совсем умирал².

Едва прошел месяц, и крепостью ли телосложения или силою воли исцеленный Кромвель быстро открыл военные действия; он маневрировал вокруг шотландской армии, снова окопавшейся ретраншаментами при Стирлинге, покорял окрестные графства, брал то приступом, то изменою еще дер-

¹ Journals of the House of Commons. T.VI. - C.579. - Carlyle, Cromwell's Letters. T.II. - C.113, 125. - Whitelocke. C.494.

² Malcolm Laing, Hist of Scotland. T.III. - C.466. Browne, Hist. of the Highlands. T.II. - C.69. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.246.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

жавшиеся крепости; разбивал то лично, то через подчиненных ему командиров неприятельские отряды, пытавшиеся удержать его движения, и наконец осадил Перт, угрожая таким образом Карлу, продолжавшему стоять со своей армией у Стирлинга, овладеть в тылу у него главным городом и средоточием его правительства.

Тогда Карл вдруг решился на то, о чем давно уже думал: он объявил своему совету намерение снять лагерь и перенести войну в Англию, где его приверженцы ждут только его присутствия, чтобы произвести восстание. Без сомнения, многие шотландские предводители, оставаясь твердыми роялистами, нисколько не одобряли в душе этого намерения; им не очень хотелось столкнуться на этом пункте со своими страшными соседями; иногда они даже внушали Карлу такую мысль, что хорошо сделал бы он, если бы удовольствовался шотландской короной, предоставив Англии биться, сколько ей угодно, под гнетом своей республики и революционных партий. Воспоминание о вторжении, произведенном в 1647 году покойным герцогом Гамильтоном, и о неудаче его еще было свежо. Однако большая часть членов совета промолчала и согласилась, оробев перед волей короля или поддавшись силе впечатления, какое всегда производит на души смелая решимость в минуты крайней опасности. Арджайль почти один употребил все усилия, чтобы отговорить короля от исполнения его плана. Действуя не только из одной зависти, так как исполнение этого плана было торжеством его соперников - партии Гамильтона, но и по внушению благоразумия и политической прозорливости, он вернее, нежели приближенные Карла, определял состояние умов в Англии, пылающую еще юной республиканской партии и слабость надежды на восстание роялистов: зачем пускаться в такое опасное предприятие и оставлять без армии и без короля Шотландию, доказавшую ему столько преданности? Зачем с горстью шотландцев бросаться в середину врагов, когда, оставаясь в Шотландии в оборонительном положении, могли бы изнурить и уничтожить английскую армию:

самого Кромвеля в суровую пору второй зимы? Карл не дал никакой цены этому мнению. Арджайль настаивал, объявляя, что он не в состоянии будет принять участие в этом предприятии и попросил позволения удалиться в свои земли. Были люди, которые советовали Карлу приказать тотчас же арестовать его, говоря, что опасно оставлять за собой в Шотландии такого сильного недовольного. Карл не принял этого совета в уважение ли своих недавних близких отношений с Арджайлем или из боязни огласки разрыва. Арджайль уехал в свой замок Инверери. Король издал прокламацию, извещающую всенародно, что на завтра он выступает в Англию в сопровождении тех подданных, которые захотят доказать ему свои доблестные чувства, решившись разделить с ним его участь. И действительно, на другой день, 31 июля 1651 года, он уже был на дороге к Карлэйлу, предводительствуя одиннадцатитысячной, а по уверению некоторых, четырнадцатитысячной армией и имея под рукой в качестве товарища главнокомандующего Давида Лесли¹.

Кромвель стоял перед Пертом, только что овладев им, когда узнал эту новость. Подлежит сомнению, удивила ли она его или рассердила: его сильно терзали трудности и опасности, представляемые для армии и для него самого продолжением этой неприносившей существенных результатов войны, которую он уже целый год вел в Шотландии; ему казалось, что в Англии он был бы больше уверен в быстром и решительном успехе. Еще в январе он дал заметить парламенту, что шотландцы могут покуситься на вторжение, а его недавние маневры, отодвинув его в тыл шотландской армии, так ясно открывали королю путь в Англию, что, казалось, почти вызывали его на это предприятие. Кромвель

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XIII. - С. 53. - Whitelocke. С. 501. - Malcolm Laing. Hist. of Scotland. Т. III. - С. 468. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. Т. III. - С. 253, 260. - Brodie, Hist. of the British Empire. Т. IV. - С. 304. - Browne, Hist. of the Highlands. Т. II. - С. 71. - Le père d'Orleans, Hist. des Révolutions d'Angleterre. Т. IV. - С. 50.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

предвидел, какое впечатление ужаса, гнева и опасения произведет это в Лондоне, и потому за восемь дней перед тем, двинувшись на Перт, он писал: "Оставляю за собой столько сил, что их достаточно будет для отражения неприятеля, если бы он решился наступать, и для удержания его от попытки проникнуть в Англию". Твердо и ловко предупредил он тотчас же упреки и сомнения, которые предчувствовал. 4 августа написал он парламенту: "У нас носят слухи о движении неприятеля к югу, хотя в рассказах есть противоречия, показывающие, что факт сомнителен. Предполагая, что это может быть и правда, мы тотчас поспешили отправиться в обратный путь. Наша пехота и часть кавалерии сегодня прошли дефилеи; мы пойдем как только можно быстрее на неприятеля, который в страхе и отчаянии, подвигнутый безысходной крайностью, решился попытать счастья на этом пути. Я боюсь, что если он идет на Англию, опередив нас несколькими днями, то не встревожило бы это кого-нибудь и не породило бы каких-нибудь затруднений. Я глубоко понимаю их; я неусыпно заботился и буду заботиться не менее всякого другого о предупреждении этих затруднений. Меня утешает то, что я действовал с благой целью, по моему разумению и в простоте сердца, как перед Богом; я был убежден, что если мы не положим конца этому делу, оно вовлечет нас во вторую зимнюю кампанию, на гибель наших войск, которые не могут так, как шотландцы, переносить суровость здешнего климата и вместе с тем потребуют бесконечных расходов из общественной казны Англии. Иные подумают, что мы могли бы воспрепятствовать этому движению неприятеля, заслонив от него собою нашу страну. Действительно, мне кажется, что мы могли бы это сделать, но я не понимаю, каким образом могли бы мы, не делая того, что сделали, заставить неприятеля выйти из позиции, которую он занимал, по крайней мере не имея сильной армии на обоих берегах Форта, а мы ее не имели. Так как неприятель внушает вам некоторое беспокойство, то я покорнейше прошу вас, сообразуйте с тем же мужеством и с тем же

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

упованием на Бога, которое поддерживало вас в великих подвигах, Богом через вас доселе совершенных, двинуть все силы, какие только в состоянии будете собрать, чтобы сколько-нибудь удержать неприятеля, пока мы успеем настигнуть его, что при помощи Божьей постараемся сделать весьма скоро. У нас есть та успокаивающая, опытом осознанная истина, что Бог леденит сердца наших врагов. Когда мы сойдемся с ними лицом к лицу, тогда, надеемся, Господь обнаружит безрассудство их отчаянного намерения. Недавно Англия была более, нежели теперь, встревожена; тогда шотландская армия, несравненно многочисленнее нынешней и еще ни разу не разбитая, вторглась к нам; мы имели весьма слабые силы для сопротивления ей при Престоне, но не боялись броситься между ней и Шотландией, и не должно забывать, каким образом Бог даровал нам успех. Настоящее движение неприятеля не есть наше дело и произведено только по необходимости: будем надеяться, что исход его будет тот же. Это послужит давно желаемым окончанием нашего подвига. Мы должны уповать на Господа, на явленные уже нам опыты его помощи; должны надеяться на его присутствие, которое животворит наше дело¹.

Кромвель не ошибся: в Лондоне произошла страшная тревога; чувство страха скрылось под вспышкой гнева; в парламенте, в Сити и даже в среде государственного совета сердились и бранили его; задавали себе вопрос: не сговорился ли он с Карлом Стюартом? "Были люди, - говорит мистрис Гётчинсон, - обнаружившие самые недостойные и смешные страхи; сам Брайшоу, как ни тверд был сердцем, не мог удержаться от выражения опасений". Но по крайней мере в республиканских предводителях потрясение было непродолжительно. Вен, Скотт, Робинсон, Генри Мартин были люди с большой энергией и непреклонным мужеством, страстно преданные своему делу и поставленные на такую ступень, где

¹ Parl. Hist. T.XIX. - Col. 455, 458. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.253. - Carlyle, Cromwell's Letters. T.II. - C.135-137.

мужество, не переставая быть добродетелью, становится необходимостью. Они тотчас приняли меры к отражению опасности и для успокоения умов. Армия, к которой было уже прибавлено три тысячи конницы и тысяча драгунов, была вновь усилена четырьмя тысячами пехоты; милиция вооружена на всей территории; три полка волонтеров сформированы в Лондоне и его окрестностях и назначены собственно для охранения парламента. Люди пылкие и пользовавшиеся влиянием - в том числе полковник Гётчинсон и Джон Клейполь, зять Кромвеля, - сами набрали эскадры волонтеров, а парламент ассигновал суммы, необходимые на удовлетворение всех этих расходов. Карл при самом вступлении в Англию издал прокламацию с объявлением всеобщей амнистии, из которой исключены были только три человека: Кромвель, Брайшоу и Кук, три главнейшие деятеля в процессе короля, его отца. Парламент отвечал на эту прокламацию тем, что повелел сжечь ее в Лондоне рукою палача, объявил Карла Стюарта и соучастников в его предприятии виновными в государственной измене; определил всякому, кто каким-либо путем войдет с ними в сношение, смертную казнь; прежних роялистов сажал в тюрьму, изгонял и ссылаал в их имения и, наконец, учредил строжайшую полицию, до такой степени мелочную, что для некоторых частей территории, между прочим, постановлено было, что всякий глава семейства должен своих детей и слуг держать дома безвыходно взаперти, исключая определенных часов, и давать знать комитету местной милиции, если они в течение двенадцати часов не будут дома¹.

Однако Карл шел со своей армией вперед через северо-западные графства Англии, не встречая никакого препятствия. Кромвель, узнав о его выступлении, послал Ламберта и Гаррисона с двумя легким отрядами, приказав им следовать

¹ Mém. de mistress Hutchinson. (в Collection г. Гизо). - Т.II. - С.231. - Journals of the House of Commons. T.VI. - С.557, 614, 196-622. - T.VII. - С.3, 6, 7, 9, 10.

за неприятелем и тревожить его порознь или вместе, действуя на фланги и тыл, так, чтобы затруднять и замедлять его движение, не вступая в решительное сражение, которого они и не могли бы выдержать и которое Кромвель хотел предоставить себе. "Его величество, - писал лорд Лодердаль к своей жене из Пенрита, - идет на Англию с отличной армией, вдвое, если не больше, превосходящей ту армию, с которой покойный король шведский Густав-Адольф вступил в Германию. Как только мы ступили на английскую землю, один англичанин провозгласил его величество королем английским, и король сделал его на тот день герольдмейстером над армией, при громких ее криках и пушечной пальбе. Вчера король был провозглашен в Пенрите и будет таким же образом провозглашаем во всех торговых городах, через которые мы будем проходить. Кажется, еще ни в одной армии не бывало такой дисциплины, какая существует у нас со времени вступления в Англию; смело могу сказать, что мы ни у кого не взяли ни на три пенни. Поверь мне, это лучшая шотландская армия, какую я когда-либо видел, что, надеюсь, она и докажет. Те, которым не хотелось всем рисковать в этом предприятии с королем, оставили нас под разными частными предложениями. Это естественное очищение, которое послужит нам во благо. Военных действий еще не было, исключая отражения нескольких небольших отрядов, которые не стоят того, чтобы говорить о них. Не хочу пропустить следующий факт: сегодня утром перешел к нам от неприятеля сын милорда Гауарда из Эскрика и привел с собой весь свой эскадрон. Его величество принял его ласково и вскоре пожаловал кавалером. Он еще первый, но я уверен, что через несколько дней многие другие возвратятся к своему долгу"¹.

Уверенность лорда Лодердаля не оправдалась: немногие из англичан присоединились к Карлу. Он вторгнулся в Англию, предводительствуя шотландцами и пресвитерианами,

¹ Carlyle, Cromwell's Letters. T.II. - C.137. - Whitelocke. C.501. - Cary, Memorials of the great civil war in England. T.II. - C.307.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

чужеземцами и сектаторами. Чувство национальной гордости англичан было оскорблено; приверженцы епископской церкви почувствовали недовольство и встревожились; эти чувства явились на помощь действию страха, внушенного парламентом и его строгостями. Карл не находил ни сопротивления, ни опоры; в большей части городов, через которые он проходил, его приветствовали восклицаниями, но народ не восставал; сами предводители партии роялистов прибывали к королю в весьма небольшом числе и приводили с собой очень немного людей. Карл, отправляясь из Шотландии, послал предупредить о своем движении одного из самых преданных и самых доблестных своих приверженцев - графа Дерби, который со времени окончания гражданской войны жил в уединении на своем острове Мэне с женой Шарлоттою де ла Тремуль, такою же роялисткою и такою же мужественной героиней, как сам он. Дерби поспешил явиться к королю с малой горстью преданных людей и избранных служителей, и Карл поручил ему объехать Ланкастерское графство с целью воодушевить и собрать там его приверженцев. Но в то время, когда Дерби старался всеми силами исполнить это поручение, его атаковал и разбил при Уигане полковник Роберт Лильбёрн, которого предусмотрительный Кромвель послал в западные графства подавлять роялистские восстания. Дерби, захваченный было в плен, успел вырваться, убежал и почти один возвратился к королю в Уорчестер. Другой подручник Карла, принадлежавший к другому религиозному и политическому оттенку, генерал Массей, отличный офицер, некогда пресвитерианин и защитник парламента, получил также приказание собрать роялистов в графствах Ланкастерском и Честерском, в которых он пользовался доверием. Его действия шли довольно успешно; но вдруг шотландские священники, всюду сопровождавшие армию, заметили, что он собирает людей всех вероисповеданий без различия, как пресвитерианского, так и епископского и католического, они, ничего не говоря королю, послали к Массею объявление, что никто не должен быть принимаем в армию,

если не присягнет Ковенанту, и приказали ему обнародовать это объявление. Карл, узнав об этом, тотчас написал Мас-сею остановить публикацию, но его письмо, перехваченное и обнародованное парламентом, еще раз обнаружило недостаток искренности короля и внутренние смуты в его партии. В то время, когда роялисты обнаруживали робость, республиканцы становились тверже и упорнее: комендант небольшого укрепления Биггер, которому предлагали сдаться, отвечал, что он охраняет крепость для республики, которая вверила ему ее. Карл рассчитывал сделать город Шрисбёри центром своих действий на западе и надеялся, что губернатор этого города, полковник Мэкуорт, законовонец, сделавшийся войном, отворит ему ворота. Мэкуорт запер их перед ним накрепко и получил от парламента, в вознаграждение за верность, золотую цепь. Приближаясь к Уаррингтону, на реке Мерсее, королевская армия увидела на левом берегу сильный неприятельский отряд: это были соединившиеся Ламберт и Гаррисон, они хотели задержать армию, разрушив мост на реке, но не успели в этом; армия перешла, и эскадроны кавалеров быстро ударили на авангард Ламберта с криком: "А, бездельники! Достанется вам от нас, прежде чем придет ваш Кромвель". Ламберт не решился на бой и отступил не совсем в порядке. Карл не нашел нужным преследовать его; он спешил вперед. Но когда неприятель отступал, король заметил, что генерал Давид Лесли едет в стороне печальный и мрачный. Карл повернул к нему лошадь и проговорил с одушевлением: "Можно ли, генерал, быть грустным, командуя такой храброй армией? Посмотрите, какой она имеет бодрый вид!" "Государь, - отвечал ему Лесли на ухо, - мне грустно оттого, что я знаю, что эта армия, несмотря на ее добрый вид, не будет драться"¹.

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XIII. - С. 53-64. - Whitelocke. С. 501-503, 266. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. Т. III. - С. 260-267. - Lingard, Hist. of England. Т. XI. - С. 64-67. - The Boscobel Tracts. 1830. - С. 27-29.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

22-го августа Карл прибыл в Уорчестер, где обещал своим утомленным войскам хорошие квартиры и некоторый отдых. Была минута, когда ему пришла мысль тотчас же выступить снова и, не останавливаясь, идти прямо на Лондон, но он был из тех, которые довольно умны, чтобы замышлять великие планы, но слишком слабы духом, чтобы выполнять их. Уорчестер был важный и хорошо расположенный город; государственный совет сделал его местом ссылки нескольких окрестных дворян, которые собрались вместе к приезду короля и встретили его с восторгом; мэр и все местные власти выразили ему такую же преданность и тотчас приняли меры для снабжения его армии продовольствием. Карл решил, что здесь будет его главная квартира, и 23-го августа 1651 года, ровно, из дня в день, через девять лет после того, как король Карл I водрузил королевский штандарт в Ноттингэме, чтобы начать гражданскую войну, сын его, Карл II, водрузил свой штандарт в Уорчестере и издал торжественную прокламацию, призывая всех своих подданных от шестнадцати до шестидесяти лет собраться на большой смотр, который он намерен был сделать на равнине, лежащей между городом и орошающей его рекою Саверной. Не больше тридцати или сорока джентльменов с двумястами человек, составлявшими их свиты, явились на этот смотр. Королевской армии было налицо около двенадцати тысяч, в том числе десять тысяч шотландцев и около двух тысяч англичан¹.

Между тем в республиканской партии и даже в народе возникло сильное движение против этих дерзких соседей, пришедших насильно навязать Англии короля, на этих свирепых пресвитериан, мечтавших основать господство их веры на утеснении свободы христианской совести. Различие политических взглядов и желаний почти умол-

¹ Whitelocke. C.503, 504. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XIII. - C.70. - The Boscobel Tracts. C.27, 173-180. - Carlyle, Cromwell's Letters. T.II. - C.138. - Lingard, Hist. of England. T.XI. - C.65.

кало перед этим национальным чувством. Милиция многих городов - Лондона, Бристоля, Иорка, Ковентри, Глочестера, Герфорда - с жаром восстала на защиту родных жилищ или на помощь армии, защищавшей страну. Во многих графствах с тем же побуждением формировались полки волонтеров. Ферфакс, отказавшийся от вторжения в Шотландию, теперь стал во главе своих соседей в графстве Иоркском и сам предложил Кромвелю свои услуги для отражения пришельцев, дерзнувших вторгнуться в Англию. Парламент своими мерами и наградами, а Кромвель военными распоряжениями и примерами на всем пути с северо-востока на юго-запад Англии неослабно содействовали этому движению, и когда Кромвель, выступивший из Шотландии с десятью тысячами, через двадцать один день, именно 28 августа, прибыл к Уорчестеру, у него под стенами этого города образовалась уже армия в тридцать четыре тысячи четыреста человек, в том числе двадцать четыре тысячи пехоты и десять тысяч четыреста человек кавалерии¹.

Королевская армия была гораздо малочисленнее, меньше воодушевлена и хуже управляема; даже не было в точности известно, кто будет ею командовать. Когда она еще вступала в Англию, герцог Букингэм, честолюбивый, заносчивый и беспокойный, говорил королю, что армию нельзя оставить под командой шотландца и, к величайшему удивлению Карла, предлагал самого себя на место Лесли. В Уорчестере, когда наступало время действовать решительно, он возобновил свою просьбу с такой настойчивостью, что, выведенный из терпения, король сказал ему: "Вы шутите, вы неспособны занять эту должность". "Почему же, государь?" - "Потому что вы слишком малы". - "Но, государь, французский король Генрих IV

¹ Whitelocke. C.497, 502, 504. - Journals of the House of Commons. T.VII. - C.6, 8. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.263, 268, 407. - Brodie, Hist. of the British Empire. T.IV. - C.307. The Boscobel Tracts. C.180.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

командовал армией и выиграл сражение, когда был еще моложе, нежели я теперь". "У меня не будет главнокомандующего, кроме меня самого", - отвечал наконец король, отпуская Букингема, который до такой степени обиделся этим, что не являлся уже на совет, держался в стороне и почти не говорил с королем. Между другими генералами не было согласия. Лесли, печальный и нелюбимый, ненавидел Миддльтона, доверчивого и любимого солдатами; Массей, тяжело раненый в одной стычке, в которой он хотел воспрепятствовать неприятелю перейти Северну и укрепиться на обоих берегах реки, лежал в постели и не мог быть в деле. Карл пробовал то мирить, то уговаривать своих генералов, но он сам был легкомыслен и беспечен; он мало пользовался авторитетом, мало верил в свой собственный успех, а между тем были и изменники в стенах Уорчестера, которые передавали Кромвелю внутреннее неустройство королевской армии, все несогласия, нерешительность, все движения и планы¹.

Кромвель не колебался: не теряя времени на медленную осаду, он решился повести приступ на Уорчестер по берегам Северны с двух противоположных сторон и взять крепость во что бы то ни стало. Расположившись лагерем на левом берегу реки, он в самый день своего прибытия, несмотря на сильное сопротивление со стороны роялистов, велел отряду войск перейти на правый берег, который и был занят Ламбертом, а через пять дней, 2 сентября вечером и 3-го утром, сильные подкрепления, под командой Флитвуда, произвели то же движение, с приказанием атаковать с запада предместье Уорчестера, тогда как с востока сам Кромвель поведет на город главную атаку. Карл, плохо зная, что вокруг делается, не ожидал в этот день никакого серьезного дела и покоился беззаботно; но вско-

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XIII. - С. 71. - The Boscobel Tracts. С. 30, 125, 180, 220. - Whitelocke. С. 505. - Carlyle, Cromwell's Letters. Т. II. - С. 140.

ре после полудня он взошел со своим главным штабом на колокольню Уорчестерского собора и оттуда увидел, что войска Кромвеля переходят реку по плавучему мосту и направляются против корпуса шотландцев, который, под начальством генерала Монтгомери, защищал город с западной стороны. Почти в ту же минуту услышал он с востока пальбу республиканской артиллерии, которая начинала действовать против укреплений. Карл поспешно сошел с колокольни, сел на лошадь и поскакал в западные предместья, чтобы поддержать Монтгомери. Кромвель был уже там лично и деятельно вел атаку; он хотел прежде, нежели начнет действовать сам на левом берегу, удостовериться, что приказания, отданные им на правом берегу, будут исполнены в точности. Шотландцы стояли твердо. Карл думал, что главные силы парламентской армии направлены с этой стороны; возвратившись в город, он взял свою лучшую пехоту и эскадрон английских кавалеров и через восточные ворота повел их против кромвелева лагеря, надеясь найти его весьма слабым и овладеть им. Но Кромвель так же быстро возвратился на левый берег реки и снова явился во главе оставленных им там войск. Сражение, завязавшееся таким образом на двух противоположных концах Уорчестера, продолжалось четыре или пять часов, "так жестоко, как я еще не видывал", - писал Кромвель; но роялисты начали и выдерживали его среди величайшей суматохи. Корпус, с которым пошел сам Карл, ударил на республиканцев так сильно, что в первую минуту они дрогнули и оставили часть своих орудий; три тысячи шотландской конницы, под начальством Лесли, были готовы к бою и стояли в тылу короля, который приказал им следовать за его движением и ударить в свою очередь. "Час Монтроза!" - кричали английские кавалеры, но Лесли стоял неподвижно. Между тем Кромвель сомкнул свои войска и стал наступать; королевская пехота, по недостатку зарядов, отступила; герцог Гамильтон и сэр Джон Дуглас были смертельно ранены. Кромвель, всюду являясь сам, полный самоуверенности, лично прошел до самых рет-

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

раншаментов королевского форта, прикрывавшего с этой стороны город, и велел потребовать от коменданта, занимавшего форт с полуторатысячным гарнизоном, чтобы сдался; ему отвечали пушечными выстрелами. Форт был взят, а гарнизон вырезан. Роялисты и республиканцы, продолжая бой, приблизились к городским воротам; здесь беспорядок дошел до последней степени: опрокинутые фуры заграждали проход; Карл принужден был сойти с лошади и пешком возвратиться в Уорчестер; республиканцы устремились туда вслед за ним. Между тем бой, происходивший на западной стороне, имел такой же результат; шотландцы Монтгомери, расстреляв заряды, отступали к городу, преследуемые войсками Флитвуда, и входили в город вместе с ними. Бой возобновился на улицах, превратившись в отдельные стычки, в смесь грабежа и героизма, бегства и самоотвержения. Карл, сев снова на лошадь, силился собрать свои войска, восклицая: "Лучше стреляйте в меня, чем оставлять живым, чтобы видеть мне потом следствия этого рокового дня". Но скоро уже нужно стало думать только о том, чтобы не попасть в руки неприятеля. Полсотни роялистов, под начальством лорда Клевелэнда, полковник Уоган, сэр Джемс Гамильтон, майор Кэрлес составили небольшой отряд и с отчаянной храбростью бились там и сям с республиканскими войсками, чтобы прикрыть бегство короля, который выехал наконец из Уорчестера через ворота св. Мартина и пустился по северной дороге. Здесь, не в дальнем расстоянии от города, настиг он часть конницы Лесли, которая бежала, не быв в бою. На одно мгновение пришла было ему охота еще попытаться подействовать на этот отряд, заставить его возвратиться и возобновить дело. "Но нет, - проговорил он, - люди, оставившие меня, когда были в стройном порядке, уже не поддержат разбитые". Он предоставил Лесли и шотландцам совершать преступление, как они хотят, и стал думать только о своем личном спасении. Ему пришла в голову мысль искать убежища в Лондоне, где, может быть, всего удобней и спрятаться, и при случае открыться; но он сказал об этом

только лорду Уильмоту, самому близкому своему наперснику, и в сопровождении шестидесяти преданных кавалеров продолжал путь к северу, пользуясь на этот раз ночной порой и придумывая вместе со своими спутниками, как избежать опасности с наступлением дня¹.

Между тем Кромвель в десять часов вечера вступил в Уорчестер, еще полный смятения и грабежа, и тотчас же в нескольких словах известил парламент о своей победе; на другой день уже послал подробное донесение. "Сражение, - писал он, - длилось с переменным успехом, хотя во все время на нашей стороне была добрая надежда, а кончилась она полной победой, до такой степени полной, что неприятельская армия совсем уничтожена... Нам достался весь их обоз и вся артиллерия. Я еще не могу теперь определить вам число убитых, но оно должно быть очень велико, потому что борьба была продолжительна и упорна и нередко доходила до рукопашного боя. В наших руках шесть или семь тысяч пленных, в том числе много офицеров и знатных людей: герцог Гамильтон, граф Ротс, говорят также, граф Лодердаль и много других почетных лиц; из них некоторые, по всем правам, будут преданы вашему правосудию... Поистине, мера этой милости Божьей превосходит мое разумение; если не ошибаюсь, это высшая степень милости, увенчивающая труды ваши... и без сомнения, всем, кто будет тронут ею, она внушит благодарность к Тому, кто соизволяет упрочить нашу перемену правления, направляя столь дружно народ на защиту ее и благославляя усилия ее служителей

¹ The Boscobel Tracts. С.30-38, 123-130, 134. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XIII. - С.72-81. - Clarendon. State-Papers. Т. III. - С.30. - С.507. - Carlyle. Cromwell's Letters. Т. II. - Goodwin. С.140. - Bates, Elenchus motuum unperosum. Ч. II. - С.219-225. - Hist. of the Commonwealth. Т. III. - С.271-274. - Lingard, Hist. of England. Т. XI. - С.67-70. - Cromwelliana. С.115. - Parl. Hist. Т. XX. - Col. 59-68.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

в сем великом деле"¹.

По прочтении этого письма, парламент велел позвать майора Коббета, который привез письмо, и пожелал выслушать из уст его подробный рассказ о сражении. Коббет вместе с этим представил орденскую цепь и подвязку короля, найденные в доме, который он занимал в Уорчестере. Два члена палаты, Котт и майор Саллоуэй, возвратившиеся из лагеря, куда они были посланы, также со своей стороны удовлетворили любопытство товарищей изложением множества подробностей. С каждым днем прибывали новые имена важных пленников: графы Дерби, Кливланд, Лодердэль, Шрисбёри, Келли, Массей, Миддлтон, даже сам Лесли - словом, почти все роялистские предводители, спасаясь бегством, попали в руки республиканских властей. В самом деле, это была, по выражению Кромвеля, высшая победа, увенчавшая войну. Парламенту хотелось всевозможными знаками выразить свой признательный восторг. Он предписал торжественное благодарственное молебствие во всех трех королевствах и назначил великолепный банкет в Уайтгалле. Четырём членам: Уайтлоку, Лайлю, Сент-Джону и Риккерингу поручено было явиться к Кромвелю и выразить ему в официальной речи чувствования, внушенные палате его славными заслугами. Гемтонкортский дворец назначен для его местопребывания с пожалованием земель в 4000 фунт. стерл. дохода. Главнейшие его офицеры и даже незначительные лица, которые были посылаемы с известиями, получили богатые награды. Из важнейших пленников были выбраны девять для предания военным судам, как виновные в государственной измене; из них один, герцог Гамильтон, умер от ран прежде суда; трое: граф Дерби, сэр Тимотей Фетерстонгёф и капитан Бэнбау, судимые и приговоренные в Честере, подверглись участи избранных мучеников. "Я не чувствую, - сказал граф Дерби на эшафоте, - чтобы со-

¹ Carlyle, Cromwell's Letters. T.II. - С.143-146.

весть моя запрещала мне что-нибудь в деле, за которое я стоял; я действовал во имя начал закона и религии; мое внутреннее чувство удовлетворено, и я благословляю Бога. Я не так высокомерен, чтобы вступать в прение об этом; дай Бог, чтобы во славу его благоденствовали правые, и вам желаю столько же благоденствия в мире, сколько сам скоро обрету их за пределами ваших земных владений". Показалось ли парламенту, что не столько принесет пользы наказание побежденных, сколько породят опасности подобные их речи, или великость торжества преклонила его к умеренности, только он не стал продолжать эти кровавые зрелища; другие знатные пленники оставлены были в лондонской башне. С простыми же пленными поступили жестоко, но без огласки: тысячи роялистских солдат были проданы или отданы негодьям и плантаторам для работ в колониях или африканских рудниках. Наконец постановлено и провозглашено всюду, что тысячу фунтов стерлингов дано будет тому, "кто приведет парламенту Карла Стюарта, сына последнего тирана"¹.

В то время, когда парламент издавал в Лондоне этот декрет, его солдаты ходили по всем направлениям западных графств, всюду отыскивая короля, и везде находили его следы, самого же его нигде. Спустя пять дней после Уорчестерского сражения отряд пехоты внезапно прибыл в Уайт-Лэдис, бывший монастырь, где в это время жил католический джентльмен Джиффард; солдаты, угрожая ему заряженными пистолетами, требовали, чтобы он объявил, где находится король, который, как им сказали, недавно скрывался у него. Джиффард отвечал, что решительно не знает, и только просил, чтобы ему позволили помолиться перед смертью. "Если не скажешь, где Карл

¹ Journals of the House of Commons. T.VII. - C.12-16. - Parl. Hist. T.XX. - Col. 72. - State-Trials. C.187, 193-198. - Whitelocke. C.508. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.XIII. - C.76-82. - Goodwin, Hist. of the Commonwealth. T.III. - C.273-276.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

Стюарт, то и помолиться не дадим", - говорили солдаты. Джиффард упорно молчал, и они, без церемонии обшарив весь дом, но не причинив хозяину никакого зла, удалились. Уайт-Лэдис действительно был первым пристанищем Карла. Прибыв туда 4 сентября на рассвете, через двенадцать часов после выезда из Уорчестера, он тотчас остриг себе волосы, запачкал руки и лицо, оделся в грубое крестьянское платье и был отдан на попечение пятерых крестьян, братьев Пендрэалль, которые все служили Джиффарду в качестве пахарей, дровосеков и домашних слуг. "Вот король! - сказал Джиффард Уильяму Пендрэаллю. - Заботься о нем и защищай его так, как ты защищал бы меня". Они повели Карла в Боскобель-Гоуз, в свою хижину, и скрыли его в лесу. Пошел сильный дождь. Ричард Пендрэалль достал какую-то покрышку и разостлал ее под деревом. Сестра его мистрис Иетс принесла хлеба, молока, яиц и масла. "Не правда ли, моя милая, - сказал ей Карл, - ты не выдашь несчастного кавалера?" - "Да, сударь, - отвечала она, - я скорей умру, чем открою вас". Солдаты прошли опушкой леса, но в самый лес не заглянули, потому что там буря была сильней, нежели на открытом месте. На другой день король укрылся в густых ветвях огромного дуба и оттуда видел, как бродили по полям усердно ищущие его толпы солдат. Ночью оставил он свое убежище с намерением попытаться переправиться через Саверну и убежать в Валлис. Он шел с проводником своим Робертом Пендрэаллем, мимо мельницы. "Кто идет?" - окликнул мельник. "Соседи, - отвечал Пендрэалль, - домой возвращаются". "Если соседи - стойте! А не то, убью!" Они бросились бежать со всех ног и скрылись, преследуемые мельником и другими людьми, вышедшими с ним из мельницы. При одной из попыток избежать преследования они переплывали через речку, и король, как искусный пловец, поддерживал своего проводника, который не в состоянии был плыть. Так блуждал он в этой стране семь дней, почти каждый день меняя убежище, то зарываясь в солому в каком-нибудь овине, то запершись в одном из убогих приютов,

где укрывались бежавшие католические священники, и беспрестанно или слышал, или видел республиканских солдат, которые каждую минуту могли открыть его. Посоветовавшись со своими верными стражами и лордом Уильмотом, который отыскал его и соединился с ним, решил он направиться к морскому берегу, к стороне Бристоля, чтобы там нанять судно, которое бы перевезло его во Францию. Он переменял костюм, надев вместо крестьянского платья лакейскую ливрею, и под именем Уильяма Джексона отправился из Бентлэя, последнего своего убежища в графстве Стаффорд, верхом, посадив за седлом госпожу свою, мисс Джени Лен, сестру полковника Лена. "Уильям, - говорил ему при отъезде полковник, - дай сестре руку, помоги ей сесть на лошадь". Неопытный в этом деле король подал не ту руку, которую следовало. "Что это за прекрасный кавалер повезет мою дочь?" - спросила, смеясь, старая мистрис Лен, мать полковника, присутствовавшая при проводах и не посвященная в тайну. Путники отправились; часа через два езды, оторвалась подкова у их лошади; они остановились в первой деревушке, чтобы подковать лошадь. Карл сам держал ее ногу. "Что слышно нового?" - спросил он у кузнеца. "Не знаю никаких новостей кроме того, что этих бездельников, шотландцев, порядком поколотили". - "А не взяли никого из англичан, которые были с шотландцами?" - "Взяли кой-кого; не слышать только, взяли ли бездельника Карла Стюарта". "Этого-то бездельника, - сказал король, - надо бы прежде всех повесить за то, что привел сюда шотландцев". "Вот и видно, что честный человек, коли так говоришь", - промолвил кузнец, и Карл, сев на лошадь, поехал своей дорогой¹.

Прибыв 12 сентября в Абботсли, близ Бристоля, к г. Нор-тону, двоюродному брату полковника Лена, он услышал

¹ Boscobel Tracts. С.134, 190, 192, 218, 40-46, 136-146, 223-226, 239-241.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

печальную новость, что в бристольтском порту нет ни одного судна, на которое он мог бы сесть, и потому он принужден был провести здесь четыре дня под именем больного слуги, сидя под этим предлогом в маленькой комнатке, где, по совету мисс Лен, ухаживали за ним с особенной заботливостью. Действительно, он был изнурен и расстроен, но не имел особенной охоты терпеливо переносить голод и скуку. На другой день по прибытии, рано утром вышел он из своей комнаты и отправился в служительскую, чтобы промыслить себе завтрак; там был дворецкий Поп и еще человека два или три из слуг; Карл остался там и стал с ними есть и пить. "Рядом со мной, - рассказывал он сам, - был видный малый, настоящий крестьянин, рассказывавший товарищам про Уорчестерскую битву с такими подробностями, что я сначала принял его за одного из солдат Кромвеля. Я спросил: "Каким образом он так хорошо разузнал все, что там делалось?" Он отвечал, что служил в королевском полку; и действительно, расспрашивая его, я узнал, что он был в одном из полков моей гвардии. Потом спросил я его о себе: каков я с виду? Он в точности описал мой костюм, мою лошадь и, посмотрев на меня, прибавил, что король будет пальца на три повыше меня. Я рассудил уйти тотчас из служительской, боясь, чтобы меня не узнали; ибо, столкнувшись с бывшим моим солдатом, я больше встревожился, чем если бы узнал в нем одного из моих врагов". Едва успел Карл возвратиться в свою комнату, как вошел к нему один из его спутников, совсем испуганный, и сказал: "Я боюсь, не узнал ли вас дворецкий Поп: он уверял меня, что вы король. Что делать?" Карл уже знал, что в опасных случаях смелая доверчивость часто служит верным и неизбежным средством спасения. Он велел позвать дворецкого, открыл ему все и с той минуты в продолжение пребывания своего у Нортоната видел от него одну разумную и сердечную заботливость¹.

Но самая заботливость, хотя бы весьма скромная,

¹ Boscobel Tracts. C.54, 108-110, 146-150, 243.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

служила поводом к подозрениям: через несколько дней надо было переменить место убежища. Из Абботсли Карл выехал 14 сентября в Трент-Гоуз, в том же графстве Сомерсет, к полковнику Уиндгаму, роялисту испытанному. В 1636 году, за шесть лет до начала войны между Карлом I и парламентом, сэр Томас Уиндгам, умирая, сказал своим пяти сыновьям: "Дети! Мы до сих пор жили во времена безмятежные и мирные, но готовьтесь к бурным дням. Завещаю вам чтить нашего славного государя, служить ему и всегда держаться короны; хотя бы она висела на кусте - не покидайте ее". Воля умершего была свято исполнена: три сына его пали в битве за Карла I, и полковник Уиндгам, также служивший с честью в королевских войсках, в 1651 г. был подвергнут домашнему аресту на честное слово. Он принял короля с чувством безусловной преданности и тотчас начал хлопотать, чтобы доставить ему средство отплыть из какого-нибудь соседнего порта. Ему удалось было устроить это в Соутэнтоне, но судно, которое он там нанял, потребовали агенты парламента для перевозки войск на Джерсей. Некто Лимбри, судохозяин из Лейма, после некоторой нерешительности кое-как согласился перевезти на Сен-Мало нескольких роялистских джентльменов, подвергшихся поражению при Уорчестере; все было улажено: уговорились в цене, назначили день, час и место, когда и где принять их на борт. Судно должно было отплыть 23 сентября из Чармута, небольшого порта, лежащего недалеко от Лейма. Положили, что ночью шлюпка пойдет в назначенном пункте к берегу и возьмет беглых роялистов. Полковник Уиндгам привел Карла на этот назначенный пункт берега, куда пришел и лорд Уильмот; они ждали целую ночь; шлюпка не явилась. Когда Лимбри уже окончательно собирался в море и сносил свои вещи на судно, жена его вдруг пришла в отчаяние и ярость: в этот день на леймском рынке объявляли акт парламента, которым обещали 1000 фунт.стерл. награды тому, кто приведет Карла Стю-

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

арта, и в то же время угрожали строжайшим наказанием тому, кто даст ему убежище. Жена Лимбри, не подозревая, что дело идет о самом короле, объявила мужу, что она никак не позволит ему взять к себе на судно роялиста и потом оставить ее с детьми без куска хлеба из-за какого-нибудь знатного господина, кто бы он там ни был. С помощью двух дочерей она заперла мужа дома и пригрозила, что если он будет еще стоять на своем, то она тотчас пойдет и донесет обо всем капитану Мэси, командовавшему в Лейме отрядом парламентского войска. Положение короля становилось опасным: приезжие, новые лица в Чармуте были заметны; нужно было подковать лошадь лорда Уильмота; кузнец, к которому она была приведена, осматривая ее, сказал: "Вот три подковы поставлены в трех разных графствах, и есть одна из графства Уорчестерского". Распространились подозрения; местный пуританский священник, ревностный республиканец, пришел к хозяйке трактира, в котором останавливался Карл. "Ну, Маргарита! - сказал он ей. - Вот вы теперь придворная фрейлина!" - "Что вы хотите сказать, господин священник?" - "Да! Карл Стюарт ночевал у вас эту ночь и, уезжая, поцеловал вас: стало быть, непременно быть вам фрейлиной". Трактирщица рассердилась. "Стыдно вам, господин священник, - сказала она, - накликать своими сплетнями на меня и на мой дом такую беду; а если точно это был король, как вы говорите, то я всю жизнь буду с удовольствием думать о своих губах. Извольте же выйти из моего дома, прошу вас, а не то я позову людей, и они заставят вас как раз убраться отсюда". Карл с крайней поспешностью уехал из Чармута; но, приблизившись к соседней деревушке Бридпорт, он увидел, что все ее улицы наполнены солдатами; это был полк, посланный парламентом для занятия Джерсея. "Что нам делать?" - проговорил немного смутившийся полковник Уиндгам. Карл, со своим обычным присутствием духа, продолжая разыгрывать ту же роль слуги, слез с ло-

шади, взял за поводья ее и лошадей своих спутников, смело пошел сквозь толпы солдат, бросая им мимоходом грубости и сам выслушивая от них бранные речи, и благополучно дошел до лучшей в деревне гостиницы, где они спокойно пообедали и отправились дальше. Между тем в Чармуте и окрестностях стали утвердительно говорить, что Карл Стюарт был там. Капитан Мэси, взяв несколько человек из своего отряда, поскакал в Бридпорт и, собрав там кой-какие сведения, пустился в погоню за беглецами, но Карл и его спутники не в дальнем расстоянии от деревни свернули с дороги и поехали проселками; Мэси потерял их след. От деревни к деревне они возвратились в графство Сомерсет и добрались до дома полковника Уиндгама с усилившимся беспокойством и в то же время с отрадным чувством отдыха после опасности¹.

Карл еще одиннадцать дней пробыл в Трент-Гоузе, постоянно, но безуспешно отыскивая средство отплыть от берегов Англии; потом снова наступила необходимость переменить резиденцию: полковника Уиндгама известили, что дом его все больше и больше становится подозрительным; войска появились в окрестностях. Король оставил Трент-Гоуз 6-го октября и переехал в Гиль-Гоуз, что в Уильтшейре, к мистрис Гайд; здесь он был очень близко от небольших портов графства Суссекс, в которых друзья его надеялись достать ему судно. Наконец, они успели в этом, и Карл 13 октября утром выехал из своего последнего убежища в сопровождении нескольких местных роялистов, которые повели за собой своих собак, как будто отправлялись на охоту в дюны. Они остановились ночевать в Гамбльдоне, что в Гампшейре, у родственника полковника Гентера, бывшего в числе проводников короля. Хозяин, возвратившись домой, удивился, что у него за столом сидят незнакомые гости в таком веселом распо-

¹ Boscobel Tracts. С.57-67, 112-119, 151-155, 244-248, 278-295.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

ложении, которое, как говорят, немного переходило за пределы скромности. Коротко остриженные волосы Карла и несколько произнесенных им слов удвоили его изумление; он наклонился к полковнику Гентеру и спросил, кто этот человек, не сын ли какого-нибудь круглоголового бездельника. Полковник разуверил его; он сел за стол с гостями и выпил за здоровье короля, проговорив: "Ваше здоровье, брат-круглоголовый!" На другой день, 14 октября, путники прибыли в Брейтельмстон, близ Шоргама, где надо было им найти хозяина судна и нанявшего его роялистского негоцианта. Они сидели за столом в гостинице. Судохозяин Антоний Теттерсаль беспрестанно поглядывал на короля; после ужина он отозвал в сторону негоцианта и сказал ему: "Вы поступили со мной нечестно. Цену дали вы хорошую за перевозку этого джентльмена, но не все мне сказали: это король, я его очень хорошо знаю". Негоциант стал уверять, что он ошибается. "Нет, не ошибаюсь, - отвечал Теттерсаль, - в 1648 году в Брейтельмстоне он брал мое судно и еще много рыбачьих лодок, когда командовал флотом своего отца-короля. Но вы не беспокойтесь: я знаю, что, спасая короля, я служу Богу и моей родине; с Божьей помощью рискну за него моей жизнью и доставлю его на французский берег целым и невредимым". В то же самое время на другом конце залы хозяин трактира подошел к королю, который стоял у огня, опершись рукой на спинку стула; трактирщик проворно поцеловал у него руку и сказал: "Да сохранит вас Бог везде, где бы вы ни были! Теперь я знаю, что мы с женой не умрем, не сделавшись я лордом, а она - леди". Карл улыбнулся, вышел в другую комнату и во всем вверился трактирщику. На другой день, 15 октября, в пять часов утра он и лорд Уильмот были уже на маленьком судне в шестьдесят тонн, которое только ждало прилива, чтобы выйти из шоргамского порта. Как только они вышли в открытое море, Теттерсаль спустился в каюту, где был король, упал перед ним на

колени, поцеловал у него руку и, уверяя его в чувствах своей преданности, просил, чтобы Карл, в предупреждение всяких затруднений, сам уговорил людей его экипажа держать к французским берегам, потому что они думают, что им плыть не дальше, как до английского порта Пуля, и чтобы при этом сказал им, что он задолжавший негоциант, скрывается от ареста и едет в Руан искать денег. Карл охотно согласился и сумел так понравиться матросам, что они сами стали просить хозяина переменить курс судна в угоду пассажирам. Погода была прекрасная, ветер попутный, и 16 октября в час пополудни спущенная с судна шлюпка свезла короля и лорда Уильмота в порт Фекан. На другой день они добрались до Руана в таком одеянии и виде, что их не хотели было впустить в гостиницу, потому что сочли за каких-нибудь мошенников. Карл послал за английским негоциантом, жившим в Руане, и тотчас написал к матери, которая страдала от сильнейшего беспокойства за его участь. О нем носились самые противоречивые слухи: то говорили, что его схватили солдаты Кромвеля, то уверяли, что он уже высадился в Голландии. Как только стало известно, что он в Руане, английские изгнанники тотчас стеклись к нему. Он выехал из Руана 29 октября; 30 встретил в Маньи брата своего герцога Йоркского, а потом в Монсо, близ Парижа, королеву-мать и дядю, герцога Орлеанского, с множеством английского и французского дворянства, которые все выехали верхами ему навстречу. В тот же день вечером Карл вступил в Лувр, окончательно спасенный от всякой опасности, но безнадежно побежденный¹.

Скитался он по Англии сорок два дня, переменяя в это время, одно за другим, восемь различных убежищ. Сорок пять человек из разных званий и состояний, имена

¹ Boscobel Tracts. C.67-73, 119-122, 156, 163, 251-259. - Clarendon, State-Papers. T.III. - C.30, 31. - Bates, *Elechus motuum puerorum*. C.226-266.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

которых известны, и без сомнения, много других, неизвестных, знали, кто он и где он. Ни один человек не выдал, даже неумышленной нескромностью, тайны его пребывания или пути. Искренняя преданность самому простому человеку сообщает ловкость и самому слабому - доблесть.

Пока Карл испытывал таким образом на себе и жесткие удары судьбы, и верность друзей, Кромвель торжественно въезжал в Лондон, предшествуемый плененным им неприятелем и окруженный офицерами, участвовавшими с ним в победе. Четыре комиссара, наряженные от парламента, выехали 11 сентября к нему навстречу за Эйльсбери. "Мы пришли, - сказали они ему, - от имени парламента поздравить ваше превосходительство с благополучным выздоровлением после вашей опасной болезни. Неутомимые труды, предпринятые вами в Шотландии для пользы республики, ваше усердие в преследовании неприятеля, когда он убежал от вас в Англию, опасности, которым вы подвергали себя, особенно в недавней Уорчестерской битве, искусство и верность, с которыми вы вели это великое дело, увенчавшееся, по воле Господа, таким славным успехом, - все эти достоинства и подвиги побудили парламент засвидетельствовать устами нашими вам и служившим под вашим начальством офицерам и солдатам его совершенное удовольствие и дружескую признательность. Теперь, когда силою благословения, ниспосланного Богом на вас и на армию, неприятель вполне уничтожен, и положение дел как в Англии, так и в Шотландии избавляет ваше превосходительство продолжать кампанию, - парламент желает, чтобы вы, для полнейшего восстановления и укрепления вашего здоровья, предались отдыху и успокоению, сколько найдете то необходимым, и чтобы с этой целью избрали себе местопребывание в недалеком расстоянии от Лондона, так, чтобы в важных совещаниях, которыми парламент имеет заняться для окончательного утверждения республики, он мог воспользоваться вашим присутствием и вашими советами". При самом въезде в Лондон глазам Кромвеля представились председатель

парламента со множеством членов, президент государственного совета, лорд мэр с альдерменами Сити и тысячи знатных граждан, и все это провожало его в Уайтгалль при громе пушечных выстрелов и при народных криках; а через четыре дня, когда он в первый раз явился в палате, председатель вторично выразил ему торжественную благодарность от лица парламента и всей страны¹.

Все эти почести Кромвель принимал с благочестивой скромностью, мало говоря о себе и относя всю честь успеха прежде всего Богу, а потом своим солдатам. Впрочем, сквозь это смирение просвечивали порывы гордой и плохо сдерживаемой радости; в его приветливости с комиссарами, посланными от парламента ему навстречу, был отпечаток важности и величия; он каждого из них одарил прекрасными лошадьми и несколькими замечательными пленниками, которых вел за собой и которые не могли не постараться выкупиться дорогой ценой. На долю Уайтлока достались два пленника, которых он отпустил без выкупа. Кромвель подвигался к Лондону медленно, всюду на пути принимая почести от народа; иногда даже останавливался и принимал участие в охоте с встретившимися ему джентльменами. В Эйльсбери заметили, что он долго разговаривал наедине с верховным судьей Сент-Джоном, который был одним из комиссаров и в то же время одним из близких и преданных ему людей. В его физиономии, манерах и речах, казалось, произошло существенное превращение, и Гуг Петерс, прозорливый сектатор, уже пришедший понимать его и служить ему, глядя на него, сказал: "Этот человек сделается королем"².

Счастье Кромвеля отражалось и на подчиненных ему генералах: уезжая, сначала из Ирландии, потом из Шотландии, он оставил в первой Эйртона, во второй Монка,

¹ Journals of the House of Commons. T.VII. - C.13, 18. - Whitelocke. C.509.

² Там же. C.509. - Mém. de Ludlow. T.II. - C.185 (в Collection r. Гизо). - Carlyle. Cromwell's Letters. T.II. - C.148.

ЧАСТЬ II. КНИГА ВТОРАЯ

из которых один был республиканец, другой - роялист в душе, но оба рассудительные, ловкие и жесткие сердцем, вполне способные вести военное дело и после победы управлять с помощью меча. Оба они достигли полного успеха. Монк на некоторых пунктах, как например, при осаде Дунди, встретил ожесточенное сопротивление; Эйр-тон продолжал кромвелеву систему жестокостей и, после осады и взятия Лиммерика, умер от тифа (28 ноября 1651 г.). Но при всем этом, к концу 1651 года Ирландия и Шотландия были приведены в покорность. Ормонд еще в предшествовавшем году удалился на материк (11 декабря 1650 г.); шотландские горцы, не имея сил что-либо предпринять, с большим трудом отстаивали в своих неприступных убежищах остаток независимости. В то же время корабли и войска парламента заставили покориться его власти острова Джерсей, Гернсей, Сцилли, Мэн - последние убежища королевского владычества. Главнейшие колонии: Ионические острова, Новая Англия, Виргиния, Барбадос сами поспешили или силой принуждены были принять новый порядок дел метрополии. Таким образом, через несколько месяцев после битвы, завершившей уничтожение королевской власти в Англии, республиканский парламент был обладателем уже всех английских земель как в Новом, так и в Старом Свете.

КНИГА ТРЕТЬЯ

Впечатления, произведенные в Европе процессом и казнью Карла I. - Умерщвление Дорислауса и Гаге и Ашама и Мадриде. - Взаимное положение, принятое европейскими государствами и английской республикой. - Развитие и успехи английского флота. - Дурная внешняя политика республиканского парламента. - Соперничество Франции и Испании в их сношениях с Англией. - Испания признает английскую республику. - Сношения Англии с Соединенными Провинциями (Provinces-Unies). - Английские посланники в Гаге. - Голландские посланники в Лондоне; их слабый успех. - Переговоры Мазарини в Лондоне. - Людовик XIV признает английскую республику. - Война между Англией и Соединенными Провинциями. - Блек, Тромп и Рёйтер. - Взаимные успехи. - Внутренние последствия войны.

Республика, одержав полную победу над своими домашними врагами, с иностранными государствами не была еще ни в мире, ни в войне.

Процесс и казнь Карла I сильно взволновали всю Европу. В продолжение шестидесяти лет уже другой раз королевская власть в Англии падала под топором палача. Но еще в первый раз власть народа и республики была провозглашена и приведена в действие в великой христианской державе. Удивление, тревожное любопытство, сожаление и негодование распространилось во всей Европе. В странах протестантских чувствовали потребность снять с реформации упрек в возможности с ее стороны покровительствовать или способствовать такому посягательству. В Германии, Дании, Швеции и в особенности в Голландии проводники с жаром спешили заявить свое негодование; с кафедр

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

раздавались проклятия сектаторам, поборникам анархии и святотатства; все духовенство города Гааги отправилось к Карлу II и торжественно выразило ему свою скорбь и свой ужас. Народ сочувствовал этим манифестациям со стороны церкви; все старались собирать и с благоговением передавали из уст в уста разные подробности процесса и смерти Карла I. Одна женщина в Гааге, слушая их, пришла в ужас, преждевременно родила и умерла. Представители или приверженцы убийц короля везде на улицах встречали отвращение и подвергались оскорблениям. По народному инстинкту, по христианской совести, по политическому разуму - протестантская и республиканская Голландия не допускала и вида снисхождения к этому неслыханному делу, полному неправды и грозящему опасностью обществу¹.

В странах католических, в Испании, Португалии, Италии, южной Германии, впечатление было разнородное, но тем не менее сильное. Духовенство и народ видели в участии Карла I естественное следствие ереси и действие правосудия Божия, наказующего одних через других, когда народы и короли отделяются от церкви. Преступное посягательство произвело здесь глубокое отвращение, но было не так неожиданно, как в протестантской Европе, и может быть, не пробудило такой симпатии и такой скорби.

Впечатления, произведенные во Франции, были разнородны: там в то самое время, когда чистые монархические начала готовы были взять перевес, дух реформы и политической свободы делал живые и энергичные, хотя поверхностные и тщетные, усилия. Английский парламент нашел во Фронде много почитателей; почитатели эти собирали постановления им правила, и не одна брошюра ставила нижнюю палату и лондонскую Сити в пример парижскому парламенту и парижским гражданам. Но процесс Карла I, насильственное изменение состава нижней палаты, упразднение пала-

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XII. - С. 1. - Wicquefort, Historie des Provinces-Unies. T. IV. - С. 155. - Whitelocke. С. 386-390.

ты лордов и тираническое учреждение республики - все это во Франции придало роялистскому взгляду на дела Англии новую силу, гармонирующую, впрочем, с ходом французских дел, и продолжавшиеся беспорядки во Фронде и сношения ее предводителей с английскими республиканцами скорее укрепили, нежели поколебали, этот взгляд. С этой поры английская революция, никого не обольщая, возбуждала негодование с примесью тревожного опасения; явилось много брошюр, в которых сильно нападали на нее; снова была поставлена на сцену Жанна д'Арк, убеждавшая французов взяться за оружие, чтобы отомстить английским цареубийцам за оскорбление королевского сана; и французская публика, всегда жадная к зрелищам, чувствовала к событиям, происходившим в Англии, только одно любопытство без всякого сочувствия.

Два трагических случая резко выразили это состояние общественного мнения в Европе.

3-го мая 1649 г. доктор Исаак Дорислаус, родом из Голландии, но с давних пор поселившийся в Англии и бывший в числе юрисконсультов, назначенных для составления обвинительного акта против Карла I, приехал в Гаагу, куда был послан парламентом в качестве помощника Вальтера Стрикленда, резидента республики при Соединенных провинциях. В самый этот день, когда он спокойно ужинал вместе со многими другими лицами в гостинице Лебеда, к дому подошли шесть человек в масках; двое из них остались при входе, остальные вошли в дом, потушили горевшую в сенях свечу и неожиданно явились в залу, где был ужин; они попросили присутствовавших не пугаться, говоря, что им нужен только участник умерщвления короля; потом вытащили Дорислауса из-за стола, тут же закололи его шпагами и, хладнокровно вложив их в ножны, возвратились к оставшимся на улице товарищам и уехали из Гааги, прежде нежели кто-нибудь вздумал задержать их¹.

¹ Wicquefort, *Historie des Provinces-Unies*. T.IV. - C.157. - Le-Clere, *то же*. T.II. - C.271. - Clarendon. *Hist. of the rebell.* Кн.XII. - C.23-26. - Whitelocke. C.368, 401. - *Journals of the House of Commons*. T.VI. - C.206.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

Почти через год после этого, в первых числах мая 1650 г., прибыл в Кадикс Антоний Ашам, довольно известный писатель, принимавший участие в низвержении монархии и в процессе короля, а теперь посланный парламентом к королю испанскому. Уезжая из Лондона, он со страхом представлял себе участь, постигшую Дорислауса, и передал свои опасения французскому поверенному в делах Крулле. Как только приехал он в Кадикс, тамошний губернатор, герцог Медина-Цели, поручил охранять его полковнику дон Диего де Моредо и двум капитанам, которые должны были провожать его до Мадрида и не оставлять до тех пор, пока он не будет вне всякой опасности. Они приехали в Мадрид 5-го июня, и испанские офицеры, по оплошности ли или со злым умыслом, проводили Ашам в небольшую гостиницу, оставили его там одного, а сами отправились искать себе другую квартиру. На следующий день, около полудня, Ашам сидел за столом со своим секретарем Ривасом, францисканским монахом-ренегатом. Вошел кто-то. Ашам встал и сделал несколько шагов, думая, что это кто-нибудь из знакомых, но заметив, что вслед за первым входят еще три незнакомца, бросился было назад, чтобы схватить лежавшие у него на столе пистолеты; в эту минуту прежде других вошедший незнакомец со словом "изменник", схватил его за волосы и нанес ему несколько смертельных ударов кинжалом. Ривас хотел было спастись и стал звать на помощь, но тотчас же был убит, только слуга Ашам, англичанин, успел выбежать и поднял тревогу. Четверо убийц вышли из комнаты, присоединились к двум своим товарищам, ожидавшим их у входа, и, удалившись без всякого препятствия, скрылись - один в доме венецианского посланника, а остальные пятеро - в ближайшей церкви больницы Св. Андрея¹.

Эти события, как в Мадриде, так и в Гаге, возбудили

¹ Thurloe, State-papers. T.I. - C.148-202. - Clarendon. Hist. of the rebell. C.8-11. - Parl. Hist. T.XIX. - C.285. - Journals of the House of Commons. T.VI. - C.407, 428.

громкий народный ропот и сильно встревожили и голландское и испанское правительства. Республиканский парламент ощутил, как и должно было ожидать, эти кровавые обиды; публичными почестями выразил он свое сочувствие к двум жертвам. Вен представил торжественный доклад об умерщвлении Дорислауса (14 мая 1649 г.). Тело его было перевезено в Лондон и погребено в церкви Вестминстерского аббатства; весь парламент присутствовал при погребении (14 июня 1649 г.). Подобные же почести, хотя не столь блестящие, были отданы и Ашаму. Обоим семействам даны были пенсии и родственники убитых определены к местам. В то же время в Гааге и Мадриде несколько раз предъявляемы были настоятельные и даже иногда грозные требования о наказании убийц. Оба правительства обещались и в самом деле старались исполнить эти требования. Убийцы были известны: Дорислаус убит товарищами Монтроза, Ашам - английскими кавалерами, укрывавшимися в Мадриде, и между ними был один слуга из дома лорда Коттингтона и Гайда, находившихся тогда в Мадриде в качестве посланников Карла II. Между тем в Гааге никто не был арестован. В Мадриде хотя светское начальство предписало взять убийц из их убежищ, но духовенство предъявило свои привилегии, и долго длившийся спор между властями кончился тем, что убийцы остались ненаказанными; только один из них, оказавшийся протестантом, был выдан светским властям и повешен. И в Голландии, и в Испании народ был расположен в их пользу: они этим убийством (толковали в народе) наказали других важнейших убийц. Нисколько не выражая чувства раскаяния в своем поступке, они, напротив, гордились им. Убийцы Ашама отвечали мадридскому городскому начальству, что они поразили бы свою жертву в присутствии короля испанского, если бы не имели в виду другого удобнейшего случая. Тайная снисходительность правительств потворствовала народному настроению; они преследовали преступление из

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

приличия или из страха, но без собственного желания поймать преступников. Через несколько недель после убийства Ашама первый испанский министр дон Людовик де Гаро в разговоре с лордом Коттингтоном и Гайдом прямо сказал им: "Я завидую дворянам, совершившим такой благородный подвиг. Что бы с ними ни случилось, они отомстили за кровь своего короля. Если бы мой государь имел таких решительных подданных, он не потерял бы своей португальской короны"¹.

Но в XVII столетии политики еще меньше, чем в настоящее время, заботились о том, чтобы их дела согласовывались с истинными их чувствами и задушевными речами: между тем как континентальная публика была одушевлена негодованием к республиканским судьям Карла I, европейские правительства, из расчета или из страха, в той же мере показывали вид равнодушия и осторожности. Голландские посланники, отправляемые в Лондон с тем, чтобы попытаться спасти короля, после его смерти просили ничего не публиковать об их сношениях с парламентом; и хотя один из них, Адриен Пау, оставил тотчас же Англию, зато другой, Альберт Иоахим, остался еще там. Анна Австрийская и Мазарини нашли приличным, чтобы юный король французский употребил некоторые усилия для спасения жизни короля, своего дяди. Людовик XIV написал два торжественных послания, одно к Кромвелю, другое к Ферфаксу², но прежде, нежели г. Варэн, которому было поручено доставить эти послания, успел оста-

¹ Journals of the House of Commons. T.VI. - С.209, 211, 213. - Parl. Hist. T.XIX. - Col. 286-287. - Le-Clerc, Hist des Provinces-Unies. T.IV. - С.158. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.XIII. - С.11-16. Рассуждения мадридского государственного совета о ходе дела по случаю умерщвления Ашама (июнь и октябрь 1650 г.) Письмо Карденьи Иерониму де ла Торре, о том же предмете 26 декабря 1650 Симанские архивы. (См. в конце этого тома раздел "Исторические документы").

² 2 февраля 1649 г. (См. в конце этого тома раздел "Исторические документы").

вить Париж, Карл I был уже казнен. Бывший в то время французский посланник в Лондоне г. Белльевр не сделал ни малейшей попытки к его спасению, даже не просил свидания с ним; отчасти удивились в королевском совете в Париже, но Белльевр был там оправдан и одобрен. "Я нуждаюсь в вашем покровительстве, - писал он 24 февраля 1646 года к Сервьену, - и в той доброте, с которой вы мне его оказывали... Я думал, что скорее будут осуждать меня за то, что я не оставил службы, которая, как всякий должен знать, не могла ничего сделать в пользу короля английского, нежели обвинять во вреде, причиненном этой службой в делах короля; ибо вам известно, что здесь на все французское смотрят подозрительно; многое, что от других приняли бы равнодушно, не обратив внимания, с нашей стороны считается преступлением. И так как из всех иностранцев одни только мы для них страшны, то они так наблюдают за всеми нашими действиями и словами, что малейшее мое неудовольствие на их поступок могло заставить их заключить союз с Испанией. Вот это-то соображение, вместе с данной мне общей инструкцией не раздражать здешних людей, побудило меня действовать так, как я и действовал... Я не стал бы раскаиваться в моей излишней осмотрительности, если бы был в настоящую минуту огражден вашим добрым именем"¹.

После казни Карла I Белльевр с твердостью продолжал держать себя осмотрительно. "Если бы здесь был двор, - писал он, - то мне не нужно было бы знать особого правила, когда надеть траур и как носить его, но так как двора здесь нет, то я считаю себя обязанным ожидать ваших приказаний по этому предмету"². Ему приказали надеть траур и уехать; французское правительство не хо-

¹ Wicquefort, *Historie des Provinces-Unies*. T.IV. - С.162. - *Manuscripts de Brienne*, в императорской библиотеке. - Французские архивы иностранных дел.

² Президент Белльевр г. Сервьену 8 февраля 1649 года. Французские архивы иностранных дел.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

тело ни признать английскую республику, ни раздражать ее. Белльевр уехал, не раньше как через три месяца (в мае 1649 г.), оставив в Лондоне своего секретаря Крулле, которому поручено охранять интересы Франции, не придавая, впрочем, этому официального характера. Последние сношения посланника с парламентом были трудны; он пытался, но безуспешно, получить свой паспорта, не просясь ни с кем; надо было явиться к председателю, который сообщил о том палате. "Здесь, - писал Белльевр, - когда речь идет о Франции, ничто не считается маловажным и не решается сразу, и именно теперь, когда люди, составляющие правительство, так дорожат этой новой властью и так мало понимают, чем можно приобрести или поддержать ее в отношении к иностранцам, все возбуждает в них подозрение и они забывают делать должное, боясь, чтобы не сделать лишнего... Этого мало, они сами не знают, чего держаться, так что каждую минуту способны перейти от комплимента к обиде и от оскорбления к излишней вежливости"¹.

Мадридский двор еще осторожнее повел себя с новой республикой: он оставил в Лондоне своего посланника дона Алонзо де Карденью, не возобновляя еще его верительных грамот, но секретно уполномочив его продолжать сношения с республиканским парламентом. Для дона Алонзо это положение было менее затруднительно, чем для всякого другого, потому что он, будучи холоден или даже недоброжелателем к Карлу I, с давних пор приобрел расположение республиканских предводителей, и у него образовались с ними дружеские отношения, которыми испанское правительство намеревалось воспользоваться².

Император и принцы германские, король датский и коро-

¹ 8 апреля 1649 г. Французские архивы иностранных дел.

² Письма Карденьи королю Филиппу IV (15 января и 18 февраля 1649 г.). - Мнение мадридского государственного совета о письмах Карденьи (13 марта 1649 г.). - Симанские архивы. (См. в конце этого тома раздел "Исторические документы".) - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XII. - С. 108.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

лева шведская с меньшей осторожностью выражали чувства, внушенные им республиканским парламентом и его действиями. Но из всех государей Европы один только русский царь Алексей Михайлович, отец Петра Великого, прервал всякое сношение с революционной республикой и изгнал английских негоциантов из пределов своего государства¹.

Со стороны континентальных держав не довольно было принять перед республиканским парламентом вид выжидающей нерешительности; им оставалось еще определить свои отношения к королю-изгнаннику, и здесь-то тревожное состояние их духа и несвязно слабый образ действий были еще разительнее. Карл II жил между европейскими государями, то у зятя своего, принца Оранского, то при дворе двоюродного брата, короля французского; королева испанская, Елизавета Французская, была его тетка; он мог взывать и в самом деле всюду взывал и к родственным связям, и к общим интересам чести королей. Он послал в Мадрид лорда Коттингтона и Гайда, в Москву лорда Кольпеппера, в Регенсбург лорда Уильмота, в Польшу Крофтса. У государей и их министров постоянно были перед глазами его права, его надежды, просьбы, жалобы, наконец, его агенты. Ничто так не тяготит державной власти, как присутствие злополучных, которым она помочь не хочет, но которых из приличия должна уважать; впрочем, она очень ловко умеет дешево отделяться от подобного бремени. Вильгельм Оранский один был искренним и деятельным другом Карла Стюарта; это был юный государь, честолюбивый, гордый, склонный к смелым предприятиям и любящий власть неограниченную, но имел сердце открытое и благородное; чтобы поправить участь родственного ему принца, он истощил все усилия, но принесенные им жертвы были так ограничены, что не могли иметь удовлетворительного ре-

¹ Wicquefort, *Historie des Provinces-Units*. T.IV. - C.156. - Clarendon. *Hist. of the rebell.* Кн.XI. - C.250-251. - Whitelocke. C.466.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

зультата, и скоро им положила конец его неожиданная смерть. Подстрекаемые своим штатгальтером и настроением народного духа в Голландии, Генеральные штаты Соединенных Провинций оказали Карлу блистательные знаки сочувствия и уважения; по получении известия о смерти его отца, они в полном составе явились к нему для изъявления своего соболезнования, и первый министр штатов Ван Гент в речи своей называл его словами "Государь" и "ваше величество", но эти слова он произносил с заметной нерешимостью и понижая голос, как будто не хотел слишком резко выставлять себя против рождавшейся республики, громко признавая нового короля. Французский двор нашел, что с его стороны совершенно достаточно дать вдове и детям Карла I убежище и назначить им пенсию; от всего другого он воздержался, и Карл II не получил от него, по случаю смерти своего отца, ни письма, ни посольства и никакого знака симпатии или готовности помочь. Король испанский, на котором не лежала ответственность за присутствие Стюартов в его владениях, считал долгом написать Карлу II письмо с выражением дружеского соболезнования, называя его в этом письме королем, но оно долго заставило себя ждать, а когда Карл на пути из Гааги в Париж проезжал через Испанские Нидерланды, в Антверпене и Брюсселе его приняли с большими почестями, подарили ему богатую карету и шесть прекрасных лошадей и дали некоторую сумму денег. Эрцгерцог Леопольд и испанский посланник в Голландии Антоний Брун в дружеских разговорах высказали ему много ободряющего, но в то же время принимали тщеславные предосторожности, чтобы отнять у этих демонстраций всякое политическое значение и представить их простым исполнением приличия. Мадридский двор запретил им всякое решительное действие, всякое слово, которое бы могли принять в Лондоне за положительную декларацию в пользу короля; им приказали даже некоторые письма, которым могли приписать такой характер, пометить задним числом. Было полное желание оказать

Карлу II всякого рода внимание и услуги, с тем только, чтобы они не имели никаких последствий и чтобы можно было остаться между ним и республиканским парламентом в строгом нейтралитете¹.

К этой политической холодности присоединились еще, в частной жизни, проявления цинического равнодушия. В Лондоне продавалась мебель и картины Карла I, который любил искусство и, обладая эстетическим вкусом, покровительствовал им. Карденьи и Крулле заботливо известили об этом дона Людовика де Гаро и Мазарини, которые, частью для своих государей, частью для себя, поспешили купить это достояние короля-мученика, и некоторые предметы достались им за ничтожную цену. "Если картины продаются по тем ценам, какие выставлены в присланной вами мне записке, то мне кажется, это очень дорого, - писал Мазарини к Крулле, - впрочем, я все-таки думаю послать в Англию кого-нибудь, чтобы купить их для меня"². Шведская королева Христина и правитель Голландии эрцгерцог Леопольд также приобрели много из этих вещей, а когда король испанский, в 1651 году, зимой, велел предложить лорду Коттингтону и Гайду выехать из его владений, то одной из тайных причин этого жестокого предложения было близкое прибытие восемнадцати мулов, шедших из Коруньи и навьюченных картинами и коллекцией медалей Карла I, которые Филипп IV купил в Лондоне и которые он считал неприличным вносить в свой дворец в то время, когда посланники Карла II находились в Мадриде.

Английские роялисты, и знатные и простые, остававшиеся на родине и скитавшиеся в изгнании, все оскорблялись и возмущались этой жадной поспешностью пользоваться их несчастьем, тогда как сильной помощи никто

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XII. - С. 35-40, 49-53, 57, 77-85; Кн. XIII. - С. 129. - Le-Clerc, Hist des Provinces-Unies. Т. II. - С. 270.

² Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XI. - С. 251. Кн. XIII. - Ст. 25.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

оказать им не хотел. "Соседние государи, - говорил Кларендон, - ссужали Кромвеля огромными суммами денег, которые ставили его в возможность одержать его гнусную победу, и они же сами обогащались и украшались достоинством наследника нашего престола, не сделав зато ни малейшего шага к тому, чтобы помочь ему в величайшей крайности, до какой когда-либо доводим был король". А Греймон, агент кардинала Мазарини в Шотландии, писал к нему от 23 октября 1649 года: "Здесь слуги короля великобританского кланут континентальных королей и государей, и преимущественно его величество, за то, что не помогает их королю; они желали бы гибели всех других государей и открыто признаются, что будут всеми силами содействовать к истреблению их, что, по их мнению, весьма легко будет сделать, когда уже раз народ, как например, в Англии, вкусил сладость народного правления. Они уже назначают Кромвеля исполнителем этого великого замысла и преобразователем вселенной... и говорят, что начнут с нас и что мы стоим того, потому что не думаем о возвращении на престол короля английского, тогда как первые обязаны были бы позаботиться об этом"¹.

Гнев, весьма естественный для людей гонимых, но полных убеждения и преданности. Только они худо понимали политическое состояние Европы и не разбирали общих причин, по которым континентальные государи были так холодны и безучастны к событиям, по-видимому, касавшимся их там близко.

Происходившее в Англии сильно занимало европейские правительства, но не внушало им серьезного страха. Как ни сильна была их антипатия к английским революционерам, но они не видели в них действительной опасности для себя и в собственном своем положении не находили

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XI. - С. 251. - Письмо Греймона к Мазарини от 23 октября 1649 г. (Французские архивы иностранных дел).

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

никакого настоящего повода вступать с ними в непосредственную и открытую борьбу. В то самое время, когда в Англии монархическая власть колебалась и падала, на материке Европы она усиливалась; во всех великих государствах феодальные и муниципальные права, независимая аристократия и буйная демократия средних веков исчезали перед ней; господствовала потребность в общественном порядке и единстве власти; общее направление и идей, и фактов было монархическое. Английская Республика казалась явлением странным, чисто местным, и заразиться ею не слишком боялись в Европе, даже в тех государствах, которые тогда еще вырабатывались среди гражданских смут.

Впрочем, название республики не было в то время непременно предметом недоверия и тревоги; хотя эта форма правления преобладала только во второстепенных государствах, но она все-таки существовала в Европе, не возмущая европейского общественного порядка. Великие европейские монархии находились в дружественных и мирных отношениях с итальянскими республиками, со Швейцарией, Германией, Голландией; тогда Европа еще не имела установившегося обычая смотреть на республиканское правление как на предтечу и начало революций и анархии.

Кроме того, английская революция имела характер и политический, и религиозный; между тем великие религиозные войны в Европе были тогда уже окончены; вестфальский договор только что перед тем положил основание новому европейскому порядку; державы католические и протестантские признали взаимно друг друга; из числа последних самая недавняя и самая спорная, Соединенные Провинции, завоевала наконец себе общественное спокойствие и политическое место. Мирное расположение между разными христианскими исповеданиями, если не внутри каждого государства, по крайней мере, во внешних отношениях государств, окончательно воспреобладало; и хотя религиозные предубеждения и вражда еще далеко не угас-

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

ли, но никто уже, ни правительства, ни народы, не желали снова вступать в борьбу, от которой все жестоко пострадало и в которой ни та ни другая сторона уже не мечтала раздавить противника. Так-то, силой изнеможения и крайности, внушает Бог народам справедливость и здравый смысл!

Религиозное примирение возвратило политике ее естественный характер и свободное течение; верования и религиозные страсти не стали уже располагать намерениями и союзами правительств; дух честолюбия или противодействия честолюбию, дух преобладания или независимости, стремление к расширению пределов или к равновесию - вот что стало главным двигателем правительственных действий в международных отношениях; здесь-то преимущественно стали они искать и средства для нападений или обороты под влиянием своих житейских надежд или опасений, и орудия для поддержания соперничества. Английская революция воспользовалась этим новым, существенно светским характером континентальной политики: из двух великих держав, Франции и Испании, оспаривавших тогда друг у друга первенство в Европе, ни та ни другая не хотела ссориться с рождавшейся республикой; обе они старались или привлечь ее на свою сторону, или не дать ей сблизиться с противной стороной. Две системы союза, более или менее полного, более или менее взаимно одобряемого с одной стороны, между Францией, Англией и Соединенными Провинциями, были в Париже и Мадриде постоянной мыслью Мазарини и дона Людовика де Гаро, а в Лондоне - предметом усердных трудов их агентов.

У республиканского парламента была справедливая, хотя неясная и неполная догадка об этом положении дел: он понимал, что великие европейские монархии его ненавидят, но несколько не опасаются, и вел себя в отношении к ним недоверчиво и гордо, но без тревоги и раздражительности. Он не добивался, чтобы они скорей признали его, и не спешил иметь при них представителей республики. Нельзя сказать, чтобы он не желал этого; много раз выводывал он мысли

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

остававшихся еще в Англии иностранных агентов, Крулле, Карденьи, Иоахима, то стараясь узнать, как приняли бы их дворы посланников республики, если бы он их назначил, то намекая им, что и сами они не могут долее оставаться в Лондоне, если не получают от своих правительств новых кредитных грамот, которые бы уполномочивали их состоять при парламенте. Сильное желание быть признанным прорывалось у него по временам косвенными путями. "Здесь напечатано, - писал Крулле к Мазарини, - что французские государственные советники входили в сношение с английскими купцами по делам, о которых они ходатайствовали, и этим самым признали парламент в качестве представителя республики. Я был бы очень рад, если бы они удовольствовались этим воображаемым признанием"¹. Парламент не удовольствовался этого рода признанием; он, напротив, продолжал быть в этом отношении и требовательным, и в то же время терпеливым, решившись ждать признания республики до тех пор, пока она не образуется вполне, и вдаваясь неоднократно в рассуждения с самолюбивой щекотливостью о формах, какие должны быть соблюдаемы в сношениях ее с иностранными правительствами². Но держал он себя спокойно и гордо; публично объявил о своем намерении поддержать все трактаты, существующие между Англией и другими государствами³; предложил государственному совету содержать везде консулов, чтобы дружественные сношения не были прерваны⁴; удержал во Франции официального агента Ожье, который деятельно охранял интересы Англии⁵; продолжал в Лондоне частые и благосклонные сношения с некоторыми из иностранных посланников, как например, с испанским

¹ 23 августа 1649 г. Французские архивы иностранных дел.

² 24 мая 1650 г., 1 января и 7 августа 1651 г., 8 января 1652 г. *Journals of the House of Commons*. T.VI. - С.416, 517, 618; T.VII. - С.64.

³ 17 апреля 1649 г. *Thurloe, State-papers*. T.I. - С.135.

⁴ 14 декабря 1649 г. *Journals of the House of Commons*. T.VI. - С.333.

⁵ 5 февраля 1649 г. Там же. С.132 и 494.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

Карденей и голландским Иоахимом, которые еще не получали кредитивных грамот, но ему было известно их доброе расположение. При многих признаках неопытности и каких-то замашек высокомерия, действия республиканских предводителей в делах внешней политики показывали и осторожность, и гордость, сознательное благоразумие и желание остаться в мире с другими государствами, чтобы внутри не увеличить трудностей и тяготы их правления.

В одном только случае показали они без всякого страха и осторожности твердую и даже крутую деятельность. В июне 1648 года значительная часть флота, состоявшая из одиннадцати кораблей, восстала против парламента и пошла в Голландию, чтобы отдаться в распоряжение принца Валлийского для защиты содержавшегося в тюрьме короля. В октябре того же года принц Роберт был назначен адмиралом этого королевского флота; еще не знакомый с морем, принц был известен уже своим мужеством; он был предприимчив, не боялся суровой и безвестной жизни, был прост и свободен в обращении с низшими; его полюбили матросы так же, как любили солдаты, и он стал продолжать на море такую же ожесточенную, легучую и хищническую войну против республики, какую вел на суше против парламента. Карл II находился в самом бедственном положении: у него не было денег, ему нечем было помочь своей партии, нечем платить служившим ему, не на что послать гонца к королеве-матери, не на что самому выехать в дорогу. Его зять, принц Оранский, несмотря на свою великодушную дружбу, не мог удовлетворить всем его нуждам; некоторые из континентальных государей - герцог Лотарингский, королева шведская, король польский, царь русский - сделали ему кое-какие ссуды или подарки; его неизменные приверженцы в Англии присылали ему часть своего достояния, уцелевшего от конфискаций и секвестров, но эти пособия очень скоро истощались; у Карла не было никакого постоянного и верного дохода. От флота, предводительствуемого принцем Робертом, он ожидал и действительно стал получать хотя неверное и зависящее от слу-

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

чайностей, но иногда обильное пособие; этот флот крейсировал в Ламаншском проливе и Северном море, держась около берегов Англии и собирая с республиканских купцов, а при случае и с купцов других наций, обильные и богатые призы; это был флот корсаров под королевским флагом, принявший на себя обязанность заботиться о покрытии издержек короля-изгнанника. Частные судовладельцы английские, шотландские, французские и голландские, вооружая на свой счет суда, вызывались принять участие в этой жизни, полной приключений и прибыли; право на это им охотно давали или продавали; повелениями Карла II постановлены были правила для этой службы и для дележа добычи; одна пятнадцатая часть ценности всех призов принадлежала королю; одна десятая - адмиралу; остальное разделялось на три части: одна часть - хозяину судна, другая - поставщикам жизненных припасов, третья - экипажу, соразмерно чину и должности каждого лица от адмирала до простого матроса. Никакой торговой и личной безопасности не стало на этих морях; они сделались ареной беспрестанных грабежей, театром настоящей войны, в которой даже корабли французского короля и голландских Генеральных штатов, скрыв свои флаги, не упускали случая по временам принимать участие¹.

Против этой разрушительной и обидной опасности республиканский парламент тотчас же принял сильнейшие меры. Едва утвердившись сам, он всеми средствами преобразовал и увеличил остаток своего флота. 2 февраля 1649 г. тридцать купеческих кораблей были вынуждены на государственные надобности и вооружены; морские силы, определенные парламентом в марте 1650 года для кампании следующего лета, простирались до шестидесяти пяти судов с восемью тысячами ста пятьюдесятью человек экипажа; а зимой 1650-

¹ Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XI. - С. 24, 36, 141-152, Granville Penn, Memorials of the life of sir William Penn. Т. I. - С. 260, 266. - Robert Blake by Herworth Dixon. С. 114-118. - Memorials of prince Robert, published by Elliot Warburton. Т. III. - С. 520, 266, 286-297. Whitelocke. - С. 308, 347, 349.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

1651 г. тридцать девять судов, на которых находилось четыре тысячи сто девяносто человек экипажа и девятьсот пятьдесят четыре орудия, были назначены собственно для защиты английских берегов. Набор матросов производился с успешной деятельностью. Были ассигнованы вполне достаточные средства на все издержки морского управления: на содержание и пособие офицерам, на жалование, продовольствие и награды матросам. Вен был президентом морского комитета, и его разумная и ревностная деятельность проникала во все части этого управления. Блэк, Ден, Поппам, Эйскор, Пэн, Баддлей были назначены начальниками отдельных эскадр и посланы в Ламанский пролив, в Северное море, к берегам Ирландии, Франции, Голландии, Португалии, Испании, в Средиземное море, в Левант, к Антильским островам; тут были большей частью офицеры сухопутной армии, неопытные в морском деле, но люди испытанной храбрости и способностей, преданные республике, жаждавшие успехов и славы как отечеству, так и себе, мало думавшие о том, чего будут стоить эти успехи и слава им самим и отечеству, и твердо решившиеся во что бы то ни стало всюду поддерживать честь и неприкосновенность английского имени и английского флага¹.

К этим материальным силам, так исправно содержимым и так хорошо предводительствуемым, парламент прибавил для покровительства национальной торговли не менее сильные законодательные меры. Он составил положение о морских призах, вполне способное возбудить энергию и вознаградить усилия английских мореходцев². Он призвал на родину всех, служивших в иностранных флотах. Английским negociантам, которым случалось бы в

Journals of the House of Commons. T.VI. - C.129, 134, 148, 149, 56, 375, 467. Memorials of sir William Penn. T.I. - C.294-297, 302-304.

7 и 8 мая 1649 г. - Journals of the House of Commons. T.VI. - C.202, 204.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

море потерпеть важные потери от действий иностранных кораблей и под предлогом осмотров, он предоставил верные средства отыскивать вознаграждение¹. Незадолго перед тем декларацией Людовика XIV (от 26 октября 1648 г.) был запрещен ввоз во Францию английских шерстяных и шелковых тканей. Парламент поручил государственному совету представить донесение о разных трактатах, определявших взаимные коммерческие отношения двух наций, и утверждал, что последнее запрещение незаконно, запретил, со своей стороны, ввоз в Англию французских вин, шерстяных и шелковых тканей². "Тем, - писал Крулле к Мазарини, которые говорили им, что это запрещение не удержится и что они не в состоянии будут обойтись без наших вин, они отвечали насмешливо, что люди ко всему привыкают и что легко обходясь без короля, вопреки прежней вере в него, обойдутся, конечно, и без французских вин"³.

Успех соответствовал всем этим сильным мерам, предписанным гордой властью и приведенным в исполнение способными и смелыми агентами. Республиканские суда понеслись по всем морям, то прикрывая английскую торговлю, то собирая с торговли иностранной богатые призы, неумолимо преследуя всюду флаг Карла II и распространяя всюду, куда только проникали, тот почтительный страх, какой внушает быстрая и неотразимая сила. Принц Роберт в конце зимы 1649 г. крейсировал около восточных и южных берегов Ирландии с целью помогать действиям королевской армии на этом острове и перехватывать купеческие корабли, которых всегда множество проходило в этих водах. Блэк отыскал его здесь и блокировал в порте Кинсале. Роберт прорвался со своим флотом (в

¹ 9 марта 1649 г. и 13 апреля 1650 г., Journals of the House of Commons. T.VI. - C.379, 397.

² 23 августа 1649 г. Там же. C.284 и 285.

³ 4 октября 1649 г. Французские архивы иностранных дел.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

конце октября 1649 г.), потеряв три судна, и отплыл к португальским берегам, чтобы там, на свободе, продолжать свою бродячую, полную приключений жизнь. Блэк, по приказанию парламента (в конце января 1659 г.), последовал за ним; с Блэком отправлен был Чарльз Вен, брат сэра Генри Вена, с поручением представить португальскому королю жалобы и требования республики. Два флота стояли друг против друга в устье Таго и оба вели переговоры с лиссабонским двором: Роберт о том, чтобы ему оказали помощь, Блэк о том, чтобы отказали в ней Роберту. Роберт приобрел полную благосклонность как со стороны двора, так и со стороны португальского народа. Как только он прибыл, король Иоанн IV послал к нему навстречу значительное число офицеров, чтобы с должной пышностью проводить во дворец; и всякий раз, когда он сходил на берег, жители Лиссабона теснились вокруг него с громкими восклицаниями. К Блэку, напротив, двор и народ, роялисты и католики до глубины души, чувствовали сильнейшую антипатию, когда люди из его экипажа сходили на берег, их оскорбляли, а иногда и нападали на них то люди принца Роберта, то сами португальцы. Не обращая внимания на это неприязненное расположение, Блэк потребовал, чтобы король Иоанн удалил от своих владений пиратов, которые похитили у английской республики часть ее флота и сманили к себе ее матросов - пиратов, которых ему велено преследовать и истребовать как врагов всякой правильной торговли, производящейся между образованными нациями; если же король португальский не хочет сам прогнать пиратов из своих портов, то позволил бы английскому адмиралу войти в них со своей эскадрой и исполнить поручение, возложенное на него его правительством. В Лиссабоне страшно вознегодовали. Королева и наследный принц поддержали поколебавшееся было мужество короля, которого некоторые министры уговаривали уступить требованию Блэку дали ответ, сопровождаемый приветствиями и подарками, но с отклонением его требований и с отказом впустить его в порт. Он попытался войти силою, но безус-

пешно: форты открыли огонь по его кораблям. Тогда Блэк обратил свои угрозы и удары на португальскую торговлю; ни королевские, ни купеческие корабли не могли более ни войти в Лиссабон, ни выйти из него; Блэк захватил сначала пять, потом девять судов; потом истребил богатый флот, состоявший из двадцати трех судов, шедший из Бразилии, и объявил, что он не прекратит подобных действий до тех пор, пока не выдадут или не прогонят роялистских пиратов. Лиссабонский двор колебался между гневом и страхом; он велел в отместку арестовать и посадить в тюрьму живших в Лиссабоне английских купцов, и Чарльз Вен принужден был уехать в Англию, не добившись возвращения им свободы и имущества (в июне 1650 г.). Но в то же время король португальский торопил принца Роберта удалиться, если он не чувствует себя в силах атаковать флот Блэка и освободить от него королевство. Раз Роберт, казалось, решился вступить в сражение, но Блэк получил подкрепление, состоявшее из восьми кораблей под начальством адмирала Попгама, и обнаружил такую решительную готовность сам сделать нападение, что Роберт отступил под защиту фортов и принял наконец намерение прорваться с большим трудом из лиссабонского порта в Средиземное море, чтобы там искать безопасности и добычи (в сентябре 1650 г.). Блэк преследовал его вдоль берегов Португалии и Испании, и та же нерешительность между благосклонностью и неприязнью, то же колебание между гневом и страхом, которые волновали лиссабонский двор в присутствии двух враждовавших флотов, овладела, хотя издали, и двором мадридским. Как только принц Роберт явился перед Малагой, два посланника Карла II в Испании, Коттингтон и Гайд, известили об этом испанское правительство, прося благосклонного приема кузену их короля и его эскадре (в октябре 1650 г.). Дон Лудовик де Гаро тотчас же обещал им это как из опасения перед иностранной вооруженной силой, так и по чувству расположения к королевскому флоту. Но скоро узнали в Мадриде, что республиканский флот также прибыл к испанским берегам,

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

преследуя флот короля Карла и требуя так же, как требовал от лиссабонского двора, дозволения войти в испанские порты для нападения на королевский флот и истребления его. Требования были предъявлены с двух сторон одинаково дерзко и надменно. Роберт, потопив у берегов Малаги несколько английских купеческих кораблей, потребовал, чтобы правительство велело арестовать на берегу и выдать ему капитана одного из этих кораблей, который, по его словам, "составлял злодейские замыслы против покойного короля Карла и которого он, в отмщение, хочет сварить в смоле". Блэк, со своей стороны, узнав, что принц Роберт находится на берегу, настаивал, чтобы испанское правительство выдало ему его как начальника пиратов, врага всех наций. Мадридский двор стал защищаться против этих буйных требований отсрочками и бездействием. Война между двумя флотами продолжалась у испанских берегов еще несколько месяцев; наконец Блэк в виду Малаги истребил большую часть флота принца Роберта, который, оставшись только с двумя кораблями, плавал некоторое время в Средиземном море, а потом, пробравшись снова через пролив, удалился искать в Атлантическом океане, вдоль западных берегов Африки, новых призов, отказавшись от борьбы с морскими силами парламента. Эти силы остались господствующими на юго-западных морях Европы. Пэнну и Лаусону поручено было преследовать в этих морях Роберта, так как неизвестно было, что с ним случилось. Блэк был отозван в Англию (2 ноября 1650 г.), чтобы вместе с Дэном и Попгамом снова принять начальство над флотом в Ла-Манше и Северном море: здесь морским силам республики представлялись опаснейшие противники, но здесь же эти силы уже и доказали свою отвагу и несокрушимость. Французская торговля в особенности дорого заплатила за призы, которые сначала награбили с англичан ее мореходцы; в сентябре 1651 года парламент объявил, что, не добившись правосудия от французского короля, он решился сам себе

оказать правосудие; шесть французских судов, задержанные командирами английских судов, были окончательно конфискованы, и протесты, предъявленные по этому случаю из Парижа, оставлены без всякого удовлетворения. На морях республиканский парламент чувствовал сам и других заставлял чувствовать свою силу; его флаг гордо развевался, внушая страх врагам и уважение соперникам¹.

Но этим и ограничились его ловкость и успехи в делах внешней политики. Сколько в своих морских действиях показал он искусства и энергин, столько же в его дипломатических сношениях и планах на континенте оказался недостаток проницательности и здравого смысла, предпримчивости и решимости.

Перед ними были две державы, пылавшие взаимным соперничеством, но находившиеся в совершенно различных положениях и одушевленные совершенно различными стремлениями. Испания, еще гордившаяся своим недавним величием, которое тогда еще не перестало пугать Европу, быстро клонилась к упадку. Германская империя уже не принадлежала ей: несмотря на свои продолжительные и кровавые усилия, она потеряла Соединенные Провинции; господство ее в Италии уменьшилось; незадолго перед тем один заговор мгновенно отнял у нее Португалию; только вдали, в Новом Свете, владения ее были еще огромны; это было, по прекрасному выражению Сколли, "одно из тех государств, у которых руки и ноги крепки и мощны, а сердце до бесконечности слабо и немощно"². Испанское правительство, среди блеска своего двора и литературы, чувствовало, что в сущности оно слабо, и старалось

¹ Memorials of prince Rupert. Т. III. - С. 288-388. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XII. - С. 110-114; Thurloe, State-papers. Кн. XIV. - С. 68. - Т. I. - С. 134, 137, 138, 140-142, 154-158. - Whitelocke. С. 410, 429, 446, 449, 458, 463, 470, 471, 475, 476, 484-486, 515, 520. - Robert Blake. С. 122-165.

² Сколли к президенту Жаннену (26 февраля 1608 г.), см. Negotiations du president Jeannen. Т. III. - С. 208., Collection Petitol.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

скрыть свою слабость под неподвижностью. Филипп IV и дон Лудовик де Гаро, оба умные, оба осторожные, один по мягкости характера, другой по благоразумию, и уставшие вести борьбу и оставаться побежденными, теперь желали только спокойствия и мира и все свои заботы устремляли на то, чтобы отклонить всякие вопросы, всякие столкновения, могущие потребовать от них усилия, в которых они не чувствовали себя способными. Австрийский дом, разделенный и ослабленный, чувствовал в себе еще меньше честолюбия, нежели силы, и пышная неподвижность, исключая случаев крайней необходимости, сделалась политикой наследников Карла Пятого.

Напротив, Франция и дом Бурбонов вместе шли путем быстрого и смелого прогресса: мощный дух деятельности и честолюбия одушевлял государственных людей и разные, преимущественно высшие, классы граждан; всюду господствовало стремление к великим замыслам и блистательным предприятиям, и никто не боялся сопряженных с ними усилий и ответственности. При этом, несмотря на внутреннее несогласие и бесплодное желание политической свободы, государство крепло и расширялось; национальное единство и монархическая власть развивались в одно и то же время. Мазарини, непреклонный и вместе с тем гибкий, то победитель, то беглец, но всегда, как в изгнании, так и в Париже, любимец и первый министр, переходя от успехов к падениям на поприще войны и придворной жизни, непрерывно преследовал дело, начатое Генрихом IV и Ришелье. То были правительство и страна старые и в то же время юные, направляемые могучими преданиями по пути нового движения, полные силы и жадно стремящиеся к величию.

Между этими двумя державами Англия могла или выбрать по своему произволу союзницу, или твердо поддерживать равновесие. Они, эти державы, несмотря на свое отвращение к республике цареубийц, были до такой степени завистливы и озабочены одна другой, что все свои действия подчиняли желанию перебить друг у друга столь важную

опору. Республиканский парламент не принял ни той ни другой стороны; дурно оценив силы и надежды на будущность двух держав и руководимый закоренелой рутинной, он остался в положении колеблющемся, но не беспристрастным, между Испанией и Францией, притворяясь нейтральным и не умея ни выйти кстати из этого нейтралитета, ни сохранить его во всей сущности.

Испания имела свои преимущества: не из Мадрида была королева Генриэтта-Мария, постоянный предмет антипатии и неприязни парламентской партии, и не в Мадриде находила еще она себе убежище и опору. Во время самого процесса короля дон Алонзо де Карденья, понуждаемый роялистами сделать в его пользу какое-нибудь представление, решительно отказался от этого, отзываясь неимением от своего двора инструкций¹. По провозглашении республики он остался в Лондоне в добром согласии с республиканскими предводителями и ходатайствовал у своего двора о возобновлении кредитивных грамот, давая понять, что он извлек бы из этого много благоприятного как для политических интересов Испании, так и для религиозных интересов английских католиков². Филипп IV и дон Лудовик де Гаро не спешили так, как Карденья: им хотелось ничего не произносить ни за, ни против республики или Карла II, пользоваться под рукою благоприятными для них прихотями одной, делать потихоньку другому некоторые роялистские уверения и держаться в полном бездействии, выжидая событий. В таком смысле постоянно выражал свое мнение испанский государственный совет, когда король требовал от него заключения то о депешах Карденьи, то о депешах Карла II и его посланников. Более года держались в Мадриде этой равнодушной и бездейственной политики. Карденья не посылал ни инст-

¹ Карденья к королю Филиппу IV (15 февраля 1649 г.). Симанкские архивы.

² Карденья и королю Филиппу IV (18 февраля 1649 г.). Там же.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

рукций, ни новых полномочий; попытались было воспрепятствовать прибытию Коттингтона и Гайда в Мадрид, и не успев в этом, поставили ни во что их присутствие. Когда они узнали, что Антоний Ашам едет в Испанию от имени парламента, то предъявили свое изумление и горечь. "Мы не могли бы и подумать, - сказали они, - чтобы его католическое величество, первый и единственный государь, предложивший нашему королю, через посланников, свою полную дружбу, стал первым и единственным государем, оказывающим доверие правительству этих мятежников, принимая посланного от них"¹. Государственный совет рассматривал их жалобу, а потом, через несколько месяцев, их просьбу о том, чтобы принц Роберт был дружелюбно принят во всех портах королевства². Уклонились отвечать и на просьбу, и на жалобу: шло ли дело о республиканском правительстве или об изгнанном короле, мадридский двор, во всяком случае, старался ничего не сказать и ничего не сделать.

Но взаимные положения развивались; парламент становился требовательнее. Карденья писал, что с ним не хотят больше иметь дела и что он принужден будет выехать, если не будет у него новых кредитивных грамот, в которых бы республика была положительно признана. Убийство Ашама и настояние парламента об удовлетворении по этому делу поставили мадридский двор в величайшее затруднение. Карл II, со своей стороны, приводил его в беспокойство; он прибыл в Париж, под предлогом свидания с королевой-матерью, а в сущности, как говорили, для принятия советов и наставлений от Мазарини. Он называл братом короля португальского, которого в Испании

¹ Нота лорда Коттингтона и Гайда Филиппу IV (10 мая 1650 г.). Симанские архивы (См. в конце этого тома раздел "Исторические документы"). - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XIII. - С.8, 10-14.

² Рассуждение мадридского государственного совета (10 мая 1650 г.). Симанские архивы (См. в конце этого тома раздел "Исторические документы").

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

постоянно величали именем тирана, похитителя власти. Республиканский парламент, напротив, обошелся жестоко с браганцским домом и почти вступил с ним в войну за покровительство, оказанное принцу Роберту. Проведя двадцать один месяц в нерешимости, мадридский двор наконец решился: он удалил из Испании двух посланников Карла II и послал к Карденье новые грамоты, которыми последний был кредитован при парламенте республики (в декабре 1650 г.). В то же время прибыл в Англию Иоани Гвимароэс, посланный от португальского короля с тем, чтобы положить конец недоразумениям, возникшим между двумя государствами. Парламент заставил Гвимароэса две недели ждать дозволения въехать в Лондон (с 3 по 18 декабря 1650 г.): оно последовало только по большинству голосов, и было решено, что Гвимароэс будет принят без всякой торжественности комитетом, состоявшим из одиннадцати членов¹. Но Карденья через день после того, как он известил о получении им новых верительных грамот, был принят всем парламентом в торжественной аудиенции². Три комиссара, в числе которых был граф Салисбэри, отправились за ним на дом в государственных каретах; тридцать или сорок экипажей сопровождали его; в них сидели испанские и английские дворяне; два полка кавалерии выстроены были на его пути перед Уайтгаллем; полк пехоты составлял его конвой. Войдя в залу парламента, он сел на приготовленное для него кресло, вручил председателю свои верительные грамоты, писанные по-латыни, и произнес на испанском языке длинную речь, в которой выразил свое удовольствие, что он первый от имени величайшего христианского государя признает эту палату верховной властью нации, а потом подробно изложил все, что сделано его королем для неперменного нака-

¹ 10 января 1651 г. - Journals of the House of Commons. T.VI. - С.504, 510, 511, 516, 519, 522, 529, 530.

² 26 декабря 1650 г. Там же. С.513, 515.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

зания убийц Ашама и для удаления из испанских портов принца Роберта. Республиканской гордости лестно было принять с такой пышностью эту блестящую монархическую почесть; только некоторые суровые пуритане были недовольны ею. "Я боюсь, - писал Брайшоу к одному из офицеров Кромвеля (24 декабря 1660 г.), - что наша бессильная поспешность приобрести благосклонность соседних наций не принесет нам ни чести, ни пользы. Да дарует нам Бог полагаться только на него, обращаться только к нему и быть независимыми от всех других. Но в этом отношении многие из наших братьев думают иначе, и я пишу к человеку, который способнее меня судить об этом. И так не буду говорить больше"¹.

В тот час, когда парламент оказывал испанскому посланнику и от него принимал такие блестящие знаки взаимного расположения, французский поверенный в делах Крулле вдруг увидел, что к нему в дом вломились солдаты; он сам был арестован, отведен в присутствии государственного совета и выслан из Англии в десятидневный срок. "Хотя эти господа испанцы, - написал он в тот же час к кардиналу Мазарини, - ждали последнего издыхания, однако их приняли хорошо; и так как они решились прибыть сюда не без известных условий, между которыми главное, без сомнения, состояло в том, чтобы быть в неприязненных отношениях с Францией; то и явилось желание перед этой церемонией сделать поступок, доказывающий намерение сильно оскорбить Францию. Вчера, когда согласно полученному мною от двора разрешению иметь при себе священника, он совершал литургию, при которой присутствовало много французов и очень мало англичан, отряд солдат прибыл к занимаемому мною дому; они заняли двери и, войдя в комнаты, сначала стали бить всех, кто попадался им навстречу, в том числе и меня; мы с одним французским дворянином, удержав дерзких от оскорбления, которое они покушались нанести алта-

¹ Milton, State-Papers, C.39-40, 42.

рю, дали время служителю его снять с себя священные одежды и смешаться с толпой, из которой я нашел средство извлечь его и запереть в мой кабинет, так что его не видели. Солдаты овладели всем, и я с одним знатным англичанином и двумя благородными французами убежал, чтобы принести жалобу президенту совета, который, не слушая ничего, приказал взять меня и держать под стражей в дрянной харчевне до ночи. Часов в шесть я был призван в государственный совет, где подробно, просто и по всей справедливости изложил событие, и было решено приказать мне удалиться. Когда президент объявил мне об этом, я сказал, что нахожусь здесь по воле короля, моего повелителя, которому донесу о том, что мне объявлено, и по получении повеления его величества, исполню его немедленно. На это президент возразил, что мои слова более всего, прежде сказанного мною, противны духу совета; что никакие короли не имеют права давать повеления в их стране и что, если я ослушаюсь, то они будут судить меня как следует. Я отвечал, что если упомянул о повелении его величества, то разумел это только относительно самого себя; я же, где бы ни был, нигде не принимаю повелений ни от кого другого, что они имеют в своих руках власть и силу делать все, что им угодно, но не заставят меня сделать что-либо противное моему долгу. За сим я удалился. Сегодня утром посланный от государственного совета явился ко мне с паспортом и приказанием выехать в течение десяти дней, чего мне нельзя будет не исполнить. Впрочем, я буду ожидать повелений, какие вашему высокопреосвященству угодно будет мне дать¹.

Это происшествие было чрезвычайно неприятно Мазарини. Уже давно тревожил его образ действий Карденьи в Лондоне и оказываемое там предпочтение Испании. 6 августа 1649 г. он поручил Сервьену написать к Крулле: "Я прошу вас не упускать ни одного случая представлять

¹ Крулле к Мазарини (6 января 1651 г.). Французские архивы иностранных дел.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

парламенту последние сомнения испанцев, что вы, надеюсь, будете делать при всех возможных встречах с должной силой и искусством", - а через несколько месяцев¹ к Крулле писали: "Хорошо было бы, если бы английский парламент оказал нам какое-нибудь пособие людьми или деньгами, чтобы дать средство противостоять огромным приготовлениям, которые делают испанцы для нападения на нас со всех сторон в будущую кампанию... По крайней мере вы непременно должны иметь целью не допустить, чтобы оказали подобное пособие неприятелям, на основании ложных предположений, которые представит им Карденья". Известия, которые Крулле сообщал Мазарини, не могли успокоить последнего: они состояли то в рассказе о знаках расположения, которое парламент оказывал Карденье, то в справедливых или несправедливых слухах о том, что из Лондона в Мадрид отправлено сто тысяч фунтов стерлингов на вспомоществование Испании в войне против Франции. Булльон и Тюренн, бывшие тогда предводителями Фронды, писали, говорят, к Кромвелю, прося его помощи. Республиканский государственный совет полагал послать часть флота, крейсировавшего перед Лиссабоном, на помощь приверженцам Фронды, восставшим в Бордо. Пронесся слух, что Кромвель, по покорении Ирландии, поедет во Францию: по странному заблуждению, Мазарини с первого взгляда увидел в этом не что иное, как дружественные намерения, и Сервьен тотчас написал к Крулле: "Если после ирландской экспедиции Кромвель придет во Францию, то он, как лицо замечательное, будет принят очень хорошо, потому что, без сомнения, все отправятся встретить его в том месте, где он выйдет на берег"². Но скоро письма Крулле разочаровали кардинала. "Я не нашел бы довольно сильных убеждений, - писал к нему Крулле, - чтобы разуверить всех в том, что Кром-

¹ 28 января 1650. - Французские архивы иностранных дел.

² 6 августа 1649 г. Там же.

вель, тотчас по окончании дел в Ирландии, перейдет со своей армией во Францию... то, что рассказывают о его намерении выходить от тех, кто желает этого намерения по разным собственным видам; поэтому в его уста влагают множество речей, о которых я не считал нужным писать, не имея основания верить им. Так, между прочим, рассказывали, что он, глядя на свои уже поседевшие волосы, сказал, что если бы был хотя десятью годами моложе, то не осталось бы ни одного короля в Европе, которого бы он не заставил дрожать, и что имея более достаточный повод, нежели какой имел покойный король шведский, он считал бы себя еще способным сделать больше для блага народов, нежели сделал тот для удовлетворения собственного честолюбия"¹.

Эти рассказы, эти слухи, справедливы ли они были или ложны, сильно заботили Мазарини. Открытая неприязнь со стороны Англии значительно увеличила бы затруднения как в его внутренних, постоянно шатких, делах, так и во внешней политике, которой он упорно следовал, несмотря ни на какую затруднительность его личного положения. Рядом с ним Кольберт, еще простой государственный советник и интендант дома кардинала, но уже страстно преданный мысли о народном благосостоянии, беспрерывно заявлял бедственное положение народа и ущерб, наносимый французской торговле запретительными мерами республиканского парламента и скрытой ожесточенной войной, которую вели между собой морские силы двух государств. Для Мазарини решительно необходимы были сильные союзники в Европе, для Кольберта - безопасное производство французской торговли и на сухом пути, и на море. Раз Мазарини увлекся было надеждой заключить сильный союз с Соединенными Провинциями против Испании и Англии. Граф д'Эстрад, долго находившийся посланником в Голландии, в 1652 году был гу-

¹ 25 октября и 15 ноября 1649 г. Французские архивы иностранных дел.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

бернатором Дюнкирхена. Принц Оранский написал к нему от 2 сентября: "Будучи уверен в вашей дружбе ко мне и в дружбе, которую вы питали к моему покойному родителю, я надеюсь, что вы не откажете мне в просьбе приехать как можно скорей ко мне в Гаагу, потому что мне нужно нечто сообщить вам по весьма важным делам". Дело шло о проекте трактата, по которому Людовик XIV и принц Оранский условились объявить сообща войну Испании и в то же время произвести разрыв с Кромвелем, стараясь всевозможными путями возвратить престол королю английскому. Д'Эстрад донес об этом Мазарини, который тотчас же ответил ему: "Королева поручила мне предписать вам немедленно отправиться в Голландию к принцу Оранскому, а чтобы вы в состоянии были договориться с ним, в случае, если увидите с его стороны расположение прервать дружественные отношения с Испанией, посылаю вам полномочие короля на заключение трактата, и это будет величайшая заслуга, какую вы когда-либо могли оказать королю. Что касается лично меня, то я буду очень доволен вами, если вы склоните принца на разрыв с Испанией: это разрушило бы все планы моих врагов и рассеяло бы все происки и замыслы, составляющиеся против меня при дворе и в парламенте. Прошу вас, не пренебрегайте ничем, чтобы успеть в этом чрезвычайно важном деле"¹.

Дело это не удалось. Принц Оранский умер (6 ноября 1650 г.), и к концу того же года Мазарини остался один, а перед ним были: Испания, постоянно враждебная, Британская Республика, официально признанная Испанией, Соединенные Провинции, отклонившиеся, вследствие смерти их штатгальтера, от монархического принципа; у него не осталось даже сношений с Англией, из которой агент его был изгнан.

¹ Letters, memoires et negotiations de M. le comte d'Estrades, (Лондон, 1753 г.). - Т.I. - С.99-103.

Ни по своему личному характеру, ни по характеру своей политики Мазарини не мог оставаться в подобном положении. Нетерпеливый и в то же время хитрый, не слишком боявшийся недовольных, он был из тех людей, которые спешат действовать, чтобы выйти из затруднений, и готовы скорей идти навстречу новым неудачам, нежели ничего не делать для поправления неудач, уже испытанных. Французские негодзианты сильно настаивали, чтобы были восстановлены мирные отношения с Англией; они пробовали сами войти в непосредственные сношения с республиканским парламентом, и некто Саломон, виконт де Вирелад, от их имени писал из Парижа британскому государственному совету, прося себе охранной грамоты на проезд в Лондон для переговоров о делах, касающихся их интересов. "Здесь никто не может договариваться с вами об этих делах, - отвечал ему Уальтер Фрост, секретарь государственного совета, - кроме верховной власти или тех, кого она назначит; а власть эта не захочет принять адреса ни от кого, кроме верховной власти Франции, которая одна может дать полномочие, необходимое для подобного договора. Поэтому я не могу снабдить вас охранной грамотой для прибытия в Лондон в качестве такого лица, как вы желаете... Но если французское правительство желает через вас открыть сношение с республикой по этим делам в форме, установленной между государствами, то я не сомневаюсь, что здешнее правительство с удовольствием примет честное и справедливое предложение, которое будет клониться к тому, чтобы положить конец распрям и восстановить торговлю во всей ее свободе на общее благо".

Кольберт явился на помощь этим переговорам; он составил записку, в которой, полагая основным правилом, что "для восстановления торговли необходимы два условия: безопасность и свобода", изложил факты, которые относительно торговли между Францией и Англией, разрушали эти два благодетельные условия, и прямо указал, какими средствами можно восстановить их. "Пункт, на котором англичане преимущественно настаивают, - сказал он в заключение, -

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

есть признание их республики, в чем испанцы предупредили нас. Можно опасаться еще более тесного союза вследствие действий испанского посланника в Англии. От наших господ министров зависит указать форму этого признания и определить, к чему оно поведет. Францию простят и Бог, и люди в том, что она вынуждена признать эту республику для предупреждения замыслов и враждебных намерений испанцев, которые делают всевозможные несправедливости и решаются на всевозможные низости для того, чтобы вредить нам"¹.

Если бы все зависело от произвола одного Мазарини, то он, вероятно, положил бы скорое и полное решение, но нужно было уговорить Анну Австрийскую, ее совет и всех ее окружавших. Он представил записку, в которой вопрос о признании Английской Республики был тщательно разобран. "С первого взгляда кажется, - говорил он, - что если следовать законам чести и справедливости, то не должно признавать эту республику, потому что, во-первых, ничто не может быть предосудительнее для чести короля, как этим признанием отречься от поддержания интересов законного монарха, его близкого родственника, соседа и союзника, а во-вторых, ничто не может быть несправедливее, как признать похитителей власти, омывших руки в крови своего государя... Но так как законы чести или законы справедливости никогда не должны побуждать к тому, что противно законам благоразумия, то нужно принять в соображение, что в настоящее время никакие демонстрации в пользу английского короля не поведут к возвращению ему престола; что дальнейшие отказы в признании республики нисколько не послужат к усилению или подтверждению прав короля, ... что все, что неизбежная потребность времени и обстоятельств заставит

Неизданные документы для дипломатической истории Франции. - *Revue nouvelle*. T.V. - С.409-413. (См. в конце этого тома раздел Исторические документы").

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

сделать в пользу республики, не помешает впоследствии воспользоваться удобным случаем, который, при более благоприятном положении дел, может представиться для какого-нибудь решительного предприятия... Притом можно опасаться, что когда испанцы войдут наконец в теснейший союз с англичанами - так как это составляет предмет их жарких домогательств - то они не допустят их до согласия с нами и склонят, если не к открытой войне, то к сильному содействию им против нас; следовательно, не может быть сомнения в том, что мы должны немедленно войти в сношения с Английской Республикой и дать ей титул, которого она желает. Впрочем, есть одно вполне необходимое условие, без которого бесполезно было бы решиться на это признание, именно: нужно быть наперед уверенным, что мы извлечем из него пользу, могущую выкупить и вознаградить ущерб, который мог бы быть через то нанесен репутации... Вдвойне было бы вредно решиться на низость, если бы и после этого англичане остались равнодушны и холодны и если бы это искательство с нашей стороны сделало их еще надменнее и несговорчивее в условиях трактата, который должен быть заключен для примирения наших взаимных несогласий¹.

Чтобы избежать этой опасности и не "выставлять себя на публичный позор без всякой пользы", решились послать сначала в Лондон тайного агента, Жантильё, человека умного, хорошо знавшего Англию и уже много раз исполнявшего подобные поручения. "Его величество, - сказано было в инструкциях, - признал за благо, чтобы господин Жантильё отправился в Англию и старался искусно и под рукою, с помощью друзей и своих тамошних знакомых, разведать: действительно ли расположены там

¹ Январь 1651 г. Неизданные документы, относящиеся к дипломатической истории Франции. - *Revue nouvelle*. T.V. - С.416-419. - (Manuscrits de Brienne в императорской библиотеке) См. в конце этого тома раздел "Исторические документы".

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

добрым соглашением прекратить происходящие между обеими нациями распри и восстановить дружественные сношения между ними. Прежде всего он должен увериться, что английский парламент не заключал особого трактата с испанцами против Франции и не находится с ними в отношениях, не позволяющих ему приступить к договору и союзу, какие будут признаны полезными для обоих государств. Англичане, без сомнения, будут требовать, чтобы король явно признал их республику грамотами и другими публичными актами, на что господин Жантильё отвечает, что эта статья не представит затруднения, что парламент может ставить этот пункт по своему желанию, но для нас важна уверенность, что после объявленного нами признания мы не дойдем уже до разрыва и несогласий и что вражда совершенно прекратится. Уверенность эта может быть только такого рода, чтобы в то же время уже условиться в проекте примирения существующих между двумя нациями распрей". Затем следовало изложение этих распрей, а также условий трактата, долженствующего положить им конец. Инструкции заключались следующими словами: "Господин Жантильё может даже намекнуть, что если Английская Республика желает какого-нибудь более тесного соглашения с Францией, в особенности против Испании, то здесь к этому вполне расположены... В случае, если господин Жантильё встретит подобное расположение и со стороны англичан, то пришлет об этом известие, вследствие которого посланнику, имеющему отправиться в Англию, будет дано поручение, с достаточным полномочием, заключить трактат".

При этом распоряжении Мазарини упустил из вида две вещи: непрочность собственного положения и гордость английских республиканцев. В то время, когда Жантильё въезжал в Лондон, приверженцы Фронды торжествовали в Париже. Кардинал, принужденный бежать (в феврале 1651 г.), с большим трудом мог найти убежище сначала в Гавре, потом в Седане. Британский

парламент, со своей стороны, желая быть признанным Францией, так же, как недавно был признан Испанией, с сохранением своей гордости и без дальнейших проволочек, не хотел слушать и даже допустить оставаться в Лондоне никакого заискивающего и тайного агента. "Невыразимо жаль мне, - писал Жантильйо к Сервьену, - что я прежде моего назначения не узнал настоящего положения дел. Эти люди имеют слишком много причин жаловаться; они хотят, чтобы с ними говорили форменно и рассчитались... Я сделал все, что только мог, и все это ни к чему не повело. Они думают, что вы послали меня сюда в качестве шпиона, чтобы разведывать об их делах. По этой ли, или по какой другой причине, или, наконец, с целью показать, что они не могут согласиться на такой способ договора, который отдаляется от признания их власти, как бы ни было, но они совсем неожиданно в пятницу прислали за мной, как за частным человеком; шесть депутатов от государственного совета поговорили со мной немного, потом сделали от себя донесение и вскоре после того выдали мне через секретаря акт, по которому я должен в течение трех дней выехать из Лондона. Покоряясь этому распоряжению, выезжаю сегодня, так как сегодня третий день; отправляюсь в Кале и там буду ждать ответа на эту депешу"¹.

Ничего больше не было предписано господину Жантильйо; он возвратился в Париж, и до конца 1651 г. не было сделано никакой новой попытки к сближению между французским двором и республиканским парламентом.

В Лондоне мало заботились об этом, потому что республика и ее предводители находились в тех припадках счастья и надежд, которые вводят правительства, особенно правительства новые, в заблуждение насчет их действительной силы и внушают им гордые мечты. В то время, когда юная республика, вследствие признания ее Испани-

¹ 6 марта 1651 г. - Manuscripts de Brienne, Неизданные документы, относящиеся к дипломатической истории Франции.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

ей, вступала в среду европейских государств, смерть Вильгельма, принца Оранского, открыла влиянию Англии Соединенные Провинции, государство, которое соединяли с Англией самые естественные узы по ее положению и выгодам. Эти две нации, обе протестантские и республиканские - одна, едва одержавшая победу, другая, еще продолжавшая борьбу в защиту своей веры и прав, - эти две нации, во имя сходных идей, отстаивали одно и то же дело, иногда против одного и того же врага. Все склоняло их к тесному союзу; только одно обстоятельство сначала служило к тому важной преградой. Две сильные партии - с одной стороны, почетная городская буржуазия, с другой, нассауский дом, поддерживаемый остатками феодального дворянства и народом, - оспаривали одна у другой правительственную власть Соединенных Провинций; они обе были могучи и обе пользовались уважением, потому что и та и другая со славой бились и страдали, завоеывая независимость своего отечества. Одержав победу, они вскоре вступили в скрытую и явную борьбу: одна желала основать аристократическую и федеративную республику, другая стремилась, под именем штатгальтерства, превратить конфедерацию Соединенных Провинций в единую и наследственную державу. То было бедственное разъединение, при котором обе партии, побуждаемые благородными чувствами, отстаивая законные интересы, силою своих страстей без меры увеличивали важность взаимных несогласий и одинаково, каждая в свою очередь, заблуждались в степени своей силы и в желаниях страны. Пока был жив принц Оранский, под его влиянием в советах Соединенных Провинций преобладала политика, враждебная Британской Республике, хотя преобладание было неполное и достигалось не без усилий. Принцу непременно хотелось привлечь конфедерацию на сторону Карла II, хотя бы это стоило войны; это было больше, нежели отрицание общественного блага и народного желания. Провинция Голландия, в которой преобладали ком-

мерческие интересы и сильное городское сословие, энергично вступилась за миролюбивую и нейтральную политику; она имела от себя и на свой счет дружественные сношения с английским парламентом, заботилась об охране английских негоциантов и оказывала парламенту знаки особенной внимательности; даже послала и некоторое время содержала в Лондоне особого агента, Герарда Схаппа, которого парламент принимал с уважением¹. Таким образом, разрыв между двумя государствами был отвален, но этим ограничилось влияние провинции Голландии и ее городских властей. Они не могли помешать принцу Оранскому, подстрекаемому завистью других провинций и народным расположением, в общем ходе дел дать перевес политике роялистской. Генеральные штаты не только возразили Карлу II всякое участие и оказали всякую косвенную помощь, которая бы только не доказывала положительно, что они ему содействуют; но они даже допустили его совещаться с ними, излагать им свои обстоятельства и виды и просить у них советов, а между тем, в то же время, отказывали в аудиенции резиденту Английской Республики, Уальтеру Стрикленду, остававшемуся в Гааге после убийства его товарища Дорислауса, и ни его неоднократные настояния, ни формальный протест со стороны частных штатов провинции Голландии не могли отклонить этого отказа². Стрикленд возвратился в Лондон и, отдавая отчет в своем посольстве, с горечью оскорбленного агента сообщил парламенту о глубокой неприязни, которую питают к нему и принц Оранский, и управляемые им Генеральные штаты³.

¹ 11 июня 1650 г. - Journals of the House of Commons. T.VI. - C.414, 421, 422, 425.

² Le-Clerc, Hist des Provinces-Unies. T.II. - C.272. - Journals of the House of Commons. T.VI. - C.295, 315. - Thurloe, State-papers. T.I. - C.113-115.

³ 7 августа 1650 г. - Journals of the House of Commons. T.VI. - C.452.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

Со смертью принца Оранского это положение дел совершенно изменилось. Несмотря на высокие знаки уважения и привязанности к его семейству, ни титул, ни власть его не перешли к наследнику, которого его вдова, принцесса Мария Стюарт, родила через неделю после его смерти и которому суждено было впоследствии назваться Вильгельмом III. Начальники главнейших городов, Витт, Диккер, Вааль, Рёйль, Форгаут, везде снова заняли должности, от которых принц насильно устранил их; муниципальная аристократия и провинция Голландия, в которой преимущественно сосредоточивалась ее сила, взяли по-прежнему перевес в центральном правлении; чрезвычайное собрание Генеральных штатов восстановило силу республиканских преданий конфедерации; все возвещало, что мирная и даже дружественная политика относительно Английской Республики заменит роялистскую и враждебную политику принца Оранского. Не могло представиться более благоприятного случая для заключения между двумя протестантскими республиками того тесного союза, на который указывало им их взаимное положение¹.

Парламент поспешил воспользоваться этим случаем; он постановил, чтобы чрезвычайные посланники были отправлены в Гаагу примирить несогласия и договориться о союзе между обоими государствами (21 января 1651 г.). Чтобы придать более силы этому посольству, его возложили на верховного судью Оливера Сен-Джона, одного из искуснейших деятелей во главе парламента во время гражданской войны и во главе республики со времени победы, впрочем, друга и душевного советника Кромвеля (23 января 1651 г.). Сен-Джон сначала отказался, ссылаясь на свое расстроенное здоровье. Это был революцио-

¹ Le-Clere, Hist des Provinces-Unies. T.II. - С.288-303. - Wicquefort. Там же. - T.IV. - С.200-220. - Wagenaar, Vaderlandsche Historie (Отечественная история, на голландском языке, Амстердам, 1755 г.). T.XII. - С.18 и след.

нер-эгоист, надменный и робкий, довольный своим судебским благосостоянием, своим косвенным влиянием на дела правительства и не слишком желавший в трудном и, может быть, опасном посольстве жертвовать своим самолюбием и обеспеченным положением. Палата отклонила его отказ (28 января 1651 г.), назначила ему в помощь Уальтера Стрикленда, во время заседания вручила им инструкции (25 февраля 1651 г.) и приказала им отправляться, окружив миссию их необычайным блеском. Их сопровождали сорок джентльменов и около двухсот слуг, составлявших свиту. Сен-Джон взял с собой Тёрло в качестве секретаря. По прибытии в Голландию, сначала в Роттердам, потом в Гаагу, они были приняты с меньшей предупредительностью и торжественностью. Их встретила депутация Генеральных штатов, которую сопровождали двадцать семь карет; им выразили сожаление, что не могут провести их в отель, назначенный для иностранных посланников и уже занятый французским посланником Белльевром, и затем поместили в частном здании, а большая часть людей, составлявших их свиту, расположилась в соседних домах и стала беспрестанно проходить взад и вперед по улицам, всегда по несколько человек вместе, со шпагами в руке или под рукою, как бы думая, что они находятся в неприятельской земле и окружены убийцами Дорислауса. Действительно, в Гааге было много английских роялистов, которые окружали принцессу Оранскую и герцога Йоркского и весьма склонны были оскорбить посланников республики. Самый народ голландский смотрел на них неприязненно и следил за ними с любопытством, подсмеиваясь над их осанкой и говоря, что они верно боятся¹.

Люди, стоявшие тогда во главе голландского правительства, были расположены совсем иначе, и по тогдаш-

¹ Journals of the House of Commons. T.VI. - C.525, 527, 528, 541, 543. - Whitelocke. C.487, 488, 490. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.XIII. - C.154. - Wicquefort. Historie des Provinces-Units. T.IV. - C.287. Le Clerc. - Там же. - Le-Clerc. T.II. - C.307-308.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

нему положению, и по доводам благоразумия, они как для самих себя, так и для страны, искренно желали хороших отношений и даже настоящего союза с Английской Республикой. Сен-Джон и Стрикленд через три дня по прибытии своем в Гагу (30 марта 1651 г.) были приняты Генеральными штатами в торжественной аудиенции, с блестящими знаками дружеского внимания, и семь комиссаров были назначены для совещания с ними. Комиссарам этим было поручено сообщить посланникам, "что Соединенные Провинции предлагают свою дружбу Английской Республике и что они готовы не только возобновить и сохранять ненарушимо приязнь и добрые отношения, всегда существовавшие между английской нацией и ими, но и заключить с республикой трактат в видах общих выгод". Первые слова двух посланников дали ясно понять, что таких предложений для них недостаточно. "Мы предлагаем, - сказали они, - чтобы не только дружба и добрые отношения, некогда существовавшие между английской нацией и Соединенными Провинциями, были восстановлены и ненарушимо сохраняемы, но чтобы эти нация и Провинции вступили в союз более тесный и более искренний, так, чтобы для блага той и другой стороны был между ними взаимный интерес, более существенный и более сильный".

Что разумелось под этим "союзом, более тесным и более искренним"? Что означал этот "взаимный интерес, более существенный и более сильный"? Сен-Джон и Стрикленд в продолжение шести недель не хотели этого объяснить. Они говорили, что Генеральные штаты должны объяснить точно и подробно, каковы их виды в этом деле; что же касается до них, то они находят неудовлетворительными первые сделанные им предложения. А так как парламент время их посольства ограничил точным и коротким сроком, то они настаивали, чтобы на их общее

¹ Wicquefort, *Historie des Provinces-Units* T.II. - С.379-390.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

предложение немедленно был дан ясный и точный ответ¹.

Честолюбивый замысел, обширный и несбыточный, один из тех планов, которые не высказываются, пока хлопочут об их выполнении, таился в глубине души Сен-Джона и пославших его предводителей парламента. Надменные и в то же время полные беспокойства, они были одержимы избытком смелой деятельности, потребностью возвеличиться для того, чтобы укрепиться, потребностью, которая овладевает всякой новой властью, упоенной своими первыми успехами. Распространившийся слух о предполагаемой будто бы поездке Кромвеля в Париж произошел именно из этого источника. Разумный, даже среди революционного брожения, Кромвель, вероятно, никогда и не думал об этом, но в армии, в парламенте, во всей республиканской Англии подобные идеи волновали смелые и заносчивые умы, которым казалось, что для них и для их отечества уже все возможно после того, что они сделали. Соединенные Провинции были не то, что Франция; дело шло не о завоевании их силою оружия; дело было уже вполнину сделано; все узы нравственные и материальные - религия, учреждения, политика, торговля - связывали и роднили Соединенные Провинции с Англией. Почему же это сродство не может перейти в единство? Почему двум республикам, столь родным между собою и лежащим в таком близком соседстве, оставаться раздельными? *Faciamus cosim unam gentem* (сделаем их одной нацией). Такова была мысль республиканских правителей Англии. Стрикленд во время своей первой поездки в Гаагу выразил уже эту мысль (27 сентября 1649 г.) в письме своем к Уальтеру Фросту, секретарю государственного совета; этой же мыслью внушено было посольство Сен-Джона, и она преобладала во всех его переговорах².

¹ Wicquefort, *Historie des Provinces-Unies*. T.II. С.392-394.

² Thurloe, *State-papers*. T.I. - С.130. - Clarendon, *Hist. of the rebell.* Кн.XIII. - С.154. - Godwin, *Hist. of the Commonwealth*. T.III. - С.372. - Le-Clerc, *Hist des Provinces-Unies*. T.II. - С.309.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

То была мечта гордая и чуждая всякой предусмотрительности. Соединение в одно государство, под одним и тем же правительством, двух великих протестантских республик тотчас же встретило бы в Европе ожесточенное противодействие и, может быть, снова породило бы религиозную войну. Голландский народ с жаром отвергал предложение; для него это была утрата национального быта и поглощение его могущественной Англией, весьма непопулярною в Соединенных Провинциях, потому что она была их прежняя покровительница, настоящая соперница и в будущем готовилась стать неприятельницей. В народе уже ходили сатиры, песни, статейки в прозе и стихах, полные ненависти и угроз против Англии. Даже люди, составлявшие голландское правительство, наиболее твердые в мысли о добром согласии с Англией, были столько горды, что выше всего ставили независимость своего отечества, и их расположение к переговорам тотчас охладело, как только они заметили честолюбивые намерения иностранных посланников. Несколько лет спустя Иоанн Витт, оплакивая происки оранжистов и народные страсти, доведшие их до разрыва, говорил с патриотической скорбью: "К этому надо прибавить нестерпимый нрав английской нации, ее бесконечную зависть к нашему благоденствию и смертельную ненависть Кромвеля к юному принцу Оранскому, сыну сестры того изгнанного короля, которого он боялся больше всякого живущего на земле существа"¹.

Разные случаи, одни естественные и почти неизбежные, другие с умыслом возбужденные, еще более затруднили переговоры. Жители Гаги часто выказывали посланникам свою грубую неприязнь; на улицах и в окрестностях города их люди были оскорбляемы и даже подвергались нападениям со стороны людей принца Оранского и кавалеров, состоявших при герцоге Йоркском, который в это время жил у

¹ Leeven en Dood der Gebroeders Cornelis en Johan de Witt (Амстердам, 1705 г. - С.26, 27, 35; переведено на французский под заглавием Histoire de Corneille et Jean de Witt, (Утрехт, 1709 г.). - Т.I. - С.64.

сестры. Даже сам принц и принцесса нередко с пышным кортежем медленно проезжали перед домом, занимаемым посланниками, как бы хвастаясь перед ними; то было ребяческое удовольствие, которое враждовавшая партия хотела доставить себе, чтобы утешиться и хотя на минуту забыть свое бессилие. Раз принц Эдуард, юный брат принца Роберта, увидев проезжавших в карете посланников, закричал им: "Бездельники, презренные собаки!" Сен-Джон, прогуливаясь в городском парке, встретился с герцогом Йоркским, шедшим так же, как и он, пешком; они узнали друг друга только тогда, когда столкнулись лицом к лицу. Так как посланник республики не уступил дороги, то принц сшиб с него шляпу, сказав: "Учитесь, цареубийца, уважать брата вашего короля". "Вас и того, о ком вы говорите, я знаю только как породу бродяг", - отвечал Сен-Джон. Оба схватились за шпаги, но бывшие с ними джентльмены окружили и разлучили их. Полковник Апслей хвастался, говорят, что он пойдет и зарежет Сен-Джона в его доме. Посланники жаловались Генеральным штатам на эти оскорбления; начальство начинало преследования, принимало полицейские меры, ставило стражу вокруг дома посланников. Были и официальные удовлетворения, но вражда роялистов и народа упорно продолжалась и всегда находила для своего проявления какую-нибудь новую форму и какой-нибудь новый случай¹.

Посланники донесли в Лондон об этом положении, почти столько же опасном, как и трудном; они даже послали туда Тёрло, чтобы объяснить все подробно и спросить: продолжать ли им еще переговоры или выехать². Парламент, упор-

¹ Journals of the House of Commons. T.VI. - C.560. - Whitelocke. C.491, 493, 494. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн. XIII. - C.155. - Parl. Hist. T.XIX. - Col. 473. - Carte, Ormond's Letters. T.I. - C.427. T.II. - C.2. - Raguenet, Hist. d'Oliver Cromwell, (Утрехт, 1692 г.). - T.II. - C.27. - Le-Clere, Hist. des Provinces-Unies. T.II. - C.308, 310. - Wicquefort. Там же. - T.IV. - C.289. Thurloe, Statepapers. T.I. - C.179.

² 29 апреля 1651 г. - Journals of the House of Commons. T.VI. - C.568.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

но питавший свою надежду, разрешил им продолжать пребывание в Гааге, но в то же время, чтобы показать Генеральным штатам свое недовольство и свою силу, велел задержать в море девять амстердамских купеческих кораблей, шедших в Португалию, и потребовал из Гааги объяснения, почему адмирал Тромп стоит со своей эскадрой в водах островов Сцилли так, как будто имеет намерение овладеть ими. Генеральные штаты объяснили данные Тромпу инструкции и протестовали против задержания девяти кораблей. Никто не хотел стать зачинщиком разрыва, но с той и с другой стороны расположение с каждым днем делалось неприязненнее и проглядывало даже в тех вежливых поступках и речах, которыми хотели прикрыть его¹.

По истечении более двух месяцев бесплодных совещаний, употребленных английскими посланниками на то, чтобы не высказать, что они хотели сказать, а голландцами - чтобы не ответить на то, о чем их безмолвно спрашивали, хотя они очень хорошо понимали, в чем состоял вопрос, Сен-Джон и Стрикленд решились наконец изложить с точностью, в семи пунктах, некоторые из своих домогательств². Одни эти пункты могли бы в делах мира и войны и в отношении союзов вполне связать политику и судьбу Соединенных Провинций с политикой и судьбой Английской Республики; сверх того, они обязывали Генеральные штаты, в известных случаях, на их собственной территории отрекаться от прав и верховной воли. А для того, чтобы показать, что цель их посольства далеко не ограничивается этими и без того уже крайними пределами, посланники поспешили прибавить, что если бы их первые требования были приняты, то "парламент уполномочил их предложить и привести со своей стороны в действие статьи, более важные

¹ Thurloe, State-papers. T.I. - C.177. - Whitelocke. C.491, 492. - Wicquefort, Historie des Provinces-Unies. T.II. Доказательства. - C.397-402. - Le-Clere, Hist des Provinces-Unies. T.II. - C.311.

² 10 мая 1651 г. Thurloe, State-papers. T.I. - C.182. - Wicquefort, Historie des Provinces-Unies. T.II. - C.410-414.

и обещающие высшие последствия для блага обеих республик"¹.

Ясно, что с такой задней мыслью ничего нельзя было сделать: обе стороны поняли друг друга без объяснений. Из приличия, переговоры продолжались еще несколько дней, но 29 июня 1651 г. Сен-Джон и Стрикленд объявили, что парламент отзывает их и потребовал прощальной аудиенции. Аудиенция была дана им на другой день. Перед Генеральными штатами официальные речи Сен-Джона были умеренны и вежливы; но, расставаясь с голландскими комиссарами, с которыми три месяца велись у них переговоры, он сказал им: "Господа! Вы смотрите на исход наших дел в Шотландии и потому пренебрегаете дружбой, которую мы вам предлагаем. Могу вас уверить, что многие члены парламента были того мнения, что не должно нам сюда ехать, не должно отправлять никакого посольства, а прежде окончить наши дела с королем шотландским и потом ожидать ваших посланников к нам. Теперь я сознаю мою ошибку: члены парламента, думавшие так, как я сейчас сказал, были правы. Скоро вы увидите, что дела наши с шотландским королем будут покончены, и тогда явитесь к нам, через ваших посланных, добиваться того, что теперь мы вам здесь дружески предлагали. Поверьте мне, вы будете раскаиваться в том, что отвергли наши предложения"². Через два дня посланники оставили Голландию, отказавшись, согласно формальному предписанию парламента, от предложенных им Генеральными штатами богатых подарков, а 7 июля Уайтлок возвестил палате, что они возвратились в Лондон и готовы отдать отчет в возложенном на них поручении³.

¹ 16 июня 1651 г. Thurloe, State-papers. T.I. - C.188. - Wicquefort, Historie des provinces-Unies, Доказательства. - T.II. - C.415-418.

² Hist. de Corneille et Jean de Witt. T.I. - C.63. - Wicquefort, Historie des provinces-Unies. C.428. - Heath, A Brief Cronicle etc. C.524-527. - Thurloe, State-papers. T.I. - C.189-192.

³ Journals of the House of Commons. T.VI. - C.593, 595. - White-locke. C.496. - Le-Clerc, Hist des Provinces-Unies. T.II. - C.313.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

Две решительные меры последовали тотчас за принятием действительно представленного ими отчета: 5 августа Уайтлок предложил парламенту знаменитый билль, известный под названием акта мореплавания, который не позволял иностранным кораблям ввозить в Англию никаких припасов, кроме произведений земли и промышленности их собственной страны. Это был жесточайший удар, какой только мог быть нанесен Голландии, транзитная торговля которой развивалась и процветала. Прежде истечения года, билль был окончательно принят и приведен в действие¹. В то же время выданы были грамоты возмездия (*lettres de repaire sailles*) английским негоциантам для того, говорят, чтобы дать им возможность самим себя вознаградить за убытки, которые голландские морские силы заставят их понести. Соединенные Провинции не допустили завоевать себя посредством переговоров; теперь приготовили против них войну.

Уорчестерская победа исполнила меру гордой самонадеянности республиканского парламента, а континентальные государства своими действиями и положением, принятым ими после этого великого несчастья, постигшего роялистскую партию, стали оправдывать и усиливать эту самонадеянность. Со всех сторон налетели в Лондон декларации о признании республики, открытия официальных сношений, почти поздравления и дипломатические ласкательства. Тоскана, Венеция, Генуя, ганзеатические города, швейцарские кантоны, мелкие германские владетели присылали и сами принимали агентов². Из Швеции, Дании и Португалии чрезвычайные посланники привезли парламенту письма от своих государей, были представлены ему в торжественной аудиенции и приступили к деятельным пе-

¹ 9 октября 1651 г. Journals of the House of Commons. T.VI. - C.617; T.VII. - C.27. - Le-Clerc, Hist des Provinces-Unies. T.II. - C.313, 314.

² 16 сентября и 15 октября 1651 г., 25 февраля и 15 июня 1652 г., 8 февраля и 15 апреля 1653 г. Journals of the House of Commons. T.VII. - C.19, 28, 96, 142, 256.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

реговорам с ним частью об окончании несогласий, частью о вступлении в союз¹. Пораженная успехами республики, вся Европа, веря или не веря в ее будущность, принимала свои меры, чтобы жить с ней в ладу.

Мазарини не мог оставаться чуждым этому движению, потому что не было человека, который бы способен был так скоро, как он, преклониться перед силой, для того ли, чтобы привлечь ее и употребить в свою пользу, или для того, чтобы прикрыть от нее свои истинные чувства. Он возобновил свои попытки войти по-прежнему в дружественные отношения с Английской Республикой. Жантильё еще раз съездил в Лондон (в ноябре и декабре 1651 г.). Мазарини держал там множество тайных агентов из французов и англичан, одних для собирания сведений, других для того, чтобы завязать нити, из которых он надеялся извлечь со временем какую-нибудь пользу. Рвение его еще более усилилось, когда он узнал, что сэр Генри Вен приехал в Париж и имел разговор с кардиналом Ретцем. "Возвращаясь домой в одиннадцать часов вечера, - говорит кардинал, - я нашел у себя одного англичанина, Фильдинга, которого знал когда-то в Риме; он сказал мне, что Вен, сильный человек в парламенте и близкое доверенное лицо Кромвеля, только что прибыл в Париж и что у него есть поручение видаться со мною. Я был в некотором затруднении; мне казалось, что ни в каком случае я не должен отказываться от этого свидания, имея в виду то обстоятельство, что у нас нет войны с Англией и что даже кардинал униженно и долго заискивал у протектора. Вен вручил мне маленькое письмо от него, в котором заключалась только

¹ 23 января, 10 и 12 марта, 6, 25, 26 и 28 мая, 2 и 28 июля, 17 августа, 10, 14, 15, 17, 28, 29 и 30 сентября, 12, 14, 22 и 29 октября, 30 ноября, 15, 16 и 23 декабря 1652 г., 5 и 10 января, 1 и 22 февраля, 22, 23 и 30 марта, 7 и 8 апреля и 17 мая 1653 г. Journals of the House of Commons, T.VII. - С.77, 103, 104, 130, 135, 136, 137, 149, 159, 165, 177, 178, 182, 185, 186, 187, 190, 191, 194, 203, 223, 229, 230, 234, 243, 245, 252, 261, 269, 270, 273, 276, 277.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

просьба верить словам Вена. Сущность речи состояла в том, что чувствования, обнаруженные мною в защиту общественной свободы, вместе с репутацией, которой я пользуюсь, внушили Кромвелю желание подружиться со мной. Эта существенная мысль была украшена всеми учтивостями, предложениями и видами, какие только вы можете вообразить. Вен показался мне удивительно способным человеком. Я отвечал со всевозможной почтительностью, но, конечно, не сказал и не сделал ничего такого, что было бы недостойно истинного католика и доброго француза"¹. Мазарини думал об этом иначе, и из места своего изгнания писал королеве: "Кoadьютор всегда с благоговением говорил о Кромвеле как о человеке, Богом посланном в Англию, прибавляя, что он воздвиг бы таких же людей и в других государствах. А раз в хорошем обществе, где в числе других был Менаж, услышав, что восхваляют храбрость Бофора, он произнес выразительно: "Если Бофор - Ферфакс, то я - Кромвель"².

Мазарини превосходно умел, на гибель врагов своих, чернить их дела и речи, а вслед за тем, без зазрения совести, усваивать их же пример и их же оружие. Поставляя таким образом в глазах королевы в преступление коадьютору его чувства к Кромwelю, он в то же время сам добивался войти с Кромwelем в дружеские отношения. Будучи довольно проныщателен для того, чтобы понять, что в Англии Кромвель вмещал в себе все искусство и всю силу, он направлял свои заискивающие меры уже не к республиканскому парламенту, а к будущему обладателю республики. Кромвель очень рад был этому; он также непрерывно старался всюду приобретать себе сильных друзей. Еще в 1650 году Крулле говорил Сервёну: "Он очень ловко предоставляет другим хлопотать и заботиться о том, что производит громкий говор, а на себя берет только такие дела, которые обязывают; по крайней ме-

¹ Mémoires de cardinal de Retz. С.211 (изд. 1837 г., Париж, 8-ю д.л.).

² Письма кардинала Мазарини королеве Анне Австрийской (Брюль, 10 апреля 1651 г.), изданные Равенелем. - С.5, 6 (Париж, 1836 г.).

ре о них он распускает слух для того, что если они удадутся, то будут ему приписаны, а если нет, то пусть знают, что он желал того, но другие помешали успеху"¹. 5-го февраля 1652 г. граф д'Эстрад, все еще бывший губернатором Дюнкирхена, писал к Мазарини, который тогда уже возвратился во Францию и снова явился к королеве в Поатте: "Протектор² Кромвель прислал ко мне Фитц-Джемса, полковника своей гвардии, чтобы предложить мне условиться насчет Дюнкирхена, с тем что он дал бы мне за то два миллиона и взялся бы доставить пятьдесят кораблей и пятнадцать тысяч человек пехоты, чтобы объявить себя против Испании и против врагов короля и вашего превосходительства, желая, притом, войти с вами в тесную дружбу. Я отвечал Фитц-Джемсу, что если бы смуты и междоусобная война, происходящие во Франции, не обязывали меня послать известие королеве и вашему превосходительству, то я велел бы бросить его в море за то, что меня считают способным изменить моему королю, но что настоящее обстоятельство заставляет меня удерживать его у себя вперед до получения ответа от двора". Мазарини отвечал д'Эстраду: "Мое личное мнение было принять предложение Кромвеля, но Шатонёф воспротивился этому мнению, опроверг его перед королевой, и она не захотела согласиться... Я поручил г. де Ласу передать вам чувства, которые к вам питаю. Ваши интересы так же дороги мне, как мои собственные". Д'Эстрад понял и не потерял ни минуты. Через пять дней он написал Мазарини: "Получив от г. де Ласа письмо, поставившее меня в известность о намерениях вашего высокопреосвященства относительно предложения

¹ 20 июня 1650 г. Французские архивы иностранных дел.

² Я удивился, встретив титул протектора, уже присвоенный Кромвелю 5 февраля 1652 г. Подлинность и время письма графа д'Эстрада не подлежат сомнению. Я полагаю, что или иностранцы с этого времени уже считали Кромвеля протектором Английской Республики или, что вероятнее, название это, сделавшееся в декабре 1653 г. официальным титулом Кромвеля, было вставлено в текст писем графа д'Эстрада при издании их. Авт.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

Англии, я тотчас сообщил о том моему другу в Лондон и просил его дать ответ по содержанию моего письма как можно скорее. Сегодня утром он сам прибыл сюда и сказал мне от имени Кромвеля, что республика требует только, чтобы король признал их, немедленно назначив к ним посланника, и чтобы их подданным было заплачено то, что взято у них на море... Потом он сказал, что Кромвель поручил ему передать мне, что если ваше высокопреосвященство не можете оставаться во Франции, и если бы враги ваши принудили вас выехать, то он уверяет, что вы, пожелав удалиться в Англию, будете там приняты хорошо; республика окажет вам всякого рода почести; отведут вам приличный дом для пребывания, обеспечат вполне свободное отправление вашей религии, а когда вам будет угодно отъехать в Рим, то он даст для вас и для всего вашего экипажа корабли, которые бы перевезли вас, куда вы прикажете"¹.

Мазарини показалось, что он уже достиг цели своих желаний: скоро было послано д'Эстраду полномочие договориться о новом союзе с Английской Республикой... "И предполагал (сказано было от имени Людовика XIV), что Кромвель мог бы прислать к нам кого-нибудь, чтобы достовернее осведомиться о моих добрых намерениях, вы имеете открыться ему с полной доверенностью не только в том, что может быть предметом договора с республикой, но и в том, что будет касаться лично его Кромвеля, в видах как общего блага двух государств, так и его частных интересов, и вам дается этим право действовать, вести переговоры, уговариваться и обещать именем моим с означенным Кромвелем во всем, в чем признаете нужным, и все, что вы обещаете именем моим, будет мною утверждено и исполнено"². Однако

¹ Lettres, Memoires et Negociations du comte d'Estrades. T.I. - С.103-107. - Граф д'Эстрад кардиналу Мазарини (7 марта 1652 г.). - Французские архивы иностранных дел.

² Людовик XIV графу д'Эстраду (24 марта 1652 г.) Императорская библиотека. Бриэнские рукописи.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

д'Эстрад не выехал из Дюнкирхена, только месяц спустя после данного ему полномочия получил он точные инструкции и письмо от Мазарини, которым пояснялись они. Кардинал хотел дорого продать признание республики и согласиться на него не иначе, как в обмен на немедленное заключение трактата, который бы не только положил конец распрям, существовавшим между двумя государствами, но и доставил бы Франции прочный союз или, по крайней мере, тайную поддержку со стороны Англии против Испании. В этой надежде он уполномочил даже д'Эстрада возобновить дело об уступке Дюнкирхена англичанам. Узнав, без сомнения, через своих лондонских друзей, что нет большой надежды на успех, д'Эстрад уже не поехал туда. Вместо него почти такие же инструкции даны были Жантильё, которому сверх того было поручено передать Кромвелю письмо Людовика XIV следующего содержания: "Господин Кромвель! Посылая нарочно в Лондон г. Жантильё, камер-юнкера моего двора, с верительной грамотой к парламенту Английской Республики и к государственному совету, чтобы передать им мои дружеские намерения и изложить, как выгодно для того и другого государства жить в добром соседстве, в мире и согласии, я поручил ему доставить вам это письмо, чтобы уверить вас в моей готовности и полном расположении сделать то, что послужит к безопасности и свободе торговли, к взаимному благу и пользе обеих наций, и надеясь, что вы будете содействовать столь доброму делу, я поручил к сказанному г. Жантильё сообщить вам по этому предмету еще более и прошу вас верить ему, как человеку, к которому я имею полную уверенность"¹. Было ли посольство Жантильё невыполнено или втайне постигла его неудача, но последствий оно имело столько же, как и посольство д'Эстрада. С той и с другой стороны

¹ 1 мая 1652 г. Императорская библиотека. Бриэнские рукописи.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

делали только робкие попытки, не подвигаясь вперед. Однако Мазарини все более и более беспокоился и спешил. За несколько месяцев, в то самое время, когда он начинал эти переговоры, принц Конде и бордоские фрондёры также послали в Лондон двух агентов, Баррьера и Кюньяка, которым поручили просить поддержки со стороны республики и обещать за то свободную торговлю с Гиеной, некоторые льготы в пользу французских протестантов и даже уступку острова Олерона. Эти агенты сначала не имели вовсе публичного характера; они обращались ко всем значительным людям, в особенности к Кромвелю, разнося по всему Лондону свои просьбы и предложения. Но 31 марта 1652 г. председатель сообщил парламенту, что он получил письмо, "подписанное Людовиком Бурбоном и адресованное парламенту Английской Республики", и что этим письмом аккредитован Баррьер. Письмо было прочтено и передано государственному совету, который принял Баррьера и выслушал его предложения. Уайтлок доложил о них парламенту. Эта миссия, повидимому, принимала прочное положение: испанский посланник с жаром поддерживал ее; граф дю Доньйон, губернатор Бруажа, бывший в союзе с принцем Конде, также послал в Лондон агентов с обещаниями. Наконец город Бордо собственно от своего имени отправил двух особых депутатов, Бларю и Транкара, с поручением "просить у Английской Республики, как у государства сильного и справедливого, пособия людьми, деньгами и кораблями для поддержания города Бордо и его общины, находящейся в союзе с принцами, и не только для защиты их от притеснения и приготавливаемого им жестокого мщения, но и для того еще, чтобы восстановить их древние преимущества и дать им вздохнуть более свободным воздухом, чем прежде. Относительно же того, что господа члены парламента Английской Республики могут требовать для взаимных выгод, им предоставляют объяснить их желания и после, если нужно, могут дать им порт на реке Бордо для безопасного пристанища их кораблям, как например, Кастильйон, Ройян, Тальмон или Польгак, или, если

угодно, порт Аркашон, который они могут укрепить на свой счет. Можно даже позволить им осадить и взять Блей, чему наши войска будут содействовать по мере возможности. Они могут еще сделать высадку в Ла-Рошель и овладеть им"¹.

Парижский двор и совет были в величайшей тревоге; в то время, как в южных провинциях междоусобная война призывала таким образом во Францию иностранцев, война внешняя продолжалась в северных провинциях; испанцы деятельно вели осаду Гравелина; Дюнкирхен готов был пасть; вдруг пришло известие, что семь кораблей, отправленные в Кале с припасами и подкреплениями, остановлены и взяты в море английской эскадрой под командой адмирала Блэка. Напрасно все французские власти возбуждали самые настоятельные жалобы; напрасно великий адмирал, герцог Вандомский, писал к адмиралу Блэку, республиканскому государственному совету и даже парламенту²; они отвечали, что охранительные грамоты, данные французским правительством, причинили и причиняют английской торговле огромный ущерб, за который они решились приобрести или взять силою вознаграждение, и потому отказались освободить задержанные корабли³. Ясно, что парламент не желал купить признание республики за ту цену, которую Мазарини хотелось взять с него; он решился поддерживать между Францией и Испанией свой летучий нейтралитет, и постоянно склоняясь больше на сторону Испании, охотно пользовался всяким случаем дать почувствовать Франции, что он может вре-

¹ Journals of the House of Commons. T.VII. - С.112, 117, 129, 133. - Неизданные документы, относящиеся к дипломатической истории Франции, в *Revue nouvelle*. T.V. - С.381-393. - Thurloe, State-papers. T.I. - С.216, 224, 226, 250.

² 23 сентября 1652 г. Бризские рукописи (Императорская библиотека).

³ 12 декабря 1652 г. Journals of the House of Commons. T.VII. - С.175, 195, 224. Robert Blake. С.208-210.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

дить ей. Дон Алонзо де Карденья тщательно поддерживал это расположение в Лондоне. Действия Мазарини и посланные им сильно беспокоили его; о них он передавал точные сведения своему двору, побуждая его делать, со своей стороны, парламенту предложения и уступки, необходимые для того, чтобы предупредить всякое сближение между Англией и Францией. Он то старался ввести Испанию в тесный союз с двумя протестантскими республиками, Лондонской и Гагской, против Франции и Португалии, то просил свой двор помочь англичанам в предприятии против Кале с тем, чтобы они помогли испанцам в осадах Гравелина, Дюнкирхена и Мардика. Наконец он предпринял заключить между Испанией и Английской Республикой формальный дружеский трактат, прочно связующий два государства, и 20 сентября 1652 года послал в Мадрид проект, состоявший из двадцати четырех пунктов, который уже был им 12 числа представлен республиканскому государственному совету, и совет, казалось, не прочь был принять его¹.

Тесным такими опасностями, Мазарини решился наконец признать республику, уже не извлекая из того собственно в минуту признания никаких выгод. 2 декабря 1652 г-ну де Бордо, государственному советнику и интенданту Пикардии, дано было поручение доставить парламенту письмо короля и восстановить официальные сношения двух государств. В принятии и выполнении этой меры не было ни смелости, ни истинного расположения, и были заметны надменность и неловкое положение. В инструкциях де Бордо положительно сказано было, что он не посланник, и ему приказано было объявить об этом по прибытии в Лондон. Судя по инструкциям, казалось, что торговые интересы двух стран и возвращение семи кораб-

¹ Письма Карденьи Филиппу IV (23 января, 5, 15 и 25 февраля, 19 июля, 12 и 20 сентября 1652 г.). - Рассуждения мадридского государственного совета о депешах Карденьи (14 августа). Симанкские архивы. (См. в конце этого тома раздел "Исторические документы".)

лей, захваченных на пути в Дюнкирхен, были почти единственными предметами миссии. В самом деле, посланному предписывалось "не говорить ничего, могущего произвести разрыв или оскорбить англичан, чтобы не дать им предлога объявить себя врагами французской короны, так как его величество находит, что в настоящее время пусть лучше они плавают по морям и производят морские разбои, нежели предпримут что-нибудь еще худшее: соединят свои силы с испанцами и возьмут под свое покровительство мятежников"; но в то же время прибавлено было г-ну Бордо, что "если он не в состоянии будет ничего достигнуть по возложенному на него специальному делу, то он может возвратиться во Францию, не ожидая никакого приказания", между тем как в случае, если он увидит, что парламент благоприятно расположен и готов назначить комиссаров для пересмотра, вместе с ним, прежних трактатов, тогда он должен ожидать и "послать донесение его величеству, чтобы получить его повеление, с необходимыми полномочиями и инструкциями". В сущности, поступок был решительный и заключал в себе признание республики; но по естественному ли чувству опасения или из снисхождения к щекотливости королевы и двора, Мазарини хотел еще придать ему вид попытки, вид предварительного посольства, ограниченного и условного, в котором представляли себе возможность отступить и возвратиться¹.

Республиканская гордость тотчас разрушила эту маленькую хитрость. Когда председатель сообщил парламенту (14 декабря 1652 г.), что получил письмо от французского короля, то прежде всего подвергли рассмотрению надпись; она заключалась в словах: "Нашим любезнейшим и великим друзьям, членам парламента Английской Республики". Велено сказать г-ну Бордо, через церемоний-

¹ Французские архивы иностранных дел. - Бриэнские рукописи. Императорская библиотека. (См. в конце этого тома раздел "Исторические документы".)

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

мейстера, сэра Оливера Флеминга, что не в такой форме пишут парламенту иностранные государи и что письмо с таким адресом принять нельзя. Через два дня Бордо послал письмо с новым адресом: "Парламенту Английской Республики"; оно было скоро принято, и на 21 следующего декабря назначен прием г-на Бордо; но его предупредили, что, "не будучи посланником, он не будет иметь аудиенции ни в парламенте, ни в государственном совете, а только в комитете". Представившись действительно комитету, Бордо произнес: "Король французский, мой государь, признав за благо послать меня к парламенту Английской Республики, повелел мне приветствовать от него и уверить в его дружбе парламент, будучи в полной надежде найти в нем расположение, взаимно соответствующее его добрым намерениям. Союз, могущий существовать между соседними государствами, не зависит от формы их правления; поэтому, если Богу угодно было судьбами своими изменить бывшую прежде в этой стране форму правления, то это еще не допускает необходимости перемены в торговых сношениях и взаимном согласии между Францией и Англией. Это последнее государство могло изменить свой вид и из монархии сделаться республикой; но положение мест остается неизменным; народы все остаются соседями и по-прежнему заинтересованы друг другом посредством торговли; а трактаты, существующие между нациями, не столько обязательны для государей, как для народов, потому что главная их цель - общая польза". Таким образом, признав формально республику, Бордо скоро перешел к частному предмету своего посольства и, бросив мимоходом несколько фраз против происков Испании и о могуществе Франции, он заключил просьбою возвратить семь кораблей, удостоверяя парламент, что "его величество, считая правосудие главной опорой его скипетра и прочным основанием законной власти, не преминет приказать воздать должное всем англичанам, которые будут иметь справедливые претензии

против его подданных, и отменяя должное ему удовлетворение, примет все меры, могущие поддержать совершенное согласие между двумя государствами¹.

Узнав о поступке французского короля с республиканским парламентом, английская королева Генриэтта-Мария написала к своему второму сыну, герцогу Йоркскому: "Сын мой! Пишу это письмо, чтобы известить тебя, что так как отсюда послали в Англию для признания этих гнусных изменников, несмотря на все доводы, какие мы могли против этого представить, то король, брат твой, решился выехать отсюда и велел передать это королеве. Он еще ни на что не решился относительно тебя. Поэтому ты должен постоянно показывать вид, как будто ничего не знаешь об этом отпращивании; и если заговорят с тобой о нем, сказать, что ты не можешь этому верить... Признаюсь тебе, со времени моего великого несчастья, я еще ничего подобного не испытывала. Защити нас, Господь, святым своим покровом и дай нам терпение перенести этот удар!"². Карл II не оставил Парижа; от него этого не требовали, и производившийся ему пенсией, по 6000 ливров в месяц, был продолжен, но положение его делалось все более и более одиноким и грустным; с этой поры самые вернейшие его советники стали в иных местах искать себе убежища.

Казалось, республика торжествовала и во внешних делах, и во внутренних, в европейской дипломатии и в гражданской войне, но пагубное действие ее неблагоприятной и заносчивой политики с Соединенными Провинциями обнаружилось и бесконечно далеко превзошло все выгоды, какие могла она извлечь из признания ее Людовиком

¹ Journals of the House of Commons. T.VII. - С.228, 240, 233. - Французские архивы иностранных дел. Бриэнские рукописи. (Императорская библиотека).

² Шальё, 15 декабря 1652 г. Бриэнские рукописи. (Императорская библиотека). - Clarendon, Hist. of the rebell. Кн.XIII. - С.129; Кн.XIV. - С.54.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

XIV и из своего несовершенного нейтралитета между Францией и Испанией.

Голландские предводители, отвергнув предложения английских посланников и не захотев связать судьбу своего отечества с судьбой республики на этом смелом и шатком основании, совершили подвиг патриотизма и мужества и исполнили долг как в отношении к достоинству управляемой ими страны, так и в отношении к ее безопасности. Но они истинно желали мира и даже союза с Англией. Победа, одержанная парламентом при Уорчестере, и изданный им акт мореплавания, представляя им войну весьма вероятно и в то же время весьма опасной, побудили их испытать последнее усилие для избежания этой войны. Как только они узнали о бегстве Карла II после Уорчестерского поражения, в Генеральных штатах был предложен декрет, по которому никакой иностранный государь не мог вступать на их территорию без их формального согласия, и через некоторое время отправили в Лондон трех посланников с поручением возобновить переговоры, которые Сен-Джон и Стрикленд, покидая Гаагу, прервали так внезапно. В первую аудиенцию (19 декабря 1651 г.) главный из трех посланников, Якоб Катц, недавно бывший первым министром Соединенных Провинций, в длинной речи, которая была слишком льстива и потому неискусна, старался приобрести расположение парламента. Прием им сделан был очень пышный; церемониймейстеру поручено было встретить их на Темзе, в Гравезенде, в официально украшенных лодках; три члена парламента выехали к ним навстречу до Гринвича и на другой день проводили их в Вестминстер. При входе их в зал председатель и члены встали и сняли шляпы. Английские республиканцы желали воздать великие почести Республике Соединенных Провинций и распространить между двумя нациями убеждение, что они чувствуют к ней искреннюю симпатию. Но в то же время, полные гордости, смешанной со злобой, они слушали и опровергали предложения посланников с надменным упрямством власти, верующей в свою силу и жаждущей отомстить

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

за собственную ошибку в расчете, которую она принимает за нанесенную ей обиду. В обеих странах настроение народного духа согласовалось с этим расположением английского правительства. В Голландии, под влиянием ли духа оранжистов или под влиянием национального соперничества, народ ждал войны и, казалось, больше желал, нежели боялся ее. Рыбаки в устьях Мааса с патриотической верой рассказывали про бывшее им видение: "две морские армии явились в воздухе над их берегами и вступили в великий бой, который предзнаменовал торжество голландского флага". В Лондоне народ был еще более одушевлен: каждый день слышал он рассказы о неприязненных делах, происходивших на море между английскими и голландскими судами; то английская торговля подвергалась обидам и потерям, то она сама себе доставляла отважное вознаграждение насчет своих соперников; и не раз, возбужденный справедливыми или ложными слухами о подобных событиях, народ устремлялся к дому, занимаемому голландскими посланниками в Чельси, с такой решительной готовностью оскорбить тех, что парламент счел себя обязанным послать туда стражу для их безопасности¹.

В самих переговорах с каждым днем возрастали затруднения; возникали неожиданные вопросы; с обеих сторон предъявлялись то старинные, то новые претензии. Голландцы, недавно ставшие сильным государством, желали также и на море утвердить за собой полную независимость и снять с себя те признаки подчиненности, которые Англия имела право или считала себя вправе наложить на них. Англичане обвиняли своих королей из дома Стюартов в том, что они оставили или допустили вывести из употребления те внешние знаки их господства на море, которыми некогда, в особенности в славное царствование Елизаветы, их морские силы владели или хотели владеть. Салютование флагу, право ос-

¹ Journals of the House of Commons. T.VII. - С.45, 53-54, 56, 58, 64. - Whitelocke. С.512, 518, 521, 533. - Le-Clerc, Hist des Provinces-Unies. T.II. - С.314. - Wicquefort. То же. - T.IV. - С.307-310.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

мотра, право рыбной ловли сделались предметами жарких споров; чем больше длились эти споры, тем желание и тон англичан становились заносчивее; они стали без околичностей говорить о своем владычестве на морях, окружающих их остров. Голландские посланники, как по чувству чести, так и из благоразумия, объявили, что их правительство снаряжает огромный флот для прикрытия их торговли на этих морях; английские комиссары стали почти оспаривать у них это право, говоря, что они сами учредят морскую полицию на общую пользу. В то время, когда таким образом, разгорались споры об основных началах, фактическая вражда сама собою началась между двумя нациями; суда их уже не могли встретиться друг с другом, не обнаружив чем-нибудь неприязни. То приходило известие, что в голландских портах наложено эмбарго на английские корабли, то говорили, что голландский купеческий флот, возвращавшийся из Средиземного моря, не хотел опустить флага перед английской эскадрой и что комодор Юнг атаковал его, чтобы принудить к этому. С обеих сторон были потребованы и даны объяснения. Эмбарго в Голландии было снято, но досада, возбужденная им в Англии, не погасала. Голландские посланники старались смягчать раздражение и миролюбиво разрешать вопросы, но они не все трое были в одинаковой степени одушевлены этим желанием; замечали их несогласия и иронически называли их "разъединенными посланниками Соединенных Провинций". Тщетно настаивали они на уничтожении или, по крайней мере, на временном отменении акта мореплавания: парламент казался в этом отношении непреклонным, и вследствие ли внешних событий или вследствие оборота, который приняли сами переговоры, поддержание мира с каждым днем становилось сомнительнее и труднее¹.

Среди этих дипломатических волнений вдруг узнали,

¹ Journals of the House of Commons. T.VII. - C.103, 135, 139. - Whitelocke. C.512, 517, 522, 529, 530. - Robert Blake. C.189-191. - Wicquefort, Historie des Provinces-Unies. T.IV. - C.310-318. - Le-Clere. То же. - T.II. - C.314-316. - Heath, Cronicle. C.585.

что 12 мая в дюнах, при дуврских апрошах, голландский флот под командой Тромпа и английский флот под командой Блэка встретились и сразились. Узнав, что Тромп плавает в этих водах и опасаясь какого-нибудь неприязненного с его стороны намерения, Блэк направился туда и по прибытии тремя последовавшими пушечными выстрелами потребовал, чтобы голландский адмирал опустил свой флаг перед английской эскадрой. Тромп, не отвечая, пошел в открытое море. Он встретил шедший из Голландии пакетбот, который, без сомнения, привез ему приказания, потому что он вдруг поворотил назад и направился на Блэка, который, идя со своей стороны на Тромпа, возобновил свое требование. Тромп, как по крайней мере рассказывал английский адмирал, пустил в корабль "Джемс", на котором находился Блэк, залп, причинивший ему сильное повреждение. "Невежливо со стороны фон Тромпа, - сказал Блэк, - принять мой корабль за развратный дом и так перебить в нем стекла", - и он, в свою очередь, тотчас открыл огонь по "Бредероду", адмиральскому кораблю Тромпа. Завязавшееся таким образом дело продолжалось больше четырех часов. У Тромпа было сорок два судна, у Блэка только двадцать три. На корабле английского адмирала было больше пятидесяти человек убитых или раненых; голландская эскадра потеряла одно судно. С наступлением вечера Тромп отплыл к берегам Голландии, и на утро Блэк уже не видел перед собой неприятеля¹.

Два весьма различные впечатления произвела эта новость: в Лондоне - ярость, в Гааге - тревогу. "Тромп пришел хвастаться перед нами в наших водах, - говорили англичане, - он хотел заставить врасплох наш флот, чтобы атаковать и истребить его". "Тромпа пригнала к берегу

¹ Whitelocke. C.533-534. - Robert Blake. C.191-195. - Memoires of sir William Penn. T.I. - C.419-423. - Le-Clerc, Hist des Provinces-Unies. T.II. - C.315-317. - Wicquefort. То же. - T.IV. - C.318-320.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

бурная погода, - отвечали голландцы, - он удалился и готов был салютовать английскому флоту, в то время как к нему обратились с насильственным требованием и напали на него. Он только защищался и отступил, как только нашел возможность сделать это с сохранением собственной чести. Обладая превосходящими силами, он легко разбил бы английский флот, если бы имел это намерение". Эти ответы, особенно последний, встречены были в Лондоне с иронией, как ложь и почти как новое оскорбление. Народ резче прежнего выразил посланникам свою грубую неприязнь. Вдруг из Гааги прибыл (8 июня 1652 г.) четвертый чрезвычайный посланник, Адриан Пау, первый министр Провинции Голландии, уже известный и уважаемый в Англии, приверженец миролюбивой политики, человек благоразумный и сговорчивый; он привез от своего правительства самые убедительные отрицания всякого враждебного или оскорбительного для Англии намерения; он утверждал, что Тромп не имел никакой инструкции и вовсе не замышлял нападения на английский флот и что все происшедшее есть только следствие недоразумения и несчастной случайности. Он просил назначить следствие обо всем событии и о действиях обоих адмиралов, предлагая удалить Тромпа, если возводимая на него вина будет признана действительной; а между тем настаивал, чтобы переговоры были продолжены и доведены до конца. Пау приняли с большим уважением, но парламент и государственный совет в своих подозрениях и мнениях оказались непреклонными, и после многих совещаний, немного затрудненных настояниями голландских переговорщиков, они вдруг поставили предварительным условием, чтобы Соединенные Провинции вознаградили издержки, в которые они уже вошли, приготавливаясь к войне, и чтобы затем были продолжены переговоры. Рассмотрев ближе тогдашние факты и документы, нельзя не убедиться, что несмотря на происки оранжистской партии, предводители Соединенных Провинций искренне желали мира, между

тем как английские республиканцы, парламент и народ, по увлечению ли страсти или преднамеренно, упорно клонились к войне, в надежде утвердить свое первенство на морях или даже силой осуществить на Соединенных Провинциях свои честолюбивые виды, которые не удалось им выполнить путем дипломатическим. Поняв бесплодность своих усилий, Пау и его товарищи потребовали, наконец, прощальной аудиенции; они были приняты на другой день с большими почестями и выехали, передав парламенту бумаги, в которых их предложения и действия были, с точки зрения их, верно изложены и вполне оправданы. Через пять дней, 7 июля 1652 г., парламент обнародовал, с изложением своих причин, объявление о войне, а через две недели появился манифест Генеральных штатов, прини-
мавших гордо, хотя с сожалением, сделанный им вызов¹.

Хотя силы двух народов в сущности были весьма неравны, но они вступили в борьбу с одинаковым жаром и почти с одинаковой уверенностью. Флот Соединенных Провинций, по известности и искусству, стоял тогда выше английского флота; он образовался в течение более ста лет среди обширной торговли, среди завоевания отдаленных владений в Америке и Ост-Индии и обладания ими, среди трудных и опасных рыбных ловлей; их адмиралы в командовании большими флотами положили начало искусству правильных и сложных маневров, почти неизвестных в то время лучшим английским морякам, как признаются сами английские историки. Зато у англичан были корабли вообще больше и на них помещалось больше экипажа и орудий; народ этот был полон порывов самых энергичных: патриотизма, гордости, честолюбия и зависти, а для поддержания этих страстей он обладал страною, более на-

¹ Journals of the House of Commons. T.VII. - С.140, 141, 142-147, 149-150, 152. - Whitelocke. С.537. - Robert Blake. С.195-197. - Wicquefort, Historie des Provinces-Unies. T.IV. - С.322-324. - Le-Clere. - Там же. - Т.II. - С.318-320.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

селенной и более богатой, нежели Соединенные Провинции, и находившейся не под слабым и переменчивым управлением конфедерации штатов, а под единой властью революционного собрания, гордого своими внутренними успехами и привыкшего тратить людей и деньги для исполнения своих намерений. Блэк, месяц спустя после встречи его с Тромпом перед Дувром, имел под командой сто пять военных судов, на которых было три тысячи девятьсот шестьдесят одно орудие, и кроме экипажа, два полка пехоты. Голландцы были не менее деятельны в своих приготовлениях. Они наняли за счет государства все купеческие корабли больших размеров, заложили шестьдесят больших судов, вызвали к себе на службу за щедрую плату множество отличных иностранных матросов. И когда Тромп выступил в поход, у него был флот в сто двадцать кораблей, с которым, по убеждению голландских патриотов, можно было выгнать английский флот из всех морей¹.

21-го июня, прежде нежели голландские посланники оставили Лондон и война была официально объявлена, Блэк вышел из Дувра с шестьюдесятью кораблями, оставив товарища своего, сэра Джорджа Айскофа, защищать Ла-Манш, а сам направился к северу, частью для прикрытия многочисленных английских купеческих кораблей, возвращавшихся из Балтийского моря, частью для истребления голландских рыбаков, которые приплывали к берегам Шотландии и соседних островов для ловли сельдей. Этот промысел у голландцев был сильно развит; для него отправлялось огромное количество лодок с целыми семействами рыбаков; даже женщины и дети принимали в нем участие. Это было для бедного класса существование, а для государства - важная статья торговли и школа матросов. Более шестисот лодок различных размеров столпилось у северных берегов Шотландии, когда прибыл туда

¹ Robert Blake. C.197-202. - Penn's Memoires. T.I. - C.395-432.

Блэк; двенадцать голландских военных судов прикрывали эти рыболовные лодки. Внезапно напав на них с неизмеримо превосходящими силами, Блэк, несмотря на их мужественное сопротивление, потопил три судна, взял остальные девять, овладев шестьюстами рыболовных лодок, обложил их данью, состоявшей из десятой доли добычи и, по великодушному чувству человеколюбия, отпустил их с остальной добычей домой, внушив им, что они не могут являться в эти воды, если не получают на то дозволения государственного совета. Между тем Тромп, по возвращении голландских посланников, узнав от них о плане кампании английского адмирала и получив известие, что Блэк двинулся к северу, вышел из Текселя и быстро направился к Па-де-Кале с семьюдесятью девятью военными судами и десятью брандерами, рассчитывая разбить слабейший, в сравнении с ним, флот Айскофа и потом по берегам Англии сделать высадку или произвести опустошение. Страшная тревога распространилась в Лондоне и в соседних графствах; вооружилась милиция графства Кент; во многих прибрежных пунктах наскоро построили батареи; к Блэку слали гонца за гонцом с известиями о том, что происходило в Ла-Манше, с предписаниями немедленно возвратиться. Природа оказала парламенту помощь, которую Блэк не успел бы подать ему: посреди Па-де-Кале эскадра Тромпа была застигнута штилем, лишившим ее возможности двинуться с места, а когда штиль прекратился, поднялся ветер с берега, и такой сильный, что несмотря на все искусство и стойкость голландских моряков, им не было никакой возможности достигнуть английских берегов и атаковать Айскофа, укрывавшегося на своих рейдах под защитой береговых утесов. Отказавшись от исполнения того, что невозможно было исполнить, Тромп двинулся со своим флотом к северу, надеясь найти Блэка в разъединении с Айскофом, вдали от мест, из которых он мог бы получить подкрепление, и рассчитывая таким образом нанести самому английскому адмиралу поражение, которого избег его товарищ. Действительно, 5 августа голландский флот встретился с англий-

ским флотом между Оркадскими и Шетландскими островами. Англичане были ослаблены, потому что Блэк, по полученным из Лондона известиям, послал восемь кораблей на юг для подкрепления Айскофа; но, несмотря на то, он не стал уклоняться от сражения и уже делал на своем адмиральском корабле "Resolution" приготовления к нападению на Громпа, как вдруг заметил признаки, предвещавшие бурю. Предвидя, что в тот день невозможно будет сражение, он приказал капитанам своих кораблей как можно надежнее укрыться в маленьком архипелаге Шетландских островов и там ожидать следующего утра. Буря настала и продолжалась всю ночь с такой страшной силой, как редко бывает даже в этих юдах; ветер, дождь, гром и темнота отнимали всякую возможность какого-нибудь согласного маневра и даже сообщения между кораблями. Голландский флот был рассеян и ужасно разбит; многие суда совсем погибли в море и у берегов, другие занесены к самой Норвегии; брандеры разбиты в куски, и когда рассвело, Тромп, вместо приведенной им прекрасной эскадры, увидел с палубы своего адмиральского корабля "Vrede gode" только носившиеся по воле ветра суда с изломанными мачтами, с лоскутьями парусов и едва боровшиеся с покрытым обломками морем. Он успел собрать только сорок два судна и с ними, полный отчаяния, возвратился в Голландию, где встретили его изумление, горесть и несправедливый гнев народа. Блэк, флот которого гораздо меньше пострадал, преследовал голландцев в продолжение их отступления и, не успев настигнуть и поразить их, с оскорбительной смелостью прошел вдоль западных берегов Содиненных Провинций, потом возвратился в Ярмут с отнятыми у неприятеля судами и девятьюстами пленными¹.

Тромп был горд и щекотлив: уязвленный и проник-

Robert Blake. C.202-207. - Penn's Memorials. T.I. - C.432-435. - Whitelocke. C.538-542. - Heath, Cronicle. C.597-589. - Le-Clere, list des Provinces-Unies. T.II. - C.320-321. - Wicquefort. То же. - IV. - C.331-333.

шийся негодованием вследствие ропота, поднявшегося против него потому только, что тишь и буря, одна после другой, помешали ему настичь неприятеля, он сложил с себя начальство над флотом. Впрочем, он придерживался оранжистской партии, и господствовавшие тогда предводители республиканской аристократии не старались его удерживать; они надеялись найти ему преемника, который достоин будет занять его место. Незадолго перед тем они отдали часть своих морских сил под команду Михаэля Рёйтера, человека темного происхождения, пользовавшегося народной славой, любимого матросами, чуждого политических партий и всегда готового служить своему отечеству и скромно, и мужественно. Вступив на свой корабль "Нептун" (10 августа 1652 г.), Рёйтер тотчас вышел из Ла-Манша с тридцатью судами, встретил на высоте Плимута английский флот под командой Айскофа, состоявший из сорока судов, больших размеров и лучше вооруженных, нежели его суда, внезапно напал на него (30 августа 1652 г.) и принудил его отступить в портсмутский порт, оставив голландцев господствовать в открытом море. Рёйтер сам, в припадке скромности, изумился своему успеху. "Когда Бог захочет вдохнуть мужество, - сказал он, - тогда только и одержишь победу: тут дело Божьего промысла, которое люди не сумеют объяснить". Парламент, недовольный Айскофом, отстранил его от командования, но без строгости, дав ему в награду 300 фунт. стерл. и столько же годового дохода с земель в Ирландии. Эскадру его отдали под команду Блэка. Генеральные штаты, со своей стороны, решившись энергично продолжать войну, вскоре после отставки Тромпа вооружили новую эскадру, и один из самых отважных предводителей аристократической партии, Корнелий Витт, назначен был адмиралом этой эскадры. Он был храбр до крайности и весьма опытен в морском деле, но жесток, вспыльчив, упрям и в то же время непредусмотрителен, не совсем любим матросами, которые боялись его строго-

сти и не верили в его счастье. Этот выбор был сочтен более политическим, нежели военным, и возбудил недовольство между друзьями Тромпа, которых было очень много во флоте. Еще не выходя в море, когда только садились на суда, Витт уже должен был употребить строгость против нескольких непокорных. Рёйтер получил приказание присоединиться к нему и быть под его начальством. Их силы, соединившиеся 3 октября 1652 г. между Дюнкирхеном и Ньюпортом, простирались до шестидесяти четырех судов. Блэк уже несколько дней крейсировал недалеко от этих мест, предводительствуя эскадрой в шестьдесят восемь судов и ища врага и боя. Узнав 8 октября, что голландский флот виден на северо-восток от Дувра, он быстро вышел перед своим флотом, подал кораблям сигнал сбора, а на своем отдал приказ: "Как только несколько наших соединится с нами, тотчас идти прямо в середину неприятелей". В военном совете, бывшем накануне на голландском адмиральском корабле, Рёйтер подал мнение, что нужно скорей избегать, нежели искать сражения. Он находил, что многие корабли эскадры в плохом состоянии и недостаточно снабжены снарядами. Может быть, он и не вполне верил доброму расположению всех экипажей и даже всех офицеров. Корнелий Витт решительно стоял на том, чтобы дать сражение; и хотя в предшествовавшую ночь буря отнесла от него многие суда, которые не успели снова соединиться с ним, он принял атаку Блэка с жаром, которого пятичасовая несчастная борьба не охладила ни на минуту. Два голландских корабля пошли ко дну при первом ударе, другие два взяты на абордаж; многие капитаны медленно и вяло исполняли приказания адмирала. В начале дела он хотел поднять свой флаг на корабле, недавно бывшем адмиральском корабле Тромпа, но нерасположение экипажа обнаружилось в такой степени, что он отказался от этой мысли и остался на огромном и тяжелом корабле Ост-Индской компании. Рёйтер с находившимся под его командой

авангардным дивизионом оказал чудеса искусства, мужества и самоотвержения. Витт своей непреодолимой храбростью привел даже врагов своих в восторженное изумление. Но усилия их были напрасны; перевес всюду остался на стороне англичан, и когда ночь покрыла обе эскадры, совершенно различные чувства пробудились на той и на другой: на английских кораблях кипела деятельность самоудовлетворения и надежды; офицеры и матросы со всем усердием хлопотали об исправлении повреждений; собирали снаряды, готовились к завтрашнему бою; у голландцев, напротив, господствовало страшное недовольство и тревога. Витт снова собрал военный совет; он хотел с рассветом возобновить сражение, но из полученных, одно вслед за другим, сведений узнал, что двадцать капитанов, не ожидая никакого приказа и не дав никакого известия, под прикрытием ночного мрака отделились от флота и отплыли неизвестно куда. Рёйтер и все члены совета объявили, что вторая битва невозможна; надо было отказаться от нее и направиться к Голландии, чтобы там в портах и исправить эскадру, и получить от Генеральных штатов новые инструкции. Блэк преследовал голландцев, но не успел совершенно настигнуть их и несколько дней держался вдоль их берегов, гордый своей победой и жадно желая довершить ее¹.

Несчастье и страх учат народ быть справедливым. Вся Голландия вспомнила о Тромпе; он не сделал всего того, чего от него ожидали, но его не разбили; его одолела буря, а не англичане. Между тем, он двадцать лет водил голландские флоты против испанских флотов; он завоевал на море независимость своего отечества. Все знали, что

¹ Robert Blake. C.208-215. - Penn's Memorials. T.I. - C.435. - Journals of the House of Commons. T.VII. - C.166. - Whitelocke. C.512-543. - Le-Clere, Hist des Provinces-Unies. T.II. - C.321-344. - Wicquefort. То же. - T.IV. - C.333-336. - Vie de Ruyter par Gerard Brandt. (Амстердам, 1698 г.). - C.18-23.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

он заклятый враг английских моряков, потому что еще в детстве был взят в плен английским крейсером, который больше двух лет держал его у себя на корабле. Общий голос побуждал Генеральные штаты сноваверить ему команду над флотом. Датский король, возмущаясь морским преобладанием Англии, употребил свое влияние в Гааге, чтобы склонить на это штаты. Тромп был призван; все морские силы государства отданы под его команду: Корнелий Витт, Рейтер, Эвертц и Флоритц, славнейшие голландские моряки, даны ему в качестве вице-адмиралов. Витт отказался, ссылаясь на нездоровье; он в самом деле был болен усталостью, печалью и досадой. Рейтер охотно согласился. Нашелся союзник, более блестящий, нежели сильный, - Карл II, который предложил Генеральным штатам свою службу в качестве простого волонтера на одном из кораблей их эскадры. По его словам, он был уверен, что многие капитаны английского флота ждут только случая перейти к нему и воспользуются тем, что увидят его перед собою. На совете Иоганн Вит, бывший тогда первым министром Провинции Голландии, отклонил Генеральные штаты от принятия этого предложения. Если они не хотели поставить судьбу свою в зависимость от республики-цареубийцы, то еще более не должны были мешать свое дело с делом изгнанного короля. Когда таким образом штаб был сформирован, Тромп с жаром принялся за дело, чтобы скорей исправить эскадру; все порты, все арсеналы Соединенных Провинций раскрыли свои средства. Парламент и Блэк думали, что несколько месяцев не потребуется с их стороны новых усилий: тогда именья морская кампания самым храбрым морякам казалась почти невозможной; Многие части английского флота были посланы на их отдельные стоянки - к Балтийскому орию, на север Шотландии, к западному входу в Ла-Манш. Блэк, скромный даже среди славных успехов и эстоянно беспокоившийся о лежащей на нем ответственности, просил парламент назначить к нему морскими ко-

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

мандирами двух опытных генералов, которые бы разделяли с ним труд командования. Монк и Дин получили это назначение, но они еще заняты были завершением покорения Шотландии, и Блэк, в ожидании их прибытия, крейсировал со своей эскадрой между графством Эссекс и Гампшейром, как вдруг дошел до него слух, что сильная голландская эскадра выступила под командой Тромпа, и через несколько дней с юта своего корабля "Триумф" завидел он эту эскадру, шедшую на всех парусах между Дувром и Кале. Она состояла из семидесяти трех судов, а у Блэка было только тридцать семь. Он созвал на своем корабле военный совет, больше для того, чтобы дать капитанам инструкции, нежели для того, чтобы советоваться с ними, потому что он уже решился вступить в сражение; он передал им свою пламенную уверенность, и на другой день (30 ноября 1652 г.) завязалась битва с равным с обеих сторон ожесточением. Это был ряд отдельных схваток, тяжесть которых преимущественно падала на Рейтера, Эвертона и Тромпа со стороны голландцев и на Блэка со стороны англичан. Блэк некоторое время был окружен множеством неприятельских кораблей, которые схватывались с ним три раза и три раза были отражаемы. Если бы не неизменная стойкость двух его судов *Saphyr* и *Vanguard*, которые подоспели к нему на помощь, английский адмиральский корабль пал бы под ударами превосходных сил неприятеля. Туман и ночь разлучили наконец две эскадры, но эскадра Блэка уже была вне возможности биться: два ее корабля, "*Garland*" и "*Fortune*", после самого энергичного сопротивления достались в руки голландцев; многие другие, потеряв мачты и снасти и лишившись экипажа, не могли держаться в море. Блэк отступил в воды Темзы, чтобы исправить свои суда, послать за рассеянными по разным местам частями флота и безопасно ожидать их возвращения. Тромп прошел победителем по всему Ла-Маншу с привязанной к вершине грот-мачты метлоу, издеваясь таким образом над англий-

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

скими морскими силами в тех самых водах, где они считали себя полными властелинами. Генеральные штаты, проникшиеся гордостью еще больше, нежели их адмирал, официально известили иностранные государства о своей победе и положили запрет на всякое сношение и сообщение с Британскими островами, считая себя в силах держать их таким образом в блокаде¹.

Блэк объявил о своем поражении без утайки и смущения, с самоотвержением твердым и грустным. "Считаю обязанностью, - писал он государственному совету (1 декабря 1652 г.), - довести до вашего сведения, что много было низостей не только между купеческими судами, но и на многих государственных кораблях. Я прошу убедительно послать кого-нибудь для беспристрастного и строгого исследования образа действий многих командиров, чтобы вам было известно, кому именно можно и кому нельзя доверять. Потом будет время устранить другие причины зла, в особенности недостаточное число матросов и упадок их духа... Что касается собственно меня, то надеюсь, что вы не найдете неуместной мою покорнейшую просьбу снять с меня, вашего недостойного слуги, бремя слишком тяжелой по моим силам обязанности... так, чтобы я мог провести остаток жизни вдали от дел, моля только Бога о ниспослании его благословения на вас и на наш народ". Государственный совет исполнил все, о чем просил Блэк, кроме того, что он просил собственно для себя. Три члена совета были посланы на флот и подвергли строгому исследованию образ действий офицеров; многие из них были уволены от службы, некоторые даже арестованы; родной брат адмирала Вениамин Блэк, заподозренный в небрежном исполнении своего долга, был разжалован и удален с флота. В то же время все суда, какие только можно было взять из соседних портов, потребова-

¹ Robert Blake. C.216-225. - Penn's Memorials. T.I. - C.456-460. - Whitelocke. C.551. - Clarendon. Hist. of the rebell. Кн.XIII. - Ст.164-166. - Le-Clere, Hist des Provinces-Unies. T.II. - C.324. - Wicquefort, То же. - T.IV. - C.236. - Vie de Ruyter. C.24. - Heath, Cronicle. C.611.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

ны на соединение с флотом. Решили, что число экипажей и морских войск будет простираться до тридцати тысяч человек. Отовсюду брали материалы, необходимые для вооружения и исправления снастей. Монк и Дин получили приказание быть готовыми сесть на суда, чтобы принять участие в ответственности и опасности флота. Что же касается самого Блэка, то государственный совет написал ему, что "отнюдь не соглашаясь на его просьбу об отставке, он дает ему все требуемые им силы и предоставляет полную свободу употреблять их по его усмотрению, как признает полезным для собственной защиты и на службу республики"¹.

Через два месяца после понесенного поражения Блэк вышел из устьев Темзы с шестьюдесятью военными судами. Два опытейшие в целой стране моряка, Пэнн и Лаусон, командовали у него один авангардом, другой - аррьергардом; при нем находились два мужественнейших генерала сухопутной армии, Монк и Дин, и тысяча двести человек испытанного в боях войска; сверх того, еще двадцать судов, пришедшие из Портсмута, соединились с ним в Па де Кале. Республика еще ни разу не выставяла в море такого многочисленного, так хорошо вооруженного и так хорошо предводительствуемого флота. Блэк направился к западу Ла-Манша, полный нетерпения и надежды скоро встретить неприятеля; он знал, что около этого времени Тромп должен возвращаться от западных берегов Франции, куда ходил он для прикрытия и для сопровождения в Голландию богатого каравана купеческих судов, собравшихся около острова Рэ. Действительно, 18 февраля 1653 г., рано утром, между мысом Гаг и полуостровом Портландом показался голландский флот, и сам Блэк со своего адмиральского корабля "Триумф" один из первых завидел его приближение. Семьдесят пять военных судов и шедшие под их защитой двести

¹ Penn's Memorials, T.I. - C.456-466. - Robert Blake, - C.225, 228. - Whitelocke, C.551. - Journals of the House of Commons, T.VII. - C.222.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

пятьдесят купеческих кораблей покрывали вдали море. В эту минуту в соединении с Блэком были оба вице-адмирала, Пэнн и Лаусон, но не вся его эскадра; между прочим, Монк с одним дивизионом оставался позади. Тромп узнал минутное превосходство своих сил и, приказав прикрываемому им каравану отойти в сторону, решился тотчас же вступить в бой. В то же время Блэк шел на него, и корабль "Триумф" послал залп кораблю "Brederode" Тромп выдержал огонь, не отвечая на него, но когда два корабля сошлись на ружейный выстрел, голландцы дали англичанам свой первый залп, потом, повернув борт, - другой и вдруг, снова зарядив орудия, обошли неприятеля и пустили в другой его борт третий залп, который в снастях и экипаже "Триумфа" произвел страшное опустошение. Увидев адмиральский корабль в огне и обломках, вице-адмирал Пэнн быстро явился к нему на помощь и, в свою очередь, напал на Тромпа. Вся английская эскадра постепенно собралась, и жестокий бой завязался по всей линии флотов. Он продолжался весь день с переменным счастьем, которое с каждым часом усиливало рвение сражавшихся и то на той, то на другой стороне возбуждало надежду на торжество. Тромп, Рёйтер, Вильдт, Крёйк, Сверс - со стороны голландцев; Блэк, Пэнн, Лаусон, Баркер - со стороны англичан оказали чудеса мужества и стойкости. Рёйтер, окруженный англичанами в ту минуту, когда он взял на abordаж один из их кораблей, едва сам не попал в их руки. Ни один из английских кораблей не пострадал до такой степени, как адмиральский корабль. Капитан этого корабля Андрей Балль и адмиральский секретарь Спарро были убиты подле самого адмирала; больше половины экипажа погибло под ударами голландцев; сам Блэк был тяжело ранен в бедро пулей, которая после него еще ударила в стоявшего за ним генерала Дина. Впрочем, с приближением вечера Блэк, считая перевес за собой, приказал нескольким судам направиться к голландскому каравану и не дать ему ускользнуть. Тромп заметил этот маневр и скоро отступил с главной частью своей эскадры для прикрытия каравана. Наступила

ночь и прекратила все действия. На рассвете следующего дня Тромп расположил свою эскадру так, чтобы обезопасить от неприятеля караван, и пошел к Кале; Блэк пустился за ним со всеми своими силами, настиг его около полудня, и битва возобновилась с прежним ожесточением. Рёйтер, все тот же храбрейший и неутомимейший из голландцев, еще раз едва не попал в руки англичан и был обязан своим спасением только бдительности Тромпа, который, увидев его в страшной опасности, тотчас дал приказание подкрепить и выручить его. Но усилия голландского адмирала на одном не могли сосредоточиться: он должен был, сражаясь, беспрестанно прикрывать караван и мало-помалу приближаться к берегам Голландии, чтобы поставить его, наконец, вне опасности. Второй день был для него не так счастлив, как первый: четыре или пять судов у него были взяты или истреблены. Вследствие ли недоброжелательства партии или из слабости, некоторые его капитаны при наступлении вечера велели сказать ему, что у них нет пороха и что они не могут больше участвовать в сражении. Он приказал им удалиться в течение ночи, боясь на другой день измены или какого-нибудь заразного примера трусости. Блэк, заметив на другой день, что голландская эскадра уменьшилась, с новым жаром возобновил и нападение на Тромпа, и преследование каравана. Ни искусство, ни энергия голландского адмирала не ослабели ни на минуту; он продолжал биться, с величайшим трудом собирая расстроенный караван и постепенно отступая вдоль французских берегов, чтобы достигнуть наконец берегов своего отечества. Он достиг их, наконец, на четвертый день, благодаря своей разумной и неодолимой твердости, потеряв, однако, по отзывам голландцев, девять кораблей военных и двадцать четыре купеческих, а по уверению англичан, семнадцать судов военных и более сорока купеческих. Генеральные штаты в этом несчастье показали себя достойными геройских заслуг их флота, потому что явили полную справедливость: не только они выразили свою признательность Тромпу, Рёйтеру, Эвертону и Флоритцу, но, чтобы

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

отблагодарить их блистательно, сделали им подарки, а отдельные штаты Провинции Голландии прибавили еще особые подарки собственно от себя. Парламент, со своей стороны, предался, может быть, уже чересчур шумно порывам радости: он не только объявил командирам эскадры официально благодарность и принял меры, сначала посредством подписки, потом от имени государства, к обеспечению семейств моряков и солдат, павших в сражении, но еще предписал по всей республике совершить торжественное благодарственное молебствие. Отовсюду, где были высажены на берег голландские пленные, их вели на Лондон под прикрытием кавалерийских отрядов, и во всех городах, когда они проходили через них, звонили в колокола, чтобы славить победу, перед которой было столько тревоги и которая стоила таких огромных усилий¹.

Эта победа была в одно и то же время и действительная, и пустая: то была только новая перемена в борьбе, уже и без того обильной переменами, а не одна из тех торжественных побед, которые исчерпывают вопрос и решают судьбу государств. Еще недавно победоносные, Соединенные Провинции были теперь побеждены, но не подавлены. Скоро стало известно, что в их портах готовится новая эскадра. Из каждого сражения, кто бы ни остался в нем победителем, война снова возникала еще губительнее, еще ожесточеннее.

Католические континентальные державы, в особенности Франция и Испания, с тайным удовольствием смотрели на эту жаркую борьбу двух протестантских республик, к которым они, несмотря на свою угодливость, питали только недоверчивость и недоброжелательство. Английский парламент не умел ни остаться истинно нейтральным между па-

¹ Whitelocke. C.551. - Robert Blake. C.230-244. - Parl. Hist. T.XX. - C. 116-121. - Penn's Memorials. T.I. - C.472-485. - Wicquefort, *Historie des provinces-Unies*. T.IV. - C.336-339. - Le-Clere. То же. - T.II. - C.328-331. - Vie de Ruyter. C.28-32.

рижским и мадридским дворами, ни обеспечить себе решительным выбором один из двух союзов; при своей нерешительности, он постоянно склонялся на сторону Испании, бездейственная и падающая политика которой не могла дать ему никакой существенной помощи, а Франции он показывал только неприязненную холодность, тогда как эта держава, при ее честолюбивой деятельности и возрастающей силе, могла бы сделаться для него полезной союзницей. Оба двора оставались неподвижными, стараясь скорее разжигать, нежели утолять войну. Протестантские северные дворы, в том числе Дания и Швеция, разделялись между двумя республиками-соперницами. Датский король Фридрих III сначала видимо занесивал расположение в Лондоне, а потом принял сторону Соединенных Провинций, с которыми связывали его торговые интересы и прежние трактаты. Шведская королева Христина показывала более расположения к Британской Республике, но не высказывала и не давала ей никакой поддержки. Честолюбивая и недалёковидная надменность республиканского парламента расстроила все внешние сношения Англии и ввела ее в политику, которая поссорила ее с естественными друзьями, не доставив ей ни одного союзника¹.

Внутри республики эта политика народу стоила огромных налогов, а новому правительству внушала усиленную тиранию. Надо было постоянно содержать армию на военном положении для защиты республики от домашних недоброжелателей и беспрестанно усиливать флот для защиты страны от внешних врагов. В декабре 1652 г. парламент назначил для этой двойной издержки в течение следующего года по 120 000 фунт. стерл. (три миллиона франков) в месяц, из которых 80 000 фунт. стерл. на сухопутную армию и 40 000 фунт. стерл. на флот, а в продолжение 1653 г. несколькими частными постановлениями парламента этот бюджет,

¹ Le-Clere, Hist des Provinces-Unies. T.II. - С.326-327. - Wicquefort. Там же. - T.IV. - С.353-361. - Journals of the House of Commons. T.VII. - С.103, 104, 119, 133, 135, 137, 149, 182, 190, 191, 194, 203, 234.

ЧАСТЬ II. КНИГА ТРЕТЬЯ

признанный недостаточным, еще возвышен. А так как общественные налоги, хотя очень уж тяжкие, еще не соответствовали таким потребностям, то беспрестанно надо было прибегать то к новым продажам коронных и церковных имуществ, то к новым конфискациям доходов с имений или даже самих имений виновных роялистов. В ноябре 1652 г. парламент постановил: парки и замки Уиндзор и Гемтон-Корт, Гайд-Парк, парк Гриничский и Соммерсет-Гоуз продать и вырученные деньги употребить на морские расходы; были также предложены билли о продаже королевских лесов и даже некоторых церквей, которые предполагали разрушить. Многие из этих мер не имели последствий или позже были отменены, но конфискации или штрафы, наложенные на роялистов, постоянно были взыскиваемы со всей строгостью. В 1651 г. в то самое время, когда прерваны были переговоры с Соединенными Провинциями, семьдесят богатых кавалеров были приговорены к конфискации всех их имуществ, вещественных и личных. В продолжение следующего года, при требовавшихся военных расходах, еще двадцать девять кавалеров подверглись той же участи, а шестистам восьмидесяти двум дозволено выкупить их секвестрованные имения, но не иначе, как с уплатой республике в течение четырех месяцев третьей части стоимости этих имений. Гражданская тирания бралась удовлетворить нуждам, которые создавала дурная внешняя политика¹.

Единое и бесспорное правительство не захотело бы долго переносить это бремя. Республиканский парламент, среди своей лихорадочной восторженности, был слаб и шаток, потому что в нем действовали страшные внутренние несогласия, а Кромвель, могучий и в то же время праздный, только и делал, что пользовался его ошибками и рыл под ним яму.

¹ Journals of the House of Commons, T.VI. - C.604; T.VII. - C.160, 211, 212, 216, 222, 224. - Parl. Hist., T.XX. - C.103, 113. - Scobell, A Collection of acts and ordinances, C.156-210.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

I

(К странице 290)

ДЕ КРУЛЛЕ КАРДИНАЛУ МАЗАРИНИ

Лондон, 21 июня 1649 г.

...На банкете, который город дал парламенту и офицерам армии, предполагалось раздать несколько почетных знаков, что отложено было до другого времени. Когда прибыл туда председатель, его встретил лондонский мэр и, как бы признавая в лице его верховную власть государства, — так как он был главой парламента — вручил ему жезл и шпагу, что прежде делали королям...

(Французские архивы иностранных дел)

II

(К странице 400)

ДОН АЛОНЗО ДЕ КАРДЕНЬЯ ДОНУ ИЕРОНИМУ ДЕ ЛА ТОРРЕ

Лондон, 30 июня 1650 г.

Милостивый государь,

Я очень нуждался в благосклонном уведомлении меня о том, что вы пишете мне в письме вашем от 25 октября, которое дошло до меня вместе с депешей его величества от 24 числа, потому что, как вижу из него, мне должно будет еще долго ждать и долго страдать. Здесь очень недовольны

медленностью удовлетворения, которого они требовали, и у меня нет человеческих средств успокоить их... Всего прискорбнее для меня видеть, что все усилия мои будут совершенно напрасны, что интересы его величества подвергнутся неприятности, и что мы лишимся важной выгоды поддерживать разъединение между здешним правительством и нашими неприятелями. Когда будут искать средства против зла, то увидят, что случай прошел и что приказания даны слишком поздно. Я сильно опасюсь, чтобы этот несчастный случай убийства Ашама не послужил причиной многих затруднений и неприятностей, если только не накажут виновных, которые так охотно и так слепо подверглись столь явной опасности и лишили нас всех выгод, которые могли мы извлечь из Англии. В самом деле, чрезвычайно удивительно, что до сих пор еще не найдены средства покончить с таким ужасным происшествием и что в Испании есть члены духовенства, которые оправдывают преступление, не делая никакого различия между случаями частными и преступлением, столь публичным и столь важным, преступлением, которое оскорбляет авторитет его величества, унижает интересы государства и которое может быть причиной множества неприятных последствий.

Что касается шотландской войны, я могу вам сказать, что, независимо от осады эдинбургской крепости, которая уже зашла далеко, здесь получено известие о другой победе генерала Кромвеля над шотландцами, потерявшими в этом случае три тысячи человек убитыми, ранеными и пленными. Из Ирландии извещают, что католики, видя, что им невозможно держаться, намереваются послать в парламент депутатов с целью попробовать заключить с ним договор и получить возможно лучшие условия.

(Симанкские архивы)

III

(К странице 400)

ЛЮДОВИК XIV К КРОМВЕЛЮ

Сен-Жермен, 2 февраля 1649 г.

Господин Кромвель! Я так глубоко тронут дурным положением моего брата, дяди и кузена, короля великобританского, что не могу скрывать это долее, не узнав истинных намерений тех людей, которые держат его королевскую особу в своей власти, потому что не могу себе представить, чтобы то, что здесь говорится, могло иметь другую цель, кроме его оправдания, к стыду его обвинителей. И так как вы один из тех, которые могут много в этом помочь, то я пишу к вам в особенности, по совету правительствующей королевы, нашей государыни и матери. Письмо это передаст вам Варенн, член моего государственного совета и один из моих придворных кавалеров, которого я посылаю нарочно, с целью сообщить вам, что у вас есть случай отличиться, совершив должный подвиг в пользу вашего государя, воспользовавшись властью, которую оружие дало вам над ним, дабы восстановить его в достоинстве и правах. Это для вас было бы выгодно, ибо доставило бы вам заслуженную награду и возвратило бы благосостояние вашему отечеству, о спокойствии которого вы должны заботиться: исполнением этого вы меня обяжете и приобретете мое к вам доброе расположение. Мне очень хочется знать ваше мнение и думать, что вы воспользуетесь случаем возвратить вашему государю принадлежащие ему знаки величия и власти, совершив славный подвиг, который сделает вас достойным всяких почестей и милостей, в особенности со стороны короля, в чем порукою будет данное мною вам слово. Подробное же объяснение моих намерений услышите вы от г. Белльевра, моего посланника, и от упомянутого Варенна, к которому вы будете иметь полное доверие. Поручая им распространяться далее об этом предмете, я, однако, буду молить Бога, чтобы он помог вам, и т.д.

IV

(К странице 400)

ЛЮДОВИК XIV К ФЕРФАКСУ

4 февраля 1649 г.

Господин генерал Ферфакс! Мы всегда думали, что вы приняли командование английскими войсками с единственной целью упрочить спокойствие народов под справедливым и законным владычеством их короля, и не можем вообразить, чтобы его королевская особа, подпав под вашу власть, могла подвергнуться еще большему оскорблению, и что если у вас есть какие-нибудь основания, которые убедили вас пойти так далеко, то теперь вы можете понимать вещи лучше и, увидев, в чем его единственное достоинство, не потеряете случая увеличить ваше собственное счастье, восстановив его. Почему, если просьбы мои могут быть действительны и если в настоящем случае устроится какое-нибудь согласие, я не только буду вам благодарен, но хочу быть порукою в исполнении обещаний, которые даст вам упомянутый король, мой брат, дядя и кузен. И обдумывая то, что подробнее изложат вам гг. Белльевр и Варенн, я нахожу повод твердо надеяться на ваш великодушный характер, который озарится новым блеском славы, если обнаружится невинность короля, и не будучи в состоянии представить себе, чтобы кто-то захотел презреть мои настоятельные просьбы в таком справедливом и благоразумном деле, которое так близко моему сердцу по крови и братству, я убежден, что, выслушав то, что я поручил передать вам через моего посланника и поименованного Варенна, вы примете решения, соответствующие чести вашего звания и долгу подданного к своему королю и отечеству. Возлагая на вас надежды, я буду молить Бога, чтобы он помог вам, и т.д.

(Бриенские рукописи. - Императорская библиотека)

ДОН АЛОНЗО ДЕ КАРДЕНЬЯ К ИСПАНСКОМУ КОРОЛЮ (ФИЛИППУ IV)

Лондон, 15 января 1649 г.

Ваше величество,

В письме моем от 18 декабря я представил вашему величеству то, что сделали индепенденты до сих пор, со времени прибытия своего в Лондон; с той поры дела шли очень быстро и достигли того положения, в каком в эту минуту находится король (Карл I), которого из замка Горст перевезли в Уиндзор, отстоящий на двадцать миль отсюда; там содержат его под сильным и строгим надзором; никому не позволено разговаривать с ним; ему отказывают в предметах, необходимых для письма, и небольшому числу прислуги, которая ему оставлена, запрещено во время служения становиться на колени и соблюдать относительно его обычные церемонии и формы уважения, которые оказывали ему прежде; в объявлениях, напечатанных на этих днях, его называют просто Карлом Стюартом, без всяких титулов. Не говоря уже о наглости подобного обращения, тут заключается оскорбление его прав, потому что если его даже лишают короны Английского Королевства, у него все еще останутся короны шотландская и ирландская, которых парламент не может отнять у него...

... Королева великобританская писала парламенту и генералу Ферфаксу, и французский посланник получил письма, адресованные на имя парламента. Говорят, что он (парламент) не распечатал их, потому что адрес составлен был не по требуемой форме; письма эти, как рассказывают, заключались в просьбе дать пропуск для прощания с королем, прежде чем начнут судить его величество.

Уже несколько дней носится слух, что сюда приедет французский посланник ходатайствовать в пользу короля.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Но до сих пор не говорят, кто будет этим посланником, потому что у принца Конде, о котором говорили, много дела будет и там (во Франции). По последним дошедшим сюда известиям, в Париже были беспорядки, заставившие их христианские величества, в ночь накануне Богоявления, бежать из этой столицы. Также разнесся слух, распространенный, как мне кажется, друзьями короля, что ваше величество пришлете чрезвычайного посланника с такой же целью, и два дня назад, когда увидели, что дело короля принимает все худшее положение, некто, подсланный приверженцами королевской и пресвитерианской партии, приходил убеждать меня, что так как дело касается всех королей и так как сохранение монархии в лице этого короля (Карла I) очень важно, то побуждаемый интересами вашего величества и обязанностью заплатить за дружбу, которую ваше величество постоянно питали к королю Карлу, я должен испросить аудиенцию у обеих палат парламента и у военного совета, и, употребив все доброе усердие и поспешность, требуемую обстоятельствами, объявить, что обращение с королем сильно тронет ваше величество, и даже употребить угрозы. Он присовокупил, что такой поступок впоследствии оценен будет сыновьями короля, так как, вероятно, корона возвратится к одному из них. Выразив сожаление, что дела в таком бедственном положении, и сильно опираясь на впечатление, которое весть (о таком несчастье) произведет на ваше величество, я отвечал, что не сомневаюсь, чтобы ваше величество, в случае надобности, не назначили чрезвычайного посланника для представления здесь вашей особы или чтобы вы не изволили дать мне особенных приказаний на таковые действия, но что без этих приказаний я не осмелюсь взять на себя столь важного дела. Этот же господин сказал мне, что великобританская королева, как думают, будет письмом просить меня употребить с моей стороны, старания; но я сомневаюсь в этом, потому что она, вероятно, поймет, что так как извинения мои основываются на неимении инструкций, то я и ей буду отвечать то же са-

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

мое, в особенности потому, что она не может не знать, что какие бы усилия ни были употреблены, это не помешает парламенту и войску идти, относительно короля, тем же путем, какой они избрали. Индепенденты, из желания ли соединиться с английскими католиками и воспрепятствовать им оказать какую-нибудь демонстрацию в пользу короля, или потому, что такой образ действия согласен с духом этой секты, свободой совести, внушили католикам надежду на эту свободу, и последние сильно рассчитывают приобрести ее или, по крайней мере, получить позволение отправлять свое богослужение или видеть отмену уголовных законов, действующих против них. Вот все, что я могу сказать об этом вашему величеству. Да сохранит Бог и пр.

VI

(К странице 402)

ДОН АЛОНЗО ДЕ КАРДЕНЬЯ К КОРОЛЮ ИСПАНСКОМУ

Лондон, 18 февраля 1649 г.

Ваше величество,

В письме моем от 12 сего месяца я донес вашему величеству о печальном конце великобританского короля и отложил до настоящего времени изложение того, какой оборот принимают дела этой страны. Господствует всеобщее мнение, что монархическое правление уступит место правлению народному учреждением республики, проект которой, как уверяли меня, уже составлен и скоро будет обнародован. Говорят также, что настоящий парламент продолжится до конца будущего апреля, что тогда он разойдется, оставив комитет, составленный из двадцати пяти человек или более, облеченный верховной властью, до первого четверга июня - время, когда вступит в действие новое правительство, составленное из четырехсот предста-

вителей народа, избранных от графств и городов Англии, так как каждый избирательный округ будет обязан избрать известное число депутатов по форме, которую определит парламент прежде, нежели разоидется; депутаты эти будут, так сказать, поверенными от избравшего их графства или города, подобно тем, которые до сих пор составляли палату общин. Таким образом, парламента больше не будет, и предполагаемое учреждение тем отличается от парламентов, что оно будет постоянное; только члены его будут избираться на два года. Полагают, что такой проект составлен с целью исключить из правительства страны дворянство и всех титулованных особ, исключая того случая, если они будут избраны каким-либо графством или городом. Так как индепенденты и этим оставались недовольны, то палата общин, мнением 16 сего месяца, решила, что впредь уже не будет существовать верхняя палата, или палата баронов. Эту систему приняла она с целью изгладить из ума большинства неприятное впечатление, произведенное казнью короля, давая понять, что как скоро палата лордов устранена от всякого участия в правлении, дела страны нераздельно останутся в руках народа и что через это возрастут его сила и власть. Вследствие этих постановлений произойдут большие перемены в законах, которые до сих пор составлялись в духе монархического устройства страны, так что уже теперь занимаются их изменением и составлением положений, отменяющих старые законы. Надеются, что в число законов, которые определено отменить, войдут уголовные законы против католиков - обстоятельство, которое, если оно действительно имеет место, должно приписать особенному предопределению Бога, желающего показать неизменность своих определений, потому что такими таинственными и неожиданными путями подает он утешение этим бедным католикам, которые терпели столь ужасные гонения. Уже в настоящее время, благодаря индепендам, католики могут свободно жить в здешней столице и

во всей стране, нисколько не опасаясь обиды от кого бы то ни было, хотя, впрочем, тут можно видеть хитрость этих людей (индепендентов), именно, намерение привлечь к себе католиков, смягчив строгости, которым подвергались они со стороны пресвитериан.

Так как короля нет более в живых, а потомство его лишилось короны, то верительные грамоты всех посланников, кажется, потеряли свою силу, и всякому государю должно будет дать своему послу новую грамоту, чтобы уполномочить его не только перед настоящим парламентом, пока он будет существовать, но и перед правительством, введение которого предполагается. Этим верительным грамотам должно, кажется, предшествовать признание нового правительства как законной власти, и в письме к нему должно употребить приличные формулы и обращаться к нему, как к государю - титул, на который оно будет претендовать. Сознавая всю важность этого пункта, я долгом счел обратить на него внимание вашего величества с тем, чтобы вы изволили дать мне приказание, какое заблагорассудите. Эти-то предвиденные мною затруднения побудили меня представить вашему величеству, в донесении моем от 20 августа прошедшего года, переданном вам секретарем Иеронимом де ла Торре, что интересы вашего величества требовали бы иметь здесь не посланника, а просто агента, обязанного доносить о том, что происходит, до тех пор, пока дела не примут настоящего своего положения и когда можно будет видеть, к чему придет новое правительство. Теперь же, я думаю, что если бы ваше величество согласились с этим, была бы возможность избежать затруднений, которые непременно должны возникнуть в случае, если ваше величество не изволите ни признать правительство, которое предполагается учредить, ни возобновить мне верительные мои грамоты; если бы это правительство потребовало их у меня, а я не мог бы их представить ему, оно перестало бы смотреть на меня как на официальное лицо и посланника вашего величества.

VII

(К странице 420)

**ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ КОРОЛЮ ФИЛИППУ IV
ЛОРДОМ КОТТИНГТОНОМ И СЭРОМ
ЭДУАРДОМ ГАЙДОМ, ПОСЛАННИКАМИ КАРЛА II**

Май, 1650 г.

Ваше величество!

Мы убеждены, что ваше величество нисколько не сомневаетесь в нашей полной преданности вашей пользе и что с тех пор, как мы имеем честь быть принятыми при этом дворе, мы присоединили, как и подобает верным слугам вашего величества, к усердию для службы нашего государя-короля, почтение и уважение, должные вашему величеству, стараясь не предлагать ничего, что могло бы причинить затруднение вашему величеству или служить к пользе ваших врагов. Но мы питаем твердую надежду, что если Бог, по своему великому милосердию, преклонит сердца врагов вашего величества к справедливому миру и освободит ваше величество от войн, которые вы теперь должны поддерживать, то ваше величество непременно примете к сердцу столь законное дело великобританского короля и будете стремиться к этому с настойчивостью, которая будет соответствовать вашим благородным королевским и христианским склонностям, и, между прочим, ваше величество окажете королю, нашему государю, столько пособия, сколько позволят вам собственные дела ваши, и что вы ободрите его, чтобы он мог сохранить в себе доверчивость, с которой прибег к вашему величеству, решившись заключать только такие союзы, которые согласовались бы с его сочувствием к католической религии и к интересам вашего величества. Эта преданность пользам вашего величества, которая соединяется у нас с усердием и заботливостью о чести и интересах нашего короля,

обязывает нас доложить вашему величеству, что мы узнали о прибытии в Андалузию одного человека, состоящего агентом страшных и кровожадных английских мятежников, который едет к здешнему двору с письмами, адресованными к вашему величеству от этих разбойников. Мы извещены, что он имеет главным поручением подкупить англичан, которые по силе договоров, живут во владениях вашего величества, и заставить их выйти из послушания и верности, которые они должны иметь к своему королю, предложив им известные клятвы, образец которых везет он с собою, а также с помощью угроз и других средств. Весьма естественно думать, что вместе с другими инструкциями дано ему поручение стараться распространять между подданными вашего величества ту же отраву - это столь заразительное начало, излучающее презрение ко всякому правительству, ко всякой власти, преимущественно к власти монархической, и, кроме того, стараться привить им дух равенства и анархии. В самом деле, человек этот не имеет претензии на то, что он послан каким-нибудь похитителем власти, вооружившимся против своего законного короля. Он идет во имя этой гнусной черни, которая предала достоинство и святые обязанности королей презрению и народной тирании и которая омыла руки в крови своего короля, помазанного и коронованного, без всякой причины и предлога, а потому только, что он был король. Люди эти объявляют себя публично врагами всякого монархического правления, и в том статуте, или акте парламента, как они его называют, посредством которого они хотят уничтожить и разрушить монархическое правление Англии, они нападают и на все другие, преимущественно же с сильной злостью и наглостью на священную особу вашего величества; с крайней надменностью ухудшают они справедливый и благоразумный образ действия вашего величества в Неаполитанском Королевстве, стараясь таким образом подстрекнуть подданных вашего величества в этой стране. В случае, если ваше величество не-

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

достаточно извещены обо всем этом, мы вам представим, если прикажете, копии с акта, о котором мы говорим.

Мы очень хорошо знаем и совершенно убеждены в отвращении, которым исполнено сердце вашего величества против этих мятежников и цареубийц, и потому не можем опасаться, что ваше величество согласится сделать этому человек такой прием, из которого видно было бы какое-либо доверие к пославшим его; и мы не можем представить себе, чтобы ваше величество, будучи первым и единственным государем, которому король наш предложил не только вечную дружбу, но даже все то, что он имеет, и все то, на что может надеяться, стали первым и единственным государем, который своей благосклонностью окажет доверие и даст вес новому правлению и власти этих мятежников, столь гнусным образом умертвивших отца-короля. И вот поэтому-то мы почтительнейше представляем вашему величеству и доводим до сведения, как преданные слуги его, что до тех пор, пока этот человек останется во владениях вашего величества, необходимо будет наблюдать за его поведением, его происками и его разговорами, во избежание опасности, чтобы он сам не возымел пагубного влияния на мир и спокойствие вашего величества и ваших владений. Мы просим ваше величество, от имени нашего короля и во имя его чести, чтобы человек этот не пользовался при здешнем дворе никаким доступом и никакой милостью, которые привлекают к нему англичан, находящихся во владениях вашего величества, ибо с помощью этих милостей он может совратить англичан и отвлечь их от верности, которой они обязаны своему законному государю, что легко может случиться, если эти англичане найдут здесь покровительство через какое-нибудь другое посредничество, а не через короля, нашего государя.

Да сохранил Бог и споспешествует благоденствию вашего католического величества, чего желаем и мы и в чем имеет необходимость целый мир.

Коттингтон, Гайд

VIII

(К странице 420)

ПЕРВЫЕ РАССУЖДЕНИЯ ИСПАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА О ТРЕБОВАНИЯХ ПОСЛАННИКОВ КАРЛА II

Мадрид, 10 мая 1650 г.

Государственный совет, в котором принимали участие дон Франциско де Мело и маркиз Вальпарайзо, выражает свое мнение о содержании записки, представленной посланниками английского короля.

Ваше величество,

Согласно приказаниям вашего величества, от 21 минувшего апреля, рассматривали в совете, в котором принимали участие дон Франциско де Мело и маркиз Вальпарайзо, записку, представленную вашему величеству посланниками великобританского короля. Они выражают в ней твердую свою надежду, что ваше величество серьезно поддержите дело их государя, потом говорят, что движимые искренним рвением служить вашему величеству, они находятся вынужденными, узнав о прибытии министра, посланного к здешнему двору парламентом, уведомить ваше величество, что этому министру в инструкциях его поручено склонить англичан, находящихся в службе вашего величества, отказаться от повиновения их королю. Из этого они заключают, что он будет стараться распространять между подданными вашего величества ненависть и отвращение к монархическому правлению, против которого члены парламента провозгласили себя смертельными врагами. Они указывают также на то, что английский парламент сделал против вашего величества в том статуте, или акте, где он осуждает управление вашего величества в Неаполе, покушаясь таким образом взволновать подданных этой страны против вашего величества. Они объяв-

ТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

ут, что если ваше величество прикажете, они сообщат
ему величеству копию с этого акта и просят ваше ве-
щество приказать наблюдать, чтобы посланный парла-
ментом не мог своими интригами повредить интересам
его величества, равно как и о том, чтобы ему не было
слишком большого доступа и доверия при здешнем
дворе, что может повести к тому, что англичане, находя-
сь во владениях вашего величества, могут изменить в
верности своему королю.

Государственный совет полагает, что посланникам
вашему, если ваше величество прикажете, можно бы отве-
тить, что, как они сами очень хорошо знают, нельзя отка-
заться в выслушании даже великим преступникам; что,
кроме того, ваше величество благодарите их за сообщенные
вам сведения, которыми в свое время воспользуются; что
они могут сообщить все другие сведения, которые до них
доходят; что их просят сообщить копию с парламентского
акта, о котором они говорят, и все то, что имеет отноше-
ние к интересам вашего величества и преимущественно то,
что касается Неаполитанского Королевства. Ваше величе-
ство изволите приказать, что будет вам благоугодно.

(На поле написано рукой короля:
"Согласен с мнением совета".)

IX

(К странице 428)

ЗАПИСКА ОТНОСИТЕЛЬНО ТОРГОВЛИ С АНГЛИЕЙ (СОСТАВЛЕННАЯ КОЛЬБЕРТОМ)

1650 г.

Хотя изобилие, которым угодно было Богу одарить
большую часть провинций вашего королевства, дает, по-
существенному, возможность иметь средства для удовлетво-
рения собственных потребностей, однако Провидение поста-
вило Францию в такое положение, что ее собственное

плодородие было бы ей бесполезно и часто обременительно и неудобно без выгод торговли, которая переносит из одной провинции в другую и к иностранцам то, в чем те и другие могут нуждаться, дабы извлечь для себя из этого всю пользу.

Мы сами упустили из вида пользу и благо торговли, частью вследствие беспечности, с которой наши народы предаются этому честному занятию, частью также вследствие перерывов, которые производят у вас в этом занятии иностранцы.

Средство против первого зла, происходящего от нас самих, от прихотей и беспокойных наклонностей, противных законной торговле, найти труднее после потрясений, которые волновали Францию и которые лишили купцов свободы и уверенности в перевозке их товаров, а так как доверие, необходимое в торговле, не могло установиться среди смятения и насилия партий, из которых каждая хочет утаить свои имущества, то болезнь, явившаяся вследствие опасности, происходящей от неприязненных действий иностранцев, совершила наше разорение, отняв у купцов смелость посылать или требовать чего-либо у иностранцев, дабы не подвергнуть явной потере всего того, чем они могли бы рискнуть.

Когда мы имели дело только с Испанией, мы были обеспечены довольно счастливо, но с тех пор, как по стечению несчастий, англичане объявили нам войну, которая столько же трудна, сколько и непредвиденна, при настоящем положении, в котором мы очутились так внезапно, без морских сил, с которыми бы можно было противиться их могущественным силам, при унынии населений пограничных городов и при малых финансовых средствах короля, со времени прекращения торговли, при волнениях, препятствующих образовать капитал, достаточный для того, чтобы вооружить необходимый флот, трудно, чтобы торговля могла поправиться, пока этот беспорядок продолжится и пока будут страдать от мести англичан, осно-

ывающихся на различных призах, взятых французскими ко-
аблями, или проданных во французских портах.

Чтобы избежать последствий этого неудобства, которое
может вовлечь нас в трудную войну, есть, кажется, два
редства, которые сводятся наконец в одно, это - заключить
ними договор, или частный, с заинтересованными лицами,
ребующими, как говорят они, справедливости и возвраще-
ния вещей, взятых и конфискованных у них, что поведет к
родолжительному исследованию или спору, где нужно упот-
ебить много рассудительности и сделать сравнение с приза-
и, захваченными англичанами у наших купцов с большой
есправедливостью; или должно прибегнуть к общему трак-
ату с нынешним английским правительством, которое нис-
ровергнув древнюю форму государства, этим переворотом
бязывает нас обезопасить себя относительно их посредством
овых договоров или, по крайней мере, возобновить и под-
вердить старые трактаты между Францией и Англией, с
ем, однако же, различием, что, так как притязания англий-
ких королей (которые вовсе не были переданы их народу и
оторые республика не может наследовать), заставили наших
оролей стать менее точными в требовании различных усло-
ий относительно торговли со сказанными англичанами, ко-
орыми пользовались другие нации, и преимущественно ис-
анцы, то теперь мы можем извлекать различные выгоды из
той перемены для равенства торговли, в которой они посту-
али с нами очень несправедливо, во-первых, облагая по-
линами товары, которые наши купцы оттуда привозили и
уда отвозили, что они называют: *esdavache*, *cajche*, *survoyer*
soquet, и короли постоянно увеличивали эти пошлины да-
ованием особенных льгот и привилегий компаниям, исклю-
чительно для всех других, на вывоз разных товаров и правом
ыбора, которым пользовался поставщик английского короля,
ублично налагавший запрещение и назначавший низкую це-
у на остаток наших товаров, отмеченный его клеймом; а во-
горых, неравенством мер и весов, так сильно осуждаемым в
исании, отдавая товары, только взвесив их на особенных

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

весах, а принимая не иначе, как по публичным весам, которые весят гораздо более.

Чтобы поправить торговлю, для этого есть два необходимых условия: безопасность и свобода. Безопасность зависит от взаимного согласия препятствовать пиратам и набегам частных людей, которые, вместо того, чтобы заниматься мореплаванием с честной целью - производить торговлю, насильственно разрывают связь гражданского общества, посредством которой нации помогают друг другу в своих нуждах. Эта безопасность может водвориться только при помощи обоюдных запрещений в двух государствах брать призывы у купцов той и другой нации. А так как предлог торговли, которую наши союзники производят с нашими врагами, перевозя их товары на наших кораблях, подал повод французским кораблям атаковать английские, и как конфискации были основаны на этом же случае, истолкованием повеления Франциска I в 1543 году, по адмиралтейскому делу, пункт 43; то при всем этом, кажется, лучше согласиться, чтобы испанцы и другие наши враги извлекали эту выгоду посредством наших союзников, лишь бы только англичане обязались выпросить такую же привилегию для наших купцов, когда они повезут в виду испанской армии свои товары на английских кораблях, чтобы в виде нанесения испанцам убытка с малыми последствиями, не дать повода к продолжению разбоя на море, который разрушает торговлю; ибо известно, что военные корабли никогда не осматривают товаров, не оставив следов хищничества солдат, не умеющих благоразумно воздержаться, когда видят удобный случай легко взять добычу; неудобство, которое может быть при этом, состоит в том, что под видом наших союзников, подданные наших врагов приобретают некоторую выгоду, которая с каждым днем может заметно увеличиваться по причине легкости ее, чему споспешествовали бы собственные подданные короля, если бы только не могли им в этом препятствовать.

Взаимное объявление этих условий военным кораблям обеих наций воспретило бы останавливать, под каким бы

СТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

о ни было предлогом, купеческие корабли, воспретило бы также и вход в порты морским разбойникам и корсарам, для продажи их товаров, под опасением строгого наказания тем, кто будет покупать эти товары. Губернаторы торговых городов и портов, капитаны кораблей и морские офицеры обязаны будут следить за этим, потому что нет никакого сомнения, что с прекращением неприязненных действий, в самое короткое время торговля поправится, а следовательно, возрастет и народное довольство, и частное богатство, и значительно упрочатся права короля, вследствие получения иностранных товаров, которые вовсе не привозятся, и вследствие вывоза туземных произведений, которые никто не осмевается теперь доверять морю.

Что же касается до прошедшего и до призов, взятых у голландцев английских, то они двух видов и условий: или они были сделаны по поручениям английского короля, за которые мы не можем отвечать, равно как не можем воспрепятствовать, чтобы подданные короля, и даже начальники его кораблей, не приняли поручение другого государя, родственника короля, и которого королева, его мать, находится во Франции, где она пользуется таким уважением, что среди гражданской войны парламент парижский дал ей значительный пенсион; ибо постоянно видно, что многие французы и даже начальники королевских войск, следуют за маршалом Юренем и служат эрцгерцогу и врагам Франции. Но все, что мог сделать король со своим советом, это - запретить всем портам принимать призы, сделанные кораблями английского короля и во имя его, которые не имеют портов столь удобных, как во Франции, чтобы укрывать их призы; между тем, как сказанный парламент и республика обладают всеми английскими портами, которые служат им убежищем. Или призы были сделаны кораблями короля по его поручению и под знаменем Франции. В этом случае окажется, что английские корабли были под неприятельским флагом или что они не хотели уступить и повиноваться морским законам, а, напротив, стреляли по французским кораблям. Если же най-

дуются какие-нибудь злоупотребления, совершенные капитанами королевских кораблей, то можно требовать правосудия, в котором никогда не откажут, вместо того, чтобы мстить бедным купцам, которые вовсе не участвовали в сказанных призах, несправедливость чего очевидна.

И так как потери, понесенные нашими купцами, которые, может быть, и не жаловались бы, если бы были пойманы таким же образом, как англичане, превосходят или, по меньшей мере, равняются потерям англичан, то должно прийти к соглашению, что каждый будет хранить то, что он взял, принимая в соображение невозможность возврата, которого англичане даже не потребовали бы после открытой войны, как это принято было во всех трактатах, заключенных с их нацией. Нам было бы невыгодно оставаться их друзьями и союзниками, если бы они поступили с нами так грубо и с такими обременительными условиями, после того, как мы столь свято наблюдали строгий и точный нейтралитет во время гражданских войн, когда английский король даже несколько раз жаловался, что Франция открыто держит сторону парламента.

Касательно свободы торговли желательно достигнуть двух вещей: первая из них - облегчение налогов и тех именно, которые англичане собирают с французских купцов и которым даже испанцы не подчинены в силу их трактатов. Мы имеем право требовать по крайней мере одинаковых условий, ибо торговля Франции была всегда полезнее для Англии, и вход наших купцов никогда не был так опасен, как вход купцов южного народа, скупого и честолюбивого. Другая же, которая касается единственно провинций Гиены, Рошели и Нанта, состоит в том, чтобы они позволили французские вина ввозить в Англию, допустив ввоз этот под их флагами, согласно трактатам, заключенным с их королями касательно торговли, точно так, как мы постоянно выпускаем их флаги через голландцев, которые привозят им также наши вина, перелитые в другие бочки. Выгода королевских аренд очевидна в этом взаимном позволении, ибо таможни не

ТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

ут существовать, если все товары не получают и не вы-
ят с одинаковой свободой.

Пункт, к которому англичане стремятся всего более и за
орый готовы они согласиться на всякие уступки и скло-
ься на все, чего только у них требуют, есть признание их
публики, в чем испанцы упредили нас и вследствие этого
учили в помощь часть английского флота для атаки пор-
альского, идущего из Бразилии. Надобно опасаться более
ной связи от переговоров испанского посланника в Анг-
. Форму же этого признания должны изложить наши
юда министры, до какой степени оно должно простираться
в чем Франция будет иметь оправдание перед Богом и
цами, если она вынуждена к этому признанию республи-
для предупреждения лиг и злых намерений испанцев, ко-
ые употребляют всевозможные несправедливости и реша-
я на всякие низости, какие только можно выдумать, с
нственной целью вредить нам. Дело это, хотя и щекотли-
может быть ведено так, что эта гордая нация будет
влетворена им без вреда английскому королю или без по-
рения худого примера унижения королевского достоинства
ле того, что Франция сделала в пользу голландцев, кото-
не довольствовались, подобно англичанам, одной вежли-
гью и показали, наконец, что верность германская, или
ше батавийская, была не прочнее английской.

Х

(К странице 429)

ОБ АНГЛИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

(записка, представленная королеве Анне
Австрийской и ее совету кардиналом Мазарини)

Январь 1651 г.

По предложенному вопросу прежде всего нельзя не
етить, что если действовать по законам чести и спра-
ливости, то отнюдь не следует признавать Английской

Республики, ибо король не может сделать ничего более предосудительного для своей репутации, как это признание: им он не только пренебрегает интересами законного короля, своего близкого родственника, соседа и союзника, но еще наносит ему публичное оскорбление. Потом его величество не может сделать ничего более несправедливого, как признать законность власти узурпаторов, омочивших руки в крови своего государя, и нагло присвоивших себе право осудить его на смерть - поступок возмутительной дерзости, могущей служить опасным примером для всех монархий и внушающий ужас и отвращение всем честным людям. Английский король будет жаловаться на такое признание и, без сомнения, выскажет нам свое неудовольствие в таких выражениях, которые произведут затруднения. Государственные соображения побуждают, напротив, скорее дать помощь королю, его сыну, в Шотландии и Ирландии, ибо нужно сильно опасаться, чтобы по усмирении волнений в этих двух королевствах, Английская Республика не возгордилась чересчур своими успехами и, видя власть свою утвержденной внутри, не пустилась во внешние предприятия и не употребила огромных сил своих более против Франции, чем против какого-либо другого государства, по причине постоянной и естественной вражды и ненависти, существующей между двумя народами, увеличенной еще в последнее время стычками, происшедшими между ними на море.

Но как законы чести и справедливости никогда не должны заставлять делать то, что противно правилам благоразумия, то следует принять в соображение, что какие бы мы ни сделали теперь демонстрации в пользу английского короля, они отнюдь не восстановят его престола, что дальнейший отказ признать республику, на деле пользующуюся уже верховной властью, нисколько не послужит к усилению или утверждению прав короля; что все, что мы могли бы сделать теперь для него, послужило бы единственно к лишению нас возможности помочь ему в другое, благоприятнейшее время более деятельным образом; что настоящее положение дел

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

во Франции не позволяет дать ему никакой помощи; что англичане, владея морем, не пропустят даже к нему наших вспомогательных войск, и что все участие, какое мы приняли бы в их войне, и все неудовольствие, какое мы снова выразили бы англичанам, только доставили бы им новые выгоды; что Франция, ведя теперь большую внешнюю войну и волнуемая внутри различными партиями, может подвергнуться крайней опасности, если англичане соединятся с одной из этих партий и привлекут на свою сторону религиозных отступников нашей страны, чего нужно сильно опасаться впоследствии. Более же всего нужно иметь в виду то, что если крайность нынешних обстоятельств и заставит что-нибудь сделать в пользу Английской Республики, то ничто не мешает впоследствии воспользоваться благоприятными обстоятельствами и предпринять что-нибудь решительное тогда, когда мы будем находиться в лучшем положении и будем иметь более вероятности успеха; сверх того, нужно еще опасаться, чтобы испанцы, вступив в тесный союз с англичанами, - о чем они теперь сильно хлопочут - не помешали им помириться с нами, и не побудили их, если не начать с нами открытую войну, то по крайней мере дать им сильную помощь против нас. Таким образом не остается никакого сомнения, что следует ныне же войти в переговоры с Английской Республикой и признать за ней титул, который она желает.

Есть, однако же, одно крайне необходимое условие, без которого нет никакой пользы обязываться признать Английскую Республику, а именно: непременно нужно заранее удостовериться, что из этого признания мы извлечем такую пользу, которая уравновешивала бы собою стыд, нанесенный нашей репутации; ибо если только мы будем иметь полную уверенность в выгодах, какие извлечем отсюда, то я не считаю нужным много останавливаться на каких-нибудь формальностях; но было вдвойне предосудительно сделать низость, если после нее англичане

останутся в прежней холодности и равнодушии к нам и если наша предупредительность возбудит в них только большую гордость и требовательность на счет условий трактата, который мы должны будем с ними заключить для примирения наших взаимных ссор и неудовольствий.

Самый почетный путь вступить с ними в переговоры состоял бы в том, чтобы они прислали сюда посла, который был бы принят здесь со всем уважением, как следует министру свободной республики. Точно так поступил португальский король после своей прокламации, отправив послов ко всем государям, не зависевшим от Испании, чтобы известить их о восстановлении своей верховной власти и вступить во все ее права через прием, сделанный его послам иностранными государями.

Если англичане действительно расположены примириться с нами, то они охотно согласятся на этот поступок и не встретят затруднения возобновить с нами сношения, которые прерваны после происшедших в Англии перемен; сношения эти должны быть для них особенно выгодны и желательны в том отношении, что пример французского короля, занимающего первое место между всеми европейскими государями, послужит правилом для всех прочих; и англичане, по здравому смыслу, не могут отказать нам в том, в чем они не отказали Испании, где их посланник был убит. Можно также и то выставить на вид, что, начав свое приветствие к нам такими словами, которых они не должны были бы употреблять, они дали нам повод к жалобам, который, однако же, мы готовы забыть для блага обеих наций.

Всего же больше следует опасаться и избегать всеми силами, чтобы англичане, которые, видимо, более клонятся на сторону Испании, нежели Франции, не вздумали вступить с нами в дружеские сношения единственно для того, чтобы это послужило шпорами, долженствующими подстрекнуть испанцев и заставить их скорее признать их республику и соединиться с ними.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

В предупреждение этого нужно от них потребовать, если только это возможно, чтобы они не начинали никаких переговоров с испанцами прежде, чем наши переговоры с ними будут окончены или прерваны, или прежде, чем сделать торжественное признание. Так твердо обозначить и определить условия примирения, чтобы нельзя было опасаться нарушения его тотчас после признания республики.

Одним словом, так как англичане, по всей вероятности, не захотят купить нашего признания условиями еще сомнительного договора, то и мы, со своей стороны, должны уклоняться от такого признания до тех пор, пока вполне не уверимся, что вслед за ним немедленно последует примирение между обоими народами, ибо иначе мы только подвергнемся публичному стыду, не извлеки из него никакой пользы.

XI

(К странице 450)

ДОН АЛОНЗО ДЕ КАРДЕНЬЯ К КОРОЛЮ ФИЛИППУ IV

Лондон, 23 января 1652 г.

Ваше величество.

После Уорчестерской битвы дела приняли здесь такое положение, что не видно никакого движения, которое клонилось бы к миру и общественному спокойствию, тем более, что правительственные лица стараются улучшить состояние республики, а между тем, так напыщенны гордостью, что не показывают вида, что их озабочивает стечение посланников и иностранных министров, которые, говорят, приезжают для переговоров со всех сторон, дабы признать республику и приобрести ее дружбу. Так, три чрезвычайных голландских посланника прибыли сюда 29

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

минувшего декабря, сильно сожалел, что не сделали того тогда, когда республика эта послала в Голландию торжественное посольство, чтобы вступить с ней в союз. Тотчас по их прибытии они употребили очень усердные старания для получения аудиенции парламента, которая и была им назначена 29 числа упомянутого месяца, и по этому случаю г. Кац, занимающий первое место между тремя посланниками и руководствующий переговорами, которые они намереваются открыть, произнес речь на латинском языке, оставив с нее письменную копию, с которой копию же я прилагаю при сем вашему величеству. Я также послал один экземпляр ее во Фландрию, к эрцгерцогу, и в Гаагу, к советнику Бруну, сообщая тому и другому о недобром расположении, которое эти люди начинают обнаруживать в отношении Испании, как это можно усмотреть из разных пунктов, содержащихся в документе. Это не ново для меня, ибо я наблюдал за недоброжелательством одного из них, по фамилии Схапа, когда он, более двух лет назад, прибыл в Лондон в качестве комиссара, посланного своей провинцией Голландией, чтобы сделать предложения, которые он и в самом деле сделал английскому правительству. Приняв в соображение, сколько невыгод для дел вашего величества принесло бы соединение интересов этих двух республик, я начал, прежде прибытия этих посланников, придумывать средство пристать вашему величеству к их соглашению, если бы не нашлось возможности воспрепятствовать ему, и стал заботиться о том, чтобы не было заключено никакого условия или договора, который бы клонился к вреду вашего величества. Поэтому-то, переговорив об этом предмете с нашими друзьями в парламенте, через единственного посредника, который остался у меня для поддержания сношений с ними, я решился сделать предложение о каком-нибудь трактате. Я сознавал, впрочем, что это не легко сделать: злоба, которую продолжают здесь питать за безнаказанность убийц резидента, была тому препятствием, а

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

в последние дни эта злоба была возбуждена пресвитерианами, приверженцами голландцев. Второе препятствие встретилось в принятом парламентом решении вовсе не посылать посланника в Испанию и не заключать никакого трактата им с одним министром вашего величества прежде получения удовлетворения, на которое англичане изъявляют свое право. К этому нужно прибавить мое желание довести членов парламента до того, чтобы они первые сделали какие-нибудь предложения, но я никак не мог достигнуть этого, несмотря на то, что испытывал различные скрытые пути и что сам открылся в том одному лицу, принадлежащему к здешнему правительству, когда еще не было запрета членам этого правительства принимать визиты иностранных министров и посещать их. Даже после этого запрещения я пытался устроить дело через посредство одной доверенной особы. Один из членов правительства, узнав, что я колебался сделать парламенту союзные предложения из боязни, что они не удадутся вследствие вопроса об убийцах резидента Ашама, сказал своему доверенному, что если я уже имел такое намерение, то, по его мнению, в настоящее время самый удобный к тому случай, так как парламент положительно считает себя недостаточно удовлетворенным голландцами, французами и португальцами, и что он думает, что мы первые должны заговорить о союзе с Английской Республикой против Франции и Португалии, с которыми ваше величество в открытой войне, точно так же, как это было бы делом парламента, если бы речь шла о заключении им союза с вашим величеством против Шотландии или Исландии, или для возвращения под свою власть каких-либо других провинций. Мне невозможно было привести их ни к чему другому. Видя пользу для вашего величества от какого бы то ни было трактата с этими господами и находя удобный случай сделать это в отсутствие Генри Вена, человека с большим влиянием и очень враждебного Испании, который отправился в качестве комис-

сара в Шотландию, я решился попросить аудиенции у государственного совета до прибытия посланников из Голландии, чтобы этим требованием аудиенции не дать им повода подозревать, что я намерен препятствовать их переговорам. Государственный совет в продолжение трех или четырех дней медлил назначить мне аудиенцию по той причине, что в Лондоне не было церемониймейстера, который отправился для приготовления в Гравезенде и Гриниче помещений голландским посланникам, так как уже получено было известие, что они ожидают только попутного ветра, чтобы сесть на корабли. 26 декабря мне назначили аудиенцию на 29 того же месяца. Голландцы имели аудиенцию в этот же день утром в парламенте, а я в пять часов вечера в государственном совете. Мне казалось приличным начать с дела об убийцах Ашама, и я заговорил о льготных правах, предоставленных церкви с такой энергией, с какой не говорил еще никогда. Так как мне следовало сказать им что-нибудь о положении этого дела, хотя я и не имел на то никакого разрешения, то я старался поддержать их надежду, что они получат удовлетворение; притом говорил о необходимости скрепить дружбу между двумя государствами более тесными узами и заключил мою аудиенцию просьбой об оказании правосудия испанцам, владельцам серебра, находившегося на корабле "Santa-Clara". Президент государственного совета ответил мне в кратких словах, что совет примет в соображение то, что я говорил словесно и что оставил на бумаге, и передаст мне свой ответ на другой день. Потом я узнал, что после моего выхода четыре бумаги, которые я оставил, были прочитаны и назначен был день для их рассмотрения. В назначенный день они были вновь перечитаны, и хотя бумага под № 1 им понравилась (то была бумага, где трактовалось о деле обвиненных в убийстве резидента), однако президент и четверо или пятеро других членов, которые говорили после него, с жаром настаивали на том мнении, чтобы объявить мне, что положительный

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

ответ по моим представлениям будет дан не прежде, как по получении удовлетворения; но другие члены были противного мнения и говорили, что моя нота содержит только производство по этому делу в Испании, что она подает надежды к наказанию виновных и что она выражает сочувствие вашего величества и желание дать удовлетворение, что ведет уже к началу удовлетворения. Вследствие этого рассуждения, решили донести парламенту о содержании особенного уполномочия себе от парламента для заключения со мной трактата, и об этом представили рапорт. Парламент, согласно рапорту совета, возвратил ему те ноты, в которых трактовалось об охранительных грамотах и о корабле "Санта Клара", предлагая ему по этому предмету принять решение. Что же касается бумаги, в которой излагалось дело об убийцах Ашама, то она была передана в комитет парламента с предписанием отвечать с настойчивостью о необходимости наказать тех убийц. Третья бумага, та, которая касалась заключения трактата с республикой, долго обсуждалась. Пресвитериане старались убедить других, что не следует начинать со мной дело ни о каком союзе, прежде чем получится удовлетворение по делу об убийцах, но индипенденты взяли верх, и потому решено было продолжать со мной переговоры. Тогда один пресвитерианин, не находя уже других средств вредить, сказал, что хорошо было бы, если бы совет, прежде чем отвечать мне, потребовал, чтобы я предъявил полномочия вашего величества для переговоров с республикой. Когда принято было решение в этом смысле, приехал ко мне 19 числа сего месяца церемониймейстер и передал мне копию с предписания парламента, равно как и копию с предписания, полученного им от государственного совета, в котором поручалось ему передать мне первую. Я ответил, что ваше величество пришлете мне ответ, когда будете видеть эти две бумаги. Друзья наши здесь никак не думали, чтобы я находился без полномочий вашего величества, и настаивали на том, чтобы я предъявил их. Я

уверил их, что не имею полномочий, но что они будут присланы мне в самом скором времени; тогда они старались убедить парламент удовольствоваться официальным характером и властью, которые были мне даны верительными грамотами, и начать переговоры в силу этих грамот. Я счел необходимым отдать отчет вашему величеству обо всем этом, даже прежде чем получу от них ответ, на тот конец, что если это будет сообразно с видами вашего величества, то было бы выслано мне общее полномочие, которое позволяло бы вести переговоры с парламентом республики и заключить их, или чтобы уполномочие это было вручено тому человеку, который заместит меня здесь, если это случится. Инструкции должны быть изложены очень подробно, чтобы знать, чего должно требовать. Я буду поддерживать переговоры до получения приказаний вашего величества и ответа на эту депешу. Прошу ваше величество приказать отправить ко мне возможно поспешнее и разными путями подробные инструкции о том, на каких основаниях я должен вести переговоры, в случае если зайдет об этом речь, что очень вероятно.

Полагаю также необходимым довести до сведения вашего величества о дошедшем до меня слухе, именно, что пресвитериане и другие члены парламента, которые нам не благоприятствуют, говорят в своих частных беседах, что теперь не существует никакого мирного трактата между Испанией и Англией, потому что нет никакого обязательства сохранять как еще действующий трактат, заключенный с королем Карлом I; что, следовательно, не значило бы нарушить его, если бы Английская Республика приняла такое решение, какое ей заблагорассудится и какое более сообразно с ее видами. Это стоит зрелого обсуждения, и я буду смотреть как на великое зло, если убийцы резидента не будут наконец наказаны, и если правительство этой страны будет медлить отправлением посланников к вашему величеству. Тогда прежний мирный трактат будет очень ненадежен, ибо он не был формально возобновлен между вашим величеством и республикой.

ХII

(К странице 451)

**Инструкция г-ну де Бордо, королевскому советнику в
государственном совете короля, рекетмейстеру его двора,
интенданту юстиции, полиции и финансов провинции
Пикардии, данная при отправлении его в Англию**

2 декабря 1652 г.

Хотя г. де Бордо так сведущ в положении дел и так хорошо знает все, что его величество ждет от его службы, что было бы почти бесполезно писать ему особый мемуар о том, что он должен делать, несмотря на то, для большей твердости в его образе действий, его величество признает нужным дать ему следующие наставления.

Г. де Бордо хорошо знает, что англичане не только выдали арматорские грамоты против подданных его величества, но что они были даже столь дерзки, что велели атаковать королевские корабли и, как явные враги, употребили свои силы для того, чтобы доставить испанцам разные выгоды, каких те никогда не смели бы ожидать без их помощи.

Небезызвестно ему также, что его величество несколько раз посылал в Англию г-на Жантильё с тем, чтобы признать в ней новый образ правления, но с приказанием не делать этого прежде, чем члены парламента дадут формальное обещание остановить исполнение арматорских грамот, и потом назначить комиссаров, которые с такими же комиссарами со стороны его величества, исследовали бы убытки, понесенные подданными обеих держав, с целью отыскать средство вознаградить их за эти убытки. Но члены парламента, считая предосудительным купить уступками признание своего нового правления, как республики уже совершенно основанной и имеющей полную и законную власть в Англии, дали понять г-ну Жантильё, что ему следует выехать из их государства.

Все это было сделано прежде, чем корабли нового правительства Англии атаковали суда его величества и прежде чем парламент объявил, что арматорские грамоты не должны быть приняты за формальный разрыв между союзниками, доказывая это смыслом трактатов, которые позволяют выдачу подобных грамот, но с тем ограничением и неперенным условием, что они могут быть выпущены только тогда, когда обиженная сторона не получит законным порядком удовлетворения: такой поступок мог бы быть извинен, если бы республика довольствовалась простым дозволением лицам, потерпевшим убытки, брать и захватывать имущества и суда той нации, на которую они жалуются, но нигде не слышано и противно всем правам народов, без объявления войны какому-либо государю, атаковывать его корабли.

Несмотря на то, его величество уверен, что справедливость, благоразумие и должное к нему уважение не совсем еще покинули тех, которые в настоящее время представляют в Англии правительственную власть, надеясь даже, что сделанное им признание их республики удовлетворит их и что они, не допуская овладеть собой страстями, послушаются здравого рассудка и исполнят справедливые его требования, его величество решился послать к ним кого-либо от себя для переговоров.

Как только г. де Бордо прибудет в Лондон, он тотчас уведомит об этом церемониймейстера, и заявив ему, что он не есть посол, даст, однако же, понять, что он имеет письма к парламенту республики, и попросит его сказать об этом председателю сего собрания и доставить ему аудиенцию. Когда он будет к ней допущен, то изложит перед членами парламента выгоды для них от доброго согласия между обеими нациями и скажет, что намерение его величества есть хранить это согласие всецело и искренне, с такой же точностью и заботливостью, как было между ним и королями английскими. Напомнив затем, что трактаты должны быть тем же между народами, чем и

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

между королями, и выказав как можно ярче честь, сделанную им его величеством через настоящее посольство, он даст им понять истинную причину своей поездки, подкрепляя свои требования всякого рода доводами, какие он только может почерпнуть из своего ума и опытности, и добиваясь сколько возможно возвращения кораблей его величества, пушек и такелажа, и также военных и съестных припасов, находившихся на тех кораблях.

Всякий, кто смотрит прямо на вещи и кто считает членов парламента не способными действовать против правил чести и совести, нисколько не усомнится, чтобы г. де Бордо не получил от их справедливости и благоразумия того, что он потребует.

Но отчасти по заносчивости, которую они оказали в различных случаях, отчасти вообще и потому, что люди, не владеющие своими страстями, часто увлекаются ими до такой степени, что на все смотрят их глазами, можно опасаться, что г. де Бордо получит отказ и что ему будут отвечать в таких выражениях, от которых новое государство должно бы воздерживаться в сношениях с министром великого короля.

В подобном случае его величество желает, чтобы г. де Бордо дал им заметить в своих ответах, что Франция хорошо знает, что она может требовать от вновь родившейся республики, но он будет избегать всякого выражения, могущего произвести разрыв или оскорбить членов парламента для того, чтобы не дать им предлога объявить себя врагами французской короны; ибо его величеству кажется лучше на время допустить их разъезжать по морям и заниматься пиратским промыслом, чем дать им повод упрекать в чем-либо других, и что, наконец, самое худшее, что они могут предпринять, это если они соединятся с испанцами и возьмут мятежников под свое покровительство.

Если же, к счастью для своего государства, члены парламента, под влиянием лучших внушений, чем можно надеяться, согласятся возвратить вышесказанные корабли

и экипаж, тогда г. де Бордо на той же или другой аудиенции - это будет зависеть от его благоразумия - предложит им назначить депутатов для обсуждения того, что нужно сделать для частных лиц, заинтересованных в деле о захватах с той и другой стороны, и объявить им, что его величество готов на это со своей стороны; затем, чтобы без всякой проволочки и без всяких затруднений они тотчас избрали и наименовали депутатов.

Но он не сделает ни одного намека об этом, если члены парламента будут по-прежнему упорствовать и не соглашаться на немедленное и полное возвращение королевских кораблей из опасения, чтобы они не распубликовали, что приезд его не имеет иной цели, кроме той, чтобы уладить частные претензии; ибо это должно служить к выгоде его величества, что он послал к ним требовать свое, и признание их нового правления, которое он сделает, отнюдь не должно быть приписано трусости или иным каким-либо низким побуждениям, подобно тому, как это приписано было многим другим государям, старавшимся предупредить желание англичан, и недавно еще испанскому королю, сделавшему то же в надежде на их помощь в войне, которую он ведет теперь к разорению всего христианства и которую он давно бы мог кончить, если бы был к тому расположен настолько, насколько стараются уверить лица, ему служащие.

И когда г. де Бордо не успеет ничего добиться от них, то он возвратится в свое отечество, не ожидая дальнейших приказаний, если, впрочем, он не рассудит еще, что стараясь усювестить и пристыдить их в жестокости и несправедливости и искусно действуя с некоторыми, имеющими между ними наиболее значения, он может окончить счастливо свое поручение.

Если же, напротив, они послушаются благоразумных советов и согласятся избрать комиссаров, чтобы уладить морские дела, прибавить или убавить в предыдущих трактатах все, что нужно для пользы торговли, для спокойст-

вия и выгод ведущих ее народов, в таком случае г. де Бордо тотчас донесет об этом его величеству и будет ожидать от него приказаний, инструкций и уполномочий, необходимых для окончания столь важного дела.

ХIII

(К странице 451)

ЛЮДОВИК XIV АНГЛИЙСКОМУ ПАРЛАМЕНТУ

2 декабря 1632 г.

Возлюбленные и великие друзья! Посылаем к вам г. де Бордо, одного из советников нашего государственного совета, рекетмейстера нашего двора и президента нашего великого совета, назначенного от нас послом в Савойю, чтобы известить вас о нашем к вам добром расположении и о нашем желании продолжать с вашей республикой дружеские сношения, какие были соблюдаемы всегда между обоими народами. Мы поручили ему объявить вам, что так как с нашей стороны не было сделано ничего, что могло бы разубедить вас в нашей дружбе или что было бы оскорбительно для вашего государства, то мы были весьма удивлены, услышав о нападении ваших судов на наши. Ибо, хотя вы и выдали некоторым вашим купцам арматорские грамоты, но нигде не слыхано, чтобы можно было направлять их против кораблей какого-либо государя. Выдача подобных грамот частным лицам вещь вовсе не необыкновенная и не непредвиденная трактатами; напротив, они не только не запрещены, но даже именно дозволены, но только в случае, когда последует формальный отказ в законном удовлетворении; в таком отказе вы нас не можете упрекнуть, и кто узнает все наши старания разведать как о потерях наших подданных, так и о захватах, сделанных ими у ваших, с целью доставить им взаимное удовлетворение, тот, без сомнения, рассудит и признает, что наше намерение всегда было соблюдать тракта-

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

ты, заключенные между двумя нациями для безопасности и удобства их торговли, и сделать ее цветущей для общей выгоды обоих государств. Сказанный г. де Бордо, согласно данному ему от нас поручению, объяснит вам подробно наше намерение жить с вами в тесном союзе. В надежде, что вы дадите полную веру всему, что он вам скажет от нас, о чем мы покорно вас просим, молим Бога, да сохранит вас, возлюбленные и великие друзья, в своей святой и всеисильной милости.

Писано в Париже, во второй день января 1652 г.

Ваш добрый друг и союзник

Людовик